

Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008)

А.А. Кострюков

Учебное пособие представляет собой курс лекций по истории Русской Православной Церкви с 1917 по 2008 г. и предназначено для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, а также рассчитано на самую широкую читательскую аудиторию.

История Русской Церкви в XX в. делится на периоды по разным принципам. В данном издании за основу были приняты в первую очередь этапы церковно государственных отношений. Эти этапы, отмеченные антицерковными репрессиями, их приостановкой или прекращением, влияли на церковную жизнь и политику намного в большей степени, чем смена Предстоятелей Церкви. Те трагические годы стали временем решения вопросов, ответы на которые православный христианин должен был дать перед лицом невиданных в истории гонений.

Глава 1. Церковь при Временном правительстве

2 марта 1917 г.¹ стало началом новой эпохи в жизни России.

В этот день император Николай II отрекся от престола в пользу своего младшего брата великого князя Михаила Александровича. Это тяжелое для царя решение не упраздняло монархию, сам император считал, что его поступок поможет преодолеть политический кризис и принесет России благо.

На следующий день, 3 марта, отрекся от престола и великий князь Михаил Александрович. Однако его отказ от царского служения был условным – великий князь заявил, что готов принять на себя управление страной, если народ выберет монархическую форму правления.

До созыва Учредительного собрания власть в стране принадлежала Временному правительству, которое возглавил Е.Львов. Помимо Временного правительства явочным порядком был образован еще один орган, претендовавший на власть в стране. Это был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, издававший свои распоряжения, часто противоречившие распоряжениям Временного правительства. Так, большой удар по обороноспособности страны нанес указ Петроградского Совета № 1 по Петроградскому гарнизону, который передал власть в армии выборным комитетам.

Возможность восстановления монархии еще была – всё теперь зависело от народного волеизъявления, и если бы на выборах в Учредительное собрание монархисты получили большинство голосов, то возвращение на престол царя было вполне возможным. Дальнейшие события показали, что монархическая идея большинству населения России чужда. Состоявшиеся в ноябре 1917 г. выборы подтвердили, что популизм социалистических партий для основной части населения был заманчивее. Правые партии получили незначительное число голосов, в то время как большинство мест (более 40 %) получили эсеры и около четверти голосов – коммунисты -большевики.

Весной и летом 1917 г. по стране прокатилась волна грабежей и убийств, беспокойно было и на окраинах. Катастрофическая ситуация сложилась на фронте – приказы офицеров не выполнялись, а дезертирство стало массовым. В условиях, когда большинство населения страны не хотело возвращения монархии, а страна находилась в затяжном политическом кризисе, Православная Российская Церковь постаралась не

усиливать внутреннюю напряженность. 9 марта Святейший Синод обратился к народу с воззванием, где признавал волю Божию свершившейся и благословлял отечество на новый путь.

И все же потрясений Церковь не избежала. В марте 1917 г. начались первые увольнения архиереев. Сразу после переворота был арестован митрополит Петроградский Питирим (Окнов), в свое время близкий к Г.Е.Распутину и теперь пострадавший за эту близость. Еще один уволенный в начале марта приверженец царского фаворита – архиепископ Тобольский Варнава (Накропин). В связях с Распутиным был обвинен и московский митрополит – святитель Макарий (Невский). Однако в отношении этого иерарха обвинения были несправедливы – сам архипастырь в том же 1917 г. заявил, что с Распутиным до назначения в Москву он знаком не был и виделся с ним всего один раз, когда тот посетил его для поздравления. Оправдания не помогли – митрополит был лишен кафедры.

В составе Святейшего Синода остались: митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), архиепископ Литовский Тихон (Беллавин), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий), архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), протопресвитер Александр Дернов, протопресвитер Георгий Шавельский.

4 марта 1917 г. приступил к своим обязанностям и новый обер-прокурор – В.Н.Львов – однофамилец главы Временного правительства. Войдя в зал заседаний, обер-прокурор сразу же потребовал убрать из него царское кресло. Поскольку сами императоры на заседаниях Синода никогда не присутствовали, кресло играло роль своеобразного символа подчиненности Церкви царской власти.

Однако желанной независимости от государства Церковь так и не получила. Хотя В.Н. Львов и заявил о предоставлении ей полной свободы, он указал и на право светских властей останавливать синодальные решения по своему усмотрению. При всей своей демократичности Временное правительство смотрело на Церковь так же, как прежде смотрела царская власть, – как на часть государственного механизма. Православие оказывалось в более тяжелом положении, чем другие религиозные течения – в соответствии с законом от 20 марта отменялись все ограничения в правах, связанные с национальной и религиозной принадлежностью. Но если иноверные и инославные действительно получили свободу, то для Церкви всё осталось на уровне ни к чему не

обязывающих деклараций. Синодальная система, построенная царем Петром I как часть абсолютистского государства, должна была остаться и впредь. В делопроизводстве Российская Церковь по-прежнему именовалась «духовным ведомством» и «ведомством православного исповедания».

Свою главную задачу Синод в тот момент видел в недопущении конфликтов на политической почве. Было ясно, что выступления в защиту монархии могли лишь ухудшить положение православных христиан. Ярким тому примером стал случай с военным священником Николаем Вешкельским. Находясь в действующей армии, он старался не вести разговоры на политические темы, однако ареста не избежал. Поводом стали листки с молитвой пророку Илии, которые священник раздавал после службы в день его памяти. Через несколько часов о. Николай был арестован за монархическую пропаганду. Таковую усмотрели в том, что в молитве были слова: «И укрепи благоверного Государя Николая Александровича и даждь Ему мирное царство». Объяснения, что листки куплены давно, ни к чему не привели. Пастыря судили и, хотя он избежал заключения, все же был вынужден оставить место своего служения.

В течение восьми месяцев деятельности Временного правительства Церковь старалась налаживать отношения с ним, что

было непросто. Совершенно бестактно вел себя по отношению к иерархам и новый обер-прокурор. Современники вспоминали о Львове как о грубом, деспотичном человеке, позволявшем себе кричать даже на старца – митрополита Макария (Невского).

Продолжалось и увольнение архиереев. Своих кафедр лишились архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), епископ Орловский Макарий (Гневушев). Для некоторых архипастырей смена власти была более трагичной. Так, 8 июня 1917 г. подвергся аресту архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров) (память 9 января). Святитель был обвинен в том, что вел монархическую пропаганду. Таковую усмотрели и в том, что в его покоях и в приемной висели портреты членов Царской семьи.

Для некоторых других иерархов смена власти, наоборот, стала благом. Так, например, в марте вернулся к архиерейскому служению епископ и будущий священномученик Гермоген (Долганев), в свое время впавший в немилость за обличения Распутина. Архипастырь получил назначение на Тобольскую кафедру.

Было принято решение снять прещения со священнослужителей,

подвергшихся каким-либо мерам канонического воздействия за свои политические убеждения. В апреле 1917г. таким пастырям было предложено обратиться в Святейший Синод для пересмотра их дел.

В целом отношения Временного правительства с руководством Российской Церкви нельзя назвать благоприятными. Поводом для серьезного конфликта стало изъятие из ведения Синода «Всероссийского церковно-общественного вестника», который был передан Петроградской духовной академии под редакцию склонного к модернизму профессора Б.В.Титлинова.

Последовало еще одно грубое вмешательство государства в дела Церкви. На волне политических потрясений стало требовать автокефалии грузинское духовенство. Российская Церковь принципиально не возражала против этого, но настаивала, что вопрос должен быть решен на Соборе. Грузинская Церковь ждать Собора отказалась и заявила о своей самостоятельности. 27 марта Временное правительство без согласования вопроса со Святейшим Синодом признало автокефалию Грузинской Церкви. Напряженные отношения между Российской и Грузинской Церквями привели к разрыву молитвенного общения.

Несогласие церковного руководства с политикой Временного правительства и обер-прокурора Львова вылилось в противостояние, которое завершилось роспуском Синода. Соответствующий указ был издан Временным правительством 14 апреля.

Протопресвитер Г. Шавельский передает рассказ о том, как указ правительства был сообщен уволенному составу Синода: «Все уселись на своих местах. Вдруг раскрываются двери в синодальный зал и вваливается толпа синодских чиновников и служителей. «Встать!» – командует Львов. Все встают, кроме митрополита Владимира (Богоявленского), который, не расслышав, продолжает сидеть. Еще громче командует Львов: «Встать!» Архиепископ Сергий (Страгородский) подсказывает митрополиту Владимиру, что надо встать, и тот встает. Обер-прокурор читает указ Временного правительства: настоящий Синод распускается; из его членов оставляется только архиепископ Сергий».

В новый Синод помимо архиепископа Сергия (Страгородского) вошли экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), протопресвитер Н.Любимов, протоиерей А. Смирнов, протоиерей А. Рождественский, протоиерей Ф. Филоненко.

Однако контролировать кадровый состав Церкви обер-прокурор так и

не смог – идеи соборности возрождались, а на местах начали проходить выборы архиереев. 29 апреля Синод обратился с посланием к пастве с призывом провести выборы на всех уровнях церковного управления. Благодаря такой системе столичные кафедры заняли достойные архипастыри. В Москве, например, большинство голосов получил архиепископ Литовский Тихон (Беллавин). Этого иерарха знали, как успешного миссионера в Америке и как доброго архипастыря, занимавшего Ярославскую, а затем Виленскую кафедры.

«Людей подобного типа, – вспоминал о нем митрополит Анастасий (Грибановский), – можно уподобить тем целомудренным цветам, которые днем при свете солнца стыдливо свертывают свои лепестки и раскрываются только ночью, как бы боясь быть замеченными чьим-либо нескромным взором... Скромность сказывалась у него везде – и в его внешних манерах, и в складе его безыскусственной речи, и в способе обращения с людьми, и в простоте его домашнего обихода».

Современники отмечали ревностное отношение святителя Тихона к богослужению. Патриарший иподиакон Н.В.Писарев вспоминал, что архипастырь ни на что не отвлекался во время службы и не допускал в алтаре разговоров, даже если они относились к ходу службы. «Отец настоятель, я приехал сюда молиться. Все остальное потом», – говорил в таких случаях святитель.

Строгую монашескую жизнь иерарх сочетал с приветливостью, современники отмечали, что рядом с ним всегда было легко и спокойно.

Выборы в Петрограде также прошли успешно. Митрополитом был избран епископ Гдовский Вениамин (Казанский). Этот святитель был хорошо известен жителям столицы своей евангельской простотой, скромностью и готовностью всегда прийти на помощь. Без панагии, как простой священник, он ходил по рабочим окраинам Петербурга, причащая больных, исповедуя умирающих, погребая умерших.

В ряде епархий паства, довольная своими иерархами, не пожелала выборов. Сохранили свои кафедры архипастыри: Кирилл (Смирнов), Андроник (Никольский), Митрофан (Краснопольский), Арсений (Стадницкий), Евлогий (Георгиевский). Уволенный Временным правительством архиепископ Антоний (Храповицкий) по желанию паствы вернулся на свою Харьковскую кафедру в августе 1917 г.

Тем временем отношения Церкви и нового государства оставались непростыми.

20 июня 1917 г. из ведения Церкви были изъяты церковноприходские школы, переданные министерству народного просвещения. Принятый 14

июля 1917 г. закон о свободе совести провозглашал 14-летие возрастом религиозного самоопределения, что создало предпосылки для удаления Закона Божия из школьной программы и превращения его в факультативный предмет. Временное правительство ввело также понятие «вневероисповедное состояние» для неверующих граждан, однако не изъяло у Церкви регистрации актов гражданского состояния. Религиозный элемент сохранился и в присяге. Финансовая поддержка со стороны государства также не прекращалась.

Несмотря на напряженные отношения между Святейшим Синодом и обер-прокурором Львовым, последний все же не был противником будущего Всероссийского Церковного Собора и позволил Церкви продолжить его подготовку.

29 апреля 1917 г. Синод опубликовал пастырское послание о необходимости созыва Собора и о необходимости церковных реформ. Был организован и Предсоборный совет в составе 64 человек. Предполагалось, что Собор станет не только главным органом церковного управления, но и сгладит противоречия между различными церковными слоями, в частности даст возможность принимать участие в руководстве Церковью белому духовенству и мирянам.

Преддверием Собора стал Всероссийский съезд духовенства и мирян, прошедший в Москве в июне 1917 г. Участники форума отметили необходимость серьезных реформ в церковной жизни и управлении, а также высказались против передачи министерству народного просвещения приходских школ.

5 июля Синод принял решение открыть Поместный Собор в Москве в праздник Успения Пресвятой Богородицы. Выборы делегатов были многоступенчатыми – в храмах избирали наиболее уважаемых прихожан на благочиннические собрания, те в свою очередь выдвигали делегатов на епархиальные съезды, а последние избирали членов Собора.

Восстановления патриаршества на будущем Соборе не предполагалось, и подобные идеи, периодически возникавшие, сразу же подвергались критике. Противники патриаршества, как правило, сводили ее к тезису: получив свободу от монархии, не следует порабощать себя в делах церковных.

21 июля подал в отставку обер-прокурор В.Н.Львов, спустя четыре дня, 25 июля, его место занял А.В.Карташев, однако на этом посту пробыл недолго. 5 августа Временное правительство упразднило должность обер-прокурора и учредило министерство исповеданий. Карташев возглавил новое министерство. Вскоре перемены коснулись и высшего

государственного руководства. 6 августа 1917 г. главой Временного правительства стал А.Ф.Керенский. 1 сентября он объявил Россию республикой, не дожидаясь решения Учредительного собрания.

Глава 2. Московский Собор 1917–1918 гг.

§ 1. Первая сессия Собора. Восстановление патриаршества

Всероссийский Церковный Собор открылся в Москве в праздник Успения 1917 г. Делегатами Собора стали 564 человека – 80 архиереев, 129 священников, 10 диаконов, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян. Удаленные с кафедр архиереи, например, митрополиты Макарий (Невский) и Пителир (Окнов), участия в Соборе принять не могли. Уволенный с Харьковской кафедры архиепископ Антоний (Храповицкий) стал членом Собора от монашествующих, однако к началу его открытия был вновь избран на Харьковскую кафедру и принял участие в заседаниях как епархиальный архиерей. В состав Собора вошли все присутствующие в Синоде и правящие архиереи Российской Церкви, члены Предсоборного совета, наместники лавр и настоятели больших монастырей, глава военного духовенства протопресвитер Георгий Шавельский и настоятель Успенского собора протопресвитер Николай Любимов.

Основная часть Собора представляла собой делегатов от 66 епархий – от каждой избирался правящий архиерей, два клирика и три мирянина. Помимо того, в Москву съехались делегаты от монашествующих, от военного и морского духовенства, от действующей армии, от единоверцев, от духовных академий, от Академии наук и университетов, от Государственной думы и Государственного совета. В Соборе приняли участие представители Румынской и Сербской Церквей. По окончании Божественной литургии, совершенной митрополитами Киевским Владимиром, Петроградским Вениамином и Тифлисским Платоном, состоялся крестный ход и молебен на Красной площади. В этих торжественных службах принял участие и глава Временного правительства А.Ф.Керенский.

Следующее заседание Собора состоялось 16 августа в храме Христа Спасителя под председательством митрополита Владимира (Богоявленского). В этот день оглашались приветствия в адрес Собора. Рабочие заседания начались только 18 августа в Московском епархиальном доме. Председателем Собора был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин), почетным председателем – митрополит Владимир (Богоявленский).

Товарищами (заместителями) председателя стали архиепископы Арсений (Стадницкий) и Антоний (Храповицкий), протопресвитеры Г.

Шавельский и Н.Любимов, а также представители мирян – профессор Е.Н.Трубецкой и М.В.Родзянко. Поскольку последний на Собор не явился, его место в феврале 1918 г. занял бывший обер-прокурор А. Д. Самарин. Секретарем Собора стал В.П.Шейн (впоследствии архимандрит Сергей), а членами Соборного совета – митрополит Тифлисский Платон, протоиерей А.Рождественский и профессор П.П.Кудрявцев.

Собору предстояло ответить на множество накопившихся за долгие годы вопросов, для удобного решения которых был образован ряд рабочих отделов и комиссий. Всего при Соборном совете было создано 23 отдела и 3 совещания. Отдел Высшего церковного управления возглавил епископ Митрофан (Краснопольский), отдел епархиального управления – епископ Георгий (Ярошевский), церковного суда – архиепископ Сергий (Страгородский), богослужения, проповедничества и храмов – архиепископ Евлогий (Георгиевский), внешней и внутренней миссии – митрополит Платон (Рождественский), единоверия и старообрядчества – архиепископ Антоний (Храповицкий).

Собор не мог не откликнуться на происходившие в стране события. Видя массовое дезертирство и падение дисциплины в армии, делегаты обратились к воинам с призывом продолжать исполнение своего долга. Еще один вопрос был связан с подготовкой выборов в Учредительное собрание. В стране развернулась предвыборная борьба, заявления некоторых кандидатов носили явно антицерковный характер. В связи с этим Собор решил обратиться к народу с посланием, где говорилось, что критерием для избрания должна быть не принадлежность кандидата к той или иной партии, а его преданность отечеству и Церкви.

Собор предпринял попытку воспрепятствовать изъятию у Церкви церковно-приходских школ. Однако эти школы ассоциировались у новых властей со «старым режимом», а потому старания православных ревнителей закончились неудачей.

Наиболее известным деянием Собора стало избрание патриарха. Изначально в повестку дня вопрос восстановления патриаршества не входил, однако нараставшая в стране напряженность постепенно меняла настроение соборян – необходимость в зримом символе единства Российской Церкви и символе исторической православной России ощущалась многими.

11 октября с предложением восстановить патриаршество выступил епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский). По мнению святителя, патриаршество существовало в Русской Церкви всегда – в первые века после крещения она подчинялась Вселенскому патриарху, а в

1589 г. получила своего патриарха. Упразднение патриаршества при царе Петре I епископ Митрофан назвал нарушением канонов – прежде всего 34-го апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора.

Священномученик Митрофан был не одинок – мысль о восстановлении канонического управления Церковью была поддержана немалой частью Собора. Помимо канонических принципов приводились принципы исторические и идейные. Наиболее ярким было выступление архимандрита (впоследствии архиепископа) Илариона (Троицкого):

«Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный манер устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова московского патриарха на его законное, неотъемлемое место».

Возражения против восстановления патриаршества сводились к тому, что избрание патриарха помешает соборности и приведет к деспотизму. Например, протоиерей Николай Добронравов (будущий архиепископ и священномученик) видел в единоначалии отголоски католицизма, говорил, что истории известны случаи недостойного поведения глав Поместных Церквей. Однако голоса противников патриаршества, поначалу настойчивые, с каждым заседанием встречали все меньше поддержки и постепенно утонули среди всеобщего подъема и воодушевления. Тем более что избрание первосвятителя не означало диктатуры одного лица и отмены соборности – высшая церковная власть должна была оставаться у Соборов.

28 октября Собор постановил:

«В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется патриархом.

Патриарх является первым между равными ему епископами. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору».

Была определена и процедура избрания. Члены Собора должны были подавать записки с именем кандидата. Если таковой набирал более половины голосов, то выборы считались состоявшимися. Если ни один из кандидатов не набирал должного количества, проводилось второе голосование. Теперь должны были подаваться записки с именами трех кандидатов. Получивший большинство голосов считался избранным в кандидаты. После того как три человека наберут должное количество баллов, пред полагалось выбрать одного из них жребием.

Многие полагали, что патриархом станет архиепископ Антоний (Храповицкий). Яркий публицист, он с дореволюционных времен пользовался в народе популярностью за свою последовательную православную позицию. На страницах печати иерарх высказывался по многим вопросам государственной и церковной жизни, например, по поводу реформ, единоверия, отношений с инославием. Архипастырь был известен и как монархист, как сторонник возвращения Константинополя православным царям. Задолго до Собора архиепископ популяризировал восстановление патриаршества, способствовал приглашению в Россию Патриарха Антиохийского Григория IV в 1913 г. Однако были у архиепископа Антония и недоброжелатели. Некоторые противники патриаршества признавались, что не хотели его восстановления из опасения, что патриархом станет консерватор и монархист. Однако тревога этой части Собора была напрасна – возглавить Российскую Церковь архиепископу Антонию не было суждено.

Первое голосование было назначено на 30 октября. Наибольшее число голосов (101) получил архиепископ Антоний. Остальные голоса распределились следующим образом. Архиепископ Кирилл (Смирнов) получил 27 голосов, митрополит Тихон (Беллавин) – 23, митрополит Платон (Рождественский) – 22, архиепископ Арсений (Стадницкий) – 14, митрополит Владимир (Богоявленский), архиепископ Анастасий (Грибановский), протопресвитер Георгий Шавельский – по 13, архиепископ Сергий (Страгородский) – 5, архиепископ Иаков (Пятницкий), архимандрит Иларион (Троицкий), А.Д.Самарин – по 3 голоса. Некоторые претенденты на патриаршество были предложены одним или двумя членами Собора.

После четырех туров голосования были избраны три кандидата – архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит Московский Тихон (Беллавин). Говорили, что Собор избрал кандидатами самого умного, самого строгого и самого доброго из русских архиереев.

5 (18) ноября 1917 г. в храме Христа Спасителя состоялось избрание патриарха. Кандидаты на патриарший престол в храме не присутствовали – все они были на литургии в других церквях Москвы. А в храме Христа Спасителя готовились к великому событию. После литургии и молебна митрополит Владимир (Богоявленский) вынес на амвон ковчежец с жребиями и снял с него печати. Из алтаря вышел старец Зосимовой пустыни Алексий (Соловьев). Преподобный вынул один из жребиев и передал его митрополиту, который громко возгласил имя избранного патриарха: «Тихон, митрополит Московский – аксиос!»

Протодиакон Константин Розов возгласил многолетие избранному Патриарху Московскому и всея России: «Господину нашему высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому Коломенскому Тихону, избранному и нареченному в патриархи богоспасаемого града Москвы и всея России».

Святитель Тихон совершал литургию на Троицком подворье. Об избрании ему сообщила делегация Собора во главе с митрополитами Владимиром, Вениамином и Платоном.

21 ноября в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Московского Кремля состоялась интронизация нового патриарха. Для торжественного чина были взяты реликвии великих русских иерархов – жезл святителя Петра Московского, ряса священномученика патриарха Ермогена, мантия, митра и клобук патриарха Никона.

Восстановление патриаршества в Русской Церкви повысило статус ряда архиереев. Так, были возведены в сан митрополитов архиепископы Антоний (Храповицкий), Арсений (Стадницкий), Агафангел (Преображенский), Сергий (Страгородский), Иаков (Пятницкий).

Избрание патриархом святого Тихона было промыслительным. Даже противники патриаршества говорили, что примирились с этой идеей благодаря личности первосвятителя.

Избрание патриарха подразумевало и определение круга его прав и обязанностей: нести попечение о благополучии Российской Церкви и представлять ее перед государственной властью, сноситься с Автокефальными Церквями, обращаться к пастве с посланиями, заботиться о замещении архиерейских кафедр. Патриарх являлся правящим архиереем патриаршей области, в которую входила Московская епархия и ставропигиальные обители.

В непосредственном подчинении Святейшего находились кремлевские соборы, храмы и монастыри, Троице-Сергиева лавра,

ставропигиальные монастыри и патриаршие учреждения. Остальной частью Московской епархии должен был управлять патриарший наместник.

Высшей властью в Российской Церкви являлись Поместные Соборы, в промежутках между которыми действовали Священный Синод и Высший церковный совет (ВЦС). В ведении первого находились дела пастырского, вероучительного, богослужебного характера, в ведении второго – дела административно-хозяйственные и школьно-просветительские. Ключевые вопросы – защита прав Церкви, подготовка к Соборам, открытие епархий – подлежали совместному рассмотрению и Священного Синода, и Высшего церковного совета, состав Синода кроме патриарха входило 12 членов – киевский митрополит, шесть иерархов по избранию Собора на три года, пять иерархов, вызываемых по очереди на один год. В ВЦС входило 15 человек – патриарх, три архиерея, делегируемых от Синода, один монах, пять представителей белого духовенства, шесть мирян по избранию Собора.

Было разработано «Определение о правовом положении Церкви в государстве». Согласно документу, Православная Российская Церковь

занимает первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение;

независима от государства в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине, отношениях другими Поместными Церквами;

постановления Российской Церкви и акты церковного управления признаются государством имеющими юридическое значение;

государственные законы, касающиеся Церкви, издаются по соглашению с церковной властью;

глава Российского государства, министр исповеданий, министр народного просвещения и их товарищ и (заместители) должны быть православными;

имущество Православной Церкви не подлежит конфискации.

Однако все эти постановления не могли иметь силы – к тому времени (25 октября 1917 г.) власть была захвачена большевиками. Беспорядки переместились в Москву, стрельба шла на улицах,

Кремль, где засели юнкера, большевики обстреливали из пушек. Ходатайства русских иерархов прекратить разрушение святыни ни к чему не привели. Проникнуть в Кремль делегации уда лось не сразу.

Со стороны Собора последовал призыв ко всеобщему покаянию. «Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения, –

говорилось в послании, – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточение, ненависть братьев. ...
... К нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. ...
Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь Христов».

§ 2. Вторая и третья сессии Собора

После рождественских каникул Собор продолжил свои заседания.

Вторая сессия Собора работала с 20 января по 20 апреля 1918 г. Из-за начавшейся Гражданской войны многие делегаты не смогли прибыть на Собор, не было кворума, а потому было решено проводить заседания при любом количестве присутствующих.

Важнейшим решением Собора стало постановление о преемстве церковной власти в случае непредвиденных обстоятельств.

В соответствии с решением, принятым на закрытом заседании 24 января 1918 г., патриарх должен был избрать несколько местоблюстителей на случай своей болезни, смерти или других непредвиденных обстоятельств. Святитель Тихон волю Собора исполнил. Впоследствии, когда коммунистическое государство не позволит Православной Церкви созывать Соборы для выборов нового Первоиерарха, прозорливое решение о назначении местоблюстителей, по сути, спасет Церковь от многих смут и потрясений.

Жаркие споры развернулись вокруг вопроса о епархиальном управлении. После продолжительных дебатов была выработана формула, что епархиальный архиерей «есть представитель местной церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян». Епископом можно было стать только после 35 лет либо из монашествующих, либо из белого духовенства, не состоящего в браке при обязательном условии пострижения. В епархиях предписывалось организовать епархиальные собрания, избираемые из клириков и мирян на трехлетний срок. Из них составлялись епархиальный суд и епархиальный совет. При этом без согласия архиерея решения этих органов силы не имели. Было принято также определение о викарных епископах, которые либо являлись помощниками правящих архиереев, либо управляли отдельными частями больших епархий.

Своего часа ждала еще одна проблема церковной жизни – введение единоверческого епископата. Единоверие зародилось в конце XVIII в., когда группа старообрядцев изъявила желание соединиться с Православной Церковью. В 1800 г. стараниями митрополита Московского Платона (Левшина) в Российской Церкви было введено единоверие – старообрядцы, стремившиеся к миру, присоединялись к ней, сохраняя дониконовские обряды. В течение XIX в. православные старообрядцы (единоверцы) просили поставить для них епископа. Этот вопрос, как и

вопрос о снятии клятв со старых обрядов, обсуждался и на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Лидером православных старообрядцев на Соборе был протоиерей Симеон Шлеёв, выступавший за учреждение самостоятельных единоверческих кафедр. Однако часть делегатов усмотрела в этом нарушение канонического деления Церкви, так как на территории России в таком случае появились бы параллельные епархии. После долгих дебатов Собор принял компромиссное решение – учредить пять единоверческих викариатств. Первым единоверческим епископом с титулом «Охтинский» стал протоиерей Симеон Шлеёв, постриженный в монашество с именем Симон. В архиерейском сане святитель служил Церкви до своей мученической кончины, последовавшей от рук подосланных убийц 18 августа 1921 г.

Собор уделил внимание и приходской жизни, регламентировав жизнь прихода. Предполагался созыв приходского собрания под председательством настоятеля не реже двух раз в год. Приход должен был решать вопросы содержания храма, обеспечения клира, избрания должностных лиц.

К тому времени в Москву уже поступали сведения о пострадавших за веру. Было решено возносить в храмах молитвы за гонимых, а также за погибших мучеников. Собор постановил учредить молитвенное поминовение исповедников и мучеников 25 января или в следующий за этой датой воскресный день.

5 апреля 1918 г. Собор принял решение причислить к лику святых священномученика Иосифа Астраханского († 1671) и святителя Софрония Иркутского († 1771).

Третья сессия Собора открылась после пасхальных каникул и проходила со 2 июля по 20 сентября 1918 г. Собор рассмотрел вопрос о порядке избрания патриарха. Процедура в целом осталась прежней за исключением более широкого представительства клириков и мирян Московской епархии, для которой патриарх является епархиальным архиереем.

Рассматривался вопрос и о монастырях. Постриг был возможен только по достижении 25 лет, а в более молодом возрасте – с благословения правящего архиерея. Братии монастырей было разрешено избирать настоятелей и наместников при условии последующего утверждения этого избрания Синодом. Предписывалось введение уставного богослужения без сокращений и указывалось на преимущество общежительного устава. Вся братия была обязана трудиться, было признано желательным иметь в монастыре старца или старицу для духовного окормления.

Зная о брожениях среди духовенства по поводу послаблений в канонической брачной практике, Собор указал на высоту пастырского служения и заявил о недопустимости второго брака для священников. Это решение впоследствии сыграло важную роль в борьбе с обновленческим расколом.

26 августа Собор восстановил праздник в честь святых, в земле Российской просиявших, во второе воскресенье после Пятидесятницы.

20 сентября на заключительном заседании Собора было принято определение по проекту «Положения о Временном высшем церковном управлении Православной Церковью на Украине». Этим определением устанавливалась автономия Украинской Церкви. Для нее при этом были обязательны постановления Поместных Соборов и патриарха.

Конфискация помещений, в которых проходили заседания Собора, остановила его работу. Хотя намеченная программа выполнена не была, принятые постановления Собора имели для Церкви огромное значение. Восстановление патриаршества помогло в будущем сохранить каноническое преемство и преодолеть обновленческий раскол. Сыграли свою роль в дальнейшей жизни Церкви и другие решения.

В литературе встречается утверждение, что Собор восстановил в сане митрополита Арсения (Мацеевича) (посмертно) и Григория Петрова, лишённого сана за политическую деятельность в 1908 г. В действительности митрополит Арсений был восстановлен в сане только в 1921 г. Священным Синодом. Г. Петров в сане восстановлен не был, тем более, что после его лишения он вступил во второй брак.

Следующий Собор было решено созвать в 1921 г.

Глава 3. Российская Церковь в 1917–1921 гг.

§1. Церковь и коммунистическое государство. 1917 – 1921 гг.

Практически весь XX в. был для Церкви периодом преследований со стороны коммунистического государства. Репрессии были неминуемы.

Еще в XIX в. среди марксистов шли споры относительно места религии при социализме – необходимо ли устранить ее силой или дожидаться, пока она отомрет сама. Понятно, что представители последнего мнения, в случае прихода к власти, отнеслись бы к Церкви намного спокойнее, чем большевики. Нужно учитывать, что некоторые социалистические партии допускали и многопартийную систему, которая несомненно смягчила бы удар по религии.

Установление в России подлинной власти Советов также могло уменьшить масштабы гонений – такая система предполагала, что управлять страной будут избранные представители простого народа, среди которых было немало верующих людей. Однако «власть Советов» оставалась на протяжении 70 лет формальностью: реальную власть захватила самая жестокая фракция коммунизма – большевизм. В 1918 г. были запрещены все политические партии, кроме партии коммунистов-большевиков.

Хотя официально была декларирована свобода совести, верующие оказывались людьми второго сорта. На продвижение по службе могли рассчитывать только члены коммунистической партии, для которых воинствующий атеизм был обязательной частью мировоззрения. Лидер коммунистов В.И.Ульянов-Ленин, выбросивший свой крест в мусор в 15-летнем возрасте, не предполагал никаких идейных послаблений в отношении членов своей партии. Заявляя, что религия является частным делом по отношению к государству, Ленин и его преемники настаивали, что к компартии это не относится. «Вождь пролетариата» призывал гнать из партии коммунистов, которые участвуют «в религиозных обрядах».

Атеизм, по мнению Ленина, являлся основой большевистской идеологии. «Партия наша, – писал он, – есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего. Такой союз не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований». Или: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма».

В частных письмах Ленин и вовсе не скрывал своего глубокого

отвращения к религии. «Всякий боженъка, – писал он Максиму Горькому, – есть труположство. ... Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке, всякое кокетничанье даже с боженъкой есть невыразимейшая мерзость, самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза»".

Таким образом, власть была настроена на решительную борьбу с Церковью, в то время как влияние последней на народ стало снижаться задолго до трагедии 1917 г. Предупреждения о грядущих бедствиях звучали из уст православных подвижников, писателей и мыслителей с конца XIX в. К сожалению, предостережения услышаны не были.

25 октября (7 ноября) 1917 г. большевики совершили переворот в Петрограде. Плюрализма новые вожди не допускали – многопартийное Учредительное собрание успело провести только одно заседание, после чего было новой властью разогнано. Коммунистическая диктатура установилась в стране на 70 с лишним лет.

Первые мероприятия большевиков против Православной Церкви начались почти сразу после октябрьского переворота. 26 октября 1917 г. в соответствии с Декретом о земле Церковь и духовенство лишались собственности на землю. В том же году начался процесс закрытия храмов, а 31 декабря 1917 г. был опубликован проект декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Сразу же началась и волна безбожной пропаганды. По указанию Ленина с фронтона Московского университета была снята надпись: «Свет Христов просвещает всех» и начертаны слова «Наука – трудящимся». На здании Мосфинотдела неподалеку от Иверской часовни была сделана надпись: «Религия – опиум народа».

Появились и первые мученики. 31 октября красногвардейцами на глазах сына -гимназиста был расстрелян царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров. Гарнизонный благочинный г.Нарвы протоиерей Иоанн Юхновский в те дни писал: «И вот новый переворот и расстрел в Царском селе протоиерея Иоанна Кочурова. Солдаты всего гарнизона совсем обезумели, озверели. На улицах – оскорбления священников и угрозы вслух: «погодите, мы и здесь перевешаем этих попов»". В Севастополе были убиты протоиерей Михаил Чафранов и священник Исаакий Попов. В декабре 1917 г. был приговорен к смертной казни настоятель севастопольского Николаевского собора протоиерей Роман Медведь. Пастырь спасся почти чудом – ему удалось не замеченным пробраться на вокзал, сесть в поезд и выехать в Москву. Военные священники массово изгонялись из действующей армии. В январе 1918 г. приказом наркомата по военным делам должность военных священников была официально упразднена – на их место приходили комиссары. Антицерковный террор

коснулся и монашествующих – в декабре 1917 г. были зверски убиты насельники Носовского Преображенского монастыря на Тамбовщине иеромонах Сергей (Гальковский) и иеродиакон Андроник (Барсуков).

Убийства священнослужителей, начавшиеся в 1917 г., стали частью массового социального террора, устроенного большевиками. Погибали офицеры и купцы, дворяне и чиновники.

Патриарх Тихон не скрывал своего отношения к начавшемуся в стране безумию. В поучении на новый, 1918 год святитель сравнил Февральскую и Октябрьскую революции с опытом строительства Вавилонской башни. «Вся эта разруха, – пророчески говорил патриарх, – оттого, что без Бога строится ныне русское государство».

А ситуация все больше накалялась. В январе советская администрация потребовала от монахов Александро-Невской лавры покинуть обитель, передав здания под лазарет. Братия была готова отдать часть помещений, но покинуть лавру отказалась. 1 февраля 1918 г. в обитель прибыл отряд матросов и красногвардейцев с распоряжением о конфискации имущества, подписанным наркомом госпризнания А.М.Коллонтай. Насельники монастыря выполнять предписание отказались, несколько человек было арестовано. В лавре собралось множество верующих, старавшихся не допустить красногвардейцев к народным святыням. К большевикам обратился протоиерей Петр Скипетров. Пастырь уговаривал их не устраивать насилий над верующими и не осквернять святое место. В ответ один из красногвардейцев выстрелил отцу Петру в лицо. В тяжелом состоянии протоиерей был доставлен в больницу, где его посетили супруга и митрополит Вениамин. Вечером священномученик Петр скончался (память 1 февраля).

В тот же день патриарх издал послание, где участники расправ над невинными людьми предавались анафеме. «Безбожными властелинами тьмы века сего» и «врагами Церкви» были названы те, кто творил насилия и кощунства, в том числе и поругания монастырей. «Власть, обещавшая водворить порядок, – писал святитель Тихон, – проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, – над Святою Церковью Православной». Хотя в послании прямо не говорилось о коммунистической власти, советская администрация поняла, что патриаршая анафема была адресована именно ей. Сам патриарх впоследствии также подтвердил, что анафематствование касалось государственной власти.

На следующий день, 2 февраля 1918 г., Совет народных комиссаров издал декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви,

опубликованный 5 февраля. Церковь была лишена прав собственности и юридического лица, религиозное образование и воспитание в школе также запрещалось. В соответствии с ленинскими распоряжениями, священнослужители всех конфессий были лишены избирательных прав, а также лишались права на работу в государственных учреждениях и на предприятиях.

Продолжались и преследования священнослужителей. Тяжелая обстановка сложилась вокруг митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), выступавшего против местного государственного и церковного сепаратизма. 25 января (7 февраля) 1918 г. в покои митрополита Владимира вошла группа вооруженных людей. Святителя вывели за территорию лавры и расстреляли.

Еще одним серьезным поводом для антисоветского выступления патриарха стал печально известный Брестский мир, перечеркнувший все то, что было сделано русской армией за годы мировой войны. Начиная с 1916 г. армия царской России постепенно двигалась на Запад, а известный Брусилловский прорыв показал, что Германия Первую мировую войну проиграла. Даже Временное правительство с разложившейся армией в целом удерживало линию фронта и оттягивало германские и австрийские войска, что давало России право оказаться в числе держав-победительниц. Однако коммунисты ради сохранения своей власти пошли на популистские меры, заявив о мире и выходе из войны. Германия со своей стороны поставила унижительные для России условия.

В феврале 1918 г. патриарх Тихон издал послание с призывом прекратить междоусобную брань и дать отпор внешнему врагу, однако услышан не был. 3 марта 1918 г. позорный для отечества Брестский мирный договор все-таки был заключен. От России отторгались привислинские губернии, Украина, часть Белоруссии, Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии, Финляндия. Часть Закавказья передавалась Турции. Советская Россия обязана была признать независимость Украины и заплатить контрибуцию в размере 6 млрд марок.

Патриарх Тихон обратился к пастве с посланием по поводу совершившегося позора. Святитель прозорливо указывал, что в этом предательском «мире», заключенном якобы от имени русского народа, зародыши будущих войн и зол. Патриарх заявил, что Церковь не может благословить этот мирный договор. Послание завершалось призывом покаяться во взаимной вражде, сплотиться вокруг Церкви и вернуться к труду, любви и единению. Этот призыв также оказался тщетным – самые

страшные для России годы были еще впереди. В годы Гражданской войны убийства священников и монахов стали массовыми. Священнослужители и другие классово чуждые стали арестовываться и уничтожаться по социальному принципу, как заложники, – либо в ответ на убийство того или иного коммунистического деятеля, либо для устрашения населения.

Политика социального геноцида была отражена как в прессе, так и в официальных распоряжениях властей. В «Катехизисе классово-сознательного пролетария», опубликованном в газете «Правда», говорилось, что «власть капитала исчезнет только тогда, когда умрет последний капиталист, последний помещик, поп, офицер».

9 августа 1918 г. Ленин телеграфировал в Пензу: «Провести беспощадный массовый террор против попов, кулаков и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Власть не планировала разбираться в степени вины каждого человека, классовое происхождение оставалось главной причиной того, останется он жить или погибнет.

В соответствии с новой политикой начались аресты и казни. 4 июня 1918 г. был арестован архиепископ Пермский Андроник (Никольский) (память 20 июня). Народ пытался не допустить ареста любимого архипастыря, но народное возмущение было подавлено. 6 июня 1918 г. состоялся допрос архиепископа. Святитель долго не отвечал, затем снял панагию, завернул ее в платок, положил перед собой и, обращаясь к следователям, сказал: «Мы враги открытые, примирения между нами быть не может. Если бы я не был архипастырем, и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем».

Сказав это, он надел панагию и, погрузившись в молитву, не проронил более ни слова. Палачи отвезли архиепископа в лес и закопали заживо, хотя потом и выстрелили в иерарха через слой земли.

В апреле 1918 г. был арестован епископ Тобольский Гермоген (Долганев) (память 29 июня), еще с царских времен известный последовательной монархической позицией и готовностью умереть за свои принципы. Епархиальный съезд командировал к большевикам делегацию, которая должна была ходатайствовать об освобождении святителя. Члены комиссии были арестованы, расстреляны. Сам епископ Гермоген был утоплен в Туре в ночь на 29 июня 1918 г.

Особое место в ряду новомучеников занимают царственные страстотерпцы. Арестованная при Временном правительстве семья последнего императора находилась в Тобольске, откуда была вывезена в

Екатеринбург. Здесь 17 июля 1918 г. император Николай Александрович и его семья – императрица Александра Феодоровна, царевич Алексей, царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия были расстреляны. Вместе с Царской семьей погибли и их слуги, отказавшиеся оставить арестованных, – лейб-медик Евгений Боткин, горничная Анна Демидова, повар Иван Харитонов, камердинер Алоизий Трупп. О расстреле было сообщено председателю ВЦИК Я.М.Свердлову. На следующий день ВЦИК во главе со Свердловым одобрил совершившееся убийство императора.

18 июля в Алапаевске были убиты основательница Марфо-Мариинской обители милосердия великая княгиня Елисавета Феодоровна вместе с монахиней Варварой (Яковлевой), а также великий князь Сергей Михайлович, князья Игорь, Константин и Иоанн Константиновичи, граф Владимир Палей. Сергей Михайлович был застрелен, остальные сброшены в шахту живыми. Несколько великих князей было расстреляно в Петрограде, великий князь Михаил Александрович был убит в Перми.

В Петрограде был убит и любимый своей паствой протоиерей Философ Орнатский. Пастырь принимал участие в создании ночлежных домов для бездомных, приютов для сирот, в годы Первой мировой войны отдал свою квартиру под лазарет. В августе 1918 г. священномученик был арестован вместе со старшими сыновьями. Возле здания ЧК на Гороховой улице собралась огромная толпа, требовавшая освободить арестованных. Чекисты пообещали освободить пастыря и его сыновей, однако все они в октябре того же года были расстреляны (память святых 13 июня).

В подмосковном Богородске погиб еще один замечательный пастырь – протоиерей Константин Голубев (память 2 октября), посвятивший свою жизнь миссионерству и борьбе с пьянством.

Отец Константин был сторонником создания женских духовных школ. От женщин, по мнению священномученика, зависело религиозное воспитание народа, ведь какие будут женщины, такими будут впоследствии и все граждане России. Протоиерей был приговорен к расстрелу. Раненого отца Константина бросили в яму и стали засыпать землей. Пастырь умолял застрелить его, не хоронить отца живым со слезами просила и находившаяся здесь же его дочь. Но ничто не тронуло сердца убийц – священномученик был погребен заживо, и земля над местом его погребения еще некоторое время шевелилась.

Вместе с группой сановников 23 августа был расстрелян известный миссионер и проповедник протоиерей Иоанн Восторгов. Перед расстрелом священномученик Иоанн благословил мирян.

В августе того же года погибла настоятельница Пророко-Ильинского

монастыря в Мензелинске игуменья Маргарита (Гунаропуло). Монахини впоследствии утверждали, что игумении, собиравшейся покинуть город, явился святитель Николай, сказавший: «Зачем ты бежишь от своего венца?». Потрясенная чудесным видением, игуменья Маргарита вернулась в обитель, рассказала о произошедшем монастырскому священнику и попросила заранее приготовить для себя гроб. Оставшиеся дни игуменья усиленно молилась в храме. 21 августа в город ворвались большевики. Расправы в эти дни были массовыми. 22 августа была расстреляна и преподобномученица Маргарита.

Как заложник в ответ на убийство главы Петроградской ЧК Урицкого был расстрелян настоятель Адмиралтейского собора протоиерей Алексей Ставровский (память 14 октября). По преданию, пастырь мог избежать гибели, но сознательно пошел на смерть вместо молодого священника.

В декабре 1918 г. чекисты убили епископа Соликамского Феофана (Ильменского). В 30-градусный мороз священномученика Феофана привели на берег Камы, раздели, сплели ему волосы и, продев через них жердь, стали медленно опускать в ледяную прорубь. Святого погружали в прорубь до тех пор, пока его тело не покрылось слоем льда. Поскольку страдалец был еще жив, палачи утопили его (память 24 декабря).

Еще одной жертвой большевистского террора стал известный миссионер и борец с сектантством Николай Варжанский (память 5 сентября). Мученику поставили в вину его публикации в защиту православия. Одна из них касалась чуда с иконой святителя Николая Чудотворца 1 мая 1918 г. Накануне, готовясь к своему празднику, коммунисты закрыли образ святителя Николая на Никольских воротах Кремля красной материей с надписью: «Да здравствует первомайский интернациональный праздник!». Но случилось чудо – образ сам собой освободился от полотнища. Николай Варжанский описал это в выпущенном им листке. «Всю ночь Красная площадь охранялась, и никто не мог сюда подойти. Утром в Страстную среду заметили, что повешенное целое красное полотнище прорвалось так, что чудотворный образ Угодника Божия Николая стал виден для всех и сделался, по замечанию многих, несравненно светлее, чем был доселе. Красное полотнище начало рваться частями, кусками, лентами и упало совсем. Сначала хотели объяснить, что полотнище разорвано ветром, а потом было напечатано, что будто полотнище повешено прорезанное, хотя тысячи народа видели, что оно было целое. Разлетелось красное полотнище. Спас Чудотворец Николай некогда от татар, спасет и теперь, если только будем усердно молиться ему и будем стоять за святую веру православную и за святыни

наши даже до смерти».

После ареста Николаю Варжанскому передали в тюрьму икону Божией Матери с надписью: «Усердно молимся за дорогих страстотерпцев». Узнав, что приговорен к расстрелу, Николай Юрьевич передал образ супруге, написав на другой его стороне: «Да сохранит тебя и заступит Своим Матерним Покровом Пречистая Заступница Матерь Света. Молись, дорогая Зиночка, голубка моя, Богородице, Она покроет твое вдовство раннее и сироток. Прости меня, дорогая моя, и за меня молись».

Случалось, что священников убивали на месте без всякого суда. Иерей Аверкий Северовостоков из Уфимской епархии (память 30 июня) совершал молебен на площади при большом стечении прихожан, когда в село вошли красноармейцы. Священномученика сразу же отвели в сторону и расстреляли. Иерей Константин Сухов из Бугуруслана (память 22 октября) был арестован во время панихиды по Царской семье, выведен из храма и расстрелян. Иерей Михаил Белороссов (память 24 мая) был арестован под Романовом -Борисоглебском местными активистами, когда ехал из своего села в Ярославль. Пастырь был расстрелян без суда только за то, что был священником.

Иногда советское руководство пыталось играть в правовое государство и устраивало процессы с участием адвокатов. Ярким тому примером стал саратовский процесс против духовенства, открывшийся осенью 1918 г. На скамье подсудимых оказался известный своей монархической и патриотической позицией священник Михаил Платонов, епископ Вольский Герман (Косолапов), несколько членов епархиального совета. Обвинение рассыпалось сразу же – адвокаты доказали полную невиновность арестованных. Однако печальный исход процесса был предрешен. Священномученик Михаил Платонов сказал: «Я и сейчас спокоен, хотя вы и вынесете мне смертный приговор. ... Я верю, что небо не пусто, что там есть жизнь – и я не верю в смерть. Если вы меня убьете – я буду жить».

В январе 1919 г. священник Михаил Платонов был приговорен к 20 годам заключения, а епископ Герман – к 15. Однако советской администрации надоело играть в «суды» и «справедливость».

В ночь на 10 октября 1919 г. епископ Герман и священник Михаил Платонов были расстреляны в тюрьме по решению губернской ЧК вместе с группой других арестованных (память священномучеников 10 октября).

Назвать точное число погибших за веру в первые годы большевистской власти не представляется возможным из-за отсутствия

документов и общего беспорядка в стране, однако примерные данные позволяют говорить о тысячах убитых по религиозным делам. Так, авторы сборника «Следственное дело Патриарха Тихона» (протоиерей В. Воробьев, иерей А. Щелкачев и др.) говорят об 11 тыс. репрессированных, из которых 9 тыс. пострадало до смерти. По подсчетам О.Ю.Васильевой, число священников и мирян, не участвовавших в Гражданской войне и ставших жертвами большевиков в 1918–1920 гг., составляло более 10 тыс. человек.

В ответ на коммунистический террор патриарх Тихон 7 ноября 1918 г. направил в Совет народных комиссаров послание в связи с

первой годовщиной Октябрьской революции. «Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды, – писал святитель. – Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. ... Ни кто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда».

Фактически отказывая новому государству в поддержке, святитель писал, что власть, попущенная Богом, привлекла бы благословение Церкви, но только власть, которая действительно является «Божием слугой», страшная для злых дел, а не для добрых.

Послание Святейшего не дало результата – убийства и беззакония продолжались с еще большей силой. Тяжело было осознавать и то, что богоборческая власть устанавливается надолго. Понимание того, что обличение большевиков может привести к новым репрессиям против Церкви, стало причиной появления нового послания патриарха Тихона от 8 октября 1919 г. Стараясь вывести духовенство из-под удара, святитель призывал его не вмешиваться в политическую борьбу.

К тому времени советская антицерковная кампания набирала обороты. 1919 г. был ознаменован вскрытием (фактически осквернением) мощей. Большевики рассчитывали на неосведомленность простого народа, в большинстве своем считавшего, что мощи святых обязательно должны быть нетленными. Целью кампании стало разоблачение «религиозных

предрассудков», которое должно было, во-первых, отвратить людей от Церкви, а во-вторых, лишить ее денежных поступлений от паломников, приходивших к святыням.

Поводом для кампании стала появившаяся в конце 1918 г. информация, что в раке с мощами преподобного Александра Свирского лежит восковая кукла. Тут же заработала пропаганда, потребовавшая прекратить «поповский обман». В марте 1919 г. Ленин дал старт новой кампании, сделав распоряжение об освидетельствовании находящихся в Чудовом монастыре мощей.

В течение 1919–1920 гг. было совершено по одним сведениям 57, по другим – 65 вскрытий мощей. Нередко вскрытия сопровождались кощунствами. Широкую известность получил случай, когда красноармеец несколько раз плюнул на главу преподобного Саввы Сторожевского. Надругательство над останками святых превратилось для большевиков в самоцель – как иначе объяснить, например, вскрытие раки преподобного Серафима Саровского, о мощах которого было хорошо известно, что они сохранились в виде костей?

Действительно, многие мощи сохранились в виде костных останков. Но советская пропаганда подавала это по-своему, трубя, что вместо мощей в раках находились истлевшие кости и по сторонние предметы, а некоторые раки и вовсе пусты. Газетные публикации часто не соответствовали протоколам вскрытия. Костные останки в советской прессе превращались в «труху» и «скопления дохлой моли».

Находит объяснение и наличие в раках посторонних предметов. По утверждению академика Д.С.Лихачева, имели место случаи, когда до официального вскрытия в раки тайно подбрасывались посторонние предметы, например, окурки сигарет.

Вскрытие мощей подразумевало и их насильственное изъятие у Православной Церкви. Это связано с тем, что даже после «разоблачений», устроенных государством, почитание останков святых угодников не прекращалось. Планировалось властями и уничтожение мощей, однако немалую их часть все-таки удалось сохранить. Мощи праведного Симеона Верхотурского, например, спас ценой собственной жизни директор нижнетагильского музея А.Н.Словцов. Бывало, что мощи прятали, как это произошло, например, с останками праведного Артемия Веркольского.

Представители Церкви со своей стороны пытались воспрепятствовать издевательствам над телами святых. Будущий священномученик епископ Вологодский Александр (Трапицын) (память 14 января) возмущался кощунственными манипуляциями с мощами преподобного Феодосия

Тотемского, в обнаженном виде выставленными на всеобщее обозрение, и требовал прекратить беззаконие. Однако местная администрация к просьбам священномученика осталась глуха.

Святитель обращался не только к властям, но и к народу, разъясняя ему, что мнение о непреходящем нетлении мощей как о признаке святости не имеет оснований в учении Церкви.

«Только один Богочеловек наш Иисус Христос не увидел тления, – писал священномученик Александр, – все же люди, в силу определения Божия «земля еси, и в землю отыдеши», должны подвергаться и подвергаются тлению. Есть люди, которые утверждают, будто мощи святых непременно нетленные. Мнение этих людей, как одностороннее и неправильное, приносит много вреда Церкви. Церковь же под мощами понимает вообще останки святых в виде ли более или менее целых тел или в виде одних костей без тела». Архиепископ Александр приводил примеры из творений древних историков, показывающие, что мощи некоторых апостолов (Петра, Павла, Андрея, Луки, Тимофея) и первохристианских мучеников в IV–V вв. хранились в виде костей.

Особенную растерянность вызывали у советских богоборцев мощи, которые сохранились нетленными, например, тела святителей Феодосия Черниговского и Иоасафа Белгородского. В таких случаях атеистические агитаторы объявляли о «естественной мумификации», связанной с особыми метеоусловиями. Но осквернять останки при этом не забывали. Тело святителя Иоасафа, например, проткнули штыком, потом оно подверглось вскрытию и было выставлено в музее. Православные христиане тайно приходили помолиться святителю, и через некоторое время экспозиция была закрыта.

В августе 1920 г. Наркомат юстиции издал циркуляр о ликвидации мощей. Множество святых останков было перенесено в запасники музеев, множество было утеряно. А в народе позднее говорили, что обрушившийся на страну голод 1921 г. – наказание за поругание святынь.

Помимо удара по мощам атеистическое государство развернуло наступление и на другом направлении, уничтожая центры православной духовности – монастыри. Кошунственный процесс ликвидации обителей начался в 1918 г. Некоторые из монастырей сразу приспособлялись государством под свои нужды, в Московском Новоспасском монастыре был, например, уже в 1918 г. устроен концлагерь. Такая же судьба ждала Александро-Свирский и чуть позже Николаевский Верхотурский и Пафнутьево-Боровский монастыри. Наиболее известный и страшный из советских концлагерей был устроен в Соловецкой обители.

В 1919 г. был превращен в музей Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. В том же году были закрыты Николо-Бабаевский монастырь и Троице-Сергиева пустынь под Петроградом.

В 1920 г. Совет народных комиссаров, несмотря на просьбы верующих, посягнул на главную русскую святыню – Троице-Сергиеву лавру. В ней был устроен музей, но постепенно здания храмов и других строений были приспособлены под жилые дома, предприятия и организации. В течение следующих лет ленинского правления были закрыты и поруганы Глинская, Курская-Коренная и Смоленская Зосимова пустыни, Успенский Святогорский, Иосифо-Волоцкий, Суздальский Покровский, Шамординский монастыри. Некоторые обитатели, как правило с сильными традициями духовничества, смогли в этот момент избежать полного разорения и выжить под видом «трудовых коммун» или «сельскохозяйственных артелей». Таковыми считались, например, Киево-Печерская лавра, Оптина пустынь, Серафимо-Дивеевский монастырь, Троице-Одигитриева Зосимова пустынь и др.

Вместе с монастырями уничтожалась и духовная литература. В сентябре 1921 г. Ленин подписал проект постановления Полит бюро ЦКРКП(б) о свободной продаже книг, хранящихся на складах Москвы. В тексте говорилось, что «из числа книг, пускаемых в продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу».

Со своей паствой делил скорби и Святейший патриарх, арестованный в ночь на 25 ноября 1919 г. Святителю задали вопрос, сколько посланий он издал, как он относится к советской власти и передавал ли он благословение адмиралу А. В. Колчаку. Патриарх перечислил все изданные им послания, сказал, что отрицательное отношение к советской власти он изменит, лишь если она сама поменяет отношение к Церкви, и заявил, что благословения вождям Белого движения не посылал. На вопрос о политических убеждениях святитель Тихон отвечать отказался.

«Каких я лично теперь держусь политических убеждений это для вас совершенно безразлично, – сказал патриарх. – Я вам заявляю, что патриарх никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или иной формы правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования».

Хотя обвинить патриарха было не в чем, его все же поместили под домашний арест. Святителю было разрешено служить в домовый церкви и гулять в саду. Но проводить заседания Синода исповедник мог только с разрешения ЧК.

Деятельность Высшего церковного управления была серьезно затруднена. В августе 1920 г. патриарх Тихон был приглашен в Женеву на Всемирный съезд представителей христианских общин и церквей по борьбе с безбожием. Однако советское руководство святителя из страны не выпустило. Письмо вернулось в Швейцарию со штампом, что место проживания адресата неизвестно. Не было возможности собрать и полный состав Синода. В 1921 г. в заседаниях кроме патриарха Тихона могло участвовать всего несколько человек, обычно это были митрополит Сергий (Страгородский), митрополит Евсевий (Никольский) и архиепископ Михаил (Ермаков). В начале 1922 г. в работе Синода могло принять участие всего лишь два человека. Прекратил свою деятельность и Высший церковный совет. Не меньшей проблемой была и связь с епархиями, в связи с чем в ноябре 1920 г. было принято решение об их самоуправлении в случае невозможности установить контакт с церковным руководством.

Революционные потрясения дали мощный толчок к дальнейшим действиям как модернистам, так и всевозможным авантюристам. В 1917 г. в Петрограде была образована церковномодернистская группа «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян», включившая немалую часть столичного духовенства. Лидерами этой группы стали протоиерей Иоанн Егоров, священники Александр Введенский, Александр Боярский. Филиалы «Союза» были образованы в ряде российских городов, сторонники реформ издавали газету и журнал. Поддержку этой группе оказал профессор Петроградской духовной академии Б.В.Титлинов, занявший пост редактора «Церковно-общественного вестника» и превративший журнал в главный орган пропаганды модернизма.

Один из идеологов церковного обновления священник Александр Введенский заявлял, что в Церкви нужно остаться лишь для того, чтобы уничтожить патриаршество изнутри.

На смену «Союзу» в 1919 г. пришли новые организации. Протоиерей И.Егоров создал группу «Религия в сочетании с жизнью». Среди введенных им новшеств было вынесение престола на середину храма, изменение чинопоследований и др. В 1920 г. протоиерей И.Егоров был запрещен в священнослужении патриархом Тихоном, но продолжал служить на частной квартире. Не отставали и другие модернисты. Священник А.Введенский в 1921 г. создал «Петроградскую группу прогрессивного духовенства», а священник А.Боярский в Колпине – движение «Друзья церковной реформации». В Пензе основал «Народную церковь» низложенный за распутство архиепископ Владимир (Путята).

Отпор местным раскольникам дал будущий священномученик епископ Пензенский Иоанн (Поммер).

4 ноября 1921 г. патриарх Тихон обратился к пастве с посланием, где указывал на недопустимость богослужебных нововведений.

§ 2. Церковная ситуация на Украине

Особенностью послереволюционных лет стало обособление от России ряда территорий бывшей империи. В конце 1917 г. заявила о своей независимости Финляндия, подчинить которую коммунисты так и не смогли. Спешили отделиться от «Страны советов» прибалтийские и закавказские регионы. Подобные настроения присутствовали и на Украине.

Украинская Центральная рада во главе с М.Н.Грушевским в ноябре 1917г. заявила об автономии Украинской народной республики, а в январе 1918 г. – о ее независимости. Министром исповеданий Рада назначила Миколу Бессонова. До 1917 г. министр был епископом, но предпочел снять сан и вступить в брак. Стали нарастать настроения в пользу независимости Украинской Церкви от Московского патриарха. Была организована и Всеукраинская церковная рада, которую местное государственное руководство требовало поминать на службах вместо патриарха Тихона. Интриги против митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) провоцировал глава церковной рады архиепископ Алексий (Дородницын). Его сторону заняла и часть монахов Киево-Печерской лавры.

Митрополит Владимир пытался противостоять беззаконию. Жаркие споры развернулись на Киевском Соборе, который открылся в январе 1918 г. На Собор были командированы митрополиты Платон (Рождественский), Антоний (Храповицкий) и архиепископ Евлогий (Георгиевский). Автокефалия Украинской Церкви была отвергнута большинством голосов. Ввиду наступления на Киев Красной армии Собор закрылся, так и не приняв никакого решения.

По мере приближения красных украинское руководство эвакуировалось, и за порядком в Киеве уже никто не следил. Группы вооруженных людей, придерживавшихся революционных взглядов, постепенно брали контроль над городом. От их рук 7 февраля 1918 г. принял смерть митрополит Владимир.

Красные находились в Киеве недолго. Результатом Брестского мира стала оккупация Украины германскими войсками. 29 апреля 1918 г. при поддержке оккупантов гетманом Украины был провозглашен П.П.Скоропадский. Состоялись и выборы нового киевского митрополита. Большинство приходов проголосовало за противника церковной независимости Украины – митрополита Антония (Храповицкого).

Несмотря на то что местное государственное руководство склонялось к автокефалии, митрополит Антоний не допустил такого развития событий, 9 июля 1918 г. Всеукраинский Собор объявил только об автономии Украинской Церкви.

Германское влияние на Украине длилось всего несколько месяцев – союзники разгромили Германию без участия России.

Уход оккупационных войск означал и окончание власти гетмана Скоропадского. В декабре 1918 г. Киев был взят войсками «Украинской директории» В. К. Винниченко и С. В. Петлюры. «Директория» провозгласила Украинскую Церковь независимой, а наиболее активные сторонники единства с Российской Церковью, митрополит Киевский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий, были арестованы и переданы польским властям. Несколько месяцев иерархи провели под арестом в униатском монастыре. Тем временем в Киеве был организован самочинный Синод во главе с епископом Агапитом (Вишневым). Поминовение патриарха Тихона и митрополита Антония было запрещено. Однако вскоре ситуация вновь изменилась – петлюровцы были изгнаны из Киева, а епископ Агапит принес покаяние в раскольничьей деятельности.

В течение нескольких месяцев 1919 г. Украина находилась под контролем Вооруженных сил Юга России под командованием генерала А.И.Деникина. В этот период Церковью на Украине управлял митрополит Антоний (Храповицкий).

Осенью 1919 г. Красная армия заняла Киев, а в начале 1920 г. контролировала уже большую часть Украины. В 1920 г. во время оккупации Киева польскими войсками была создана новая Всеукраинская церковная рада, провозгласившая автокефалию. Однако и эта авантюра успехом не увенчалась.

В 1921 г. патриарх Тихон назначил экзархом Украины митрополита Гродненского Михаила (Ермакова), выступавшего против независимости Украинской Церкви. Автокефалисты пытались привлечь митрополита на свою сторону, но безуспешно. Не удалось самочинникам получить архиереев и от Грузинской Церкви.

Отчаявшись привлечь на свою сторону кого-либо из иерархов, автокефалисты во главе с профессором В. М. Чеховским пошли на беспрецедентное в церковной истории деяние – поставление «архиерея» без участия епископов. Чеховской утверждал, что главу Александрийской Церкви в древности рукополагали пресвитеры, помимо прочего возлагая на него десницу Иоанна Крестителя. Хотя эти аргументы были крайне несерьезны (александрийские пресвитеры лишь выбирали архиепископа, а

не рукополагали его, возложение десницы Предтечи было лишь благочестивой традицией), националистические предрассудки автокефалистов перевесили и здравый смысл, и православное учение о Церкви.

В качестве ставленника был избран священник Василий Липковский. 23 октября 1921 г. в киевском Софийском соборе группа иереев во главе с Нестором Шараевским, а также диаконы и миряне возложили на Липковского руки. За неимением десницы Иоанна Предтечи кощунственный акт был дополнен возложением на авантюриста десницы священномученика Макария Киевского († 1497). После всех этих действий Липковский был объявлен архиереем. Он совершил «хиротонию» над Шараевским, затем последовали другие «рукоположения». Так на Украине появилась новая иерархия, не имевшая апостольского преемства и вошедшая в историю как самосвятская. Новому течению, не только раскольничьему, но и еретическому, удалось привлечь на свою сторону около 1,5 тыс. приходов. Православная Церковь, подвергавшаяся репрессиям, а в 1922 г. получившая от советской администрации новый удар в виде обновленческого раскола, должным образом бороться с самосвятами не могла. И все же достойное сочинение, не оставляющее от липковщины камня на камне, появилось уже в 1922 г. Это был труд «Александрия и Египет» епископа Лоллия (Юрьевского).

§ 3. Церковная жизнь на территориях, занятых белыми армиями

Гражданская война разделила Россию линиями фронтов и нарушила связи ряда епархий с патриархом Тихоном. Задачей православных пастырей было духовное руководство русской армией, а также окормление местного населения. Свою основную задачу белая армия видела в освобождении России от большевиков, в обеспечении народу права свободного выбора будущего политического устройства, что не исключало впоследствии и восстановления монархии.

Наибольшего успеха белая армия достигла летом – осенью 1919 г., когда надежды на победу были особенно велики – войска адмирала А.В.Колчака к лету 1919 г. контролировали Сибирь, Урал и дошли до Волги. Осенью того же года развила успех Добровольческая армия генерала А.И.Деникина, контролировавшая южные губернии и подходившая к Туле.

Невозможность общения с патриархом привела к тому, что на этих территориях стали во множестве накапливаться нерешенные проблемы. Выходом стала организация на территориях, подконтрольных белой армии, независимых церковных управлений.

В ноябре 1918 г. в Томске был созван Собор в составе 13 архиереев, а также 26 членов Поместного Собора из духовенства и мирян. Председательствовал на Соборе архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), почетным председателем был митрополит Казанский Иаков (Пятницкий). Собор организовал Временное Высшее церковное управление (ВЦУ), председателем которого стал архиепископ Сильвестр (Ольщевский).

Но намного большую роль в истории Церкви сыграло другое ВЦУ, организованное на юге России в мае 1919 г. Именно тогда в Ставрополе-Кавказском состоялся Юго-Восточный Русский Церковный Собор. В качестве примера для своей деятельности Предсоборная комиссия рассматривала Томский Собор.

В Ставропольском Соборе, проходившем с 19 по 24 мая, приняло участие 11 архиереев, 22 священника, 1 монах и 20 мирян. Председателем Собора был избран архиепископ Митрофан (Симашкевич), почетным председателем – архиепископ Агафодор (Преображенский). 22 мая было принято решение о создании Временного Высшего церковного управления (ВЦУ), которому передавалась власть над всей территорией,

подконтрольной Вооруженным силам Юга России. Такое положение предусматривалось сохранять до установления нормальной связи с патриархом. Председателем ВЦУ стал архиепископ Митрофан (Симашкевич).

Свободное положение нового церковного органа позволяло ему решать вопросы, которые не могло взять на себя московское священноначалие, например, открытие новых епархий и викариатств. На юге России продолжалось издание газеты «Церковные ведомости». Полномочия ВЦУ признал и наиболее авторитетный русский архипастырь – митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), ставший его почетным председателем. Правда, принять участие в работе ВЦУ митрополиту не пришлось – до ноября 1919 г. он находился в Клеве, затем вместе с отступающими войсками уехал на Кубань, а в марте 1920 г. покинул Россию.

Русские иерархи, священники и монахи, уходившие на юг, по возможности старались спасать и церковные святыни. Епископ Курский Феофан (Гаврилов) увез с собой чудотворную Курскую-Коренную икону Божией Матери, а киевские пастыри вывезли частицу мощей преподобных отцов Киево-Печерской лавры, которые ныне находятся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

После поражения Добровольческой армии и переезда за границу А.И.Деникина центр антибольшевистского сопротивления переместился в Крым. Добровольческую армию возглавил генерал П. Н. Врангель. Понимая, что освободить страну от большевизма не сможет, генерал поставил своей целью сохранение независимости Крыма и создание здесь справедливого Русского государства, которое со временем привлечет симпатии народа всей России и приведет его к мысли о свержении коммунистического режима. Гарантом независимости Крыма Врангель считал Великобританию.

Стремясь к сохранению мира, руководство Добровольческой армии старалось не допускать политических дискуссий. Духовенству предписывалось дистанцироваться от политической проповеди, во всяком случае, таковая разрешалась священникам лишь под свою личную ответственность и желательно вне храма. Церковь поддерживала такую политику, старалась избегать политических споров, в том числе и монархических. Тем более что вожди Белого движения отводили православию в освобожденном отечестве ключевую роль. Генерал Деникин писал, что «возрождение России не может совершиться без благословения Божия и что в деле этом Православной Церкви

принадлежит первенствующее положение, подобающее ей в полном соответствии с исконными заветами истории». П.Н.Врангель считал, что необходимо проводить русскую политику, а партийные вопросы решать после освобождения России. Добровольческая армия была переименована в Русскую армию, а любая политическая проповедь в Крыму в 1920 г. была запрещена.

Единственной структурой, которая подвергалась осуждению со стороны ВЦУ, были коммунисты, которых считали не партией, а группой бунтовщиков, захвативших власть и уничтожавших русский народ. «Борьба Церкви с большевиками – не игра в политику, а борьба за Бога, за веру, за правду, за то святое вечное, чем жил и без чего не может жить человек», – излагала идею Белого движения газета «Церковные ведомости».

Перемещение церковного органа с Кубани в Крым неизбежно должно было привести и к смене главы церковного управления. После переезда в Симферополь ВЦУ возглавил архиепископ Димитрий (Абашидзе). В сентябре 1920 г. Врангель пригласил в Крым митрополита Антония (Храповицкого). Проживавший в то время на Афоне архипастырь после недолгого раздумья решил принять приглашение. В Крыму митрополит Антоний вновь занял место почетного председателя ВЦУ, однако большую часть времени проводил в Херсонесском монастыре.

Невозможность для патриарха Тихона решать многие вопросы побудила ВЦУ Юга России взять их на себя. В августе 1920 г. ВЦУ направило архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) на Всемирный съезд представителей христианских общин и церквей по борьбе с безбожием, а также совершило ряд назначений на зарубежные кафедры и приходы. Архиепископ Евлогий (Георгиевский) был назначен управляющим заграничными русскими приходами, а архиепископ Анастасий (Грибановский) – представителем ВЦУ при Вселенской патриархии.

Высшее церковное управление вело переговоры с Константинополем по ряду вопросов общецерковного характера. Среди таких вопросов следует назвать проблему польской автокефалии, которую в тот момент удалось предотвратить благодаря действиям ВЦУ. Также этот орган выступил и против грузинской автокефалии. Обсуждались и другие вопросы, – например, проблемы духовной миссии в Китае, миссионерства среди униатов, перемещения заграничного духовенства и др.

Патриарх Тихон считал ВЦУ законным органом и в период действия его на Северном Кавказе, и в период его пребывания в Крыму, хотя в тот

момент оно состояло в основном из архиереев, оставивших свои кафедры. Святитель Тихон впоследствии признал все решения ВЦУ юга России, в том числе архиерейские хиротонии и назначения иерархов. Так, по решению ВЦУ были рукоположены епископ Мариупольский Андрей (Мурин) и епископ Лубенский Серафим (Соболев), переведен на Екатеринославскую кафедру епископ Гермоген (Максимов), воссоединен с Православной Церковью епископ Сергей (Лавров), уклонявшийся в англиканство и др.

Проблемой для духовенства была борьба с религиозным равнодушием и даже безверием, которые для Белого движения не были редкостью. Случались несправедливости и даже грабежи местного населения. К сожалению, представители светской и церковной власти нередко закрывали глаза на духовные проблемы. Глава духовенства Добровольческой армии протопресвитер Георгий Шавельский вспоминал, как на параде 7 апреля 1920 г. неудачно вразумлял воинов:

«—От имени пророка говорю вам: если не покаетесь и не исправитесь, все погибнете (Ис. 1, 18–20), — так начал я свою речь.

Дальше я говорил о том, что воины должны уяснить себе: почему это их встречали с благословениями, а провожали их, при отступлении, с проклятиями; что святое дело нельзя делать грязными руками и т.д. Врангель нервничал во время моей речи. Видно было, что не по сердцу пришло ей. После меня выступил Вениамин [Федченков].

—Протопресвитер сказал, что вы погибнете, — начал он свою речь. — А я, епископ, говорю вам: нет, не погибнете!

И затем, обратившись к Врангелю:

—Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и т. д. (Мф.16, 18:20).

Во время речи Вениамина просиял Врангель».

23 октября 1920 г. ВЦУ на юго-востоке России вынесло решение, что «все русские Церкви за границей Высшее Церковное Управление считает в своем подчинении до установления связи с Св[ятейшим] Патриархом Московским». В ноябре в Крым вошли большевики и Русская армия Врангеля покинула полуостров. Вместе с ней ушли в эмиграцию и почти все члены ВЦУ. Из архиереев в Крыму остался лишь архиепископ Димитрий (Абашидзе).

Постепенно Белое движение угасало. Красная армия, занимая новые территории, часто не щадила духовенство, заподозренное в связях с антибольшевистскими силами. В вину пастырям могли поставить не только антикоммунистическую проповедь, но и молебен, и панихиду. Так,

вскоре после взятия Омска погиб архиепископ Сильвестр (Ольшевский) (память 26 февраля). Многие погибали без суда. Священномученик иерей Зиновий Сутормин находился в гостях у сына в с. Шемонаиха (Северный Казахстан), когда в село ворвались красноармейцы. Несмотря на то, что пастырь не имел отношения к местной церковной и общественной жизни, он был схвачен. Священномученик погиб 23 января 1920 г. – красноармейцы отрубили ему голову. Вместе со священником были убиты его сын с женой и их пятилетний ребенок. В 1921 г. в Западной Сибири вспыхнуло восстание, вызванное зверствами красных продотрядов. Восстание было подавлено, 17 февраля 1921 г. каратели вошли в Петропавловск. Священномученик Мефодий (Красноперов), епископ Петропавловский, в тот момент находился на площади перед храмом. Архипастырь был заколот штыками, и, уже мертвому, ему вонзили крест в одну из ран (память 17 февраля).

Глава 4. Российская Церковь в 1921–1925 гг.

§ 1. Кампания по изъятию церковных ценностей

Лето 1921 г. было ознаменовано очередным народным бедствием – голодом. Главной причиной трагедии стали экономические эксперименты советской власти, ждавшей победы коммунистов во всем мире и планировавшей полностью ликвидировать рыночные отношения. На смену деньгам должно было прийти всеобщее распределение. Русское крестьянство стало первой жертвой новой системы. В соответствии с системой продразверстки, крестьянам полагалось оставлять у себя лишь часть урожая, а основную часть собранного хлеба отдавать государству. «Свободная торговля хлебом, – писал Ленин, – есть государственное преступление. «Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать», – так рассуждает крестьянин, по привычке, по старине. А мы говорим, что это государственное преступление». Крестьяне, отказывавшиеся сдавать хлеб, объявлялись кулаками и врагами народа – таким грозил срок заключения от 10 лет. «Провести беспощадную, террористическую войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба», – распорядился Ленин. Сельскую местность наводнили распропагандированные «продотряды», настроенные на войну против контрреволюционеров и «кулаков». Реакция крестьян на ограбление была закономерной – униженные, разоренные, не добившиеся справедливости, они стали меньше сеять. С сокращением посевных площадей упала урожайность. Погодные условия усугубили положение. Результатом ленинских экспериментов стало то, что в 1921–1922 гг. голод охватил 35 губерний Украины, Поволжья, Северного Кавказа и др. Голодало 40 млн человек, а количество умерших от голода по советским оценкам достигло 5 млн человек.

Разделяя народное горе, патриарх Тихон обратился к российской пастве, народам мира, Восточным патриархам, Папе Римскому и Архиепископу Кентерберийскому с просьбой помочь голодающим. По храмам прошли сборы денег, сам святитель Тихон принял участие в работе «Всероссийского общественного комитета помощи голодающим» (Помгол).

Ограбление Церкви, как, впрочем, и всех слоев населения, началось уже после октябрьского переворота – золото и драгоценности отбирались тогда вообще у всех. Богатейшая страна, доставшаяся большевикам, имела ресурсы для преодоления голода – известно, например, что советское руководство в те годы выделяло огромные деньги коммунистическим

боевикам по всему миру. Однако голод 1921 г. дал большевикам повод не только снова поживиться за счет Церкви, но и лишний раз дискредитировать ее. А потому любое сотрудничество с «церковниками» в деле помощи страждущим было решено прекратить, а против духовенства развернуть очередную пропагандистскую кампанию.

27 августа 1921 г. Помгол был распущен, а средства, собранные им, изъяты. В печати стали публиковаться статьи, где Церковь обвинялась в безразличии к народному горю. 12 ноября советское руководство создало комиссию по учету и сосредоточению ценностей. Церковь к работе комиссии привлекать не предполагалось. Общее руководство кампанией было возложено на председателя Реввоенсовета Л.Д.Троцкого.

Церковь по-прежнему была готова к сотрудничеству. 6 февраля 1922 г. патриарх Тихон издал послание с призывом к приходским советам жертвовать драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления. Этого оказалось недостаточно. 23 февраля ВЦИК постановил изымать из храмов все драгоценные предметы, в том числе и богослужебные. Это подразумевало, что изъятие будет иметь насильственный характер. 28 февраля патриарх издал новое послание, где высказался против передачи предметов, имеющих богослужебное предназначение. Использование таких предметов не по назначению, по словам главы Российской Церкви, является святотатством, которое карается для священнослужителей лишением сана, а для мирян отлучением от Церкви. Послание патриарха дало повод властям обвинить его в саботаже, а пресса тут же извратила слова святителя, будто бы предложившего жертвовать не ценности, а хлам.

Тем временем в Петрограде митрополит Вениамин (Казанский) старался предотвратить столкновение с властями. 6 марта 1922 г. митрополит подал на имя комиссии заявление, где выражалась готовность передать для нужд голодающих церковное достояние, включая богослужебные сосуды. При этом архипастырь ставил ряд условий, в том числе возможность контроля за судьбой ценностей. В комиссию по изъятию ценностей митрополит предложил ввести представителей приходов. Заявление было принято. Архипастырь благословил собравшихся и сказал, что своими руками готов снять ризу с Казанской иконы Божией Матери. Газета «Известия» опубликовала сообщения об искреннем желании петроградского духовенства передать ценности на нужды страждущих.

Действия петроградского святителя не спасли положение. На местах изъятие ценностей нередко проходило в форме грабежа, что встречало

сопротивление населения. Широкую известность приобрело изъятие церковных ценностей в Шуе 15 марта 1922 г., когда по толпе прихожан, собравшихся возле собора, был открыт огонь из пулемета. Пять человек было убито, несколько десятков ранено. Шуйские события стали поводом для начала масштабной кампании против Церкви. Советская пропаганда могла теперь клеймить духовенство как саботажников и врагов голодающего народа. 19 марта в секретном письме в Политбюро Ленин писал, что в Шуе необходимо арестовать «не меньше чем несколько десятков представителей местного духовенства, мещанства и буржуазии». Далее коммунистический лидер предписывал дать устную установку судьям закончить процесс массовыми расстрелами «опасных черносотенцев» как в Шуе, так и в других городах. «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», – направлял волну террора советский вождь. Ленин указывал, что принимать участие в мероприятиях должен только председатель Центрального исполнительного комитета (ЦИК) М.И.Калинин, в то время как имя Троцкого фигурировать не должно.

В ходе кампании Ленин планировал обогатить казну сотнями миллионов золотых рублей. При этом уже весной 1922 г. было понятно, что собранные средства голодающим не помогут. Свезти в Москву церковное золото и серебро, переплавить его, продать, закупить за границей хлеб и распределить его – все это должно было занять несколько месяцев, а к тому времени появится новый урожай. Впоследствии все так и произошло.

30 марта Политбюро по предложению Троцкого приняло план разгрома Церкви. В соответствии с этим планом предполагалось арестовать патриарха и Синод, развернуть в печати антицерковный «бешеный тон», а также приступить к массовому изъятию ценностей по всем церквам. На жестоких мерах против Церкви настаивали Ф.Э.Дзержинский, И.С.Уншлихт и Т.П.Самсонов. Результатом стало то, что власть при изъятии ценностей прибегала к оружию 1414 раз. По предписанию Ленина, по всей стране прокатились антицерковные судебные процессы.

В Шуе от настоятеля местного собора протоиерея Павла Светозарова требовали признать наличие контрреволюционного заговора. Хотя пастырь не был причастен к беспорядкам и наличие заговора не удалось доказать, отец Павел был приговорен к расстрелу. Вместе с ним были расстреляны священник Иоанн Рождественский и мирянин Петр Языков

(память мучеников 10 мая).

В апреле – мае 1922 г. прошел судебный процесс против московского духовенства и мирян. Православных обвиняли в сопротивлении изъятию ценностей, хотя часто оно могло выражаться в простом словесном возмущении происходящим. Показателен допрос одного из обвиняемых – иеромонаха Макария (Телегина). Принявший монашество после чудесного видения в раннем детстве отец Макарий с юности жил как подвижник, подолгу уходя для молитвы в пещеру. На суде преподобномученик держался независимо и смело. На вопрос судей о его убеждениях он отвечал:

–Я по убеждениям монархист.

–Как же вы монархист, когда монарха нет? Ведь апостол Павел говорит: повинуйтесь существующей власти.

–Я и повинуюсь: живу тихо, смиренно, как все смертные, власти не касаюсь.

–Это Вы там (в домово́й церкви) оскорбили Комиссию?

–Да, я назвал членов ее грабителями и насильниками. Я служитель Престола, и мне очень тяжело, когда отбирают священные предметы.

Арестованных пастырей обвинили и в рассылке послания патриарха Тихона, которое было названо контрреволюционным.

8 мая суд приговорил к расстрелу 11 человек, однако шестеро из них были помилованы. Пять человек – протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христофор Надеждин, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергий Тихомиров были расстреляны (память мучеников 26 мая).

«Для меня лично смерть не страшна, – говорил священномученик Александр Заозерский, – я верую, что Господь каждому шлет умереть тогда, когда надо».

«Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом», – сказал перед смертью преподобномученик Макарий.

Было решено привлечь к ответственности и патриарха Тихона. Параллельно с этим в ГПУ готовили и церковный раскол.

Группа петроградского духовенства во главе с Александром Введенским обманом завладела канцелярией патриарха и заявила о создании «Высшего церковного управления». Это стало началом обновленческого раскола. Митрополит Петроградский Вениамин наложил на раскольников прещение и был арестован.

10 июня в Петрограде открылся процесс против 86 человек, среди которых был и священномученик Вениамин. Тысячи православных петроградцев толпились возле здания бывшего Дворянского собрания,

ожидая, когда привезут их любимого архипастыря. Когда показалась конная стража, люди опустились на колени и запели: «Спаси, Господи, люди Твоя...» Священномученик со слезами на глазах благословил народ.

Подсудимых обвиняли в сопротивлении изъятию церковных ценностей с целью вызвать народные волнения и организовать единый фронт «с международной буржуазией против советской власти». Митрополиту Вениамину, а заодно и патриарху Тихону приписали еще и выполнение неких мифических «зарубежных директив».

Митрополит Вениамин категорически отверг все обвинения, старался спасти и остальных.

«Я ни в чем не виноват перед теми рабочими, которые вас, судьи, послали судить меня, – сказал иерарх в своем последнем слове. – Я аполитичен, живу только интересами Церкви и народа и во всем выполняю веления Господа. Не виноваты и другие. ... Каков бы ни был ваш приговор, я буду знать, что он вынесен не вами, а идет от Господа Бога, и что бы со мной ни случилось, я скажу: слава Богу».

Не признал себя виновным и профессор Юрий Новицкий – председатель правления Общества объединенных петроградских православных приходов. За год до процесса Юрий Петрович перенес еще одну трагедию – от тифа умерла его жена. В своем последнем слове мученик Юрий сказал:

«Если все-таки нужна жертва в этом процессе, возьмите мою жизнь, но пощадите остальных. Хотя после меня и останется одна четырнадцатилетняя девочка».

С возмущением встретил обвинение и мученик Иоанн Ковшаров – профессиональный адвокат.

«Общественный обвинитель Смирнов, – сказал мученик Иоанн, – неоднократно называл нас здесь лжецами, лицемерами, обманщиками. Но он нас должен бы был назвать сумасшедшими, если бы мы вздумали начать войну с советской властью с целью ее свержения с армией баб и подростков. И это после того, как эту власть не могли свергнуть вооруженные организованные армии Колчака, Деникина, Юденича».

Опровергнув все доводы обвинения, мученик подвел итог: «Для братской могилы в 16 человек материала для обвинения мало».

5 июля приговор был вынесен. К смертной казни было приговорено 10 человек – митрополит Вениамин, епископ Венедикт (Плотников), архимандрит Сергей (Шейн), протоиереи Н.Чуков, Л.Богоявленский, М.Чельцов, миряне Ю.Новицкий, И.Ковшаров, Д.Огнев, Н.Елачич. Основная масса обвиняемых была приговорена к разным срокам

заклучения, 22 человека были оправданы. Однако 10 июля в «Известиях» появилось сообщение о помиловании шести приговоренных к смертной казни. Приговор был оставлен в силе для митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шейна), Юрия Новицкого, Иоанна Ковшарова.

Мученики оставались твердыми.

«Я радостен и покоен как всегда, – писал священномученик Вениамин за несколько дней до расстрела. – Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорош о. За судьбу Церкви Божией я не боюсь».

«Дорогая мама. Прими известие с твердостью. Я знаю давно приговор. Что делать? Целую тебя горячо и крепко. Мужайся. Помни об Оксане. Юрий» – такую записку отправил матери мученик Юрий Новицкий.

О последних днях жизни священномученика Сергия (Шейна) сохранил сведения находившийся с ним в одной камере протоиерей Михаил Чельцов. В тюрьме пастыри читали акафисты, служили панихиды по усопшим родственникам и близким. Священномученик Сергий утешался чтением трудов святителя Иоанна Златоуста. Перед смертью отец Сергий исповедовался у протоиерея Михаила. Последний впоследствии всю жизнь благодарил Бога за краткое знакомство со святым.

В ночь на 13 августа священномученики Вениамин и Сергий, мученики Юрий и Иоанн были расстреляны.

Изъятие ценностей стало поводом для репрессий против всего духовенства, что ярко показал, например, процесс над приходским священником Аркадием Остальским. Пастырь был арестован вместе со своим пожилым отцом – священником. Отец умер в заключении, а сам иерей Аркадий предстал перед «судом». Свидетели говорили о своем священнике как о бесребренике, всегда помогавшем людям. Однако, по мнению прокурора, эти характеристики только усугубили вину святого, показывая в нем человека идейного.

«Такие люди, как священник Аркадий Остальский, крайне вредны для советского государства», – сказал прокурор. «Суд» приговорил отца Аркадия к расстрелу.

«Благодарю Бога за всё, – сказал тогда священник. – Для меня смерть – приобретение». По настойчивым ходатайствам прихожан смертная казнь все же была заменена тюремным сроком. Священномученик Аркадий был расстрелян 15 лет спустя, будучи епископом (память 29 декабря).

Изъятие ценностей должно было закончиться в мае 1922 г., хотя в некоторых регионах затянулось до осени. Общая сумма изъятого составила около 7 млн 570 тыс. золотых рублей, то есть мечты Ленина о «сотнях

миллионов» так и не осуществились. На голодающих пошла лишь ничтожная часть награбленного, в то время как основная часть ценностей была направлена в казну и на продажу за границу. Изъятые у Церкви переплавляли и реализовывали еще несколько лет спустя. Преодоление голода было связано не с изъятием церковных ценностей, а с заменой продразверстки относительно человеческим продналогом, а также хорошим урожаем 1922 г.

Однако ограбление Церкви не прекратилось. Храмы и монастыри закрывались, церковное имущество попросту захватывалось. Европейский рынок был переполнен древними иконами, которые из-за этого упали в цене. Чтобы как-то реализовывать захваченное, большевики шли на различные выдумки. Так, лагерное соловецкое начальство наладило производство дорогих шкатулок, сделанных из древних икон. Вошли в моду и шахматные доски, сделанные из потемневших старых образов. Черными клетками на таких досках были остатки древней иконописи. Шла торговля тканями. Часть изъятых у Церкви бархатных и парчовых облачений закупил Большой театр и ювелирное товарищество. Ткань использовалась по-разному, ювелиры, например, одно время вытягивали из облачений золотые нити. Однако процесс оказался трудоемким, и облачения за бесценок стали продавать за границу. Друзья Ленина предприимчивые братья Хаммеры наладили продажу облачений западным швейным предприятиям, шившим из этих тканей туфли и сумочки. За копейки, на вес, продавались за границу и древние богослужебные книги и свято отеческие творения.

Распродажа церковных ценностей (так же, как и музейных экспонатов) растянулась до конца 1930-х гг.

§ 2. Начало обновленческого раскола

Коммунистическое руководство понимало, что ликвидировать Православную Церковь путем ее запрета невозможно. Ликвидация Церкви рассматривалась как постепенный процесс, одним из этапов которого должен был стать спровоцированный раскол, вошедший в историю как обновленческий.

Предпосылки к церковной смуте имелись еще в дореволюционной России. С одной стороны, будущий раскол базировался на стремлении некоторой части белого духовенства и церковнослужителей принимать активное участие в церковном руководстве. С другой стороны, были сильны и реформаторские настроения. Некоторые из сторонников реформ искренне полагали, что обновление поспособствует православному просвещению, привлечет в храмы равнодушных. Еще в 1905 г. Синод разослал архиереям письмо с просьбой указать свои соображения о необходимых в церковной практике изменениях. Практически все иерархи высказались за те или иные преобразования. Сторонники отдельных реформ были и среди будущих новомучеников – так, священномученик Александр Хотовицкий считал полезным упразднить иконостасы, святитель Агафангел (Преображенский) считал правильным читать Евангелие лицом к народу. Были предложения поменять порядок евангельских чтений ради большей назидательности, а также ввести сокращенный вариант устава. Такие проекты в те годы не смущали, поскольку шли в русле церковной полемики. Умеренные попытки перевода богослужебных текстов и сокращения некоторых чинопоследований предпринимались еще до революции. Большой проблемой было, например, богослужение в армии и на флоте. Совершить богослужение полностью в походных и боевых условиях было невозможно, вследствие чего пастыри допускали сокращение по своему усмотрению, неразумно жертвуя его главными моментами. Для преодоления этих тенденций в 1915 г. был разработан всеобщий сокращенный чин для армейских и флотских храмов, утвержденный императором.

Параллельно с разумным подходом к реформам еще до революции наметились предпосылки и к нездоровому реформированию, порой в протестантском духе. Некоторые модернисты пытались использовать их в духе потворства своим страстям, выражая готовность жертвовать канонами и древними традициями. Среди таких предложений были

разрешение второго брака для священнослужителей, введение женатого епископата и т. п.

Как уже говорилось выше, революция подняла на поверхность множество скандальных личностей, защищавших антиканонические новшества, а также стремившихся к захвату церковной власти. Наличие таких группировок дало большевикам повод считать, что Церковь находится в кризисе и ее уничтожение вполне реально. «Церковь разваливается, – злорадствовал Дзержинский В конце 1920 г., – этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК». Троцкий предложил спровоцировать раскол в Русской Церкви и добиться прихода к власти обновленцев – представителей «прогрессивного духовенства», готового на любые услуги. Но создание раскола планировалось лишь как временная мера. Уже в 1922 году Троцкий писал, что надо готовить кампанию против обновленческой структуры.

Свои действия по расколу Церкви советская администрация продолжала в течение 1920-х гг., то есть фактически до того момента, пока не посчитала ее окончательно сломленной.

Началом обновленческого раскола считается май 1922 г., когда власть в Российской Церкви попыталась захватить группа авантюристов.

5 мая патриарх Тихон был оповещен властями, что юридической силы постановления московской церковной власти больше не имеют. В тот же день был получен ордер на арест патриарха и членов патриаршего управления, среди арестованных были и ближайшие помощники святителя Тихона – архимандриты Анемподист (Алексеев) и Неофит (Осипов). Помещения Троицкого подворья, где находилось церковное управление, были опечатаны ГПУ, все приходившие к патриарху посетители задерживались чекистами. 8 мая московский ревтрибунал вынес постановление в незаконности «православной иерархии». В любой момент ожидал ареста и глава Российской Церкви, назначивший вместо себя местоблюстителя – митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского). Однако уверенности, что этого архипастыря допустят к управлению, у патриарха не было.

На этом фоне группа связанного с ГПУ «инициативного духовенства» – священники А. Введенский, Е. Белков, С. Калиновский и псаломщик С. Стадник стали убеждать Первоиерарха, что советские органы готовы пойти Церкви навстречу и даже созвать Собор. Условием был уход патриарха на покой. Введенный в заблуждение святитель счел, что «инициативная группа» действительно сможет договориться с властями и

исправить церковно-государственные отношения до прибытия в Москву митрополита Агафангела. Однако передавать этим людям власть святитель не собирался. В соответствии с патриаршим распоряжением «инициативная группа» могла принять от ГПУ только патриаршую канцелярию для регистрации входящих дел без прав управления. Канцелярские дела по Московской епархии патриарх передал епископу Иннокентию (Летяеву), а до его прибытия – епископу Леониду (Скобееву).

Однако митрополиту Агафангелу власти не позволили покинуть Ярославль, а «инициативная группа» священников-авантюристов представила дело как передачу патриархом полноты власти. Патриарх, с 19 мая находившийся в заточении, влиять на ситуацию не мог.

Начавшийся раскол тут же поддержали два архиерея – епископ Верненский Леонид (Скобеев) и пребывавший на покое епископ Антонин (Грановский). Если первый из них зарекомендовал себя к тому времени не успел, то второй был заметной личностью и крупным исследователем. При этом в памяти современников он остался человеком, прославившимся странностями своего угрюмого характера, скандальными политическими заявлениями и самочинными богослужебными новшествами.

Раскольники образовали свое «Высшее церковное управление», а после перевода патриарха Тихона в Донской монастырь обосновались на Троицком подворье. Вскоре самочинники провозгласили создание новой организации – «Живой церкви». Центральный комитет новой организации возглавил священник Владимир Красницкий.

На очереди был захват власти на местах. По стране разъехались 56 уполномоченных, задачей которых было принуждение местных архиереев и духовенства к признанию обновленческой структуры. При поддержке местных властей несогласные присоединиться к расколу изгонялись из епархий. Так, от управления своими епархиями были отстранены митрополиты Казанский Кирилл (Смирнов), Ярославский Агафангел (Преображенский), Новгородский Арсений (Стадницкий) и многие другие.

Неудача ждала раскольников в Петрограде. Митрополит Вениамин (Казанский) издал послание, в котором священники А. Введенский, В.Красницкий и Е.Белков, без воли правящего архиерея отправившиеся в Москву и создавшие «Высшее церковное управление», отлучались от церковного общения до принесения покаяния. На следующий день митрополит Вениамин был арестован. Впереди его ждал «суд» по делу о церковных ценностях и расстрел. Вместо него управляющим Петроградской епархией стал епископ Ямбургский Алексей (Симанский), снявший наложенное на раскольников прещение и признавший

обновленцев. Однако уже в июне 1922 г. он отказался от управления Петроградской епархией и 1 июля был уволен от управления ею обновленческим ВЦУ.

Неожиданный удар по Православной Церкви нанесла группа авторитетных иерархов, издавших так называемый «Меморандум трех». Это были митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), архиепископы Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков). Иерархи признали обновленческое ВЦУ «единственной канонической церковной властью» и призвали православную паству подчиниться ей. В целом раскол поддержало около половины епископов Российской Церкви. Причины поддержки нового раскола были разные. Одни руководствовались честолюбием и властолюбием, другие стремлением угодить властям, третьи из страха, четвертые посчитали, что после ареста патриарха Тихона другого церковного управления не осталось. Было немало и тех, кто присоединился к расколу по недоразумению, не разобравшись в ситуации.

Больших успехов раскольники добились в Сибири и на Северном Кавказе. Эти территории в годы Гражданской войны долгое время находились под контролем белых, и практически любого священника можно было легко шантажировать тем, что он когда-то контактировал с офицерами Колчака и Деникина. По всей стране прокатились захваты православных храмов обновленцами.

К своим реформам живоцерковники приступили сразу. В частности, начались хиротонии во «епископов» женатых священников. После отказа епископа Алексия (Симанского) от управления Петроградской епархией (июнь 1922 г.) обновленцы поставили туда «епископом» протоиерея Николая Соболева. Для закрепления своих беззаконий и подготовки будущего «Собора» 6 августа 1922 г. в Москве был организован «Всероссийский съезд белого духовенства». Съезд ходатайствовал перед будущим «Собором» о введении женатого епископата и разрешении второбрачия для клириков. Епископ Антонин (Грановский), не приветствовавший таких крайностей, был изгнан со съезда и вскоре организовал свою группировку – «Церковное возрождение». К новой структуре примкнули также Введенский, Боярский и Белков, однако вскоре они организовали раскол в расколе – «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ) во главе с Введенским и Боярским. Один из обновленческих лидеров, С. Калиновский, вовсе вышел из состава ВЦУ, спустя год снял священный сан, отрекся от веры и в последующие годы выступал с атеистическими лекциями.

Оказывая поддержку обновленцам, ГПУ не планировало оставить их без надзора. Раскольники были для коммунистической власти лишь временными союзниками, а в перспективе – теми же врагами. В прессе положение православия описывалось так: создание обновленческого раскола и удар по патриарху Тихону – это некое подобие Февральской революции в Церкви. А окончательное уничтожение религии будет «Октябрем».

Объединяющее значение для православной паствы сыграло послание патриаршего местоблюстителя митрополита Агафангела в июне 1922 г. Святитель жестко порицал раскол и призывал епархии переходить на временное самоуправление. Это послание помогло сориентироваться православному населению и нанесло удар по обновленчеству. Неслучайно за распространение этого документа грозил срок заключения. Однако победить раскол, поддерживаемый ГПУ, было непросто.

В конце 1922 г. обновленцы вновь объединились в «Высшее церковное управление». Епископ Антонин, Красницкий и Введенский вошли в ВЦУ в качестве глав отдельных фракций. Обновленческий раскол перекинулся и на Украину. В феврале 1923 г. здесь было образовано «Высшее всеукраинское ВЦУ». Поддержали раскольников архиепископ Пимен (Пегов), вскоре возглавивший «Украинскую автокефальную церковь», и епископ Лоллий (Юрьевский). Однако на Украине раскол выражался не в проведении антиканонических реформ, а в стремлении к автокефалии, которую сепаратисты рассчитывали получить от обновленческого ВЦУ в Москве.

Обновленцы открыли свой «Собор», названный «Вторым Поместным», 2 мая 1923 г. в храме Христа Спасителя. В мероприятии участвовало 476 делегатов, разделенных на «партии». От живоцерковников их было 200, от СОДАЦ – 116, от «Церковного возрождения» – 10. Также присутствовало 3 беспартийных обновленца и 66 депутатов от «умеренных тихоновцев», не приветствовавших реформ, но поддерживавших ВЦУ. Председателем «Собора» стал женатый «митрополит Сибирский» Петр Блинов, почетным председателем – возведенный в сан «митрополита» Антонин (Грановский).

«Собор» утвердил главные обновленческие реформы: женатый епископат и второбрачие духовенства. Показательным было решение и относительно патриарха Тихона. Раскольники заявили, что он лишен сана и монашества и теперь является мирянином Василием Беллавиным. Также «отлучалось от Церкви» и духовенство Русской Зарубежной Церкви, поддерживавшее патриарха. Само восстановление патриаршества было

объявлено контрреволюционным актом. Среди скандальных деяний «Собора» было предложение отказаться от почитания мощей и ликвидировать их, а также объявление капитализма смертным грехом.

Были возвышены и ревностные деятели раскола. Красницкий был удостоен сана «протопресвитера», женатый Александр Введенский был рукоположен во «епископа Крутицкого» и сразу же возведен в «архиепископы».

Ситуация для Церкви с мая 1922 г. складывалась тревожная. Многие иерархи были изгнаны с кафедр, многие ушли в раскол. Практически без канонических православных церквей остался Петроград. В некоторых регионах православных храмов не оставалось вовсе, все церковные здания были захвачены раскольниками, в то время как последователи патриарха Тихона не имели возможности служить открыто. Организацию тайных тихоновских приходов благословляли верные Православной Церкви архиереи.

Патриарх находился под арестом в Донском монастыре. В его распоряжении была небольшая келья и часть стены, куда святитель имел возможность выходить. Православный народ знал это место, многие подолгу дежурили у монастырской стены, ожидая выхода первоиерарха. Отсюда исповедник благословлял народ. В начале 1923 г. святитель Тихон был переведен в тюрьму на Лубянке. Здесь он провел больше месяца, ожидая показательного процесса и последующего расстрела.

В тот момент у советской администрации были более важные дела, чем суд над патриархом. Лидер коммунистов Ленин вследствие болезни практически не принимал участия в управлении государством, в то время как за власть в стране насмерть бились Троцкий, Каменев, Зиновьев и Сталин.

Натянутыми были отношения советского режима с Западом. В мае 1923 г. последовала нота английского министра иностранных дел Керзона с требованием прекратить «экспорт революции», который большевики осуществляли через финансирование коммунистических партий по всему миру. Среди пунктов ультиматума было и требование прекратить преследования за веру, жертвой которых является среди прочих и патриарх Тихон.

Советское руководство решило уступить, однако обусловить выход патриарха на свободу рядом условий, разработанных членом ЦК Е.М.Ярославским (Губельманом). Глава Российской Церкви должен был: 1) раскаяться в «преступлениях» против рабочих и крестьян, 2) отмежеваться от контрреволюционных организаций, 3) осудить

Карловацкий Собор Русской Зарубежной Церкви, 4) согласиться с церковными реформами – орфографией и новым календарем. Ярославский считал, что патриарха можно временно освободить, но впоследствии арестовать вновь.

16 июня 1923 г. патриарх подал заявление в Верховный суд РСФСР, где раскаивался в проступках против государственного строя. Среди таковых указывались: осуждение Брестского мира, анафематствование властей и воззвание против изъятия церковных ценностей. «Я отныне советской власти не враг, – писал патриарх. – Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». Вскоре заявление было опубликовано.

28 июня и 1 июля патриарх Тихон выступил с двумя посланиями, где говорил о незаконности обновленцев и их распоряжений. Патриарх выступил также и против посягательств на советскую власть и заявил о несогласии с посланиями Карловацкого Собора Русской Зарубежной Церкви о восстановлении царя из дома Романовых и необходимости интервенции против большевиков. Святитель настаивал на аполитичности Церкви, указывая, что она не может быть ни «белой», ни «красной».

Аполитичность стала основанием для освобождения патриарха Тихона. Он получил свободу 25 июня 1923 г. Освобождая патриарха, советская администрация надеялась, что народ отвернется от него, однако этого не произошло. Сразу после освобождения Святейший отправился на Лазаревское кладбище, где похоронили известного московского подвижника – протоиерея Алексия Мечёва. Кладбищенский храм принадлежал обновленцам, и святитель Тихон не стал входить в него. Облачившись, патриарх прошел на кладбище. Паства встретила освобожденного святителя с восторгом, печаль об усопшем пастыре сменилась радостью от освобождения исповедника. Народ забрасывал живыми цветами и усопшего святого – отца Алексия, и живого святого – патриарха Тихона. По окончании чина погребения Святейший долго благословлял народ.

§ 3. Церковное управление в 1923 –1925 гг.

Получив свободу, патриарх начал приводить в порядок жизнь Церкви. Летом 1923 г. был создан Временный Патриарший Синод, в состав которого вошли архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский), Иларион (Троицкий), а позднее архиепископ Петр (Полянский). Под некоторыми определениями Синода стоят подписи других архипастырей, например, архиепископа Иосифа (Петровых).

Положение патриарха Тихона в те годы охарактеризовал священномученик Петр (Полянский): «Святейший в настоящее время находится в ужасных условиях, именно между молотом и наковальней. С одной стороны, нужно подчиниться гражданской власти, а с другой – в церковных делах ей никак нельзя подчиняться, ибо она безбожна и ведет к разрушению Церкви».

Ради сохранения Церкви и возможности вести борьбу с расколом новый Синод заявил об отмежевании от контрреволюции и предписал почитать власть за богослужением. Удаление от политических вопросов способствовало сохранению единства Церкви и осуждению раскола. В посланиях от 15 июля и от 5 августа 1923 г. патриарх Тихон объявил обновленческую структуру раскольничьей, а все ее таинства безблагодатными.

Восстановление патриаршего управления привело к массовому возвращению тех, кто отпадал в раскол. Кающиеся часто приносили покаяние перед всем народом. 27 августа 1923 г. принес покаяние перед патриархом митрополит Сергий (Страгородский). Вернулись в Церковь и другие архипастыри – Анатолий (Грисюк), Серафим (Мещеряков), Филипп (Ставицкий), Севастиан (Вести), Софроний (Арефьев). В 1924 г. вернулся в Церковь и отпадавший в обновленческий раскол епископ Александр (Трапицын). В Церковь переходили также архиереи обновленческого поставления. Вопрос о признании их сана решался в индивидуальном порядке. В 1924 г. был принят в сане игумена будущий священномученик Антоний (Панкеев), получивший «архиерейство» в расколе. Вскоре он был рукоположен патриархом Тихоном во епископа Мариупольского. В том же году были приняты в архиерейском сане Петр (Савельев) и Ианникий (Чанцев), а в 1925 г. – Александр (Белозор).

В Петрограде успешно действовал рукоположенный в сентябре 1923 г. епископ Лужский Мануил (Лемешевский), кафедральным собором которого стал поначалу маленький храм святых Косьмы и Дамиана. Под

влиянием епископа Мануила в Церковь вернулись из раскола монахи Александро-Невской лавры. К концу года из 113 петроградских обновленческих церквей 85 присоединились к Православной Церкви.

Случалось, что органы власти препятствовали принесению покаяния. Так, принявший от обновленцев архиерейский сан Иаков (Маскаев) пытался выехать из Оренбурга в Москву для принесения покаяния, но был задержан органами ОГПУ. В отчаянии он писал патриарху: «Если я что и сделал по малоопытности, без злого умысла, то коленоприпадающе к стопам Святительским Вашего Святейшества умоляю простить меня, недостойного и грешного, исповедую верность «до смерти» Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. ... Как негодный раб, прошу Ваше Святейшество принять меня в общение; никаким обновленческим группам я не сочувствую и реформ в жизнь проводить никогда не буду без благословения Вашего Святейшества». Иаков (Маскаев) был принят в сане архиерея, а свою верность Церкви он впоследствии засвидетельствовал ревностным служением и мученической кончиной.

Восстановление церковной жизни шло на фоне очередного кризиса среди обновленцев. Летом 1923 г. из ВЦС вышел В. Красницкий. Был уволен и епископ Антонин (Грановский). В знак протеста раскольник отказался от предоставленного ему обновленцами звания «митрополита» и стал вновь именоваться епископом.

Видя начало своего упадка, обновленцы пытались срочно восстановить свое положение. В августе 1923 г. они образовали «Синод», председателем которого стал «митрополит» Евдоким (Мещерский), а членами – в основном архиереи старого рукоположения. Евдокимовский синод объявил о роспуске «Живой церкви», «Церковного возрождения» и «СОДАЦ», предпринял попытки объединения с Православной Церковью. Правда, через некоторое время раскольники начали ставить и свои условия, например, удаление на покой патриарха.

В окружении Святейшего возможность переговоров расценили по-разному. Временный Патриарший Синод поддержал идею диалога с Евдокимом (Мещерским), однако большинство архиереев полагало, что с обновленцами нужно не договариваться, а принимать их в Церковь как раскольников. Такой позиции придерживался проживавший в Даниловском монастыре архиепископ Феодор (Поздеевский), а также ряд видных иерархов – митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Серафим (Самойлович), епископ Пахомий (Кедров) и др. Патриарх Тихон иронично именовал эту группу архипастырей «Даниловским синодом» или «конспиративным синодом», однако к их мнению прислушивался.

В конце сентября 1923 г. 27 архиереев, – как сторонников, так и противников объединения с обновленцами, – обсуждали вопрос на особом совещании в Донском монастыре. Восторжествовало мнение консерваторов – на объединение с раскольниками было решено не идти. 15 января 1924 г. Патриарший Синод принял постановление о непризнании обновленческой иерархии. Всех обновленцев было решено считать состоящими в расколе. 15 апреля Патриарший Синод запретил в священнослужении раскольничьих лидеров Евдокима (Мещерского) и Антонина (Грановского).

Усиление Православной Церкви, невозможность установить контроль над ней вызывали со стороны советского руководства все большее недовольство. 1923 г. был отмечен массовыми арестами священников и монахов. Счет арестованным шел на тысячи. Пострадало и немало архиереев. Среди них был, например, герой Русско-японской войны, бывший корабельный священник архиепископ Зиновий (Дроздов), ближайший соратник патриарха Тихона богослов и проповедник архиепископ Иларион (Троицкий), замечательный церковный историк епископ Анатолий (Грисюк) и многие другие. Арест священномученика Илариона был особенно болезненным для Церкви. Архипастырь был не только ученым, но и блестящим апологетом, принимал участие в популярных в те годы диспутах с атеистами. Слушая владыку, собравшиеся забывали о его оппонентах – профессиональный атеист Луначарский и обновленец Введенский казались серыми и ничтожными.

Во время одного из диспутов Луначарский сказал:

«С одной стороны, для вас Священное Писание – это нечто непререкаемое, а с другой – там ведь неоднократно говорится, что несть власти не от Бога. А советскую власть вы не любите. Как вы, гражданин Троицкий, ответите на этот вопрос?»

«А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? – ответил святитель. – Да, конечно от Бога! В наказание нам за грехи...» Естественно, что такой святитель в центре церковной жизни для богоборческих властей был опасен. Архипастырь получил лагерный срок. Однако и здесь он не отступал от своих принципов. Когда в лагерь, где он находился, пришла весть о смерти Ленина, заключенные, по распоряжению начальства, должны были стоять пять минут в молчании. Архиепископ Иларион вставать не стал, хотя это грозило тяжелыми последствиями. Он лежал на нарах, а потом сказал духовенству: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество!»

В 1924 г. в тюрьмах и ссылках находилось 66 архиереев, то есть треть всего епископата Российской Церкви.

По-прежнему оказывалось давление и на святителя Тихона, продолжались преследования близких ему людей. В 1921 г. председатель ВЧК Дзержинский выписал ордер на арест патриаршего келейника Якова Полозова. Через несколько дней после ареста жена Полозова родила дочь, но переживания матери тяжело отразились на ребенке, который умер через несколько дней. Полозов был приговорен к году лагерей, но власти решили освободить его, постоянно угрожая ему новым арестом и шантажируя этим самого патриарха. Яков Анисимович был освобожден, но в 1922 г. арестован снова. Мученика довели до такого состояния, что, когда через два месяца его освободили, он в течение долгого времени не мог узнать жену, а по дороге домой постоянно останавливался и плакал. 9 декабря 1924 г. Яков Полозов был убит в Донском монастыре пятью выстрелами. Существуют две версии этого убийства. По одной, Полозов предотвратил покушение на самого патриарха, по другой, объектом преступления был сам келейник, которого ОГПУ решило ликвидировать, чтобы запугать Святейшего.

Поминовение патриарха Тихона за богослужением по-прежнему могло привести к аресту. Так, в 1925 г. это стало поводом для задержания епископа Бугульминского Никиты (Делекторского).

Однако решить проблему путем арестов коммунистическая власть не могла – требовалось разложить Церковь изнутри. ОГПУ к тому времени уже сумело либо завербовать некоторых иерархов, либо заставить их следовать указаниям советского руководства. Среди завербованных был, например, митрополит Серафим (Александров), получивший в народе кличку Серафим Лубянский. С оглядкой на государственную власть действовал и митрополит Тихон (Оболенский). Однако властям этого казалось мало. В феврале 1924 г. патриарху Тихону поставили условие: легализовать его Синод возможно лишь в случае включения в него «лиц, хорошо ведомых ОГПУ». Предложение патриарха восстановить систему управления, принятую Собором 1917–1918 гг. (Синод и ВЦС), власть разрешила при условии вхождения в церковное управление представителей «Живой церкви» во главе с Красницким.

Вернувшийся из зырянской ссылки митрополит Кирилл (Смирнов), узнав, что патриарх колеблется в этом вопросе, тут же отправился к нему.

«Я болею сердцем, – сказал митрополиту Святейший, – что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого».

Священномученик Кирилл все же сумел отговорить патриарха от такого шага: «Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте, мы теперь только и годны на тюрьмы».

В том же году у раскольников сменился формальный лидер. Евдоким (Мещерский) ушел на покой, вместо него обновленцев возглавил Вениамин (Муратовский), хотя фактически реальная власть в расколе принадлежала Александру Введенскому.

В 1924 г. обновленцы усилили международную деятельность: евдокимовский «Синод» заявил о себе как о центре русского православия и рассылал эмигрантскому духовенству грамоты с требованием подчиниться. Однако русское зарубежье отвергало все предложения красного обновленчества.

Под давлением властей патриарх Тихон был вынужден уволить митрополита Североамериканского Платона (Рождественского), но преемника ему не назначил, что позволило иерарху продолжать свою деятельность. Обновленцы со своей стороны направили в Америку своего человека – женатого «митрополита» Иоанна Кедровского. Последнему удалось выиграть судебный процесс против митрополита Платона и получить в свои руки более ста объектов недвижимости в Северной Америке. Но своей паствы в Америке у обновленцев не было, поэтому предприимчивый Кедровский попросту сдавал храмовые помещения той же Североамериканской митрополии. Сам раскольничий «иерарх» служил в русском Свято-Никольском соборе в Нью-Йорке.

Во Франции развернул свою деятельность протоиерей Сергий Соколовский, когда-то военный священник русского корпуса во Франции. Протоиерей поддержал большевистский режим, признал обновленческий раскол и стал сотрудником ОГПУ. Соколовский пытался отсудить в пользу обновленцев русские храмы во Франции, но не преуспел. Запрещенный в священнослужении Русской Зарубежной Церковью и главой Западноевропейской епархии митрополитом Евлогием (Георгиевским), Соколовский впоследствии нашел приют у архиепископа Вениамина (Федченкова). Через некоторое время по ходатайству этого иерарха Соколовский был принят в Московскую Патриархию, однако вскоре перешел в униатство.

1924 г. был отмечен напряженностью в отношениях с Константинопольской Патриархией. Вступивший на престол патриарх Григорий VII поддержал евдокимовский «Синод», посоветовал патриарху Тихону оставить престол и упразднить патриаршество в Российской Церкви. Была предпринята попытка направить в Советскую Россию

комиссию для рассмотрения проблем между патриархом и обновленцами. Константинопольская Патриархия попыталась также провести «Вселенский собор» с участием обновленцев, однако таковой не состоялся. Константинопольский представитель в Москве архимандрит Василий (Димопуло) сослужил с обновленцами, что давало раскольникам повод всюду заявлять, что Вселенский престол считает их законными.

Однако православный мир в целом раскольников не признавал. Свою грамоту против раскола направил Патриарх Сербский Димитрий. О своем непризнании обновленцев заявили Патриарх Александрийский Фотий и Патриарх Антиохийский Григорий IV.

Некоторый успех сопутствовал расколу на Украине. В ноябре 1924 г. в Харькове проходило «Всеукраинское предсоборное совещание» под председательством архиепископа Пимена (Пегова). Главной идеей украинских раскольников по-прежнему была автокефалия, а не новшества, поэтому в раскол здесь было увлечено намного больше православных, чем в России. В течение 1924 г. патриарх Тихон пытался договориться с украинскими автокефалистами через епископа Константина (Дьякова). Однако решить вопрос путем переговоров не удалось. 5 января 1925 г. Святейший подписал свое «разъяснение», в котором распространил на иерархов УАПЦ действие послания от 15 июля 1923 г. – о безблагодатности обновленческих таинств. Тогда же Пимен (Пегов) был запрещен патриархом Тихоном в священнослужении.

Как уже говорилось выше, одним из условий выхода патриарха на свободу должен был стать переход Российской Церкви на новый календарный стиль. Патриарх Тихон, имевший ложные сведения о будто бы состоявшемся принятии новоюлианского календаря Поместными Церквями, поначалу согласился с нововведением. Однако святитель просил, чтобы переход состоялся до начала Рождественского поста, чтобы не сокращать его (при переходе на новый стиль из календаря выпадало 13 дней). В Москве началом служения по новому стилю стало 15 октября 1923 г. Однако патриаршее послание о переходе на новый календарь начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ («красный обер-прокурор») Е.А.Тучков печатать не разрешил, считая, что при отсутствии разъясняющего послания на местах возникнет еще одна оппозиция патриарху. Российская Церковь продолжала служить по старому стилю, так как в епархиях распоряжения о календаре не получили. Приближался Рождественский пост (по новому стилю 15 ноября) и вводить календарь в общероссийском масштабе было уже поздно. К тому же патриарх Тихон получил послание от архиепископа Анастасия (Грибановского) и другие

письма из-за границы с уведомлением, что православный мир в целом новый календарь отверг. 8 ноября было сделано распоряжение о возвращении московских церквей на старый календарь.

В конце 1924 г. здоровье патриарха Тихона стало ухудшаться. 13 января 1925 г. он лег в частную клинику Бакуниной на Остоженке. Не обращая внимания на плохое самочувствие, святитель продолжал принимать посетителей и периодически совершать богослужения.

Несмотря на тяжелое положение Церкви, патриарх и Временный Патриарший Синод попытались еще раз добиться легализации. Тучков потребовал со стороны патриарха некую просоветскую декларацию. В последние недели своей жизни Святейший работал над таким документом, но согласиться со всеми формулировками, предложенными Тучковым, он не мог. Поэтому документ так и не был подписан.

После стоматологической операции, проведенной в клинике Бакуниной 20 марта, состояние патриарха ухудшилось, хотя он продолжал служить и заниматься делами церковного управления. Вечером 7 апреля, вернувшись с заседания Синода, святитель почувствовал приближение смерти.

«Теперь я усну, – говорил патриарх, – крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная-темная». Святитель долго лежал в забытьи. За пятнадцать минут до полуночи он дважды осенил себя крестным знаменем со словами: «Слава Тебе, Господи!»

Произнести молитву третий раз патриарх уже не смог – его земной путь завершился.

8 апреля тело усопшего было перенесено в Донской монастырь. Весть о смерти любимого архипастыря облетела Москву. Проститься со святым приходили сотни тысяч человек ежедневно. Люди выстаивали в очереди ко гробу патриарха по 10 часов. 12 апреля в праздник Входа Господня в Иерусалим 56 архиереев и 500 священников, как московских, так и съехавшихся на похороны, совершили отпевание Святейшего. Глава Российской Церкви был погребен в малом соборе Донского монастыря.

Глава 5. Российская Церковь при патриаршем местоблюстителе митрополите Петре

После смерти святителя Тихона было озвучено его завещательное распоряжение о преемнике. Согласно завещанию, власть в Российской Церкви передавалась местоблюстителю митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову). В случае невозможности для него приступить к своим обязанностям власть должен был принять митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) либо митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Два первых святителя, указанных в завещании, находились в ссылке, поэтому патриаршим местоблюстителем стал митрополит Петр.

Совещание православных архиереев, прибывших на похороны патриарха, признало митрополита Петра местоблюстителем. Акт об этом был подписан 58 иерархами Российской Церкви.

Митрополит Петр (в миру Петр Федорович Полянский) к тому времени пребывал в монашестве недолго. Выпускник Московской духовной академии, он долгое время был чиновником Святейшего Синода, а после революции находился на светской работе. По словам иерея Александра Мазырина, «как человек больших знаний и опыта и не имевший клейма «служителя культа», он мог бы устроиться и при новой власти, превратившись в советского чиновника, но он остался верным гонимой Православной Церкви». Уже в декабре 1919 г. Петр Федорович ненадолго арестовывался за антикоммунистические высказывания.

В 1920 г. по благословению патриарха Тихона будущий священномученик принял монашество.

«Я не могу отказаться, – говорил Петр Федорович. – Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но, когда соглашусь, – я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор».

8 октября 1920 г. будущий священномученик был рукоположен во епископа Подольского, викария Московской епархии, а уже в феврале 1921г. был арестован. После двухмесячного заключения архипастырь вышел на свободу, но в августе снова арестован и сослан в Великий Устюг. По возвращении из ссылки в 1923 г. святитель был включен в состав Временного Патриаршего Синода, возведен в сан архиепископа, а в 1924 г. поставлен на Крутицкую кафедру и возведен в сан митрополита. В другое время такое быстрое продвижение назвали бы «головокружительной

карьерой». Однако в период агрессивного государственного безбожия согласие Петра Федоровича на монашество и архиерейство было согласием на Голгофу. Так и произошло – свою жизнь митрополит Петр закончил мученически.

После того как архиереи, прибывшие на похороны патриарха, разъехались, в газетах «Правда» и «Известия» появилось послание, названное «Предсмертным завещанием Патриарха Тихона». Этот документ представлял собой текст, приветствующий большевистскую власть как власть «русскую». Здесь же присутствовали выпады против Зарубежной Церкви, противники коммунистического режима именовались «врагами народа» и политиканами, а также утверждалось, что патриарх никак не стеснен в своей свободе.

Документ вызвал разногласие в церковной среде, одни посчитали его подлинным, другие – подложным. Сторонники подлинности документа стояли на том, что ничего нового патриарх в «Завещании» не сказал. Свои аргументы были и у противников «Завещания». Они указывали на особенности текста, позволяющие усомниться, что его писал патриарх. К тому же если бы Святейший хотел опубликовать этот текст, он мог сделать это при жизни, а не оставлять в качестве завещания на случай смерти.

В настоящее время доказано, что патриарх Тихон работал над очередным посланием, спорил относительно формулировок с Тучковым, но окончательный вариант не подписывал. По мнению священника Димитрия Сафонова, патриарший проект текста был использован для составления подделки. Протоиерей Владислав Цыпин допускает, что в подписанный патриархом текст Тучков после смерти святителя Тихона внес добавления, что сводит достоверность документа к минимуму.

При публикации текста свидетельство о его подлинности было приписано митрополиту Петру и митрополиту Тихону (Оболенскому), что поначалу стало причиной недоверия к местоблюстителю прежде всего со стороны русской эмиграции. Недоверие было напрасным – за время своего управления Церковью митрополит Петр показал себя как ее ревностный служитель. В частности, священномученик отклонял требования властей применить меры прещения против контрреволюционного духовенства, настаивая, что сначала необходимо законно восстановить церковное управление. Впоследствии, когда от митрополита Петра потребовали осуждения главы Русской Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого), священномученик отвечал, что церковных преступлений за ним нет, а за «государственные» (то есть антисоветские) преступления он его судить не может.

1925 г. был для Церкви не менее тяжелым, чем и предыдущие. Серьезную опасность для Церкви по-прежнему представляли обновленцы. Так, в украинской столице Харькове 23 храма принадлежало обновленцам, 1 самосвятам-липковцам, 3 – Православной Церкви. В Киеве обновленцы захватили Киево-Печерскую лавру. Однако украинские обновленцы по-прежнему отказывались от канонических реформ и стремились лишь к автокефалии. Но пресмыкательство перед советской администрацией и у последователей Вениамина (Муратовского), и у его украинских коллег было одинаковым. В мае 1925 г. украинские обновленцы-автокефалисты созвали свой «Собор», председателем которого стал «митрополит» Пимен (Пегов). На лжесобор был приглашен управляющий Харьковской епархией епископ Константин (Дьяков), однако поставленные им условия (осуждение московских обновленцев, вступление в общение с митрополитом Петром и др.) раскольники не выполнили и потому епископ Константин предпочел это собрание проигнорировать.

Попытки объединения с обновленцами предпринимались и в России. Со стороны архиереев отношение к примирению с раскольниками «на равных» было разное, митрополит Тихон (Оболенский), например, к объединению был готов. Другие архипастыри считали, что раскольники должны приниматься в Церковь после принесения покаяния. Среди иерархов, во всеуслышание выразивших такое мнение, были священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) и митрополит Сергий (Страгородский). Непримируемую позицию по отношению к красным обновленцам занял и митрополит Петр.

28 июля 1925 г. святитель издал послание, где обновленцы были объявлены самочинниками, а присутствие православных христиан на обновленческих службах признано недопустимым. «Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях», – говорилось в послании местоблюстителя.

Некоторое время раскольники надеялись, что митрополит Петр все же прибудет на их «Собор» в октябре 1925 г., однако надежды остались тщетными. Священномученик Петр «совет нечестивых» (Пс.1:1) проигнорировал. Убедить святителя пойти на компромисс в отношении раскола было нереально. «Он был упрям, как бык, прямо невозможно было к нему приступить», – говорил о священномученике Петре один из обновленческих лидеров Александр Введенский.

На своем «Соборе» обновленцы образовали новый «Синод», включавший 35 человек. Во главе этого органа по-прежнему был

«митрополит» Вениамин (Муратовский). В состав «Синода» вошли «митрополит-благовестник» Александр Введенский, «митрополит всея Сибири» Петр (Блинов), глава украинских обновленцев-автокефалистов Пимен (Пегов), «митрополит Московский» Серафим (Руженцов) и др.

Обновленческий раскол был не единственной проблемой православной жизни. Летом 1925 г. отличился самочинием бывший епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), принявший миро от старообрядцев-беглопоповцев и помазавший себя им, присоединившись тем самым к старообрядчеству. Вскоре он единолично «рукоположил» принявшего его беглопоповца во «епископы». 28 августа священномученик Петр, в принципе избегавший применять меры канонического прещения, был вынужден запретить епископа Андрея (Ухтомского) в священнослужении.

Тем временем при поддержке спецслужб был организован еще один автокефалистский раскол на Украине. Лидером нового движения стал викарий Полтавской епархии епископ Лубенский Феофил (Булдовский), добивавшийся автокефалии еще в 1924 г. и тогда же разорвавший общение с правящим архиереем архиепископом Полтавским Григорием (Лисовским). Созданная Булдовским «Инициативная группа собора православных епископов на Украине» в феврале 1925 г. заявила об отмежевании от «тихоновщины». Поводом для раскола стали требования о легализации в органах государственной власти, что означало для легализуемых выполнение тяжелых условий со стороны ОГПУ. Неслучайно священномученик епископ Дамаскин (Цедрик) писал, что «принадлежность к нелегальной тихоновщине есть пароль благочестия, принадлежность к иной церковной группировке, легальной, – пароль еретичества».

Святейший патриарх призвал Феофила к покаянию, однако в связи со смертью главы Российской Церкви основная тяжесть борьбы с самочинниками легла на его преемников. 25 июня 1925 г. митрополит Петр запретил Феофила (Булдовского) в священнослужении и предал его церковному суду. Раскол, названный в народе «булдовщиной» и «лубенским расколом», не получил широкого распространения и имел последователей в основном на северо-востоке Украины. Здесь активно сопротивлялись самочинию митрополит Полтавский Григорий (Лисовский) (†1927) и священномученик епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов).

В 1925 г. ОГПУ приступило к подготовке еще одного раскола григорианского. Легализация и здесь предлагалась властями в качестве

приманки. Лидерам создаваемого раскола, прежде всего епископу Борису (Рукину), условием легализации ставили проведение в жизнь подложного «Предсмертного завещания Патриарха Тихона», что подразумевало преследования нелояльного большевикам духовенства. Поводом для выступления против митрополита Петра со стороны епископа Бориса стали требования о создании коллегиального органа управления. Однако верным митрополиту Петру епископатом это отвергалось из опасения, что в Синод будут попадать люди случайные, в том числе и завербованные ОГПУ.

Расколы, создававшиеся коммунистической властью, были не единственным способом уничтожения Церкви. В 1925 г. был создан «Союз безбожников» во главе с Емельяном Ярославским. «Союз» вскоре разросся до нескольких десятков тысяч человек. Антирелигиозная агитация стала все стремительнее набирать обороты.

Как и прежде, продолжались аресты духовенства и мирян. Митрополит Петр оказывал помощь заключенным священнослужителям, дал благословение приходам совершать сборы на нужды пострадавших за веру. Местоблюститель пытался добиться освобождения арестованных и ссыльных или хотя бы облегчить их участь. Твердо противостоял святитель и требованиям, предъявляемым ему чекистами, – издать декларацию о лояльности советской власти, устранить неугодных властям архиереев, осудить зарубежных иерархов, вступить в контакт с правительством через ОГПУ. При этом митрополит Петр не увольнял с кафедр архиереев, неугодных советской администрации, в том числе и тех, кто на протяжении долгого времени не допускался властями в свои епархии.

К тому времени над головой священномученика Петра уже сгустились тучи. Отказ митрополита следовать указаниям ОГПУ был серьезным основанием для его устранения. В частности, митрополит вопреки указаниям подложного «Завещания Патриарха Тихона» отказывался от суда над зарубежным духовенством. Большое недовольство вызвал и отказ митрополита Петра назначить в Киев митрополита. Священномученик говорил, что Киевская кафедра формально занята митрополитом Антонием (Храповицким), находящимся за границей, а его увольнение и назначение нового митрополита возможно лишь после соборного рассмотрения дела. На Украине в качестве экзарха тогда находился митрополит Гродненский Михаил (Ермаков), но от присвоения ему титула «Киевский» священномученик Петр воздержался, как от акта, канонически сомнительного.

Помогла аресту митрополита Петра и провокация обновленческого «архиерея» и по совместительству агента ОГПУ Николая Соловья (Соловейчика). Получивший в расколе сан «архиепископа Сан-Францисского и Калифорнийского», Соловей в 1924 г. выехал за границу с целью внедрения в Русскую Зарубежную Церковь. По прибытии в Ригу провокатор заявил местным журналистам, что был вынужден принять «хиротонию» от обновленцев ради возможности выезда за границу и оповещения мира

В большевистских преступлениях. ВРПЦЗ авантюристу не поверили и согласились принять его лишь в качестве мирянина. Соловей присоединиться в таком качестве не захотел и отбыл в Уругвай. Провокатор был использован советским и спецслужбами позднее, когда ОГПУ понадобилось избавиться от патриаршего местоблюстителя.

На обновленческом «Соборе» 1925 г. А. Введенский обвинил митрополита Петра в тайном руководстве зарубежными русскими приходами и связях с монархическим лагерем. В частности, Введенский сообщил, что Соловей в 1924 г. тайно вывез за границу письмо от патриарха Тихона, где будто бы говорилось о его поддержке великого князя Кирилла Владимировича в его претензиях на русский престол. Клевета была явной, местоблюститель пытался опубликовать в газетах свой протест, однако ему это не было позволено – чекисты и обновленцы действовали дружно и слаженно.

В ноябре – декабре 1925 г. волна арестов обрушилась на верное священномученику Петру духовенство. Понимая, что вскоре будет арестован, и не имея возможности созвать Собор для избрания нового главы Церкви, патриарший местоблюститель решил передать власть по завещанию – иначе сохранить законное преемство от патриарха было невозможно.

Первое завещание было написано на случай смерти митрополита Петра. Согласно документу, власть должна была перейти либо к митрополиту Кириллу (Смирнову), либо к митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Если принятие обязанностей местоблюстителя для них оказалось бы невозможным, то таковые передавались митрополиту Арсению (Стадницкому) или митрополиту Сергию (Страгородскому).

Второе завещание было составлено на случай, если митрополит Петр не сможет по каким-либо причинам временно выполнять свои обязанности. Тогда власть передавалась митрополиту Сергию (Страгородскому), митрополиту Михаилу (Ермакову) или архиепископу Иосифу (Петровых).

10 декабря 1925 г. священномученик Петр был арестован.

Глава 6. Первое заместительство митрополита Сергия (Страгородского)

§ 1. Начало григорианского раскола

Для митрополита Петра начались скитания по тюрьмам и ссылкам. Первоначально архипастырь находился во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке и в суздальском изоляторе, а в ноябре 1926 г. приговорен к трем годам ссылки и отправлен в Тобольск.

В соответствии с завещанием митрополита Петра (Полянского) Заместителем Патриаршего Местоблюстителя стал митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский). 14 декабря 1925 г. он заявил о вступлении в должность.

Митрополит Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился в Арзамасе в семье священника, окончил Нижегородскую семинарию и Санкт-Петербургскую академию, где принял постриг и был рукоположен во иеромонаха. По окончании академии иеромонах Сергий нес послушание в Японской православной миссии под руководством равноапостольного Николая (Касаткина). С 1893 г. отец Сергий снова служил в России, защитил магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении». В 1901 г. архимандрит Сергий стал ректором Санкт-Петербургской академии, в том же году был рукоположен во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии, в 1905 г. стал архиепископом Финляндским и Выборгским, а в 1911 г. вошел в состав Святейшего Синода. В 1917 г. митрополит Сергий был избран на Владимирскую кафедру, а с 1924 г. находился на Нижегородской кафедре.

Заместитель местоблюстителя прекрасно понимал, что в новой должности ему придется наблюдать разгром Церкви, терять близких, рисковать собственной жизнью. Протоиерей Стефан Ляшевский вспоминал свое посещение митрополита Сергия в Нижнем Новгороде вскоре после его вступления в должность. Тогда митрополит Сергий сказал: «Моя задача тормозить разгром Церкви, спускаться на тормозах, чтобы она не разбилась».

Положение митрополита Сергия было более тяжелым, чем положение митрополита Петра. Последний стал местоблюстителем в соответствии с распоряжением патриарха Тихона, который в свою очередь получил право передать власть по завещанию от Поместного Собора. Кроме того, поставление митрополита Петра местоблюстителем в 1925 г. было подтверждено почти 60 архиереями, фактически Собором. Власть же митрополита Сергия базировалась только на завещании митрополита Петра. Не имея возможности выехать в Москву, митрополит Сергий

поручил церковное управление в столице совету викариев во главе со священномучеником епископом Серафимом (Звездинским), однако, поскольку этот архипастырь покинул столицу, временное управление Московской епархией заместитель местоблюстителя поручил священномученику епископу Петру (Звереву).

В ОГПУ тем временем продолжалась подготовка григорианского раскола. Переговоры об условиях существования новой структуры чекисты вели в основном с епископом Можайским Борисом (Рукиным). Именно ему было предложено составить декларацию о полном сочувствии советскому правительству в обмен на легализацию. Поскольку статус епископа Бориса (Рудкина) был невысок, в ОГПУ решили привлечь к расколу более известных архиереев. Среди согласившихся на авантюру был архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), имя которого и дало название расколу. Однако в Москве новую организацию именовали «борисовщиной».

22 декабря в Московском Донском монастыре состоялось совещание 10 архиереев, избравших «Временный Высший церковный совет» (ВВЦС) в составе шести иерархов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским). Лидеры нового раскола проигнорировали назначение митрополита Сергия и заявили, что после ареста митрополита Петра Церковь осталась без управления, так как назначать себе преемника он не имел права. В своем обращении к пастве григориане заявили, что при митрополите Петре церковная ситуация ухудшилась и созданный ныне ВВЦС должен исправить ситуацию и подготовить канонически правильный Собор.

Митрополит Сергий, узнав о самочинии григориан, тут же опротестовал их действия. Раскольники в ответ солгали, что не знали о назначении митрополита Сергия заместителем местоблюстителя и пригласили его в ВВЦС для выяснения церковного положения. Григориане вполне могли использовать митрополита Сергия для упрочения своего канонического положения, а затем «выставить его за дверь». К тому же со стороны митрополита Сергия было вовсе неразумно, получив власть от местоблюстителя, вступать в союз с организацией, которая хулила митрополита Петра. А потому 29 января 1926 г. митрополит Сергий запретил григориан в служении.

Чтобы поправить свое положение, раскольники решили обратиться к митрополиту Петру и передали ему свой доклад. Пользуясь изолированным положением святителя, аферисты представили дело так, что назначенные им заместители либо не могут, либо не хотят взять власть

в Церкви, и предложили передать церковное управление коллегии. Введенный в заблуждение митрополит Петр разрешил деятельность коллегии, что раскольники тут же представили, как передачу им власти. 4 марта митрополит Петр предложил митрополиту Сергию прибыть в Москву для переговоров с григорианами.

Однако заместитель местоблюстителя был непреклонен. Считая, что митрополит Петр не осведомлен о реальном положении дел в Церкви, митрополит Сергей настаивал, что имеет полное право сохранить за собой заместительство. Архипастырь был убежден, что как первый епископ он имеет право подвергать других архиереев запрещению, даже без созыва Собора.

В то же время заместитель предпринял важный шаг на пути в консолидации с украинским епископатом, где 13 архиереев во главе с экзархом Украины митрополитом Михаилом (Ермаковым) лишили сана и отлучили от Церкви лидеров лубенского раскола.

Митрополит Сергей утвердил это решение, что сблизило с ним канонических епископов Украины. Они со своей стороны поддержали заместителя в его борьбе с григорианами.

Поддержку митрополиту Сергию в его борьбе с самочинным ВВЦС оказали и другие иерархи, например, будущие священномученики Серафим (Самойлович) и Аркадий (Ершов). 2 апреля 1926 г. в поддержку митрополита Сергия выступила сплоченная группа из 25 русских архиереев. 22 апреля митрополит Сергей составил письменное объяснение в адрес митрополита Петра. В тот же день местоблюститель аннулировал полномочия григорианского ВВЦС и подтвердил полномочия митрополита Сергия.

Поднять авторитет раскола ОГПУ попыталось с помощью архиепископа Илариона (Троицкого), отбывавшего лагерный срок. Святителю предлагали освобождение и белый клобук, однако архипастырь ответил жестким отказом.

«Приятно с умным человеком поговорить, – сказал архиепископу Илариону Тучков. – А сколько вы имеете срока на Соловках? Три года?! Для Илариона три года?! Так мало?»

Архиепископу было добавлено еще три года, при этом сотрудники ОГПУ от него не отставали. Однажды иерарх не выдержал: «Хотя я и архипастырь, но вспыльчивый человек, очень прошу вас уйти, ведь я могу потерять власть над собой».

Имея поддержку со стороны властей, григорианский раскол просуществовал до 1940-х гг., однако серьезной роли в дальнейшей

истории он больше не играл.

§ 2. Оппозиция митрополита Агафангела 1926 г.

Еще одну попытку расколоть Российскую Церковь ОГПУ предприняло в том же 1926 г. С этой целью в апреле 1926 г. Тучков выехал в Пермь, где находился возвращавшийся из ссылки митрополит Агафангел (Преображенский). Чекист заявил святителю, что митрополит Петр, как контрреволюционер, к церковному управлению допущен никогда не будет, а митрополит Агафангел, как более лояльный, сможет получить регистрацию для Церкви.

Аргументом было и то, что, согласно завещанию патриарха Тихона, митрополит Агафангел имел больше прав на церковное управление, чем митрополиты Петр и Сергей. 18 апреля митрополит Агафангел направил пастве послание, где извещал о своем вступлении в должность местоблюстителя.

Митрополит Сергей со своей стороны настаивал, что в завещательном распоряжении патриарх Тихон не говорил, что местоблюститель должен принять власть временно. И если митрополит Петр принял власть, то он остается местоблюстителем до сих пор и может быть лишен ее лишь на основании суда.

Священномученик Петр, получавший в заключении лишь отрывочные сведения, согласился с правами митрополита Агафангела и направил ему приветствие. Однако заместитель местоблюстителя не сдавался, указывая, что митрополит Петр не осведомлен о состоянии церковных дел и не может вмешиваться в них. Большинство архиереев Российской Церкви, видя в ситуации опасность нового раскола, поддержало митрополита Сергея. Поддержка была во многом обусловлена уважением, которое успел приобрести митрополит Сергей за время своего заместительства. Прежде всего в заслугу ему ставили успешную борьбу с григорианским расколом.

Нестроения в Церкви активно использовались советской пропагандой. Газета «Известия» 1 июня 1926 г., извращая факты, издевательски писала: «Рост количества претендентов на так называемое местоблюстительство патриаршего престола за последнее время принял анекдотические размеры. » Престол"-то один, а лиц и церковных учреждений, усевшихся на патриаршее кресло, – уже трое. С одной стороны, функционирует высший временный церковный совет во главе с архиепископом Григорием, который получил церковную власть от митрополита Петра Крутицкого. С другой стороны, митрополит Сергей, объединяющий вокруг себя

реакционные элементы. Он отказался выполнить постановление митрополита Петра о передаче власти ВВЦС и ведет с последним борьбу. В довершение ко всему этому на церковную арену всплыла небезызвестная фигура митрополита Агафангела Ярославского».

Но святитель Агафангел, опасаясь церковной смуты и понимая, насколько заинтересована в ней богоборческая власть, предпочел отказаться от местоблюстительства. 17 июня 1926 г. он уведомил об этом митрополита Сергия.

§ 3. Попытки митрополита Сергия нормализовать церковную жизнь

Первое заместительство митрополита Сергия (декабрь 1925 – декабрь 1926 гг.) оценивается церковными исследователями положительно. Взамен арестованных и убитых иерархов рукополагались новые святители. Как правило, это были выдающиеся подвижники, принимавшие епископский сан не ради честолюбия, а ради готовности положить жизнь за Христа и Церковь. Заместитель местоблюстителя попытался решить проблему с замещением Петроградской кафедры. В августе 1926 г. туда был назначен митрополит Иосиф (Петровых), отслуживший всенощное бдение и литургию в Александро-Невской лавре при огромном стечении народа. Через два дня архипастырь выехал в Новгород за вещами, откуда был вызван ОГПУ в Москву. Большевики, не желавшие усиления православия, в северную столицу его больше не пустили. Митрополиту было предписано жить в Ростове.

Свою задачу митрополит Сергей, как и его предшественники, видел в попытках легализации церковного управления. 10 июня он обратился в НКВД с просьбой зарегистрировать канцелярию Московской Патриархии и епархиальные советы, разрешить проведение Архиерейских Соборов и издание «Вестника Московской Патриархии». Заместитель местоблюстителя подготовил также проект «Обращения» к пастве, вошедшего в историю как первоначальный вариант «Декларации». Проект был отправлен для обсуждения архиереям Российской Церкви, в том числе и зарубежным. В этом документе митрополит Сергей указывал, что Церковь не может скрывать разницу между большевизмом и христианством и «подкрашиваться под коммунизм» не будет. Однако при этом православные христиане гарантируют государству полную лояльность и послушание. За основу взаимоотношений заместитель брал принцип отделения Церкви от государства: Церковь обещает не вмешиваться в политические вопросы, государство со своей стороны не пытается влиять на жизнь Церкви. При этом политические воззрения каждого православного христианина остаются его личным делом и церковное руководство не может нести за это ответственность, тем более следить за политическими настроениями верующих. Однако духовные лица, не готовые выполнять свои обязанности перед государственной властью, по мнению митрополита Сергия, должны исключаться из клира Московской Патриархии.

Очень важно, что в том же году митрополит Сергей обратился к зарубежному духовенству с предложением перейти в ведение Поместных Церквей или создать единый независимый орган церковного управления.

В 1926 г. появился еще один документ, отражавший взгляд Церкви на отношения с государством. Это «Памятная записка соловецких епископов», подготовленная заключенными на Соловках архипастырями. Этот лагерь был в те годы переполнен архиереями (их было более 20), монахами и священниками. Одним из наиболее авторитетных узников был священномученик архиепископ Евгений (Зернов). 7 июня на продуктовом складе состоялось совещание 17 архиереев, результатом которого и стала эта записка. Кроме архиепископа Евгения в ее составлении принимали участие священномученики Иларион (Троицкий), Захария (Лобов), Амвросий (Полянский), Прокопий (Титов), Игнатий (Садковский) и др. Позиция соловецких архипастырей соответствовала идеям митрополита Сергея – лояльность Церкви государству и невмешательство светских властей в церковную жизнь. Соловецкие епископы не скрывали при этом глубинного противоречия между Православной Церковью и коммунистической властью. «Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения», – говорилось в послании. Отмечалось, что православие находится в наиболее стесненном, гонимом состоянии.

Позиция митрополита Сергея и соловецких архипастырей в тот момент полностью соответствовала принципу церковной аполитичности, который был намечен патриархом Тихоном.

Но в ОГПУ проект «Декларации» отвергли и в регистрации отказали. Советскому режиму были нужны не лояльные и аполитичные архиереи, а преданные. По словам протоиерея Владислава Свешникова, коммунистическая власть «требовала не лояльности, что допустимо, но *внутреннего согласия* со своей разбойничьей сущностью». Если для патриарха Тихона Церковь не могла быть ни красной, ни белой, то большевикам была нужна именно «красная» Церковь. С этой целью ОГПУ пыталось оказать давление и на назначенных патриархом местоблюстителей – митрополитов Кирилла (Смирнова) и Агафангела (Преображенского).

Митрополиту Кириллу Тучков говорил:

– Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь.

– Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да, – ответил священномученик Кирилл. – В противном случае я скажу: «Брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я

вынужден это сделать».

–Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!

Митрополит Кирилл выполнить поставленное условие отказался. По преданию он сказал чекисту: «Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!»

В декабре 1926 г. нашелся повод для ареста митрополита Сергия – его участие в тайном опросе иерархов о возможности выборов патриарха. Инициатива выборов принадлежала епископу Павлину (Крошечкину) и архиепископу Корнилию (Соболеву).

Митрополит Сергий (Страгородский) поначалу отнесся к проекту скептически, но через некоторое время согласился на опрос архиереев, поставив условием лишь оповещение о выборах митрополита Петра. Кандидатом в патриархи стал архипастырь, чье имя было указано первым в патриаршем завещании 1925 г., – митрополит Кирилл (Смирнов). Руководство выборами взял на себя священномученик Павлин (†1937, память 3 ноября), помощники которого ездили по стране, собирая голоса. За избрание митрополита Кирилла (Смирнова) было подано 72 голоса.

О попытке избрания патриарха с самого начала было известно ОГПУ. Епископ Павлин, его помощники (отец и сын Кувшиновы), а также архипастыри, принявшие участие в голосовании, были арестованы. Помимо обвинения в подготовке тайных выборов патриарха митрополита Сергия обвинили и в связях с эмигрантами.

§ 4. Российская Церковь в период временного заместительства митрополита Иосифа (Петровых) архиепископа Серафима (Самойловича)

В конце 1926 г. митрополит Сергей был арестован. Завещание о преемстве перед своим арестом заместитель местоблюстителя не составил. В соответствии с завещанием митрополита Петра Заместителем Патриаршего Местоблюстителя в таком случае должен был стать либо митрополит Михаил (Ермаков), либо архиепископ Иосиф (Петровых), к тому времени ставший митрополитом Ленинградским. Митрополит Михаил принять власть отказался еще в 1925 г., тем более что в момент ареста митрополита Сергея он находился в ссылке. Оставался митрополит Иосиф, проживавший в Ростове Великом. Известный строгой монашеской жизнью и бескомпромиссностью, этот архипастырь, по ряду свидетельств, входил в первоначальный список местоблюстителей, составленный патриархом Тихоном.

Однако митрополит Иосиф приступить к своим обязанностям не смог – поставленные ему ОГПУ условия он выполнять отказался. Незадолго до ареста он назначил себе временных заместителей. В соответствии с посланием митрополита Иосифа это были архиепископы Корнилий (Соболев), Фаддей (Успенский) и Серафим (Самойлович).

Принять должность мог только архиепископ Угличский Серафим, викарий Ярославской епархии. Священномученик Серафим (†1937, память 4 ноября) некогда был миссионером в Америке, в 1920 г. стал епископом Угличским, подвергался арестам.

В послании от 29 декабря 1926 г. архипастырь оповестил паству о вступлении в должность. Сложилась уникальная ситуация – Поместной Церковью в течение нескольких месяцев управлял викарный архиерей. В своем послании священномученик просил архиереев управлять епархиями самостоятельно и стараться обращаться к нему лишь в самых крайних случаях, чтобы не давать большевикам лишнего повода обвинять архиереев в «контрреволюционных заговорах». Жить в Москве святителю не позволили, управление Церковью осуществлялось из Углича.

А в ОГПУ тем временем по-прежнему пытались найти иерарха, который согласился бы на условия богоборческих властей.

В начале марта 1927 г. архиепископ Серафим был вызван в Москву, где провел несколько дней в ОГПУ. Тучков потребовал от

священномученика выполнить ряд требований, в свою очередь обещая легализацию. Архипастырь от выполнения этих условий отказался. В ответ на вопрос, кто останется заместителем после его ареста, иерарх ответил:

– Сам Господь Иисус Христос.

– Все у вас оставляли себе заместителей, и Тихон патриарх, и Петр митрополит.

– Ну а я на Господа Бога оставил Церковь, – сказал святитель.

За постоянными арестами местоблюстителей и заместителей и требованиями поставить новых крылось стремление коммунистической власти найти архиерея, который согласился бы на все условия ОГПУ, в том числе и на главное – допустить богоборческий режим к решению внутренних и внешних вопросов церковной жизни. Успех этого мероприятия давал бы большевикам возможность контролировать хиротонии и назначения на кафедры и приходы.

Была у ОГПУ и другая цель. Убедившись в непродуктивности левых расколов – обновленческого и григорианского, спецслужбы пришли к идее расколоть Церковь другим способом, а именно отделить от нее наиболее стойкую часть. Для этого нужно было подчинить своим установкам главу Церкви. В таком случае несогласных с ним можно было легко обвинить в расколе. Как видим, в течение 1925–1927 гг. планы большевиков закончились неудачей. Однако весной 1927 г. ситуация изменилась.

Глава 7. Новый курс митрополита Сергия (Страгородского) и реакция на него Российской Церкви

§1. Деятельность митрополита Сергия первые месяцы после освобождения

Митрополит Сергий (Страгородский) находился в тюрьме до начала апреля 1927 г. Условиями его освобождения должны были стать заявление в поддержку советской власти, осуждение контрреволюционных выступлений как внутри страны, так и за границей, наложение прецедентов на эмигрантское духовенство, изгнание с кафедр неугодных властям иерархов. Впредь заместитель должен был согласовывать назначения кандидатов с ОГПУ. Еще одним обязательным условием было поминовение властей за богослужением. Митрополит Сергий согласился на эти условия ради легализации Московской Патриархии и других органов церковной власти. Иерарх также просил освободить заключенных архиереев, открыть духовные школы, разрешить издавать журнал, созвать Поместный Собор.

В мае по согласованию с властью митрополит Сергий выбрал из епископата ряд архиереев, согласных поддерживать его политику: митрополита Серафима (Александрова), архиепископов Севастиана (Вести), Сильвестра (Братановского), Филиппа (Гумилевского), Алексия (Симанского), епископа Константина (Дьякова). Из этих иерархов был составлен Временный Патриарший Синод. Позднее в состав нового органа вошли архиепископы Анатолий (Грисюк), Павел (Борисовский), а также номинально митрополит Арсений (Стадницкий), не имевший возможности покинуть Среднюю Азию, где он находился в ссылке. Последний из перечисленных иерархов был включен в состав Синода для придания ему большей авторитетности, ведь в 1917 г. митрополит был одним из претендентов на патриаршество, к тому же он был упомянут в завещании священномученика Петра как один из заместителей. Однако митрополит Арсений к работе Временного Синода допущен не был.

Большинство просьб митрополита Сергия советская администрация проигнорировала, причем полноценную регистрацию в органах власти Московская Патриархия также не получила. 20 мая 1927 г. митрополит Сергий получил лишь разрешение на работу Временного Синода.

Однако и за это пришлось платить. В июле 1927 г. заместитель местоблюстителя обратился к зарубежному духовенству с требованием прекратить выступления против советской власти. Вскоре появился еще один документ, на долгие годы ставший камнем преткновения для Русской Церкви – «Декларация». Этот документ был подготовлен 29 июля и

разослан по епархиям, но не для предварительного обсуждения, а для руководства к действию и прочтения в храмах. Спустя три недели «Декларация» была опубликована в «Известиях».

Митрополит Сергей указывал цель своей политики – спокойное существование Церкви и нормализация отношений с советской властью. «Декларация» указывала на необходимость сотрудничества на благо народа и обещала полную лояльность правительству. Цель митрополита была благая, однако многие формулировки документа были навязаны извне, а потому вызывали смущение, а то и возмущение. Например, указание, что Церковь находится на стороне государства, было для многих неприемлемо по причине прямой враждебности советской администрации к религии вообще и Православной Церкви в частности. Негодование вызвала и благодарность митрополита Сергея в адрес советского руководства за «внимание к духовным нуждам православного населения».

По выражению митрополита Сергея, необходимо было не только словами, но и делом показать, что православные являются «верными гражданами Советского Союза». Радости последнего, согласно «Декларации» – «наши радости и успехи», а его неудачи – «наши неудачи». Любой удар против государства, по словам митрополита Сергея, являлся ударом против Церкви. В качестве примера митрополит Сергей назвал «варшавское убийство», то есть убийство русским патриотом Б.С.Ковердой советского представителя в Варшаве П.Л.Войкова, известного своим участием в организации расстрела семьи императора Николая II и уничтожении тел царственных страстотерпцев.

Особого внимания заслуживают слова «Декларации», обращенные к зарубежному духовенству. Ему было предложено предоставить обязательство о лояльности большевикам, что на самом деле означало отказ от любого порицания их преступных действий. Более того, митрополит Сергей прямо поставил единство Церкви в зависимость от признания зарубежным клиром законности коммунистического режима. Для находившихся на свободе священнослужителей-эмигрантов такой путь был невозможен как в силу личного неприятия большевизма, так и в силу долга перед паствой, которая на соглашение с коммунистами никогда бы не пошла.

Наиболее взвешенную оценку «Декларации» дал спустя годы патриарх Алексей II. «Неправда замешана в... «Декларации», – говорил Святейший. – Декларация ставила своей целью поставить Церковь в правильное отношение к советскому правительству. Но эти отношения – а в Декларации они ясно обрисовываются как подчинение Церкви

интересам государственной политики – как раз не являются правильными с точки зрения Церкви».

Положительные результаты, полученные митрополитом Сергием в обмен на «Декларацию», были незначительны. Последовало признание Московской Патриархии со стороны Патриарха Антиохийского Григория IV и Патриарха Иерусалимского Дамиана. Митрополит Сергей попытался облегчить участь арестованных иерархов, попросив освободить их из заключения. Действительно, в 1927 – начале 1928 гг. было освобождено несколько архипастырей: архиепископы Захария (Лобов), Ювеналий (Масловский), епископы Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский). Однако новая политика митрополита Сергия имела и обратную, отрицательную сторону.

§2. Оппозиция курсу митрополита Сергия

Появление «Декларации» в тот момент не привело к существенному улучшению положения Церкви. Параллельно с освобождением некоторых сторонников митрополита Сергия немалое число архипастырей и пастырей оказалось в заключении. Более того, непризнание «Декларации» могло усугубить положение арестованных пастырей и мирян. Но самым тяжелым последствием нового курса митрополита Сергия стали церковные разделения. Как и предполагали в ОГПУ, действия заместителя вызвали протест со стороны немалой части Церкви.

Новый курс митрополита Сергия на самом деле не вполне соответствовал линии патриарха Тихона, хотя заместитель местоблюстителя и пытался доказать это преимущество. Общим в действиях святителя Тихона и митрополита Сергия было стремление легализовать Церковь и доказать советской администрации, что верующие готовы быть достойными гражданами своей страны. Однако на этом сходство заканчивалось. Предшественники митрополита Сергия настаивали на внутренней свободе Церкви, на недопущении государства в ее внутреннюю жизнь, в то время как в «Декларации» современники усматривали готовность поработить Церковь атеистическому режиму. Еще одна причина непризнания «Декларации» была в том, что права Временного Патриаршего Синода были недостаточно прочными. Этот Синод был избран не Собором, а набран самим митрополитом Сергием. С.В.Троицкий в своем труде «Размежевание или раскол» указывает на юридическую аксиому: никто не может дать другому больше прав, чем имеет сам. А потому полномочия Временного Синода не могли превышать полномочий самого митрополита Сергия, и изданные Синодом документы и распоряжения имели не больше авторитета, чем если бы составлялись заместителем единолично. Наконец, в отличие от первого проекта «Декларации» 1926 г, документ 1927 г. не был разослан в епархии для обсуждения, а был принят узкой группой лиц.

Значительная часть Церкви все же постаралась избежать разделения с митрополитом Сергием, посчитав, что в сложившихся обстоятельствах он не мог действовать иначе. Созвать Собор ему не позволяла коммунистическая власть, а выстраивать отношения с ней было необходимо. Имели место опасения, что советское руководство полностью ликвидирует Патриаршую Церковь, заменив ее обновленцами. Раскольники действительно имели шансы занять место законной Церкви:

они постепенно отказывались от нововведений, главой обновленцев был иерарх дореволюционного рукоположения Вениамин (Муратовский), который носил громкий титул «митрополита Московского и Коломенского». Практически обновленческими были и целые регионы, например, Сибирь, Кубань и Ставрополье. Немаловажно было и то, что обновленческий раскол признавался Константинополем. Понимание, что собой представляет «Православная Российская Церковь» (или «Синодальная Церковь»), как именовали себя раскольники, было только у церковных людей, живущих духовной жизнью. Малоцерковный народ как правило, не разбирался в том, чем отличаются обновленцы от последователей патриарха Тихона, порой люди ориентировались на то, чей храм ближе к дому. В этих условиях государство могло сделать ставку на обновленцев, постепенно ликвидировав законную Церковь.

Неудивительно, что церковное руководство пыталось найти выход из ситуации. Неслучайно, среди последователей митрополита Сергия было немало архипастырей и пастырей, причисленных к лику святых. В числе архиереев, подписавших «Декларацию», был богослов и историк священномученик Анатолий (Грисюк). Другой замечательный архипастырь, чья подпись стоит под «Декларацией» – епископ Константин (Дьяков). Среди поддержавших митрополита Сергия были будущие священномученики митрополит Серафим (Чичагов), архиепископы Иларион (Троицкий), Захария (Лобов) и др.

Священномученик Иларион настаивал, что в «Декларации» не содержится ничего предательского в отношении Церкви, что единство надо хранить, а разделения выгодны лишь богоборческим властям.

«Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и его Синода, – говорил святитель, – что бы превосходило меру снисхождения и терпения».

Другая часть Церкви с формулировками «Декларации» не согласилась. «За что благодарить? – писали митрополиту Сергию киевские священники. – За неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? Зато, что северная наша обитель стала местом непрекращающихся страданий? За эти мучения, за кровь митрополита Вениамина и других убиенных святителей?»

Часть духовенства считала, что курс митрополита Сергия постепенно будет разрушать Церковь. По мнению священномученика епископа Дамаскина (Цедрика), наступит «сознательное попрание идеала Св. Церкви ради сохранения внешнего декораума и личного благополучия».

Некоторые не стали зачитывать перед народом «Декларацию» и уходили на покой. Другие архипастыри, например, святитель Виктор (Островидов), отправляли «Декларацию» обратно в Москву.

Изданная без обсуждения всего епископата, «Декларация» сразу же вызвала критику со стороны архипастырей. Отрицательно оценивал этот документ епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов), находившийся в Соловецком концлагере. Архипастырь указывал, что «Декларация» нарушает постановления Поместного Собора 1917–1918 гг., прямо объявившего аполитичность Церкви. Священномученик Василий настаивал, что никто не имеет права навязывать члену Церкви какую-то свою политику, тем более церковными мерами. Существование с гонителями возможно лишь при условии, что главным для Церкви будет оставаться поиск «царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33), а не земного благополучия и безопасности. Путь митрополита Сергия, отменившего постановление Поместного Собора, неканоничен.

По инициативе священномученика Василия (Зеленцова) была составлена записка архиереев, находившихся на Соловках. Признавая обращение к советской администрации правильным, обещая полную аполитичность и подчинение законам государства, авторы записки категорически отвергли идею «Декларации» о сплетении Церкви и государства. Ведь любое правительство может принять безрассудное решение, и из этого не следует, что Церковь должна ему радоваться. Тем более это касается государства коммунистического, поставившего целью искоренить религию. Несогласие авторов послания вызвало и то, что митрополит Сергей возложил вину за проблемы церковно-государственных отношений на Церковь, хотя имелось множество примеров, когда священнослужители репрессировались не за политические взгляды, а за церковную деятельность.

Архипастыри понимали, что «Декларация» будет не последним шагом митрополита Сергия. ОГПУ уже не скрывало своих планов на епископат. 17 октября 1927 г. Тучков пригласил к себе двух епископов – Серафима (Звездинского) и Зиновия (Дроздова) и довольно вежливо объяснил, чего от них хочет:

«Кого будем вам посылать для посвящения – посвящайте. Вот Вы, епископ Зиновий, и Вы, епископ Серафим, поезжайте, управляйте епархиями. Побывайте у митрополита Сергия, приходите, договоримся и поедете».

Архипастыри отказались.

«Тогда в 24 часа выезжайте из Москвы подальше», – был ответ

Тучкова.

Епископы Серафим и Зиновий подали прошение об увольнении на покой.

Были в те месяцы и другие гласные и негласные протесты против нового курса митрополита Сергия.

Отношение к «Декларации» митрополита Петра (Полянского)

Неодобрительно отнесся к новой политике своего заместителя патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский).

В 1927 г. священномученик был выслан на берег Обской губы в районе Полярного круга. Здесь в зимовье Хэ он прожил до 1930 г.

Существует свидетельство протоиерея Григория Селецкого, который в 1929 г. передал митрополиту Иосифу (Петровых) следующее указание от митрополита Петра: епископат должен сам сместить митрополита Сергия (Страгородского) и не поминать его за богослужением.

В своем письме заместителю священномученик Петр не скрывал несогласия с его новой политикой. «Огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, где поминается Ваше имя, – констатировал патриарший местоблюститель. – Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. ... Ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. ... Очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то несомненно дошло бы и Ваше».

Сам митрополит Сергей пытался представить патриаршего местоблюстителя своим сторонником, ссылаясь на епископа Спас-Клепиковского Василия (Беляева), однако недостоверность этого свидетельства была доказана еще М. Е. Губониным. Среди целого ряда аргументов этого исследователя можно указать основной: если митрополит Петр одобрял «Декларацию», то его незачем было держать в ссылке. Тем не менее он был лишен свободы именно из-за отказа издать «Декларацию», даже более нейтральную, чем сергиевская. Наконец, сам священномученик Петр свидетельствовал, что никаких поручений епископу Василию он не давал.

Однако если бы действия митрополита Сергия ограничились только изданием «Декларации», это не вызвало бы серьезных потрясений, – все понимали, что заместитель местоблюстителя вынужден периодически выступать с подобными посланиями. Проблема была в другом – в том, что курс «Декларации» стал проводиться в церковную жизнь. Вызывало

недовольство, что митрополит Сергей начал перемещения архиереев по указанию властей без санкции Собора, а также распорядился не поминать ссыльных архиереев. 2 апреля 1929 г. митрополит Сергей прямо предписал применять прещения в отношении антисоветски настроенного духовенства. Тем же циркуляром архиереям было дано указание сообщать в Патриархию о священниках, допускающих противоправительственные действия.

Оппозиция митрополита Иосифа (Петровых)

Результатом деятельности митрополита Сергея стало то, что от него в конце 1920 – начале 1930-х гг. отошло около 40 архиереев в пределах СССР и около 30 иерархов за границей. «Таких масштабных нестроений, – пишет иерей Александр Мазырин, – Русская Церковь ранее не знала. Даже обновленческий раскол, нанесший тяжелый урон Церкви, был для нее менее болезненным, поскольку его возникновение способствовало очищению церковных рядов от недостойных представителей духовенства».

Наиболее известное оппозиционное движение, возникшее в Российской Церкви после «Декларации», – оппозиция митрополита Иосифа (Петровых). Назначенный в Петроград митрополит Иосиф не имел возможности выехать туда из-за препятствий со стороны ОГПУ и управлял епархией из Ростова, а затем из-под Череповца. Чтобы избежать двусмысленного положения, в котором оказался митрополит Иосиф, Временный Патриарший Синод перевел его в Одессу. Архипастырь был возмущен – по его мнению, такой перевод незаконен, так как никаких проступков за ним не было. Митрополит Иосиф считал, что вопрос перемещения должен быть решен Собором архиереев.

Но созвать Собор было невозможно, а сам митрополит Сергей уже шел путем компромиссов. 12 октября 1927 г. решение о переводе митрополита Иосифа в Одессу было принято. Петроградская паства в большинстве своем возмутилась. В поддержку владыки выступили его викарии – епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин), а также ряд авторитетных пастырей – профессор протоиерей Феодор Андреев, настоятель храма Воскресения на Крови протоиерей Василий Верюжский и др. Сторонники митрополита Иосифа напрямую связывали его перемещение с новым курсом митрополита Сергея и его «Декларацией». Отказался подчиниться распоряжению заместителя и митрополит Иосиф, настаивавший, что церковная власть в Москве находится в поработочном состоянии. «Легче и полезнее видеть Св. Церковь гонимую вновь от власти, не скрывающей от нас своей безбожности и враждебности, нежели видеть ее гонимую нашими же руками», – писал митрополит Иосиф. 12 декабря четверо сторонников митрополита Иосифа, епископ Димитрий (Любимов), протоиереи В.Верюжский и В.Добронравов и мирянин С. Алексеев, посетили митрополита Сергея, передав ему послание с протестом против нового курса Патриархии. Отдельное требование касалось некоторых лиц, вошедших в состав Временного Синода, в

частности митрополита Серафима (Александрова) и архиепископа Алексия (Симанского).

Митрополита Сергия переубедить не удалось. В ходе беседы со своими посетителями он признался даже, что готов отказаться от поминовения патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, если власть прикажет.

В ответ на недоумение посетителей митрополит Сергей сказал:

– Да, я спасаю Церковь!

– Церковь не нуждается в спасении, – возразили ему, – а вы сами через нее спасаетесь.

– Ну да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: «я спасаю Церковь», но я говорю о внешнем положении Церкви.

Стороны так и не поняли друг друга. 26 декабря несогласные с митрополитом Сергием священнослужители, включая епископов Димитрия (Любимова), Сергия (Дружинина) и Серафима (Протопопова), составили акт «О разрыве с митрополитом Сергием». Согласно этому документу, оппозиционеры сохраняли подчинение митрополиту Петру (Полянскому) и прекращали общение лишь с митрополитом Сергием и подчиненным ему духовенством до соборного суда или покаяния со стороны заместителя.

Происходящее контролировалось ОГПУ, стремившимся к максимальному разделению Церкви. 15 декабря 1927 г. Е.Тучков писал в секретном донесении: «Мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиционных епископов, а Ерушевич после этого пусть запретит некоторых попов». Действительно, митрополит Сергей запретил в священнослужении епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), а епископ Николай (Ярушевич) – священников, выступивших против курса заместителя местоблюстителя.

Петроградская паства оказалась разделенной. Помимо иосифлянкой общины существовали приходы, сохранившие подчинение митрополиту Сергию. Лидером этих приходов стали vicарные епископы Николай (Ярушевич) и Николай (Клементьев). Некоторые vicарные епископы, – Колпинский Серафим (Протопопов) и Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) – формально не разорвали отношений с Синодом, но митрополита Сергия на службах не поминали. В начале 1928 г. епископ Серафим (Протопопов) примирился с Временным Синодом.

Хотя митрополит Иосиф считался лидером антисергиевского движения, на местах оно было самостоятельным. Так, московская оппозиция возглавлялась епископом Максимом (Жижиленко), украинская

– епископом Макарием (Кармазиным). В Воронеже признанным лидером иосифлянского движения был епископ Алексей (Буй), в Вятке – епископ Виктор (Островидов).

Ярославская оппозиция

Действия митрополита Сергия вызвали и другие протесты. Единомыслие с митрополитом Иосифом (Петровых) выразили митрополит Агафангел (Преображенский) и его викарии – архиепископ Серафим (Самойлович), епископ Евгений (Кобранов) и архиепископ Варлаам (Ряшенцев). 6 февраля 1928 г. архипастыри обратились к заместителю местоблюстителя с посланием, к которому присоединился и митрополит Иосиф (Петровых). В письме осуждалось бесцельное перемещение епископов и назначение викариев без ведома правящих архиереев. Авторы послания заявляли, что прекращают административное подчинение митрополиту Сергию, оставаясь в подчинении патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Молитвенное общение с заместителем местоблюстителя также сохранялось.

Боль за Церковь в своем письме митрополиту Сергию выразил в те дни священномученик Серафим (Самойлович). «Факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, – писал архипастырь, – что еще труднее стало жить православно верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то внутреннюю свободу Церкви. ... Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей новой церковной политики».

Заместитель местоблюстителя запретил в священнослужении викариев митрополита Агафангела, сделав предупреждение ему самому. Для переговоров о примирении к тяжело больному святителю Агафангелу митрополит Сергей направлял сначала митрополита Серафима (Александрова), а затем архиепископов Павла (Борисовского) и Ювеналия (Масловского). Результатом переговоров стало примирение ярославской оппозиции (кроме митрополита Иосифа) с митрополитом Сергием. Однако митрополит Агафангел оговорил важное условие для дальнейшего подчинения митрополиту Сергию. Оно подразумевало, что постановления заместителя, смущающие совесть иерархов и народа, а также противоречащие канонам, ярославские архипастыри выполнять не будут. Митрополит Сергей согласился с этим условием, хотя и постарался изобразить дело так, будто митрополит Агафангел отказался от каких-либо условий. 16 мая 1928 г. общение было восстановлено. Итогом стало

то, что при административном подчинении митрополиту Сергию его политику митрополит Агафангел так и не принял. 16 октября того же года святитель и исповедник Агафангел (Преображенский) отошел ко Господу.

Оппозиция митрополита Кирилла (Смирнова)

Отношение митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) к политике заместителя местоблюстителя представляется особенно важным. Священномученик Кирилл был первым из указанных в патриаршем завещании местоблюстителей. Авторитетность этого архипастыря была подтверждена и в 1926 г., когда именно он был намечен в кандидаты на патриаршество.

До конца дней своих митрополит Кирилл считал законным местоблюстителем митрополита Петра (Полянского), однако настаивал, что ни один местоблюститель не имеет полномочий назначать себе преемников. А потому взгляд митрополита Кирилла на полномочия митрополита Сергия был таким же, как и у Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра – заместитель местоблюстителя имеет ограниченные права, является неким «сторожем» церковного устройства и принимать ответственные решения не может. «Никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает», – писал митрополит Кирилл. Первое заместительство митрополита Сергия священномученик оценивал положительно, однако к его новому курсу, принятому в 1927 г., отнесся резко отрицательно. Создание митрополитом Сергием Синода архипастырь считал превышением заместительских полномочий. В дальнейшем критика со стороны священномученика Кирилла (Смирнова) касалась в основном этого вопроса и почти не касалась политики. Первые известные письма митрополита Кирилла против курса заместителя местоблюстителя относятся к началу 1929 г. Эти письма распространялись и получили хождение среди православного населения.

Разрывая отношения с заместителем местоблюстителя, отказываясь от сослужения с ним, митрополит Кирилл при этом не отрицал его благодатности и был готов принимать таинства от поставленных им пастырей и даже служить в сергиевском храме без его переосвящения. Такая позиция священномученика Кирилла соответствовала древней практике. Святитель Афанасий (Сахаров) и С. В. Троицкий ссылались на ряд правил Карфагенского Собора (87, 91, 136, 137, 147), которые предусматривали разрыв общения с недостойным архиереем всех прочих архипастырей. Лишенный общения иерарх мог совершать таинства, их благодатность не оспаривалась, мирян же конфликты епископата не касались. Истории известны и случаи разрыва общения между главами Церкви, что также не подразумевало, что одна из сторон лишилась

благодати (известный пример – разрыв общения между святым Григорием Великим Папой Римским и святым Иоанном Постником, Патриархом Вселенским в VI в.).

Однако митрополит Сергей вопреки очевидному настаивал, что прекращение молитвенного общения ведет к признанию безблагодатности одной из сторон, и обвинял священномученика Кирилла в раскольничьих действиях. При этом митрополит Сергей считал, что имеет те же полномочия, что и патриарший местоблюститель.

В сложившейся ситуации проблему мог решить соборный суд или хотя бы местоблюститель священномученик Петр. Однако Собор оставался несбыточной мечтой, а обращаться к митрополиту Петру не желал сам его заместитель. Временный Синод освободил митрополита Кирилла от управления Казанской епархией, а 11 марта 1930 г. наложил на него запрещение в священнослужении. В том же году священномученик Кирилл вновь подвергся преследованию со стороны властей. Среди обвинений в его адрес было несогласие священномученика с политикой митрополита Сергея, требование упразднить Временный Патриарший Синод и восстановить в Российской Церкви патриаршество.

Впоследствии при канонизации представителей правой оппозиции прещения, наложенные на них митрополитом Сергием, не снимались. Тем самым Церковь констатировала их каноническую небезупречность.

В 1933 г. митрополит Кирилл был освобожден, некоторое время проживал в Гжатске. В декабре того же года он посетил митрополита Сергея с целью узнать, переслал ли он их переписку патриаршему местоблюстителю. Митрополит Сергей сообщил, что переписку митрополиту Петру он не пересылал, так как неизвестно, где он находится. Вскоре митрополит Кирилл был снова арестован. В последующие годы его отношение к митрополиту Сергию становилось более жестким, но радикализма священномученик Кирилл не допускал. Хотя архипастырь настаивал, что не является лидером какой-либо из фракций Российской Церкви, все же было немало иерархов и пастырей, считавших себя его последователями. Ими не оспаривалась благодатность митрополита Сергея, но почитать его как главу Церкви они тоже отказывались, вознося за богослужением лишь имя местоблюстителя митрополита Петра. За такими священнослужителями закрепилось именование «непоминающих». К этой группе иерархов обычно относят епископа Афанасия (Сахарова), который не поминал митрополита Сергея, но разрешал посещать храмы Московской Патриархии. Сторонниками митрополита Кирилла называли себя также епископы Василий

(Преображенский), Иоасаф (Удалов), Прокопий (Титов), Амфилохий (Скворцов).

К позиции священномученика Кирилла была в те годы близка и каноническая платформа Русской Зарубежной Церкви, которая отказалась от подчинения Московской Патриархии еще в 1927 г., а в 1931 г. разорвала с ней молитвенное общение. При этом таинства митрополита Сергия признавались благодатными, а священников Московской Патриархии, убегавших за границу, в Зарубежной Церкви долгое время принимали без покаяния.

Помимо указанных движений существовали другие оппозиционные течения, группировавшиеся вокруг ярких лидеров. Например, даниловская оппозиция считала своим главой архиепископа Феодора (Поздеевского), включала таких архипастырей, как Парфений (Брянских), Гавриил (Абольмов) и др. Мечёвская оппозиция сформировалась вокруг общины праведного Алексия Мечёва в храме святителя Николая в Кленниках в Москве. Настоятелем храма был сын протоиерея Алексия священномученик Сергий Мечёв.

Было бы неверно считать, что все эти течения были независимыми друг от друга группами, на самом деле они переплетались и друг с другом, и со сторонниками Московской Патриархии. Известно, например, что представитель правой оппозиции епископ Макарий (Кармазин) в ссылке жил в одном доме с архиереем Московской Патриархии епископом Порфирием (Гулевичем). Святители не только находились в дружеском общении, но и совместно совершали литургию.

Впоследствии возникло неверное представление, что Российская Церковь в те годы делилась на благоденствующих последователей митрополита Сергия и гонимых последователей митрополита Иосифа, скрывавшихся в катакомбах. Приходится сталкиваться с именованнием правых оппозиционных течений «Катакомбной Церковью». На самом деле это не так, и понятие «Катакомбная Церковь» намного шире. Вплоть до 1940-х гг.

В стране легально существовали как приходы правой оппозиции, так и приходы митрополита Сергия. Также параллельно существовали «катакомбные», или тайные, приходы и даже монашеские общины. Часть из них поминала митрополита Сергия (Страгородского), часть – лидеров правой оппозиции.

Преследованиям в 1920–1930 гг. подвергались и представители Московской Патриархии, и противники ее политики. Мало кто из архипастырей-оппозиционеров дожил до Второй мировой войны или

пережил ее. После войны часть оппозиционных общин признала московское церковное руководство, часть осталась в независимом положении, причем в ряде таких общин впоследствии стали проявляться и сектантские черты.

В условиях беспрецедентных гонений 1920–1930-х гг., невозможности созыва Соборов выполнить требования канонов в полной мере не могло ни одно из течений Российской Церкви. «Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов. Самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонов порядке», – справедливо писал священномученик Кирилл (Смирнов). И последователи митрополита Сергия, и его противники стремились к одному – сохранению Церкви. Неслучайно Московский Патриархат на юбилейном Соборе 2000 г. причислил к лику святых как представителей правой оппозиции, так и сторонников Московской Патриархии.

Среди канонизированных святых, выступавших против курса митрополита Сергия, нужно назвать священномучеников Кирилла (Смирнова), Аркадия (Остальского), Василия (Зеленцова), Дамаскина (Цедрика), Серафима (Самойловича), Серафима (Звездинского), святителей Агафангела (Преображенского), Виктора (Островидова), Афанасия (Сахарова) и др.

Среди канонизированных святых, не отделявшихся от митрополита Сергия, в святцы включены имена священномучеников Фаддея (Успенского), Анатолия (Грисюка), Илариона (Троицкого), Серафима (Чичагова), Захарии (Лобова), Константина (Дьякова) (канонизированного Украинской Православной Церковью), святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и др.

Одним из критериев для внесения в святцы было то, признавал ли пострадавший патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, в то время как признание власти митрополита Сергия таким критерием не стало. Тем самым Церковь указала, что и сторонники политики митрополита Сергия, и ее противники составляли единое тело Церкви и взаимные обвинения некорректны. Правильнее возложить вину за разделения в Церкви и ее ослабление на тех, кто действительно разделял и ослаблял ее, а именно на коммунистическое государство.

Глава 8. Российская Церковь в годы второго заместительства митрополита Сергия

§1. Причины и законодательная база новых гонений на Церковь

Принятый митрополитом Сергием курс не принес Церкви облегчения. Наоборот, конец 1920-х гг. стал для Церкви началом новых потрясений. Главная причина, как в 1917 г., так и теперь, была в онтологическом неприятии коммунистическим режимом Православной Церкви, как и религии вообще. Однако отдельные волны гонений каждый раз имели и конкретное объяснение.

Трагедия Церкви в конце 1920 – начале 1930-х гг. была напрямую связана с укреплением власти И.В.Джугашвили (Сталина). Первые самостоятельные шаги диктатора ударили прежде всего по основной массе населения – крестьянству. Методом слома крестьянства как сословия стала коллективизация – насильственное вовлечение крестьян в колхозы. Сам Сталин придавал ей такое же значение, как и октябрьскому перевороту.

Согласно официальным данным, в ходе коллективизации было выселено (нередко на верную гибель) более 2,2 млн человек, хотя сам Сталин говорил о 10 миллионах «раскулаченных». Следующим ударом по крестьянству стал массовый голод начала 1930-х гг., жертвами которого стало как минимум 3–4 млн человек, хотя некоторые специалисты доводят число погибших до 7 млн. Как указывает В.Д.Кузнецовский, имея сведения о надвигающемся бедствии, Сталин озаботился лишь тем, чтобы заранее обеспечить запасы хлеба Грузию, которой голод действительно не коснулся.

В контексте наступления на крестьянство следует рассматривать и антицерковные действия коммунистической власти. Успех новой кампании был невозможен без слома устоявшегося веками народного быта, имевшего в своей основе церковные традиции. Согласно подсчетам иерея А.Мазырина, если принять за 100% число арестов по церковным делам в 1926 г., то в 1927 г. показатель будет 171 %, в 1928 г. – 235 %, в 1929 г. – 807 %, в 1930 – 2204 %.

В каждый последующий год арестовывалось в полтора, а то и в три раза больше, чем в предыдущий.

Меры против Церкви принимались на самом высоком уровне. В феврале 1929 г. секретарь ЦК ВКП(б) Л.М.Каганович разослал по стране директивное письмо с критикой коммунистов и комсомольцев за недостаточную активность в борьбе с религией. Духовенство в этом письме было названо политическим противником коммунистической

партии. 8 апреля 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», в соответствии с которым общины могли лишь «отправлять культ» в специальных зданиях, в то время как проповедь, просвещение и благотворительность запрещались. Частное обучение религии, предусмотренное декретом 1918 г., теперь было истолковано как право родителей обучать детей.

На деле же и такое семейное обучение, если о нем становилось известно, могло грозить родителям тяжелыми последствиями – религиозное образование для коммунистического государства было синонимом контрреволюционной агитации. В школах проявление ребенком религиозности в лучшем случае вы смеивалось. Всеобщей практикой стало вывешивание списков детей, посетивших храм в тот или иной праздник. Познакомиться с учением Церкви, как и любой религии, было невозможно.

В соответствии с объявлениями, вывешенными в библиотеках, порнографическая и религиозная литература читателям не выдавалась. Получалось, что в школе на ребенка обрушивалась вся мощь атеистической пропаганды, в то время как домашнее обучение совершалось нередко неискушенными в богословских вопросах людьми при отсутствии необходимых книг, к тому же полусшепотом. Неудивительно, что в таких условиях относительно немногие могли вырасти духовно стойкими и истинно верующими людьми.

XVI Всероссийский съезд советов в мае 1929 г. изменил 4-ю статью Конституции. Теперь в ней говорилось о «свободе религиозного исповедания и антирелигиозной пропаганды», то есть проповедь любой религии основным законом коммунистического государства не предусматривалась. Усилил свою работу и «Союз безбожников», в 1929 г. переименованный в «Союз воинствующих безбожников». Атеистическая агитация лилась не только со страниц специальных изданий («Безбожник», «Безбожник у станка»), но и из прочих газет и журналов. Церковь не могла ответить на клевету – своих изданий у нее не было. Устная критика той или иной газетной статьи также могла привести к печальным последствиям – высказывания против советской прессы трактовались как контрреволюция.

Зная, что религиозные принципы вытравить из населения не так просто, власти пропагандировали «новую религиозность» с культом вождей, верой в науку и «светлое будущее». Одним из элементов антицерковной политики стала пятидневная рабочая неделя со скользящими выходными днями, целью которой было отвратить людей от

посещения храмов в воскресные дни. Навязывалось размещение в переднем (святом) углу крестьянских изб портретов коммунистических вождей вместо икон, хотя некоторые колхозники могли спокойно поместить рядом и образа, и фотографии Ленина. Известен случай, когда приходской священник из-под Вологды священномученик Виктор Усов (память 21 января) получил срок и погиб в лагере за совет крестьянину убрать изображение Ленина из святого угла.

§ 2. Положение духовенства и мирян в 1927 –1935 гг.

Духовенство попадало под удар антицерковных репрессий в первую очередь. Положение «лишенцев», не имевших элементарных прав, касалось не только самих священников, но и их семей.

Жизнеописание священномученика Александра Парусникова (память 27 июня) показывает жизнь той эпохи, где милосердие соседствовало со зверством, а святость – с подлостью. В конце 1920-х гг. у священника отобрали полдома, поселив туда начальника местной милиции. Последний болел туберкулезом, отчего потом и умер. Обычным занятием «блустителя порядка» было ходить по дому, в особенности в той половине, где жила семья священника, и плевать. Супруга отца Александра не раз становилась перед ним на колени, умоляя его пощадить детей. «Поповская сволочь должнадохнуть», – отвечал тот. Некоторые дети отца Александра действительно умерли от туберкулеза.

В школе детей преследовали, демонстрируя их неравноправие в каждой мелочи. Это выражалось, например, в том, что дети священников, как «лишенцы», не получали бесплатного питания.

Один из обычных случаев тех лет сохранила в памяти дочь отца Александра. Пастырь идет с ней по улице, а прохожие оборачиваются и плюют священнику вслед. Дочь сжимает его руку крепче и думает: «Господи, да он же самый хороший!» Отец, чувствуя, каковы в этот момент переживания дочери, спокойно говорит ей: «Ничего, Танюша, это всё в нашу копилку».

Когда у семьи увели корову, отец Александр пошел служить благодарственный молебен. «Бог дал, Бог взял», – сказал пастырь.

Но с тех пор каждое утро на крыльце появлялась корзинка с бутылкой молока и двумя буханками хлеба. Старшие дети до глубокой ночи дежурили у окна, выходящего на крыльцо, чтобы узнать, кто приносит им хлеб и молоко, однако благодетеля так и не увидели.

Пастыря неоднократно принуждали отречься от священства, во время допроса выбили все зубы. В 1938 г. он был расстрелян.

Пример священномученика Александра и его детей – один из десятков тысяч.

Окончание школы для члена семьи священника не означало окончания мытарств. Сыновей духовенства, например, одно время не брали в армию, которая считалась «рабоче-крестьянской». Юноши из священнических семей вместо армейской службы отбывали повинность

перед государством в трудовых лагерях, мало отличавшихся от мест заключения. Получение высшего образования, и без того труднодоступное из-за высокой оплаты, для детей священнослужителей было и вовсе невозможным. Социальное происхождение было обязательным пунктом анкеты и для целых категорий населения оказывалось тупиком на пути получения образования или работы. В таких случаях «выходом» могло стать отречение от родителей, что также поддерживалось советской пропагандой. Культ Павлика Морозова, предавшего родителей, активнейшим образом навязывался по всей стране. Доходило до того, что сообщения о детях, награжденных за доносы на родителей, публиковались в газетах. Некоторые дети священников, как и других классово чуждых (дворян, «раскулаченных» и т.д.) элементов, пытались уезжать от родителей и скрывать свое происхождение. Такие люди постоянно находились под страхом разоблачения, скрывая историю своего рода не только от знакомых и сослуживцев, но и от потомков.

Сами священники, как представители «нетрудового элемента», облагались огромными налогами, сумма которых часто назначалась местными властями произвольно. Налагалась на священника и общественная трудовая повинность, например, заготовка дров. Невыполнение поставленных условий вело к обвинению в саботаже и, как следствие, к высылке или заключению. Ссылка для пожилых людей часто равнялась смертному приговору. Возраст не позволял им заниматься тяжелым трудом (а в местах ссылки другого не было), что оставляло людей без средств к существованию и приводило к смерти от истощения. Параллельно с этим советское руководство облегчило и закрытие храмов. Соответствующее решение на местах принималось всем населением (причем часто активным антицерковным меньшинством), а не только православными христианами. Однако, опасаясь преследований, некоторые из тех людей, кто считал себя верующими, предпочитали отмалчиваться. В таких случаях судьба храма была уже решена. Лишившиеся мест священники иногда получали новые назначения, а чаще всего устраивались на низкооплачиваемую работу (сторожами, разнорабочими) и совершали требы тайно.

Поводов для ареста и изоляции верующего человека, от архиерея до мирянина, также было предостаточно, основанием для обвинений могло стать не только возмущение происходящим, но и простой намек на гонения. Епископ Александр (Малинин), рукоположенный в Москве 25 ноября 1928 г., сказал в день наречения: «Впереди на пути своем я вижу шипы и терния, но верую во всемогущую благодать архиерейства, которую

Вы, Святители, по воле Пастыреначальника Христа низведете в мое недостойное сердце».

Сказанные в узком кругу слова о «шипах и терниях» были переданы в ОГПУ. В ночь на 11 декабря архипастырь был арестован и обвинен в антисоветской пропаганде. Отягчающим обстоятельством стало присутствие при наречении гражданина другого государства – архиепископа Литовского Елевферия (Богоявленского). Епископ Александр был приговорен к трем годам заключения, отправлен в Вишерский лагерь, где вскоре и умер.

Любой человек, тем более священнослужитель, при всей своей лояльности находился под подозрением, как социально опасный. Тем более это касалось тех, кто не скрывал своего возмущения беззакониями. Священномученик Василий (Зеленцов) (память 7 февраля), обличивший «Декларацию» митрополита Сергия, в октябре 1928 г. был выслан в Сибирь. Казалось, для святителя наступили спокойные времена. Живя в глуши, он занимался исключительно богословской работой – писал толкования на Апокалипсис, переводил на русский язык песнопения литургии. Однако 9 декабря 1929 г. он был вновь арестован и доставлен в Москву.

«С декларацией Сергия я не согласен, – говорил святой на допросе. – В частности, не согласен с тем, что советская власть есть от Бога, тогда как она уничтожает все, что есть Божьего на земле».

7 февраля 1930 г. епископ Василий был расстрелян и погребен в безвестной могиле на Ваганьковском кладбище.

Вообще, конец 1920 – начало 1930-х гг. были ознаменованы массовыми арестами и убийствами архиереев и священников правой церковной оппозиции. Известны случаи, когда от арестованных прямо требовали ответить на вопрос: признаёт он «Декларацию» или нет. В случае отрицательного ответа последствия могли быть весьма печальными.

Среди лишенных свободы противников митрополита Сергия были митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Серафим (Самойлович), епископы Димитрий (Любимов), Алексей (Буй), Виктор (Островидов), Дамаскин (Цедрик). Некоторые архипастыри пострадали до смерти. В 1928 г. при аресте был смертельно ранен епископ Иерофей (Афонин). В начале 1930-х гг. были расстреляны епископы Максим (Жижиленко), Варлаам (Лазаренко), Сергей (Никольский), умерли в заключении епископы Димитрий (Любимов), Вениамин (Воскресенский), Павел (Кратиров).

В северной столице правой оппозиции принадлежал храм Воскресения на Крови, Никольский и Владимирский соборы. После их закрытия центром антисергиевского движения стал храм Тихвинской иконы Божией Матери, который был закрыт в 1936 г. В Москве правая оппозиция группировалась в Никольском храме в Кленниках, в церкви Воздвижения на Воздвиженке,

в Никольском храме «Большой крест» и в храме святых Кира и Иоанна на Солянке. Признанным лидером непоминающих в Москве был архимандрит Серафим (Битюков). Несколько легальных храмов правой оппозиции действовало в других районах страны. В основном же противники митрополита Сергия переходили на нелегальное положение.

Потерей для оппозиционного движения стала смерть святителя Виктора (Островидова) в 1934 г. Академик Д.С.Лихачев, находившийся в соловецком лагере вместе с епископом Виктором, вспоминал: «Он был очень образован, имел печатные богословские труды, но видом напоминал сельского попа. Встречал всех широкой улыбкой (иным я его не помню), имел бороду жидкую, щеки румяные, глаза синие. Одет был поверх рясы в вязаную женскую кофту, которую ему прислал кто-то из его паствы. От него исходило какое-то сияние доброты и веселости. Всем старался помочь и, главное, мог помочь, так как к нему все относились хорошо и слову его верили». После освобождения из лагеря святитель Виктор был отправлен в ссылку, где вскоре и умер (память 2 мая).

В те годы пострадало и немало священнослужителей, подчинявшихся митрополиту Сергию. Одним из таких страдальцев был архиепископ Воронежский Петр (Зверев). В воспоминаниях современников он остался как иерарх святой жизни, относившийся к пастве как к родным детям. Служил он неспешно, не допуская пропусков, не любил партесного пения и старался, чтобы за богослужением пел весь народ. Видя перед собой святого, воронежские обновленцы один за другим приносили публичное покаяние. Естественно, что такой святитель большевикам был опасен: начались вызовы в ОГПУ и допросы. Очевидцы говорили, что святость архипастыря была в те дни столь очевидна, что даже чекисты невольно обнажали перед ним голову. Святитель был отправлен на Соловки, а, чтобы не допустить его влияния на заключенных, его этапировали в удаленный Анзерский скит. 7 февраля 1929 г. священномученик Петр умер там от тифа.

Еще одной великой утратой для Церкви была кончина архиепископа Илариона (Троицкого), выдающегося православного богослова и историка, автора трудов «Очерки из истории догмата о Церкви», «Христианство или

Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету» и др. Святитель был ревностным поборником восстановления патриаршества, сподвижником патриарха Тихона. Аресты и тюрьмы священномученик испытал в полной мере, долгое время находился в Соловецком лагере. «Он доступен всем, – вспоминал современник, – он такой же, как все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая обыкновенная, простая, несвятая внешность – вот что был сам владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие».

Архипастырь отказался от ухода в оппозицию митрополиту Сергию, считая необходимым хранить Церковь от разделений. Категорически отвергал иерарх и возможность мира с обновленцами. Одному из них, «епископу» Гервасию Малинину, священномученик сказал: «Я скорее сгнию в тюрьме, а своему направлению не изменю».

В декабре 1929 г. архиепископа Илариона власти решили перевести в Среднюю Азию. Во время этапа святитель заразился сыпным тифом. «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет», – умирая, говорил архипастырь (память 28 декабря).

Массово арестовывались и священники. Жене осужденного в 1931г. сельского пастыря Гавриила Масленникова (память 18 ноября), арестовавший его милиционер однажды упал в ноги с рыданиями: «Что мне было делать? Пришла разрядка на трех человек. Кого брать? Ну конечно, в первую очередь пришлось брать священника».

В январе 1931 г. в Архангельске был произведен массовый арест группы духовенства во главе со священномучеником епископом Антонием (Быстровым) (память 16 июля). Вместе с ним были арестованы 20 человек, в том числе ссыльные архиереи – Аверкий (Кедров), Тихон (Шарапов), Иннокентий (Тихонов). Все они проходили по «Делу контрреволюционной группировки духовенства епископа Антония (Быстрова)». Архипастырям пришлось пройти через изощренные пытки – заключенных кормили селедкой и не давали воды. Поводом стала помощь, которую святитель оказывал гонимым. Епископ Антоний отказался стать осведомителем, ему ухудшили условия заключения, что ускорило его смерть.

В начале 1930-х гг. ограбление крестьян в ходе коллективизации привело к массовым народным выступлениям в ЦентральноЧерноземном регионе. Протесты, названные советской пропагандой «кулацкими

мятежами», были жестоко подавлены, а местное духовенство обвинено в подстрекательстве. Среди десятков арестованных были и архиереи – архиепископ Курский Дамиан (Воскресенский), епископ Рыльский Иоанн (Пашин), епископ Орловский Николай (Могилевский). Двое из них, архиепископ Дамиан († 1937) и епископ Иоанн († 1938), впоследствии были расстреляны (память 3 ноября и 11 марта).

Массовый расстрел арестованного духовенства был проведен в 1932 г. и в ростовской тюрьме. Среди более чем ста пастырей погибли и архиереи – митрополит Серафим (Мещеряков) и епископ Александр (Белозер).

Совместные собрания духовенства и паствы, организация помощи заключенным, даже простые контакты приводили к обвинениям в создании «контрреволюционной организации». Возможность получить свободу для священников была – нужно было лишь выполнить поставленные властями условия, – например, через газету заявить о снятии сана и признаться в обмане народа. Священнослужитель мог получить свободу и другим путем – согласившись на сотрудничество с ОГПУ. Но на это шли немногие.

Антицерковная кампания сопровождалась закрытием церквей и монастырей, которые в те годы сносились по стране сотнями. Храмы либо разрушались, либо превращались в клубы, жилые помещения, склады зерна, удобрений. Часто это означало для них медленное разрушение. Среди преступлений коммунистической власти было разрушение памятника жертвам Отечественной войны 1812 г. – храма Христа Спасителя. 13 июля 1931 г. ЦИКСССР под председательством М.И.Калинина принял решение о сносе святыни. Не спасло храм и то, что он к тому времени принадлежал обновленцам. 5 декабря храм был превращен в груды развалин, но обломки вывозили затем в течение полутора лет. Коммунистические вожди вознамерились построить на этом месте Дворец Советов (420 метров в высоту), увенчанный огромной (75 метров) статуей Ленина. Строительство этой новой Вавилонской башни началось в 1937 г., правда, дальше фундамента дело не продвинулось. Впоследствии выкопанный котлован был превращен в плавательный бассейн «Москва».

Собор Страстного монастыря в 1929 г. стал музеем атеизма (снесен в 1937 г.). В том же 1929 г. были окончательно закрыты Даниловский монастырь (превращенный в изолятор для детей репрессированных), а также Донской монастырь. В 1929–1930 гг. были разрушены Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, Иверская часовня на Красной площади, а в 1933 г. – кремлевский собор Спаса-на-Бору. В те же годы

были почти полностью снесены московские Симонов и Зачатьевский монастыри.

В одной только Москве в пределах Камер-Коллежских валов (в то время примерная граница Москвы) было разрушено около 200 храмов, не говоря о закрытых и поруганных.

По всем городам взрывались кафедральные соборы и как центры православной веры, и как городские архитектурные доминанты – любое напоминание о православных корнях русского народа искоренялось. Кафедральные соборы, являвшиеся еще и памятникам и архитектуры, были в конце 1920 – начале 1930-х гг. уничтожены в Архангельске, Вятке, Екатеринбурге, Иванове, Иркутске, Костроме, Нижнем Новгороде, Одессе, Омске, Оренбурге, Пензе, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Симбирске, Симферополе, Ставрополе, Твери, Томске, Туле, Уфе, Хабаровске, Царицыне, Челябинске и т. д. В ряде городов соборы приспособлялись под хозяйственные нужды. В Брянске и Петропавловске-Камчатском кафедральные соборы были превращены в кинотеатры, в Воронеже – в промышленное предприятие, в Петрозаводске – в столовую, в Ярославле – в зернохранилище. Все это означало для когда-то величественных сооружений постепенное обветшание, разрушение и последующий снос. Кроме кафедральных соборов уничтожались и приходские церкви. Счет уничтоженным храмам в некоторых городах шел на десятки. Картина разрушения соборов, церквей и монастырей наблюдалась не только в областных центрах, но и в малых городах, где местные власти старались проявлять максимум усердия и по части варварства нередко превосходили свое областное начальство.

Страну накрыла и волна разрушения центров русской духовности – оставшихся монастырей. Незакрытые в первой половине 1920-х гг. монастыри, существовавшие в виде «трудовых коммун» и «артелей», теперь уничтожались один за другим. В 1927 г. были закрыты Серафимо-Дивеевский монастырь, Свято-Успенская Саровская пустынь (превращена в колонию), Нило-Столобенская пустынь (превращена в колонию), Иверский Валдайский монастырь. В 1928 г. был окончательно закрыт Толгский монастырь, в 1929-м – Троице-Одигитриева Зосимова пустынь. В 1930 г. настал черед Киево-Печерской лавры, часть братии которой была расстреляна, часть сослана. 1931-й стал годом закрытия Леушинского Иоанно-Предтеченского женского монастыря, впоследствии затопленного водами Рыбинского водохранилища.

Долго сопротивлялся закрытию петербургский Воскресенский Новодевичий монастырь. Эту обитель спасало то, что здесь находилась

резиденция митрополитов, сначала священномученика Серафима (Чичагова), затем Алексия (Симанского). Под видом трудовой общины здесь жили и монахини. В феврале 1932 г. 90 монахинь и послушниц были выселены, монашеская жизнь прекратилась, а сам монастырь частично разрушен. В том же году были уничтожены остатки монашеской жизни в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре.

Некоторые русские обители спасло от поругания и разорения то, что они находились за пределами Советского Союза. Сохранились обители Западной Украины и Белоруссии в границах Польши (Почаевская лавра, Жировицкий монастырь и др.), на территории прибалтийских государств (например, Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри) и в Финляндии (Валаамский, Коневецкий, Печенгский монастыри).

Список разрушенных и оскверненных обителей можно продолжать. Из более чем тысячи русских монастырей на территории Советского Союза не осталось ни одного.

§3. Деятельность митрополита Сергия 1928 –1935 гг.

Большевистские зверства были известны за границей. Звучали протесты. Чтобы опровергнуть «происки западной пропаганды», было решено организовать официальные интервью митрополита Сергия (Страгородского) советским и иностранным корреспондентам, где бы отрицался факт гонений. Вопросы и ответы для интервью придумывались Ярославским, Молотовым и редактировались лично Сталиным.

В интервью советским корреспондентам (15 февраля 1930 г.) говорилось об отсутствии гонений, о том, что томлящиеся в тюрьмах представители духовенства страдают не за веру, а за государственные преступления, что храмы закрываются «по желанию населения», а иногда и по просьбам верующих. В интервью иностранным корреспондентам, датированном 18 февраля, митрополит Сергей вновь заявил, что гонений на Церковь никогда не было и нет, Российская Православная Церковь включает 30 тыс. приходов, а ее епархии возглавляются 163 архиереями.

Вскоре через члена Синода архиепископа Филиппа (Гумилевского) в Ватикан была передана информация, что митрополит Сергей подписал текст, во-первых, по причине давления органов, во-вторых, чтобы спасти жизнь заключенным. «Мы находимся в пасти льва, – писал архиепископ Филипп, – и не можем ничего свободно сказать – ибо под угрозой жизнь всех тех, кто остается верен Церкви». Подобную информацию об обстоятельствах подписания интервью получили в те месяцы митрополит Евлогий (Георгиевский), канонист С. В. Троицкий и другие эмигранты.

В России тоже понимали, что интервью фальшиво, но одни осознавали, что иерарх пошел на эту жертву ради паствы, другие обвинили его в предательстве и отступничестве. Реальное положение дел действительно слишком отличалось от представленного в интервью. А.Ч.Козаржевский вспоминал, что интервью митрополита Сергия вызвало среди москвичей намного большее возмущение, чем «Декларация» 1927 г.

Уступки митрополита Сергия коммунистической власти этим не ограничивались. Как и говорили противники «Декларации», компромисс не мог закончиться одними словесными заявлениями, нужны были и конкретные действия. И они действительно были. Например, в 1934 г. Московская Патриархия под нажимом НКВД потребовала от преподобномученика Игнатия (Лебедева) прекратить духовничество в Москве.

Можно только предположить, чего стоило митрополиту Сергию и

подчиненному ему духовенству наблюдать за творящимися беззакониями и не иметь возможности громогласно обличить их. Епископ Лука (Войно-Ясенецкий) прибыл в Среднюю Азию из очередной ссылки в разгар уничтожения там православных церквей. Незадолго до его приезда в Ташкенте был разрушен городской собор. Построенный на века, он не поддавался разрушению, и, чтобы уничтожить его, власти использовали артиллерию. Святителю пришлось служить в небольшой церкви преподобного Сергия Радонежского. Но вскоре власти решили разрушить и ее. «Я не мог стерпеть разрушения храма, – писал святитель Лука. – Остаться жить и переносить ужасы осквернения и разрушения храмов Божиих было для меня совершенно нестерпимым». Епископа в отчаянии посещали мысли поджечь храм и сгореть вместе с ним, чтобы устроить и вразумить врагов Божиих. Но все сложилось иначе – святитель Лука был арестован, и храм разрушили, пока он находился в тюрьме. Сказать, что интервью, как и другие действия митрополита Сергия, улучшили отношение советской администрации к Церкви, было бы большим преувеличением. Сам заместитель местоблюстителя все-таки рассчитывал на уступки со стороны властей. 19 февраля он обратился к председателю Комиссии по вопросам культов П. Е. Смидовичу, где просил о послаблениях – дать возможность детям духовенства получать образование, избавить Церковь от непомерных налогов и трудовой повинности, непосильной для пожилых пастырей. Также митрополит просил, чтобы при решении вопроса о закрытии церковью решающим было количество верующих людей, а не масса проживающих в этой местности атеистов. Наконец, еще одна просьба состояла в разрешении Московской Патриархии издавать периодический журнал или бюллетень. Послабления со стороны государства были незначительными и временными. Так, Московская Патриархия все же получила разрешение на издание журнала, но его тираж был мизерным. Всего за пять лет – с 1931 по 1935 г. – было издано 24 номера «Журнала Московской Патриархии». Однако в 1935 г. издание журнала остановилось. Митрополиту Сергию удалось на время облегчить положение арестованного духовенства. Например, в 1933 г. к митрополиту обратился с просьбой ходатайствовать о сокращении срока архангельской ссылки епископ Онисим (Пылаев). Действительно, архипастырь был освобожден и назначен на Тульскую кафедру. Но такие случаи были редкостью, тем более что в 1935 г. епископ Онисим был вновь арестован с большой группой духовенства.

В остальном ситуация продолжала оставаться тяжелой.

В 1931 г. и вплоть до начала 1940-х гг. ежегодное количество

арестованных за веру превышало уровень 1927 г.

Не обращая внимания на изъявления лояльности со стороны митрополита Сергия, коммунистическое руководство усиливало антирелигиозную пропаганду. В 1932 г. «Союз воинствующих безбожников» установил свой пятилетний план. В годы «безбожной пятилетки» планировалось искоренить веру в Бога полностью. В первый год должны были быть закрыты оставшиеся духовные школы (к тому времени таковые были только у обновленцев).

Во второй год планировалось массово закрыть большинство храмов, запретить издание религиозных сочинений, прекратить производство предметов культа. В третий год выслать оставшихся священно- и церковнослужителей за границу. В четвертый год ликвидировать последние храмы. В пятый год – закрепить успехи. К 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР».

Мероприятия планировались не как государственные (это могло привести к международным проблемам), а как общественные. На практике же все запланированное «Союзом воинствующих безбожников» осуществлялось путем прямого вмешательства НКВД.

По-прежнему существовали поддерживаемые чекистами расколы, хотя их влияние было неодинаковым. Обновленцы для советского руководства были теми же «попами» и классовыми врагами, а потому репрессивная политика не обходила стороной и их.

Свое влияние еще более утратил григорианский раскол.

В 1928 г. Григорий (Яцковский) уступил председательство в ВВЦС «митрополиту» Виссариону (Зорину) и удалился в свою епархию, где умер в 1932 г., так и не принеся покаяния. В 1931 г. при невыясненных обстоятельствах погиб в тюрьме наиболее активный деятель этого раскола Борис (Рукин). Сам Виссарион был расстрелян в 1937 г.

Вернулись с покаянием в Православную Церковь авторитетные деятели незаконной украинской автокефалии – Пимен (Пегов), принятый в сане архиепископа, и епископ Лоллий (Юрьевский). Первый из них вскоре засвидетельствовал покаяние мученической кончиной. После ухода из раскола он преследовался властями, служил в Купянске, причем после закрытия храма совершал богослужения в церковной сторожке. В 1937 г. архипастырь был расстрелян. Епископ Лоллий после присоединения к Православной Церкви проживал во Ржеве, где и умер в 1935 г.

Репрессиям подвергались и самосвяты-липковцы. Сепаратистские тенденции Украины советскому руководству были теперь чужды, «самостийники» преследовались, а их лидеры попали под каток

репрессий. Намного большую опасность для Церкви представлял обновленческий раскол. Выступления против него, как и прежде, могли привести к преследованиям и лагерному сроку. Со своей стороны, обновленцы не брезговали доносами на православных, стараясь уловить каждое неосторожное слово в адрес сталинского режима и сообщить об этом в органы. Немало православных архипастырей и пастырей в те годы пострадало из-за таких доносов. Убедившись в непопулярности модернизма, раскольники скорректировали свою политику. Хотя у них и оставались женатые священнослужители, а «митрополит» Александр Введенский состоял уже в третьем браке,

В целом обновленческая структура была в отношении канонических и обрядовых реформ более осторожна, чем в 1920-е гг. В 1930 г. умер председатель обновленческого «Синода» архиепископ Вениамин (Муратовский), именовавший себя «митрополитом». Его место занял Виталий (Введенский), рукоположенный во епископа еще до раскола – в 1920 г. Теперь он получил титул «митрополита Московского и Тульского, Первоиерарха православных церквей в СССР». Однако фактическим лидером раскола по-прежнему оставался его однофамилец «митрополит-благовестник» Александр Введенский. По имеющимся данным, обновленцам принадлежало несколько тысяч храмов, притом, что массовые репрессии конца 1920 – начала 1930-х гг. раскольников задели меньше, чем сторонников Патриаршей Церкви.

В этих условиях Московская Патриархия пыталась хоть как-то сохранить легальные структуры управления. Митрополит Петр по-прежнему был изолирован. В 1930 г. он еще находился в ссылке в зимовье Хэ, но в том же году был арестован, обвинен в «пораженческой агитации» среди местного населения и заключен в свердловскую тюрьму. В 1931 г. святитель отказался предоставить подписку о сотрудничестве с ОГПУ, хотя это дало бы ему свободу. При этом митрополит категорически отказывался от снятия с себя полномочий патриаршего местоблюстителя. Тяжело больной архипастырь в 1931 г. был приговорен к пяти годам концлагеря, но оставлен во внутренней тюрьме свердловского представительства ОГПУ. Как о милости, просил священномученик отправить его в лагерь. Страдалец писал: «Я постоянно стою перед угрозой более страшной, чем смерть. Меня особенно убивает лишение свежего воздуха, мне еще ни разу не приходилось быть на прогулке днем; не видя третий год солнца, я потерял ощущение его. Болезни всё сильнее и сильнее углубляются и приближают к могиле. Откровенно говоря, смерти я не страшусь, только не хотелось бы умирать в тюрьме, где не могу

принять последнего напутствия и где свидетелями смерти будут одни стены». Но мучителям этого было недостаточно. С 1933 г. ему были запрещены прогулки в общем дворе даже ночью. Митрополиту было разрешено гулять лишь в маленьком дворике возле отхожих мест.

В Москве не имели точных сведений, где пребывает местоблюститель. Считалось, что он по-прежнему у находится в зимовье Хэ. Рассчитывать на возвращение патриаршего местоблюстителя не приходилось. Невозможен был и созыв Собора.

Митрополит Сергей вынужден был назначать иерархов своей собственной властью, опираясь на состоящий при нем Синод.

После смерти в 1929 г. экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова), проживавшего в Киеве, новым экзархом стал архиепископ Харьковский Константин (Дьяков). Центром экзархата была столица Украины – Харьков, в то время как на Киевскую кафедру был поставлен архиепископ Димитрий (Вербицкий), а после его смерти в 1932 г. архиепископ Сергей (Гришин). В 1934 г. столицей Украины вновь стал Киев. Сюда был переведен митрополит Константин (Дьяков), а владыка Сергей был поставлен на Харьковскую кафедру. Отсюда он был переведен во Владимир и вскоре арестован.

В северную столицу в 1928 г. митрополит Сергей назначил митрополита Серафима (Чичагова), в прошлом известного монархиста, автора «Летописи Дивеевского монастыря». Это назначение очередной раз показало, что большевикам удалось поссорить между собой достойнейших архипастырей. В частности, митрополиту Серафиму пришлось бороться на новом посту не только с обновленческим расколом, но и с представителями иосифлянского движения. В 1933 г. престарелый митрополит Серафим был уволен на покой, его место занял митрополит Алексей (Симанский).

Проблемой Российской Церкви было и то, что митрополит Сергей именовался Нижегородским, а потому уступал обновленцам, глава которых называл себя «митрополитом Московским». Чтобы повысить свой авторитет Временный Патриарший Синод в 1932 г. даровал митрополиту Сергию право служить с преднесением креста – отличием, которым обладают главы Церквей. 18 мая 1932 г. четыре члена Синода были возведены в сан митрополитов – Алексей (Симанский), Анатолий (Грисюк), Константин (Дьяков), Павел (Борисовский). 27 апреля 1934 г. митрополиту Сергию был присвоен титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский». Каноническая ситуация сложилась двусмысленная – патриарший местоблюститель митрополит Петр не имел

титула «Блаженнейший», а его заместитель такой титул теперь носил, а кроме того, занимал и кафедру Московских патриархов.

Через год ситуация для Церкви ухудшилась – в мае 1935 г. по указанию НКВД Временный Патриарший Синод был ликвидирован. Хотя церковный центр продолжил свое существование, теперь его положение было нелегальным. К середине 1930-х гг. коммунисты считали, что Московская Патриархия запугана и готова на еще большие уступки.

В середине 1930-х гг. государство приступило к репрессиям против обновленцев. В 1935 г. обновленческий «Синод» принял решение о самоликвидации. Власть была передана «первоиерарху православных церквей в СССР» «митрополиту» Виталию (Введенскому), который получил широкие полномочия вплоть до единоличного назначения себе преемников. Были упразднены и митрополитанские, и епархиальные управления.

§ 4. Православное просвещение церковное сопротивление

Одним из главных способов просвещения в годы воинствующего безбожия становилась личная святость православного христианина, особенно носящего архиерейский сан. Служение на кафедрах превращалось в самый настоящий подвиг – архипастырь должен был постоянно быть готовым к аресту, ссылке, лагерю или расстрелу. Многие иерархи и клирики арестовывались и приговаривались к лишению свободы неоднократно.

Невольное благоговение даже у отъявленных безбожников вызывал архиепископ Фаддей (Успенский) (память 31 декабря). Атеистическая пропаганда обращалась в ничто, если люди видели перед собой настоящего святого и ощущали на себе силу его молитв. Так, например, когда святитель занимал Саратовскую кафедру, к нему обратились местные жители – Волга вышла из берегов и грозит затопить дома. Епископ Фаддей вместе с народом вышел к реке и отслужил молебен, после чего вода сразу отступила.

Прозорливость не оставляла святого и в годы заключения. Священномученик Кирилл (Смирнов) вспоминал, что, находясь в тюрьме, епископ Фаддей всегда отдавал полученные посылки старосте камеры, чтобы тот поделил полученное между всеми заключенными. Но однажды владыка Фаддей спрятал часть передачи у себя и лишь потом отдал посылку старосте. Митрополиту Кириллу святой сказал: «Не для себя. Сегодня придет к нам наш брат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?» И действительно, тем же вечером в камеру привели епископа Афанасия (Сахарова), и святитель Фаддей дал ему поесть из запаса. Потом епископ отдал прибывшему свою подушку, а сам лег спать, положив под голову руки.

Архипастыри и пастыри ценой собственной жизни боролись за приходы. Священномученик Онисим (Пылаев) (память 27 февраля), занимавший Тульскую кафедру, видел свою задачу в том, чтобы не оставлять церкви без пастырей, поскольку осиротевшие храмы властям было легче закрыть. Бывали случаи, когда руководство колхоза, не закрывая формально храм, ссыпало в него зерно, рассчитывая, что службы после этого прекратятся. В таких случаях епископ благословлял священника совершать богослужения на паперти. Пастырям, оставшимся без приходов, епископ предписывал служить в домах прихожан, всем

возвращающимся из лагерей старался дать место. Когда в 1935 г. священномученик был в очередной раз арестован, его обвинили в организации тайных богослужений, в создании контрреволюционной организации, в совершении тайных постригов, в подготовке Церкви к переходу на нелегальное положение. Большую роль в укреплении Церкви играли приходские общины, рассеянные по всей стране. Сильная община была создана в Белёве епископом священномучеником Игнатием (Садковским) (память 9 февраля). В 1935 г. общину возглавил другой назначенный сюда святитель – епископ Никита (Прибытков) (память 3 января).

Братство ревнителей православия было создано при храме святителя Алексия в Глинищевском переулке в Москве протоиереем Романом Медведем. Труды этого пастыря высоко ценил праведный Алексий Мечёв. «У тебя, – сказал он однажды отцу Роману, – стационар, а у меня только амбулатория». Священноисповедник Роман был арестован в 1931 г., до 1936 г. находился в лагерях. Праведный пастырь завершил свой жизненный путь 8 сентября 1937 г.

В московском Покровском храме на Лыщиковой горе, а затем в Вознесенской церкви Сергиева Посада служил другой праведник – иерей Николай Беневоленский. Пастырь был племянником преподобного Алексия (Соловьева), и некоторые духовные чада последнего после его смерти перешли к отцу Николаю. В Каслинском заводе крепкую общину создал архимандрит Ардалион (Пономарев) (память 29 июля). За десятки километров верующие приезжали к иеромонаху Мардарию (Исаеву) (память 18 марта), служившему в с. Деревеньки под Угличем.

Вести борьбу с попущенной Богом властью было возможно лишь новой христианизацией народа. Оставались проповедь и богослужение. Несмотря на гонения, многие священнослужители не оставляли пастырского слова. Священномученик Фаддей, находясь на кафедре, служил ежедневно, за каждой литургией произнося проповедь.

Назначенный в 1933 г. на Барнаульскую кафедру священномученик Иаков (Маскаев) служил каждый день и ввел всенародное пение, чтобы просветить народ через сознательное восприятие богослужения. По окончании службы святитель лично благословлял каждого из прихожан. В этот момент ему можно было задать любой вопрос и получить ответ. Исповедничеством и безмолвной проповедью было то, что архипастырь всегда ходил по городу в рясе и с посохом, не боясь насмешек.

Напрямую раскрывать ложь советской пропаганды было опасно, но некоторые священнослужители не могли молчать, обличая и гонения на

Церковь, и другие преступления властей.

Священномученик Порфирий (Гулевич) (память 2 декабря), занимавший сначала Елисаветградскую, а затем Симферопольскую кафедры, в своих проповедях открыто возлагал вину за голодомор начала 1930-х гг. на сталинское руководство. Порицал архипастырь и гонения на Церковь. «Советская власть притесняет религию, арестовывает духовенство, доходя до беззакония, однако все это к лучшему и временно», – говорил священномученик.

Лишенные кафедр архипастыри продолжали служить Богу молитвой и личным подвигом. Некоторые священнослужители оставляли открытое служение и предавались подвигам либо в уединении, либо в миру. Священномученик епископ Никита (Делекторский) (память 19 ноября) покинул Орехово-Зуевскую кафедру, но остался в городе, принял подвиг юродства и добровольной нищеты. Старец окормлял духовных чад, почитался как прозорливец. Святитель был расстрелян в 1937 г. Еще один архипастырь, принявший на себя подвиг юродства, – епископ Варнава (Беляев). Иерарх считал, что от искушений мира монахов ограждает одежда, стены, особый статус. В миру, тем более в годину безбожия монаха могло спасти от соблазнов внешнее безумие.

По городам и селам жили и другие архипастыри святой жизни.

В Киеве проживал на частных квартирах архиепископ Димитрий (Абашидзе) (в схиме Антоний) († 1942). Скитался по ссылкам епископ Серафим (Звездинский), один из немногих угодников Божиих, сподобившихся видеть Божию Матерь на дивеевской канавке. Находясь в ссылке, он каждое утро совершал богослужение. «Считайте потерянным днем в своей жизни тот, когда вам не удалось быть за Божественной литургией», – писал священномученик Серафим. Если молиться в доме было нельзя, епископ уходил в лес. Здесь у него была пустынька, а круглый холмик стал кафедрой.

Центрами притяжения для верующих становились и монахи, ушедшие из поруганных монастырей или принявшие постриг на приходах.

Преподобномученик Алексей (Гаврин) (память 10 декабря), живший в Москве, был известен и как ветеринар, и как духовник, помогавший крестьянам советом и молитвой.

Схимонах Нило-Столобенской пустыни Дионисий (Петушков) (память 10 июня) скрывался у верных людей, жил на разных хуторах. В 1931 г. ОГПУ все же арестовало преподобномученика. На следствии отец Дионисий сказал: «Существующая советская власть есть власть антихриста, а поскольку ее организатором является Ленин, то последнего

считаю антихристом. Советскую власть признаю лишь постольку, поскольку эта власть послана Богом, и считаю, что она послана нам за наши грехи в наказание». Преподобномученик Дионисий был расстрелян в 1931 г.

По всей стране создавались тайные или полулегальные общины монахов и монахинь. Изгнанные из своих обителей, они селились, как правило, неподалеку от своих монастырей. Многие дивеевские сестры во главе с игуменией Александрой (Траковской) († 1942) поселились в Муроме, в доме возле закрытого Благовещенского монастыря. Сестры Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря селились неподалеку, на Большой Пироговской улице. В некоторых монастырях после их закрытия еще действовали храмы, и часть монахов оставалась жить при них. Но наиболее частыми были случаи, когда монахи и монахини устраивались возле какого-нибудь прихода.

Так, святитель Феодосий (Ганицкий) (память 3 мая), епископ Коломенский, был приговорен к ссылке за возрождение монастырей под видом приходских общин. Вместе с архипастырем пострадала и группа иноков.

В Сергиевом Посаде сложилась община монахов из упраздненной Зосимовой пустыни. Духовником братии был преподобный Алексий (Соловьев), в 1917 г. вынужденный на Соборе жребий с именем святителя Тихона. После смерти преподобного в 1928 г. община продолжала существовать. В 1931 г. среди братии, обвиненной в создании «контрреволюционной церковной организации», начались аресты. Был арестован и бывший келейник преподобного Алексия иеромонах Макарий (Моржов). Следователь пытался узнать от него имена посетителей старца. Преподобномученик Макарий имен не назвал, а о коммунистической власти сказал, что считает ее попущением Божиим и наказанием за грехи. «Это наказание будет продолжаться до тех пор, пока люди не одумаются», – сказал святой Макарий. 10 июня 1931 г. он был расстрелян.

Часть братии Зосимовой пустыни находилась в Москве и была связана с Высоко-Петровским монастырем. Духовным руководителем общины этого монастыря был преподобномученик Игнатий (Лебедев), умерший в лагере в 1938 г. (память 12 сентября). Братия московского подворья Валаамского монастыря основала нелегальную обитель при храме Ржевской иконы Божией Матери. В Козельске принимал народ преподобный Никон (Беляев) из Оптиной пустыни. Преподобный был арестован, три года провел в лагерях и умер в ссылке в Архангельской области в 1931 г. В Москве принимал людей преподобноисповедник

Георгий (Лавров) (память 4 июля), в Казахстане – преподобный Ираклий (Мотях) (память 10 июня).

Примером тайной монашеской жизни может служить небольшая община недалеко от г. Пошехонье, основанная архимандритом Никоном (Чулковым). Опасаясь преследований, архимандрит открыл монастырь как «сельскохозяйственную коммуну».

У сестер были скотный двор, пасека, они плотничали, строили дома. Хозяйство считалось одним из передовых. Внутреннее устройство общины было монашеское, хотя пострижены были очень немногие. Но «коммуна» со временем стала вызывать подозрения у ОГПУ: девушки не желали объединяться с колхозами, не принимали к себе посторонних. На общину стали собираться «агентурные сводки». Сестры были арестованы органами ОГПУ, а «коммуна» ликвидирована.

Было немало случаев, когда небольшие общины монахов-изгнанников формировались на новых местах, порой с помощью благочестивых мирян. Вологодская земля дала Церкви такую подвижницу – святую Нину Кузнецову (память 14 мая). С юности она вела фактически монашескую жизнь, после ареста родителей ее разбил паралич. Мученица с тех пор передвигалась с большим трудом, а жизнь свою посвятила помощи изгнанным монахам. Среди множества иноков у нее скрывался настоятель закрытого Коряжемского монастыря – игумен Павел (Хотемов). В 1937 г. мученица Нина была арестована, а в 1938 г. умерла в концлагере.

Тайные храмы появлялись по всей стране. Н.В.Урусова вспоминала о такой церкви в Алма-Ате:

«В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка и под ней лестница в небольшой подвал. Не зная, нельзя было предположить, что под ковром вход в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались, и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага – там вход в крошечный храм. Много образов и горели лампы. ... Создавалось совсем особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же слышно под землей, то все ожидали окрика и стука ГПУ». Впоследствии община действительно была раскрыта, ее члены арестованы.

Но не меньшим подвигом было посещение легальных храмов. Люди, открыто молившиеся в них, обрекали себя на ежеминутное исповедничество, становились «неблагонадежными», что могло повлечь за собой множество неприятных последствий. Посещение храма могло

стоять увольнения с работы и обвинения в участии в контрреволюционной группировке. Тяжело приходилось детям и молодежи, которые за посещение церкви попросту подвергались травле в школах и в институтах. Современники вспоминают, что венчания проводили при закрытых ставнях и без света, чтобы не привлекать внимания посторонних. Прихожанам приходилось сталкиваться с постоянными провокациями комсомольцев, которые могли ворваться в храм со свистом, песнями и кощунствами. Чтобы помешать молитве, возле церквей намеренно устраивали увеселительные мероприятия с громкой музыкой. Воспрепятствовать кощунству силой означало для христианина большой риск получить новые обвинения, начиная с хулиганства и заканчивая 58-й политической статьей.

Вклад мирян в дело христианского просвещения иногда мог быть огромным. Так, немало сделал для спасения храмов архитектор и реставратор Петр Дмитриевич Барановский. Именно он произвел обмеры Казанского собора в Москве перед его разрушением. Впоследствии, в 1990-е гг., чертежи Барановского позволили быстро восстановить этот собор. Перед разрушением Чудова монастыря в Кремле Петр Дмитриевич вынес из обители мощи святителя Алексия и тем самым сохранил их. Архитектор немало потрудился и для спасения собора Василия Блаженного на Красной площади, которому тоже грозил снос. Риск был велик, советская система рассматривала защиту памятников архитектуры как признак любви к царизму. Показателен один из заголовков газеты «Безбожник»: «Реставрация памятников искусства или искусная реставрация старого строя?» В 1933 г. Барановский был арестован за свою деятельность и оказался в лагерях. Чтобы надавить на психику заключенного, следователи на допросах не только прибегали к угрозам в отношении его семьи, но и лгали: «А мы вашего Василия Блаженного уже ломаем!»

После освобождения П.Д.Барановский вернулся к своей великой миссии спасения храмов и памятников архитектуры.

Как и в первохристианские времена, гонения не были препятствием для личной святости и исповедническое служение соседствовало с подвижничеством, как в монашеских общинах, так и в миру. 1920–1930-е гг. дали Церкви массу подвижников благочестия – монахов и мирян.

Большую известность имела рязанская подвижница – слепая и полупарализованная Матрона Белякова (память 29 июля). Блаженная жила в селе Анемнясево, принимала посетителей, имела дар исцеления и прозорливости. В 1935 г. против подвижницы было заведено дело. Одна из

формулировок обвинения была попросту нацистской: святую назвали «больным выродком». Блаженную Матрону поместили в Бутырскую тюрьму, но там она сразу же стала объектом почитания заключенных. По преданию, старица исцелила безнадежно больную мать следователя, который вел ее дело. Исповедница была переведена в дом инвалидов, где и умерла через год. Вместе с ней был арестован и ее духовник – святой исповедник Александр Орлов (память 27 апреля), обвиненный в том, что прославлял подвижницу «в контрреволюционных целях». Пастырь получил пять лет лагерей и умер в 1940 г. вскоре после возвращения домой.

Даже в годы этих страшных гонений и мощной атеистической пропаганды бывали случаи обращения к вере. Те, кто жил в соответствии со словами преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен – и тысячи вокруг тебя спасутся», одним своим примером могли обратить безбожника. Мученик Павел Елькин (память 15 сентября), когда-то помогавший устанавливать коммунистическую власть в Коми, в конце 1920-х гг. познакомился со ссыльными православными христианами, в том числе со священномучеником епископом Германом (Ряшенцевым). Под их влиянием бывший революционер пришел ко Христу, был исключен из партии, а в 1937 г. арестован и расстрелян.

В таком состоянии, внешне наполовину уничтоженная, а внутри сильная своими подвижниками и исповедниками, Русская Церковь и подошла к страшному Большому террору.

Глава 9. Российская Церковь в 1936 –1939 гг. Большой террор и предвоенные годы

1936-й год стал годом перемен в управлении Русской Церковью. В этом году заканчивался срок заключения митрополита Петра (Полянского), который к тому времени находился в верхнеуральском политизоляторе. Однако советское руководство уже решило судьбу святого. Срок ему был продлен еще на три года, в то время как в Москву поступило сообщение о смерти местоблюстителя. 27 декабря 1936 г. Московская Патриархия приняла «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя патриаршего престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)».

В соответствии с завещанием патриарха Тихона местоблюстителем должен был стать митрополит Кирилл (Смирнов). Однако выпускать его из заключения в НКВД не планировали.

Но имелось еще и завещание митрополита Петра (Полянского). В случае его смерти власть должны были принять на себя последовательно митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский), Арсений (Стадницкий) и Сергий (Страгородский). Митрополиты Агафангел и Арсений к тому времени отошли ко Господу, а потому власть перешла к митрополиту Сергию.

Священномученик Петр прожил еще год. 2 октября 1937 г. «тройка» НКВД по Челябинской области приговорила священномученика к расстрелу за «клевету на существующий строй». «Клевету» атеистическая власть усмотрела в том, что архипастырь обвинял государство в «гонении на Церковь и ее служителей». Через несколько дней многолетний страдальческий подвиг старца на земле завершился. 10 октября 1937 г. он был расстрелян.

По сравнению с началом 1930-х гг. к середине десятилетия антицерковные репрессии немного утихли. Снизилось количество арестов по церковным делам. Также наблюдалось и охлаждение властей к лагерю атеистических агитаторов, был закрыт ряд антирелигиозных музеев. Кое-где начали говорить, что гонения закончились. В самой Московской Патриархии в феврале 1936 г. обсуждался вопрос о восстановлении Патриаршества и возведении в сан патриарха митрополита Сергия.

Многих ввела в заблуждение разрекламированная сталинская Конституция, принятая 5 декабря 1936 г., где провозглашалось

равноправие всех граждан. Однако вера в исправление коммунистической власти была наивной – репрессивная машина работала бесперебойно. О размахе репрессий свидетельствует сокращение населения страны. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) Сталин назвал численность населения – 168 млн. Согласно переписи населения (январь 1937 г.), в стране проживало уже 162 млн человек, то есть население за этот период не только не выросло (а планировалось 12-миллионное увеличение численности), но и сократилось на 6 млн человек.

Но самые страшные для Церкви и страны годы были еще впереди.

1937–1938 гг. вошли в историю как период Большого террора. Главной причиной массового истребления народа стала идея Сталина о «бесклассовом обществе» и об усилении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму. С середины 1930-х гг. диктатор говорил об этом неоднократно. За словами советского вождя стояло начало новой кампании по уничтожению людей по социальному признаку. Как «классово чуждые» должны были ликвидироваться оставшиеся представители дворянства, царского чиновничества, купечества, зажиточного крестьянства, участники Белого движения, реэмигранты, духовенство и т. д. Уже после убийства С. М. Кирова были начаты репрессии в партии, в армии, а также подготовлена законодательная база, ускорявшая процесс «следствия» и приведения приговора в исполнение. В июле 1937 г. был дан старт массовым репрессиям. 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило начало операции. Предписывалось репрессировать самые разные группы населения, среди которых указывались и «наиболее активные антисоветские элементы из церковников». Далее на места пошли разнарядки с указанием количества «антисоветчиков», подлежащих аресту.

Уничтожались или отправлялись в лагеря (часто на верную смерть) сотни тысяч жителей страны. В преддверии войны начались репрессии против представителей отдельных национальностей, против людей с нерусскими фамилиями и т. д. По самым скромным данным, в 1937–1938 гг. было расстреляно около 700 тыс. человек, в то время как в лагеря в тот период было отправлено более 1,5 млн человек. Смертность в лагерях была высокой из-за нечеловеческих условий содержания, не говоря о том, что в лагерях заводились свои дела, в том числе и с расстрельными приговорами. Порой убивали и без официальных приговоров («неисправимых», непонравившихся и т. д.), оформляя несчастных (их могли быть сотни за один раз) как умерших во время эпидемии.

Духовенство в годы Большого террора стояло в списке

ликвидируемых на одном из первых мест. Хотя в постановлении говорилось лишь о «наиболее активных» церковниках, на самом деле «активность» можно было понимать очень широко, что и показали последующие события. Помимо классовой чуждости православного духовенства причиной гонений стал фактический провал атеистической работы. Перепись 1937 г. показала, что верующими себя считают треть городского и две трети сельского населения. На самом деле людей, считавших себя верующими, было больше, но определенный процент побоялся признаться в своей вере переписчикам. Московский священник Петр Никотин даже запрашивал Патриархию, что делать с теми людьми, которые на исповеди признаются, что скрыли при переписи свою веру. Ответ священноначалия был такой: «Выход один: покаяние».

Иными словами, безбожная пропаганда своей цели не достигла. Массовый антицерковный террор должен был помочь агитаторам. В 1937 г. Г.М.Маленков предложил Сталину вообще отменять законодательство о культах. Отмены не произошло, но вектор на уничтожение Церкви был взят.

По сравнению с массовым уничтожением духовенства и мирян в годы Большого террора меркнут и ужасы красного террора 1918–1920 гг., и гонений конца 1920 – начала 1930-х гг. Смертные приговоры выносились и вновь арестованным, и тем, кто уже находился к тому времени в заключении. Количество репрессированных за веру православных христиан пока не определено, по приблизительным оценкам это число намного превышает 100 тысяч человек.

Наиболее известной «фабрикой смерти» стал Бутовский полигон в Подмосковье, названный патриархом Алексием II «Русской Голгофой». Число расстрелянных на полигоне в 1937–1938 гг. составляет более 20 тыс. человек. Подобные полигоны НКВД появились по всей стране – Коммунарка (Московская обл.), Левашово (Санкт-Петербург), Быковня (Киев), Куропаты (Минск), Пивовариха (Иркутск), Переборы (Рыбинск), Медное (Тверь), Каштачная гора (Томск), Селифаново (Ярославль), Тесницкий лес (Тульская обл.), Липовчик (Орел) и др. Местами расстрелов становились и окрестности концлагерей, сетью которых была покрыта вся страна, и тюремные подвалы. В Москве часть тел сжигалась в крематории, в который был превращен поруганный храм святых Серафима Саровского и Анны Кашинской, пепел частично закапывался в безвестных могилах на Донском кладбище. По сведениям Л.А.Головковой, часть пепла вывозилась на поля колхозов и совхозов как удобрение либо выбрасывалась на городские свалки.

Поводы для обвинения в «реакционности» были разные. Священномученик иерей Михаил Сампсонов (память 28 января) был обвинен в том, что колокольный звон в его церкви отвлекал трудящихся от участия в советских «выборах». Пастырь умер в лагере в 1942 г. Бывали случаи, когда священники и псаломщики получали срок за то, что пение в их храмах «отвлекало колхозников от работы» или демонстрации. Председателям колхозов было удобно перекладывать вину за невыполнение плана на местных священников, будто бы разложивших народ своими проповедями.

Поводом для ареста и смертного приговора мог стать факт, что пастырь или мирянин уже находился под следствием в прошлом. Причем для карательной системы было неважно, что по прежним обвинениям человека в свое время оправдали – теперь все старые дела усугубляли «вину».

Среди новомучеников было немало тех, кто резко отзывался о коммунистической власти.

Расстрелянный на Бутовском полигоне преподобномученик Иннокентий (Мазурин) (память 13 ноября) на допросе говорил прямо: «В Священном Писании сказано, что каждый, идущий против Христа и веры, есть антихрист, противник веры. Советская власть, коммунисты, идущие против веры, христианства, являются антихристами, противниками и врагами. Священство в настоящее время не в силах побороть силу врага-антихриста и только ждет помощи свыше».

Не менее категорично отзывался о советском режиме преподобномученик Алексей (Гаврин) (память 10 декабря), также называвший его антихристовой властью, которая должна погибнуть.

Интересны показания священномученика Петра Никотина (память 21 октября), служившего в Сергиевском храме у Рогожской заставы в Москве и расстрелянного на Бутовском полигоне.

–Вы отказали в причастии одной гражданке из-за того, что она не знала, кто такой Христос, и знала, кто Ленин? – спросил следователь.

–Случай был. Я ее спросил: кто такой Христос? Она ответила, что не знает. Тогда я спросил: а кто такой Ленин? Она ответила: вождь пролетариата. Меня это оскорбило, и я ей в причастии отказал.

–Совпадает ли ваше мировоззрение советскому?

–Мое мировоззрение не соответствует советскому. Всю систему советской власти я признаю неправильной.

Но коммунистическое государство не щадило и тех, кто максимально дистанцировался от политических вопросов. Главным для репрессивной

машины была принадлежность этих людей к враждебному классовому лагерю.

Священномученик Иоанн Богоявленский (память 24 декабря), против которого не смогли найти ни одной улики, на допросе говорил:

«Для меня все равно, царь управлял, советская власть управляет или кто другой. Я жил при царе так, как живу и теперь. Я предан Православной Церкви и буду продолжать до конца служить ей».

В таких случаях помогали провокации – в данном случае пастыря обвинили в том, что он принял от прихожанки два мешка «общественной» картошки. Отец Иоанн получил 10 лет лагерей и умер в декабре 1941 г. Если же не находилось и таких поводов, всегда можно было прибегнуть к помощи лжесвидетелей. Таковых находили и среди местных активистов, а порой и из самих прихожан.

Арестовывались практически все архиереи и священники, чье место жительства было известно. Не щадили и тяжело больных. Парализованного старца митрополита Серафима (Чичагова) (память 11 декабря), который уже ничем не мог помешать властям, гонители все же забрали и расстреляли.

В архангельской ссылке был арестован епископ Онисим (Пылаев). Через все годы лагерных мытарств этот священномученик пронес оловянную ложку с надписью: «Епископ Онисим». Он всегда брал ее с собой в предчувствии нового заключения. Но на этот раз он ложку не взял, предвидя, что впереди его ждет только смерть за Христа. Действительно, это был последний арест – 27 февраля 1938 г. священномученик был расстрелян.

Большой утратой для Церкви была гибель протопресвитера Александра Хотовицкого – известного миссионера, соратника святителя Тихона в деле миссионерства в Америке. Трудями этого пастыря немало униатов вернулось в православие, а американская земля украсилась несколькими православными храмами. После революции отец Александр служил в Москве, был одним из помощников митрополита Сергия (Страгородского). Один из современников – А.Б.Свенцицкий вспоминал: «И сегодня помню глаза отца Александра. Казалось, что его взгляд проникает в твое сердце и ласкает тебя. Это же ощущение было у меня, когда я видел святого Патриарха Тихона ... Так же и глаза отца Александра; светящийся в них свет говорит о его святости». Л.А.Головкова приводит фрагмент из жизни этого святого. Находясь в ссылке, он переписывался с духовными чадами, чаще с двумя девушками. «Дорогие мои деточки», «мои медвежатки», «чижики мои хорошие» – обращался он

к ним. Эти девушки, преодолев немыслимые трудности, смогли навестить своего духовника в Туруханском крае. Сохранилась фотография, на которой одна из девушек стоит рядом с пастырем на фоне северного пейзажа. А на обороте фотографии подпись: «Какая я счастливая!»

20 августа 1937 г. священномученик Александр Хотовицкий был расстрелян и погребен в безвестной могиле на Донском кладбище.

Но НКВД было недостаточно ликвидировать христианина. Свою заслугу чекисты видели еще и в том, чтобы сломать человека или хотя бы запачкать его имя. С этой целью из верующих выбивались всевозможные «признания», часто совершенно абсурдные. Священномученика Виктора Киранова (память 30 марта), арестованного за попытку спасти свой храм, заставляли признаться в попытке отравить колодцы, священномученика Михаила Березина (память 13 января) пытались осудить, как японского шпиона. Епископов Александра (Трапицына) и Иннокентия (Никифорова) обвинили в «фашистской пропаганде», архиепископа Серафима (Остроумова) и епископа Неофита (Коробова) – в создании террористических организаций и т. д.

В ходе допросов следователи старались выбить из арестованных имена единомышленников – это позволяло превратить индивидуальное дело в групповое, «раскрыть» шпионскую или террористическую сеть. В таких случаях протокол с именами составлялся следователями, а от арестованных добывались лишь подписи.

Некоторые арестованные вину не признавали, под некоторыми показаниями стоят подписи. Однако, как добывались эти подписи, известно. Сотрудник Челябинского НКВД сообщал страшные подробности: «В комнату заводили одновременно по 90 человек, ставили на колени по ту и другую сторону. В таком положении держали по 5–7 суток, не давая им вставать, добиваясь признания. Если арестованный не признавался на стойке, то брали его за ноги и ставили вниз головой, держали, пока не признается».

Группе белевского духовенства и мирян во главе с епископом Никоном (Прибытковым) не позволяли спать 14 суток, заставляя их дать признательные показания. «Конвейеры», при которых следователи менялись, а подследственным не разрешали спать неделями, были распространенной практикой. Зверские избиения и изощренные пытки, угрозы уничтожить жен, детей, близких – все это были обычные методы «следствия». Встречались среди следователей такие «герои», у которых в мифических преступлениях и заговорах признавались все подследственные.

Кто-то, как митрополит Киевский Константин (Дьяков), погибал на допросах. Кто-то сдавался. Некоторые могли подписать предложенные тексты протоколов в состоянии полной невменяемости – до чего можно было довести человека, показывает пример патриаршего келейника Якова Полозова (см. гл. 4). Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), прошедший через все ужасы допросов, вспоминал: «Страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. ... У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой был расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине шевелится змей. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить они, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток». Чтобы сломить дух святителя, во время допросов в комнату неоднократно врвался чекист, наряженный шутом, и изрыгал отвратительные ругательства и богохульства. Все это периодически дополнялось избиениями.

Если показания так и не удавалось получить, подпись можно было подделать. Известны случаи, когда следственные дела, включая «признания» и «свидетельства» против ближних, фабриковались после смерти подследственных.

В годы Большого террора был практически уничтожен епископат правой оппозиции, почти с такой же тяжестью обрушились репрессии и на архиереев, подчиненных митрополиту Сергию.

Священномученик Кирилл (Смирнов) проживал в ссылке в казахском поселке Яны-Курган, почти сплошь заселенном «врагами народа». Неподалеку, в г. Мирзоян (ныне Тараз) проживал другой ссыльный архиерей – митрополит Иосиф (Петровых). Архипастыри переписывались друг с другом. Воспоминания о том, как жилось этим иерархам, а также и многим другим ссыльным, сохранила Н.В. Урусова, которую митрополит Иосиф однажды тайно посетил: «Он провел у нас за чаем больше часа, рассказывал о трудной жизни в сарае, когда над головой, уцепившись за хворост потолка, висит и смотрит на тебя змея, о том, как трудно было молиться, когда кругом мычанье, бляенье и хрюканье, и безжалостно плохое питание».

В 1937 г. митрополиты Кирилл и Иосиф, а также епископ Евгений (Кобранов) вместе с группой священнослужителей и мирян были арестованы и заключены в чимкентскую тюрьму. Узникам сразу же

обеспечили невыносимые условия. Им не давали спать, пища была несъедобной, вода гнилой. Таким способом заключенных пытались сломать перед допросами. Архипастырей обвинили в создании нелегальной контрреволюционной религиозной организации. Их дальнейшая участь уже была предрешена в НКВД. 19 ноября 1937 г. «тройка» НКВД по Южно-Казахстанской области приговорила митрополитов Кирилла, Иосифа и епископа Евгения к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Лисьем овраге под Чимкентом.

Погибали и другие святители – 2 декабря 1937 г. в Казани был расстрелян епископ Иоасаф (Удалов), в тот же день в казахстанской ссылке были убиты епископы Порфирий (Гулевич) и Макарий (Кармазин). В Казани был арестован и расстрелян архиепископ Венедикт (Плотников), в Нижнем Новгороде был арестован митрополит Феофан (Туляков). После жестоких издевательств был казнен и он. Еще одной утратой для Церкви была гибель митрополита Нижегородского Евгения (Зернова), расстрелянного 20 сентября 1937 г. Не спасали от смерти и старые связи со спецслужбами – так, 2 декабря 1937 г. был расстрелян митрополит Серафим (Александров).

Оставшиеся на свободе иерархи и священники Московской Патриархии подвергались беспрецедентному давлению с целью принуждения их к сотрудничеству. Архиереи, шедшие на компромисс, иногда не скрывали перед собратьями факта своего падения и даже пытались обратить проступок на пользу Церкви, препятствуя закрытию оставшихся храмов. Судьба этих священнослужителей была печальна – в НКВД двойной игры не прощали и обвиняли их в «двурушничестве». В 1937 г. жертвами такого обвинения стали расстрелянные архиепископ Питирим (Крылов), епископ Иоанн (Широков) и др.

Все было готово и к устранению митрополита Сергия (Страгородского). Было арестовано его окружение, на местоблюстителя уже было заведено дело как на «японского шпиона».

Подвижничество, без преувеличения равное подвигу первых христиан, встречалось и в эти страшные годы. Служение заключенным, помощь страдальцам за веру осуществлялось и пастырями, и мирянами. Некоторые подвижники, а чаще подвижницы, ехали в ссылку за духовными отцами, за арестованными святителями. Мученица Вера Труке (память 31 декабря) помогала священномученику Фаддею (Успенскому), неподалеку от священномученика Кирилла (Смирнова) поселилась монахиня Евдокия (Перевезникова).

Особого внимания заслуживает подвиг мирян и мирянок, хранивших

веру в годы кровавого безумия. Мученица Татиана Гримблит (память 23 сентября), отдавшая всю свою жизнь служению ближним, арестовывалась пять раз. Почти всегда основанием для арестов становилась помощь, которую она оказывала заключенным за веру, посылки и деньги, которые она пересылала исповедникам. После каждой ссылки, после каждого освобождения она вновь возвращалась к служению. Мученица Татиана работала медсестрой и почти все зарабатываемые деньги жертвовала на нужды страдальцев. «Вы тратите деньги на вино и кино, а я на помощь заключенным и церковь», – говорила она на допросе.

6 сентября 1937 г. святая была арестована в последний раз. Предъявить ей серьезное обвинение было невозможно. Поэтому среди «доказательств» ее вины было, например, такое: Татьяна Николаевна посетила больного, а тот на другое утро рассказал врачу, что ему всю ночь снились монастыри и монахи. Этот факт на вел следствие на мысль, что медсестра говорила с больным на религиозные темы. Доносчики передавали такие слова мученицы: «В разговоре со мной Гримблит сказала: «Теперь стал не народ, а просто подобно скоту. Помню, раньше, сходишь в церковь, отдохнешь, и работа спорится лучше, а теперь нет никакого различия. Но придет время, Господь покарает и за все спросит».

«Относительно воспитания детей Гримблит говорила: «Что хорошего можно ожидать от теперешних детей в будущем, когда их родители сами не веруют и детям запрещают веровать». И, упрекая родителей, говорила: «Как вы от Бога ни отворачиваетесь, рано или поздно Он за все спросит»».

23 сентября 1937 г. мученица Татиана была расстреляна. Православным москвичам была хорошо известна еще одна подвижница – Анна Зерцалова. Она была духовной дочерью протоиерея Валентина Амфитеатрова, к которому призывал обращаться за молитвенной помощью сам отец Иоанн Кронштадтский. До 1917 г. Анна Зерцалова издала несколько книг о своем духовнике, а после революции подвергалась нападкам в атеистической прессе. Власти пытались препятствовать почитанию отца Валентина – был вырван крест, стоявший на его могиле, предпринимались попытки извлечь тело праведника из земли и уничтожить. Сама Анна после 1932 г. жила в Москве нелегально, занималась частным преподаванием, устраивала паломничества к могиле протоиерея Валентина. Мученица писала: «Верующая душа не боится смерти, она встречает ее радостно, спокойно, так как знает, что смерть приведет ее к Небесному Отечеству, в вечную страну нашей новой, лучшей жизни». Анна Зерцалова была расстреляна на Бутовском полигоне 27 ноября 1937 г.

Большой террор сопровождался разрушением храмов и монастырей. Церкви закрывались каждый год тысячами. Ходатайства с просьбой о сохранении храма удовлетворялись очень редко, причем никто не гарантировал, что через некоторое время храм вновь не попытаются закрыть. Поводом для закрытия мог быть донос и арест кого-либо из членов приходского совета, неудовлетворительное техническое состояние храма, наличие рядом с ним школы, наконец недовольство со стороны местного «Союза воинствующих безбожников». Любой из этих предлогов мог стать решающим. Школы очень часто размещались в зданиях дореволюционных церковно-приходских школ, а значит, находились недалеко от храмов. Плохое техническое состояние церковного здания могло толковаться как угодно широко. Если власти хотели закрытия храма, то любая техническая неисправность могла стать основанием для признания церкви аварийной, тем более что бедное положение приходов часто не позволяло проводить своевременный ремонт.

А в иных местах заступиться за церковь многие уже боялись – известно множество случаев, когда защитники храмов арестовывались. Мученица Наталия Козлова (память 14 сентября) пыталась отстоять Богоявленский храм в с. Чурики Рязанской области, одновременно помогая арестованному духовенству. Святая была расстреляна в 1937 г. Святая Параскева Кочнева (память 8 апреля) оказалась в концлагере за попытки отстоять Александро-Невский храм в Миассе. В 1939 г. она погибла во время работы. Мученица Мария Данилова (память 12 января) настаивала на возобновлении богослужений в г. Гаврилов-Ям, в 1937 г. получила 10 лет концлагеря, где и умерла в 1946 г. Список можно продолжить.

Для власти, поставившей целью добиться забвения имени Божия, выступления православных христиан в защиту храмов уже ничего не значили. В одном только 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей. Уничтожались замечательные памятники архитектуры. Так, в 1936 г. был разрушен Казанский собор на Красной площади в Москве, позднее на его месте был устроен общественный туалет. В 1938 г. Московская Патриархия лишилась кафедрального Богоявленского собора в Дорогомилове. Новым кафедральным собором на шесть десятилетий стал Богоявленский собор в Елохове.

Такой же была ситуация в остальных городах страны. К концу 1930-х гг. были закрыты или разрушены еще остававшиеся кое-где кафедральные соборы, а также масса больших и малых церквей. Кафедральными соборами немногочисленных епархий Русской Церкви теперь становились

небольшие городские храмы, а иногда и кладбищенские. Храмы на кладбищах в некоторых городах вообще остались единственными действующими церквями. С весны 1936 г. в Московской Патриархии не совершались архиерейские хиротонии. К началу Второй мировой войны Российская Церковь была уничтожена практически полностью. В 1939 г. у нее не осталось ни одного легального монастыря, ни одного духовного учебного заведения. Количество приходов в пределах Российской Федерации было около 100. В других республиках Советского Союза ситуация была не лучше. Например, в Белоруссии летом 1938 г. осталось всего два православных храма. Сам митрополит Сергей уже не контролировал церковную ситуацию в стране и признавался, что в его подчинении осталось всего 80 храмов.

Накануне Второй мировой войны на территории СССР находилось на кафедрах всего 4 архиерея Русской Церкви. Это были патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), архиепископ Дмитровский Сергий (Воскресенский) –управляющий делами Московской Патриархии. Помимо них, часть архиереев Российской Церкви находилась в ссылках и лагерях, некоторые старались жить незаметно. Так, в Самаре, переименованной большевиками в Куйбышев, в приходском храме служил епископ Андрей (Комаров). Чтобы обезопасить себя и не подводить других, иерарх практически ни с кем не общался, нигде не бывал, кроме квартиры и храма, где служил ежедневно. В ссылках находилось еще несколько иерархов. В Москве жил на покое архиепископ Алексий (Сергеев), в 1938 г. объявивший о разрыве с митрополитом Сергием и провозгласивший «автокефалию» в Иванове. Тогда же он был запрещен в священнослужении.

Несколько архиереев Московской Патриархии проживали за границей, хотя количество прихожан у этих иерархов было совсем невелико – подавляющее большинство эмигрантов сторонникам митрополита Сергия не доверяло.

Примерно такая же ситуация была и у обновленцев. В 1936 г. навсегда сгинул в лагерях «митрополит Челябинский» Василий Некрасов, в 1937 г. были расстреляны «митрополит Киевский и Галицкий» Александр (Чекановский), «митрополит Новосибирский» Александр Введенский (тезка фактического лидера раскола), «митрополит Ивановский» Александр Боярский, «архиепископ Красноярский» Александр Турский, «архиепископ Свердловский и Пермский» Петр (Савельев), в 1938 г. расстреляны «митрополит Белорусский» Петр Блинов, «митрополит

Крымский» Алексей Баженов, «епископ Одесский» Тихон (Русинов) и т. д. За период 1930–1941 гг. было приговорено к расстрелу 86 обновленческих «архиереев». Страх быть арестованным приводил к случаям отступничества. Наиболее ярким стало отречение от веры обновленческого «митрополита Ленинградского» Николая Платонова в 1938 г. Для советской пропагандистской машины случаи ренегатства были хорошим подарком и с удовольствием освещались прессой. После отречения от Бога Платонов стал сотрудником Музея истории религии и атеизма, в который был превращен петербургский Казанский собор.

У коммунистического государства в тот момент была возможность ликвидировать и Патриаршую Церковь, и обновленческий раскол. Однако советская администрация, понимая, что окончательное уничтожение легальной Церкви всегда можно осуществить в течение нескольких дней, все же сохранила Патриархию. Это объясняется несколькими причинами.

1. Перед всем миром нужно было демонстрировать, что гонений на Церковь нет, показывать иностранным делегациям пусть немногочисленные, но зато переполненные храмы, иногда предъявлять мировому сообществу живого и здорового местоблюстителя.

2. Легальные структуры были необходимы, чтобы не допустить окончательного ухода верующих в подполье.

3. В преддверии грядущей войны, которую Сталин планировал вести на чужой территории, становились реальными перспективы присоединения к Советскому Союзу новых земель, в том числе и православных. Для контроля над верующим населением будущих республик и областей необходимо было сохранять контролируемый государством орган церковного управления.

Глава 10. Положение Православной Церкви на территориях, отошедших от Российской империи

Поражение Советской России в Первой мировой и советско-польской войнах привело к тому, что огромные территории бывшей Российской империи оказались вне пределов коммунистического государства. Независимыми странами стали Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Миллионы православных жителей западных губерний Российской империи оказались в пределах Польши. Православная Бессарабия вошла в состав Румынии. Церковная жизнь в лимитрофных (пограничных) странах протекала не без скорбей, сопряженных с ущемлением прав православных христиан. Серьезная проблема, определившая ход истории православия на этих территориях, заключалась в невозможности полноценного общения с московской церковной властью и в давлении местных правительств, настаивавших на независимости местных епархий от Московской Патриархии.

§ 1. Церковная жизнь в Финляндии

Финляндия объявила о своей независимости в декабре 1917 г. Попытки установить в стране коммунистический режим окончились неудачей. В скором времени финское правительство, желавшее максимально отмежеваться от Москвы, потребовало от местной епархии отделиться от Российской Церкви. Не желая конфликта, патриарх Тихон и Священный Синод в феврале 1921 г.

издали указ о предоставлении Финляндской епархии права именоваться Финляндской Православной Церковью. Новой структуре были даны права автономии в церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских делах. К широким компромиссам в угоду местным властям был готов и архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов). Однако местное государственное руководство не устраивал ни статус автономии в рамках Московского Патриархата, ни личность самого архиепископа Серафима, вместо которого правительство хотело видеть своего, «национального» иерарха. Таковой вскоре был избран. Это был вдовый протоиерей Герман Аав.

Финляндское руководство нашло поддержку в лице Константинопольского Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса), который к тому времени уже успел прославиться своими модернистскими симпатиями. В частности, в мае 1923 г. он провел в Константинополе собрание из 10 человек, громко названное «Всеправославным конгрессом». Наиболее известным результатом конгресса стало решение о переходе на новоюлианский календарь, являвшийся слегка измененным вариантом григорианского календаря, принятого в Римско-Католической Церкви. Более того, конгресс разрешил священникам вступать в брак после хиротонии, а также жениться вдовым священнослужителям. Итоговые документы этого мероприятия подписали шесть архиереев (два от Константинопольской, по одному от Сербской, Элладской, Кипрской и Русской Зарубежной Церквей), два архимандрита (от Румынской и Константинопольской Церквей) и два мирянина.

Большинство Православных Церквей постановлений конгресса не приняло. Своих представителей в Стамбул не прислали Патриарх Александрийский Фотий, Патриарх Антиохийский Григорий IV и Патриарх Иерусалимский Дамиан. С их стороны оценка стамбульского собрания была отрицательной. Не участвовали в конгрессе представители Московского Патриархата, а из двух архиереев Русской Зарубежной

Церкви, присутствовавших на мероприятии, все документы подписал только архиепископ Александр (Немоловский), в то время как архиепископ Анастасий (Грибановский), возмущенный модернистским духом конгресса, покинул его. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви в 1923 г. отверг принятые в Стамбуле решения. Брачные новшества этого скандального мероприятия не вошли в практику Поместных Церквей, однако новый календарь был принят несколькими Поместными Церквами, что привело к появлению в них старостильных расколов.

Среди других деяний патриарха Мелетия было и вмешательство в жизнь православных епархий, находившихся на отпавших от Российской империи территориях. Финляндская епархия стала одной из них. 6 июля 1923 г. патриарх Мелетий утвердил Финляндскую Автономную Церковь в своей юрисдикции, на богослужениях теперь должен был поминаться Вселенский Патриарх. Спустя два дня, 8 июля патриарх Мелетий рукоположил Германа Аава во епископа Сортавальского без принятия им монашества.

Несмотря на появление «национального» архиерея, архиепископ Серафим (Лукьянов) все еще надеялся, что главой Финляндской Церкви будет он. Одним из шагов, сделанных иерархом навстречу государству, было его согласие принять новый календарь, на что было получено благословение патриарха Тихона. Однако Финляндское государство не желало видеть русского иерарха на посту главы Церкви – архиепископу Серафиму было предложено хорошее денежное содержание и пребывание на покое. С 1924 г. иерарх проживал в Коневецком монастыре, откуда впоследствии переехал в Великобританию.

Новым главой Финляндской Церкви стал Герман (Аав), получивший титул архиепископа «Карельского и всея Финляндии». Вскоре иерарх приступил к реформам, целью которых было преодоление русского православного наследия и создание финских церковных традиций. Это выражалось в переводе богослужения с церковнославянского языка на финский, в архитектурном стиле новых храмов, которые архиепископ предлагал окрашивать в цвета национального флага – белый и синий, и др. Действия иерарха вызвали протесты монахов Валаамского и Коневецкого монастырей, однако в целом политика архиепископа Германа сохранила Финляндскую Церковь как автономную структуру.

После освобождения из-под ареста патриарха Тихона Священный Синод Российской Церкви постановил, что необходимость в подчинении Финляндской Церкви Константинопольскому Патриархату отпадает и она должна вернуться под омофор Патриарха Московского. Однако решение

осталось без последствий.

Финляндская Церковь имела своих подвижников, самым известным из которых является схиигумен Иоанн (Алексеев), проживавший на Валааме с 1906 г. В 1921 г. пастырь стал настоятелем, затем духовником Трифоно-Печенгского монастыря, а с 1932 г. жил в самом строгом валаамском скиту – Предтеченском. В России хорошо известна его переписка, вошедшая в сборник «Письма валаамского старца». В конце 1930-х гг. Валаам вместе с родителями посетил юный Алексей Ридигер, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Святейший вспоминал, что из всей братии монастыря наибольшее впечатление на него произвели схиигумен Иоанн и другой подвижник – иеросхимонах Ефрем (Хробостов).

§ 2. Церковная жизнь в Польше в 1920–1939 гг. и в Польском генерал-губернаторстве в 1939–1941 гг.

Автокефалия Польской Церкви церковно-государственные отношения в Польше и Польском генерал-губернаторстве

О восстановлении своей государственности Польша объявила в 1918 г., а уже в 1920 г. руководство страны начало предварительные переговоры с Константинопольской Патриархией по вопросу предоставления местным православным епархиям статуса Автокефальной Церкви. Переговоры в тот момент успехом не увенчались, однако от своей идеи польское правительство не отказалось. Проявлением этой политики был отказ пустить в страну митрополита Серафима (Чичагова), поставленного на Варшавскую кафедру патриархом Тихоном.

Вскоре польское руководство вернулось к идее автокефалии, склоняя к этому пути находившихся в стране православных архипастырей. Идя навстречу польским властям, 15 сентября 1921 г. Священный Синод предоставил главе Церкви в Польше полномочия окружного митрополита, а 27 сентября назначил на эту должность архиепископа Георгия (Ярошевского). Польской Церкви были предоставлены и права автономии. Весной 1922 г. патриарх обсуждал с представителями польского правительства церковный вопрос, однако переговоры остались незавершенными – святитель Тихон был арестован.

14 июля 1922 г. три архиерея – митрополит Варшавский Георгий (Ярошевский), архиепископ Кременецкий Дионисий (Валединский) и новорукоположенный епископ Люблинский Александр (Иноземцев) объявили Польскую Церковь независимой. В постановлении «Собора трех иерархов» говорилось, что польское правительство должно получить благословение на автокефалию «Константинопольского и других Патриархов, а равно Глав автокефальных Церквей – Греческой, Болгарской и Румынской, а также Патриарха Московского, если последний возвратится к власти и если Патриархат в России не будет упразднен». Как видно, участники мероприятия ставили согласие Матери Российской Церкви на последнее место, даже после Болгарской Церкви, которая в то время вообще не имела официального канонического общения ни с одной из Поместных Церквей.

Идея незаконной автокефалии была встречена протестом со стороны большинства находившихся в Польше архиереев. Свое несогласие с курсом митрополита Георгия выразили архиепископы Виленский Елевферий

(Богоявленский), Белостокский Владимир (Тихоницкий), Пинский Пантелеймон (Рожновский) и епископ Вельский Сергий (Королев). Все они подверглись преследованиям со стороны польского правительства, были лишены кафедр и, за исключением удалившегося в монастырь архиепископа Пантелеймона, выдворены из страны.

В феврале 1923 г. митрополит Георгий был застрелен противником автокефалии архимандритом Смарагдом (Латышенковым), однако это событие только ужесточило курс польского правительства по отношению к православным. 29 апреля 1923 г. польским епископатом в сан «митрополита Варшавского, Вольнского и всей Православной Церкви в Польше» был возведен архиепископ Дионисий (Валединский), причем права этого иерарха были подтверждены Константинопольским патриархом Мелетием. Сам митрополит Дионисий уведомил о состоявшемся избрании патриарха Тихона и попросил его благословить польскую автокефалию. Патриарх отнесся к этой идее отрицательно. Соглашаясь с автокефалией Чехословацкой Церкви, включающей в свой состав православных чехов и словаков, Святейший отвергал такой вариант для Польской Церкви, как состоящей не из поляков, а из украинцев и белорусов. Патриарх указывал также, что автокефалию может предоставить только Церковь-Мать, а вмешательство в этот вопрос Константинополя незаконно.

Константинопольская Патриархия и польские автокефалисты к словам святителя Тихона остались глухи. 13 ноября 1924 г. сменивший патриарха Мелетия патриарх Григорий VII предоставил Польской Церкви автокефалию. Протест патриарха Тихона ситуацию не изменил. Хотя митрополит Дионисий в ноябре 1925 г. обещал главе Русской Зарубежной Церкви митрополиту Антонию (Храповицкому), что направит патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру покаянное письмо, на самом деле таковое (от 25 декабря) носило всего лишь известительный характер.

Остальные Поместные Церкви вслед за Константинопольской Патриархией постепенно смирились с новой независимой структурой. Начиная с середины 1920-х гг. с митрополитом Дионисием и другими иерархами Польской Церкви уже сослужили представители некоторых Поместных Церквей.

Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) не возражал против самостоятельности Польской Церкви и даже именовал Дионисия митрополитом Варшавским и всея Польши (письмо от 26 мая 1926 г.). По мнению заместителя, указ патриарха

Тихона № 362 от 20 ноября 1920 г., разрешавший в случае потери связи с Москвой создавать временные независимые округа, давал Польской Церкви «совершенно безболезненный выход из всяких затруднительных положений». Однако, как и патриарх Тихон, митрополит Сергей настаивал, что автокефалию может предоставлять лишь Церковь-Мать, в данном случае Церковь Российская.

Отрицательным было и отношение к польской автокефалии со стороны Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Архиерейский Собор РПЦЗ в 1923 г. высказался против автокефалии в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, Украине и Грузии, о чем было сообщено Поместным Церквам. Такой же позиции придерживались и Архиерейские Соборы 1924 и 1926 гг. Были предложения осудить польских архиереев-автокефалистов, однако Собор 1926 г. вынес решение, что принимать такое решение без ведома московской церковной власти было бы неправильно. Ситуация изменилась после «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), когда Русская Зарубежная Церковь заявила об отказе подчиняться заместителю. К тому же к 1927 г. с Польской Церковью вступили в общение другие Поместные Церкви. Архиерейский Собор РПЦЗ 1927 г. признал возможным сослужение с польскими архиереями, однако автокефалию Польской Церкви Русская Зарубежная Церковь так и не признала.

В сентябре 1939 г. независимость Польши закончилась. Украинские и белорусские территории были присоединены к Советскому Союзу, в то время как западные районы Польши частично вошли в состав Германии, частично были превращены в марионеточное Польское генерал-губернаторство. В конце ноября 1939 г. митрополит Дионисий заявил об упразднении Польской Православной Церкви и передал власть архиепископу Германскому Серафиму (Ляде). Однако у Третьего рейха были другие планы – Польскую Церковь было решено сохранить для создания на ее базе автокефальной Украинской Церкви, которая могла пригодиться после захвата Германией Украины. За сохранение Польской Церкви высказался и Константинопольский Патриарх Вениамин.

В сентябре 1940 г. Польская Церковь была восстановлена. 23 сентября состоялась встреча митрополита Дионисия с генерал-губернатором Г. Франком, который пообещал ему свою поддержку. Митрополит разделил Церковь в генерал-губернаторстве на три национальные епархии: Варшавскую (русско-украинскую), Холмскую (украинскую) и Краковскую (украинскую). Несмотря на формальное сохранение церковнославянского языка, фактически он был запрещен даже в Варшавской епархии. В

кафедральном соборе служили по-украински, в то время как церковнославянское богослужение было разрешено только в пещерной церкви.

Теперь митрополит Дионисий свои действия был вынужден согласовывать с украинской «Церковной радой». Вскоре иерарху пришлось идти и на дальнейшие уступки, согласившись с требованиями властей посвящать во епископы украинских националистов. К созданию автокефалистского раскола все было готово.

Преследования православного населения в Польше

По сравнению с другими государствами, отделившимися от России, положение православных христиан в Польше было наиболее тяжелым.

Политическая ситуация в стране напрямую влияла и на жизнь православия. Маршал Юзеф Пилсудский, игравший ключевую роль в управлении государством, стремился хотя бы внешне поддерживать равноправие «национальных меньшинств», которых в совокупности было в Польше около половины населения.

Однако даже при таком относительно либеральном правлении уже в 1919 г. начались захваты православных храмов со стороны римо-католиков и униатов. На их сторону вставали и суды, отнимавшие у православных общин помещения храмов. Основанием было то, что эти здания когда-то принадлежали католикам, причем могло не учитываться, что многие из этих зданий были построены еще до введения унии (XVI в.) и униатам достались незаконно. Таким способом у православных было отобрано более 300 храмов. Ликвидировались православные домовые церкви при учебных заведениях, закрывались и монастыри – из 13 их осталось только пять. Шли разговоры о передаче римо-католикам Жировицкого монастыря. С огромным трудом православным удалось отстоять Почаевскую лавру, которой угрожала передача униатам.

Счет разрушенным храмам также шел на сотни. По советскому образцу в православных церквях устраивали склады, конюшни, кинотеатры и т. п. Трагическим событием для Православной Церкви стало уничтожение Александро-Невского кафедрального собора в Варшаве. Собор, хотя и находившийся в центре польской столицы, был далеко не самым заметным сооружением в городе, и в его варварском уничтожении необходимости не было. Вместе с храмом погибли и замечательные мозаики.

Попытки противостоять натиску на православие преследовались. Серьезно пострадал, например, архимандрит Виталий (Максименко), известный своими монархическими и пророссийскими взглядами. Пастырь был обвинен в организации массовых беспорядков и помещен в каземат в Демблине. Отцу Виталию угрожали расстрелом, на одном из допросов пастыря избили в присутствии ксендзов, молчаливо наблюдавших за беззаконием. Впоследствии страдалец вспоминал, что уже не надеялся выйти из тюрьмы: «Я раздал бывшие у меня деньги сидельцам в соседних камерах, а сам приготовился на смерть: совершил

вместо антимины на своей груди литургию и приобщился». Однако архимандрит Виталий остался жив – глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) через Сербского Патриарха Варнаву добился международного давления на польское руководство и освобождения исповедника.

Постепенно стала разворачиваться и полонизация украинцев и белорусов, что коснулось и Церкви. В начале 1930-х гг. в табельные дни духовенству было предписано произносить проповедь по-польски. Тогда же министерство исповеданий предписало богословскому факультету Варшавского университета перейти на польский язык преподавания, хотя это требование некоторое время игнорировалось.

Середина 1930-х гг. была отмечена резким ухудшением положения православия в стране. Эту трагическую перемену связывали со смертью Пилсудского и началом влияния на власть в государстве Э.Рыдз-Смиглого. Если Пилсудского римо-католическое духовенство недолюбливало, то от Рыдз-Смиглого оно было в восторге. Как писал современник, то, что прежде делалось против православия тайно, теперь стало делаться открыто. При покупке земли от человека требовали справку, что он является римо-католиком, в противном случае покупателю устраивали всевозможные бюрократические барьеры. Участились случаи отказа православным в приеме на работу.

Обстановка еще более усложнилась после заключения конкордата между польским правительством и Ватиканом. Теперь пропаганда и насилие развернулись против православия с новой силой. Только на Холмщине и только в 1939 г. у православных было отобрано 176 храмов. Без наказания оставались и вандалы, наоборот, полиция арестовывала тех, кто старался защитить церкви. Ситуация стала иной и на бытовом уровне. Раньше священники разных конфессий, живущие в одном селе, старались не задевать чужой веры в проповедях и достаточно мирно относились друг ко другу. Теперь риторика проповедей в костелах изменилась – выступления ксендзов все чаще носили оскорбительный для православия характер. Началось вмешательство римо-католического духовенства в смешанные браки – от православной стороны путем подкупов или угроз требовали переходить в католичество.

Навязывался новый календарь, который приходы, как правило, встречали с ожесточением. Стало уменьшаться количество русских школ, начались требования переходить на польский язык в богослужении, а духовенство, несогласное с такой политикой, лишалось дотаций, а то и прямо преследовалось. На польском языке издавались теперь и

богослужebные книги. Апогея такая политика достигла перед самым началом Второй мировой войны.

Действия польского правительства порой вызывали непонимание даже со стороны самих римо-католиков и униатов. Униатский митрополит Андрей Шептицкий в своем послании 1938 г. указывал, что подобными методами государство только углубляет пропасть между православием и католичеством. Кампании протеста против деятельности Римо-католической Церкви в Польше проходили во всем мире. Протестовали против гонений на православие русские эмигранты. Когда в 1939 г. в Виленском Свято-Духовом монастыре новопоставленный викарный епископ Матфей (Семашко) обратился к народу по-польски, это вызвало недовольство. Речь епископа утонула в общем шуме, закончить выступление полонизатору не удалось. В сейме права православных защищал сенатор В. В. Богданович.

С другой стороны, имело место и согласие с полонизацией, некоторые священники считали, что только так можно сохранить православие. Сам митрополит Дионисий протесты православного населения не поддерживал и даже оправдывал вмешательство Польского государства в церковную жизнь. Такое положение было закреплено и на законодательном уровне – в ноябре 1938 г. были выработаны внешний и внутренний уставы Польской Церкви. Эти документы ставили ее в зависимость от государства на всех уровнях – от поставления архиереев до назначения священников на приходы.

§ 3. Церковная жизнь в Эстонии

Эстония, отдельные районы которой оказались под властью коммунистов в конце декабря 1918 – начале января 1919 г., также перенесла краткий, но страшный период террора. В одном только Тарту за 24 дня коммунистической власти было арестовано более 500 человек. Среди них оказался и епископ Ревельский Платон (Кульбуш). Страдавший воспалением легких архипастырь подвергался издевательствам и унижениям. В ночь на 15 января 1919 г. красные оставили город, предварительно уничтожив часть арестованных. Священномученик Платон разделил участь своих пасомых. Его тело нашли страшно изуродованным пулями и штыками. Вместе с архипастырем были убиты священники Михаил Блейве и Николай Бежаницкий (память 14 января). Также в те дни был убит красными герой Русско-японской и Первой мировой войн военный священник Сергей Флоринский (память 30 декабря).

Патриарх Тихон направил в Ревель (с 1919 г. Таллин) епископа Порховского Александра (Паулуса) с возведением его в сан архиепископа. Эстонской Церкви была предоставлена широкая автономия. Однако правительство, желавшее дистанцироваться от Москвы, стремилось обособить от Российской Церкви и местное православное население. В 1923 г. архиепископ Александр обратился к Константинопольскому Патриарху Мелетию с просьбой о принятии в ведение Вселенского Престола. Просьба была удовлетворена 7 июля 1923 г., когда Эстонская Церковь получила автономию в рамках Константинопольской юрисдикции.

Гонениям православие в Эстонии не подвергалось, если не считать закрытия в 1936 г. Александро-Невского кафедрального собора. С другой стороны, в Таллине в 1938 г. удалось открыть пастырские курсы на русском языке.

На протяжении довоенного периода в стране проводилась эстонизация церковной жизни, которая, однако, не принималась русскими приходами, а их было большинство. Правами автономии в рамках Эстонской Церкви пользовалась Нарвская епархия, включавшая в себя русские приходы на северо-востоке страны. До своей смерти в 1929 г. эту епархию возглавлял архиепископ Евсевий (Гроздов). Центром русской традиции и старого календаря в Эстонии являлся Псково-Печерский монастырь, настоятелем которого был архимандрит, с 1926 г. епископ

Иоанн (Булин). В 1932 г. епископ Иоанн был переведен на Нарвскую кафедру, что означало его уход из Псково-Печерского монастыря. Архипастырь назначения не принял, был уволен на покой, в 1933 г. покинул Эстонию, жил на Святой Горе Афон и в Югославии. Русская Зарубежная Церковь, с архипастырями которой епископ Иоанн сослужил, предлагала ему отправиться на одну из американских кафедр, но в 1938 г. иерарх предпочел вернуться в Эстонию.

§ 4. Церковная жизнь в Латвии

Сложным было и положение в Латвии. Несмотря на значительное число русских эмигрантов, а также православных латышей, Православная Церковь в стране всячески притеснялась. Около половины объектов церковной недвижимости, принадлежавших православной епархии, было передано римо-католикам. После заключения конкордата с Ватиканом в Риге появился и римо-католический архиерей. Была закрыта местная семинария с сильным русским влиянием. Вместо нее был открыт Богословский институт, дух которого, как вспоминают современники, был уже другим.

Видеть русского архиерея на Латвийской кафедре государственное руководство не хотело, в частности, был запрещен въезд в страну митрополиту Варшавскому и Привислинскому Серафиму (Чичагову). Выход был найден – в 1921 г. патриарх Тихон направил в Латвию епископа Пензенского Иоанна (Поммера) – латыша по национальности. Будущему священномученику было суждено управлять латвийским православием около 14 лет. Чтобы пресечь церковный сепаратизм, архиепископ Иоанн попросил патриарха Тихона даровать Латвийской епархии независимость во внутренних делах. 21 июля 1921 г. патриарх, Священный Синод и ВЦС просьбу удовлетворили.

Священномученик Иоанн сразу приобрел популярность. Он был избран в сейм, где смело отстаивал права православного населения. Двери его дома всегда были открыты для просителей. Архипастырю удалось добиться и закона об официальном признании государством Православной Церкви. Желая нести православие всем, он поддерживал в кафедральном соборе практику служения на пяти языках: русском, латышском, эстонском, немецком и греческом.

Видя притеснения Православной Церкви и возмущаясь привилегиями для римо-католиков, архиепископ Иоанн принципиально отказался от хорошей квартиры и поселился в подвале Христорождественского собора, где из-за сырости водились жабы. Святитель отказался и от архиерейского жалованья, не желая что-то брать от переживавшей тяжелые времена Латвийской Церкви и считая, что его депутатской заработной платы более чем достаточно.

Находясь в подчинении патриарха Тихона, священномученик Иоанн поддерживал отношения и с Зарубежным Синодом.

В 1927 г. архипастырь отказался предоставить митрополиту Сергию

(Страгородскому) подписку о лояльности коммунистическому государству. Священномученик Иоанн подобное требование считал совершенно нелогичным для граждан других государств.

В своем письме митрополиту Литовскому Елевферию он писал: «Двуподданство карается законом. ... Все-таки Вы, как верный гражданин Литвы, не можете наперед и на все случаи обещать благорасположение к СССР. Вы свои отношения к СССР должны координировать с отношениями к нему Литовской республики».

Позиция священномученика Иоанна не устраивала многих.

В ночь на 12 октября 1934 г. священномученик архиепископ Иоанн был убит на пригородной даче.

Убийство иерарха открыло путь для включения Латвийской Церкви в ведение Константинополя. 11 марта 1936 г. Латвийским митрополитом был избран гарнизонный священник из Даугавпилса протоиерей Августин Петерсон. Протоиерей был пострижен в рясофор без изменения имени, 29 марта рукоположен во епископа и возведен в сан митрополита. Хиротонию возглавил митрополит Фиатирский Герман из Константинопольского Патриархата. Без уведомления Московской Патриархии Латвийская Церковь была принята в ведение Константинопольской Церкви.

§ 5. Церковная жизнь в Литве

Положение Церкви в Литве также напрямую зависело от политической обстановки. После Первой мировой войны и конфликта между Польшей и Литвой часть литовской территории (Виленский край) была включена в состав Польши. В 1919 г. в Вильнюс был назначен архиепископ Елевферий (Богоявленский). Несогласие с польской автокефалией стало основанием для преследований архипастыря. В том же году после всенощного бдения на праздник Покрова Пресвятой Богородицы он был арестован, заключен в католическом монастыре, а спустя три месяца выслан за пределы Польши. Вместо него польское церковное руководство назначило на Виленскую кафедру бежавшего из Советской России архиепископа Смоленского и Дорогобужского Феодосия (Феодосиева), согласившегося с автокефалией Польской Церкви. Архиепископ Феодосий возглавлял Виленскую епархию до 1939 г.

Изгнанный из Польши архиепископ Елевферий до 1923 г. находился в Берлине, пока не получил предложение переехать в Ковенскую Литву. Архипастырь прибыл в Каунас, где сразу же приступил к организации епархиальной жизни.

Положение православия в Литве было незавидным. Согласно законам нового государства, в одной только столице, Каунасе, было отобрано у Православной Церкви более десяти зданий. Среди них был Александровский собор, Петропавловский военный крепостной собор, а также целый ряд приходских, школьных и больничных храмов. Единственной действующей православной церковью в городе осталась кладбищенская Воскресенская церковь. Этот храм, рассчитанный на 200 человек, стал кафедральным собором. При храме поселился и правящий архиерей.

Первое время архиепископ Елевферий поддерживал контакты с Архиерейским Синодом Русской Зарубежной Церкви, состоял с ним в переписке, заочно принимал участие в решении ее проблем. Все изменилось в 1927 г., когда литовский иерарх поддержал митрополита Сергия (Страгородского). Контакты с Зарубежной Церковью были прекращены. В 1928 г. архиепископ Елевферий посетил Москву, где был возведен в сан митрополита. Свои впечатления от посещения Москвы иерарх изложил в книге «Неделя в Патриархии». Этот труд был искренним, хотя и наивным – понятно, что митрополиту Елевферию показали в СССР лишь то, что ему можно было увидеть. С 1930 г. митрополит Елевферий из Каунаса управлял приходами Московской

Патриархии в Западной Европе.

Литовское правительство, в отличие от других лимитрофных стран, не возражало против подчинения местной православной епархии Москве. Отчасти это было связано с тем, что у Литвы были неплохие отношения с Советским Союзом, поддерживавшим ее в конфликте с Польшей.

В 1935 г. православное население страны отметило радостное событие – в этом году в Каунасе было завершено строительство нового кафедрального собора, большую часть средств на возведение которого выделило литовское правительство. Собор был освящен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

§ 6. Церковная жизнь в Молдавии

В 1918 г. Молдавия (Бессарабия) была присоединена к Румынии, в связи с чем возник вопрос о церковном управлении на этой территории. Архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) получил предложение войти в ведение Румынской Православной Церкви, но счел это неканоничным. Иерарх поселился в Константинополе и впоследствии присоединился к Русской Зарубежной Церкви. Бессарабию были вынуждены покинуть и другие архиереи Русской Церкви – епископ Измаильский Дионисий (Сосновский) и епископ Аккерманский Гавриил (Чепур). Последний был назначен на Челябинскую кафедру, но по причине боевых действий добраться до своей кафедры не смог и в 1919 г. эмигрировал.

На Кишиневскую кафедру Румынская Церковь поставила епископа Гурия (Гроссу), клирика Смоленской епархии, после революции переехавшего в Румынию.

Несмотря на то что около половины населения Бессарабии составляли русские и украинцы, Кишиневская епархия стала подвергаться усиленной румынизации. Большую ревность здесь проявлял митрополит Гурий. В Бессарабии остался только один храм, где служили на церковнославянском языке. В 1924 г. к проблемам церковной жизни добавился и новый календарь.

Патриарх Тихон дважды обращался к Румынской Церкви с посланиями, указывая на неканоничность включения в ее состав Бессарабии. В послании от 5 июня 1918 г. святитель обращал внимание, что вопрос об изменении юрисдикции должен решаться каноническим путем, как это было с Малороссией, которая после присоединения к Московскому царству (XVII в.) в течение 32 лет до соборного рассмотрения находилась в юрисдикции Константинопольского Патриарха. «Указание на то, – писал святитель Тихон, – что будто политическое единение всегда влечет за собою единение церковное, не может в данном случае служить оправданием для Румынской церковной власти. ... Государственный меч, как известно, не может сам по себе определять границы поместных церквей».

Патриарх обратился за поддержкой к Вселенскому Престолу, который также указывал Румынской Церкви на неканоничность ее деяний. Однако и это обращение осталось без последствий.

Помощь православным христианам в Бессарабии старался оказать

Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви, добившийся от румынского руководства разрешения некоторым приходам служить по старому стилю. Однако впоследствии притеснения русскоязычного населения возобновились, пастыри, придерживавшиеся старого календаря, подвергались преследованиям вплоть до тюремного заключения. Стали возникать тайные старостильные приходы. Попытки Зарубежного Синода решить вопрос путем переговоров оказались тщетными.

В 1936 г. митрополит Гурий (Гроссу) был предан суду за финансовые злоупотребления, однако при его преемнике митрополите Ефреме (Тигиняну) положение старостильных и русскоязычных приходов не улучшилось.

Поскольку захват Бессарабской митрополии Румынской Церковью был неканоничным, то Русская Зарубежная Церковь со своей стороны не сочла нарушением окормлять русские приходы на ее территории. Глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний писал Румынскому патриарху Мирону, что Русская Церковь никогда не признавала законным присоединение Кишиневской епархии к Румынской Церкви, а потому не считает нарушением канонов верность некоторых бессарабских священников русской юрисдикции. В 1930-е гг. Архиерейский Синод поручил окормление старостильных приходов в Бессарабии епископу Серафиму (Ляде). В ходе своих поездок епископ Серафим совершал священнические хиротонии, крещения, а также снабжал приходы миром и антиминомсами, причем и то и другое епископ Серафим получал от Патриарха Сербского Варнавы. По причине поддержки Зарубежной Церковью русских приходов в Бессарабии, отношения между Зарубежным Синодом и Румынской Церковью фактически прервались.

Глава 11. Русская Церковь в годы Второй мировой войны

§ 1. Русская Церковь в 1939 –1941 гг.

Вторая мировая война укрепила положение Церкви в Советском Союзе. В соответствии с секретным приложением к пакту Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. Восточная Европа была разделена между Германией и Советским Союзом. Война началась 1 сентября вступлением на территорию Польши германских войск. 17 сентября восточную границу этой страны перешла и Красная армия. Польша как независимое государство перестала существовать. К Советскому Союзу были присоединены обширные территории Западной Украины и Западной Белоруссии со своими епархиями и монастырями. На присоединенной территории было несколько православных иерархов – находившийся на покое архиепископ Пантелеймон (Рожновский), архиепископ Кременецкий Алексей (Громадский), епископы Полесский Александр (Иноземцев) и Луцкий Поликарп (Сикорский). Все эти иерархи вошли в подчинение Московской Патриархии. Вскоре были совершены и новые хиротонии. Во епископа Пинского был поставлен Вениамин (Новицкий), во епископа Львовского – Пантелеймон (Рудык), во епископа Житомирского – Дамаскин (Малюта).

На очереди была Прибалтика. В сентябре 1939 г. советское руководство предложило «Пакт о взаимопомощи» эстонскому правительству. В страну вошла Красная армия, и уже в августе 1940 г. Эстония была присоединена к Советскому Союзу. Одним из активных сторонников идеи о присоединении Эстонской Церкви к Московскому Патриархату был епископ Иоанн (Булин). В марте 1941 г. Эстонская Церковь во главе с митрополитом Александром (Паулусом) воссоединилась с Российской Церковью.

Подобным образом дела обстояли и в Латвии. В июне 1940 г. ей был предъявлен ультиматум с требованием отставки правительства и введения в страну советских войск. Опасаясь кровопролития, латвийское правительство выполнило эти требования. Уже 21 июля 1940 г. была провозглашена Латвийская Советская Социалистическая Республика, в августе включенная в состав Советского Союза. Вскоре был решен вопрос и с Латвийской Церковью. Возглавлявший ее митрополит Августин (Петерсон) был принят в Московский Патриархат и сразу ушел на покой.

В том же году Советский Союз пополнился еще одной республикой – Литовской. После разгрома Польши советскими войсками в 1939 г. к Советскому Союзу был присоединен Виленский край. Согласно «Договору

о взаимопомощи», Советский Союз передал Литве эту территорию и ввел в страну войска. В августе 1940 г. Литва вошла в состав Советского Союза. Из Каунаса в Вильнюс переехал митрополит Елевферий (Богоявленский). Архиепископ Виленский Феодосий (Феодосиев) ушел на покой и поселился в Свято-Духовом монастыре.

Иначе сложилась ситуация в Финляндии. Предложение изменить границу и пустить в страну советские войска финляндским правительством было отвергнуто. 30 ноября 1939 г. между Советским Союзом и Финляндией начались боевые действия, вошедшие в историю как советско-финская или «зимняя» война.

Одним из эпицентров боевых действий этой войны стал Валаамский монастырь. На островах стояла финская воинская часть, и советская авиация постоянно наносила по монастырю бомбовые удары. Многие здания были разрушены, но Преображенский собор поврежден не был. Финны говорили, что собор Валаамского монастыря, несмотря на то что его купола и кресты были видны издалека, был самым безопасным местом в Финляндии.

Братия монастыря сумела эвакуироваться. Финское руководство дало возможность вывезти из обители все самое ценное. Монахам удалось спасти иконостас, а также чудотворную Валаамскую икону Божией Матери. Насельники монастыря (около 200 человек) переехали в глубь Финляндии, поселившись на берегу озера Юоарви. Здесь Валаамский монастырь возродился с названием Ново-Валаамского.

Война была недолгой – мирный договор был подписан 12 марта 1940 г. Финляндии удалось отстоять независимость, однако около 11 процентов ее территории отошло к Советскому Союзу.

В 1940 г. советское правительство под угрозой начала военных действий потребовало от Румынии очистить от своих войск Бессарабию и Северную Буковину. Бессарабия после этого стала очередной республикой Советского Союза – Молдавской ССР, Северная Буковина была присоединена к Украине. В Молдавию в мае 1941 г. был поставлен епископ Алексей (Сергеев), принесший покаяние в прежней раскольнической деятельности.

Присоединение западных областей серьезно повлияло и на положение Московской Патриархии. На присоединенных территориях оказалось несколько епархий и около 3,5 тыс. приходов. Все они теперь были переданы в ведение митрополита Сергия (Страгородского). Статус Московской Патриархии серьезно повысился, а количество ее приходов выросло до 3742. По мнению историка В.И.Алексеева, именно раздел

Польши между Германией и СССР спас Московскую Патриархию от полного и окончательного уничтожения.

Хотя на присоединенных землях были свои архиереи, советское руководство почти сразу лишило их реальной власти, образовав здесь экзархаты. Архиепископ Николай (Ярушевич) был поставлен митрополитом Вольнским и Луцким и экзархом Западной Украины и Белоруссии. Центром экзархата стал Луцк.

В Прибалтику был направлен экзархом митрополит Сергей (Воскресенский). Административная и церковная власть на новых территориях оказалась в руках этих архиереев.

Наиболее тяжелым для Церкви было положение на территориях, где советскому режиму не нужно было заигрывать с местными жителями, например, в Финляндии. Практически все население районов, присоединенных к Советскому Союзу в 1940 г. (около 500 тыс. человек), переселилось вглубь Финляндии. Советскому Союзу достались брошенные земли, где находилось три монастыря (Валаамский, Коневецкий, Линтульский) и 17 действующих храмов. И монастыри, и церкви были новой властью тут же поруганы и закрыты. Эту участь разделил и Трифоно-Печенгский монастырь на севере Финляндии, территория которого была временно занята Красной армией. Братия монастыря переселилась на Новый Валаам. В руках НКВД оказался настоятель Трифоно-Печенгского монастыря игумен Паисий (Рябов). В декабре 1942 г. он был расстрелян.

В других новоприсоединенных областях с большим процентом православного населения (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика, Молдавия) наступление на Церковь шло медленнее – начинать с гонений советское руководство посчитало политически невыгодным. На новые территории стали прибывать советские граждане, в основном семьи офицеров и чиновников. Люди, переехавшие сюда из охваченных безбожием районов, тут же начали крестить детей, пользоваться случаем, чтобы помолиться в церкви, заказать требы. По сравнению с довоенным периодом количество крещений детей в 1940 г. выросло в этих районах в три раза. В.Алексеев сохранил для нас историю, рассказанную одним прибалтийским протоиереем. Однажды к нему пришла старушка, попросившая тайно крестить ребенка, родители которого были коммунистами. Пастырь долго отказывался, так как опасался тюрьмы, однако внял слезам пожилой женщины и согласился совершить таинство при условии, что ему будет названо имя отца ребенка. Велико было удивление священника, когда он узнал, что отец – начальник

местной тюрьмы НКВД.

Позднее старушка принесла священнику большую сумму денег. Протоиерей деньги брать не хотел, зная, каково их происхождение. Однако женщина настояла, сказав, что родители ребенка понимают, в каком тяжелом положении находится Церковь и что с нее берут немилосердные налоги. Этот же протоиерей рассказывал, что венчал капитана Красной армии, который женился на местной девушке.

И все же коммунистическое руководство не отказалось на новых территориях ни от своей политики, ни от своего безбожия. Епископ Митрофан (Зноско-Боровский) (в тот момент приходской священник в Бресте) вспоминал, что советская администрация в первую очередь арестовывала деятелей русского национального движения. Что касается преследований за веру, то таковые нарастали постепенно.

29 октября 1939 г. церковное имущество на Украине и в Белоруссии было национализировано, закрыта духовная семинария в Кременце. С сентября 1939 по июнь 1941 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии было арестовано 53 священника. 43 из них были либо расстреляны, либо отправлены в лагерь. Количество монастырских насельников также уменьшалось. Например, число монахов Почаевского монастыря за полтора года уменьшилось с 300 до 80 человек.

Архиепископ Венедикт (Бобковский), в 1939 г. находившийся в должности наместника Жировицкого монастыря, вспоминал, что новые власти сразу же стали выявлять среди монахов тех, кто имел когда-то хотя бы косвенное отношение к Белому движению. Таковые арестовывались и отправлялись на восток. Монастырь был лишен большей части земли и обложен большим налогом. По данным М.В.Шкаровского, в ряде западных областей новая коммунистическая администрация стала закрывать монастыри и храмы, начала конфискацию церковного имущества.

Повсюду было прекращено преподавание Закона Божия, зато атеистическая пропаганда заработала на полную мощь. Открылись и отделения «Союза воинствующих безбожников».

Давление на священников новая власть начала не сразу. Современники, например, епископ Митрофан (Зноско-Боровский), вспоминают, что всех пастырей вызывали в НКВД, где поначалу беседовали с ними вежливо, убеждая отречься. Взамен священнослужителям предлагали хорошие должности в советских учреждениях. При следующих встречах чекисты переходили на более грубый тон, а через какое-то время начинали применять угрозы и рукоприкладство.

Началось материальное давление на приходы: они были обложены огромным налогом, причем собираемых приходом денег хватало только на погашение постоянно набегавших процентов, в то время как сумма задолженности не менялась и давала повод в любой момент закрыть храм, а священника привлечь за «саботаж». Обстановка, в которую попали священнослужители, сразу стала напряженной. Сельский священник Евстафий Баслык вспоминал, что красноармейцы встречали проходивших пастырей свистом и нецензурной бранью. Вследствие этого и православные, и католические священнослужители за исключением наиболее принципиальных перестали выходить на улицу в рясах.

Такая же ситуация сложилась и в Прибалтике. Была закрыта Виленская духовная семинария, начались аресты священников. Был арестован органами НКВД и епископ Иоанн (Булин), расстрелянный 30 июля 1941 г. Был выселен из епархиального дома престарелый митрополит Елевферий (Богоявленский). Эти потрясения ускорили смерть старца, который отошел ко Господу в ночь на 1 января 1941 г.

От более активных шагов в отношении Церкви советскую администрацию удерживало то, что и препятствовало окончательно запретить религию – Церковь могла пригодиться в будущей войне. Тем не менее, руководство Московской Патриархии власти предпочитали держать в постоянном напряжении и страхе.

Митрополит Сергей, носивший титул патриаршего местоблюстителя и главы Православной Церкви в СССР, ожидал ареста в любую минуту. Архиепископ Пантелеймон (Рожновский) после присоединения к СССР Западной Белоруссии дважды посетил местоблюстителя в Москве. «Наш Сергей это – пленник безмолвный, – писал архиепископ Пантелеймон. – Церковь пленена, но враги боятся ее и в поверженном состоянии».

Иерарх вспоминал, что во время их первой встречи беседа была крайне странной: митрополит Сергей писал вопросы на листке бумаги, а архиепископ письменно на них отвечал. Так и осталось непонятным, почему местоблюститель выбрал такую форму общения. Архиепископ Пантелеймон недоумевал: «То ли по глухоте, старец Сергей боится громко говорить – за стеной подслушивают? Или же, быть может, повел он разговор в письменной форме, чтобы легче было перед «недремлющим оком» хозяев – компартии – отчитываться».

Во время второй встречи архиепископу пришлось пережить то, что митрополит Сергей испытывал ежеминутно.

«Раздается стук в дверь, – писал архиепископ Пантелеймон. – Входит инок, на вид инок, а кто он в действительности? – знает один Господь.

Владыка, автомобиль ожидает вас, – промолвил инок и удалился.

Ах да, пойдём осматривать наши храмы московские, – сказал мне митрополит Сергей и, подойдя вплотную ко мне, продолжал тихонько на ухо: – Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... куда нас завезут, сам не знаю».

Московская Патриархия размещалась в то время в небольшом двухэтажном доме в Бауманском переулке. Здесь находилась канцелярия местоблюстителя, здесь же он и жил. Но прислуживавшие старцу монахини опасались ночевать в этом доме. Аресты, как правило, происходили по ночам и нередко бывало, что заодно с человеком забирали и его случайных посетителей. Поэтому каждый вечер монахини уходили. И если бы архиерею стало плохо, то никто не смог бы вызвать «скорую помощь».

Лагеря были по-прежнему переполнены пострадавшими за Христа. Продолжались аресты священников и монахов, а также мирян, активно участвующих в жизни приходов, тех, кто ходатайствовал об открытии храмов, кто рассказывал другим о Боге.

Насколько сложным было положение пастыря, показывает жизнь священномученика Николая Беневоленского. В 1939 г. Вознесенский храм Сергиева Посада, где он был настоятелем, был назначен священник, известный своим сотрудничеством с НКВД. Чтобы обезопасить себя, отец Николай перешел вторым священником в Ильинский храм, сообщив настоятелю этого храма о причине перехода. Отец Николай не знал, что настоятель Ильинского храма тоже являлся осведомителем спецслужб. 11 января 1940 г. протоиерей Николай Беневоленский был арестован на основании доносов и получил 5 лет лагерей. 16 мая 1941 г. священномученик умер в лагерной больнице.

Уровень арестов в 1939–1941 гг. был ниже, чем в годы Большого террора. Это объясняется тем, что после кровавых 1930-х гг. архиереев и священников на свободе находилось очень мало, привлекать к столь массовым, как прежде, антицерковным репрессиям было попросту некого.

В 1939–1941 гг. закончился срок заключения и ссылки у некоторых иерархов. На свободу вышли, например, архиепископ Сергей (Гришин), ставший викарием Московской епархии с титулом «Можайский», архиепископ Иоанн (Соколов), живший у родственников на даче, епископ Иосиф (Чернов), поселившийся в Таганроге и служивший тайно.

таким

В состоянии Церковь встретила следующую фазу Второй мировой войны.

§ 2. Церковная жизнь на территориях, оккупированных Германией

За восемь лет до трагедии 1941 г. живший в Болгарии святитель Серафим (Соболев) сказал: «Страшно гневается Господь на Россию! Никогда еще не было в мире такого гнева Божия, как теперь над Россией». О том, что агрессивное безбожие не останется без наказания, говорили и многие новомученики. Предчувствие глобальной катастрофы в 1930-е гг. было сильно и на родине, и в эмиграции. В конце 1930-х гг. в эмигрантской прессе публиковались высказывания святых о грядущих судьбах России. В частности, в харбинской газете «Хлеб небесный» были опубликованы слова преподобного Нектария Оптинского, сказанные в 1918 г., что России отпущено 22 года на покаяние.

Действительно, 1941 г. стал для отечества роковым. 22 июня германские войска атаковали границы Советского Союза. Этот день, совпавший с праздником всех русских святых, стал началом Великой Отечественной войны, стоившей Советскому Союзу 27 млн человеческих жизней. Хотя германская пропаганда говорила об этой войне как об антибольшевистской, на самом деле планы Гитлера носили откровенно антирусский характер и не предусматривали сохранения единой России. Успех сопутствовал Гитлеру до конца осени 1941 г. В это время Германией и ее союзниками были оккупированы северо-западные районы России, Прибалтика, Белоруссия, Украина. Немецкие войска взяли Смоленск, Калугу, Тверь (тогда Калинин), западные районы Московской области и готовились к штурму самой столицы.

Из Москвы спешно эвакуировались наркоматы и ведомства, правительство переехало в Самару (тогда Куйбышев), Советское информбюро, начинавшее передачи словами «Говорит Москва», вещало из Екатеринбурга (в то время Свердловск). Был готов покинуть столицу и Сталин.

Однако конец 1941 – начало 1942 г. были для Германии неудачными. Немецкая группировка потерпела поражение под Москвой и начала отступление. От нацистов были освобождены обширные территории к западу от Москвы.

Ситуация вновь изменилась летом 1942 г. Германская армия развернула наступление на юге, заняв Северный Кавказ. После поражения гитлеровцев на Волге (начало 1943 г.) и на Курской дуге (лето 1943 г.) победа Советского Сою за была предрешена.

В течение 1943–44 гг. советские территории были освобождены почти полностью, Красная армия вела наступление уже в Восточной Европе. В конце апреля 1945 г. был взят Берлин, и 8 мая 1945 г. Германия капитулировала. Летом 1945 г. Советский Союз вел боевые действия против Японии. В сентябре 1945 г. Вторая мировая война закончилась полным поражением Германии и ее союзников.

В годы войны Германия постаралась максимально использовать на захваченных территориях как национальный, так и религиозный фактор. Заигрывание с Церковью началось с первых недель германской оккупации.

По подсчетам М.В.Шкаровского, всего на оккупированных территориях было открыто около 9,5 тысяч православных храмов и десятки монастырей. При этом германская власть крайне редко инициировала возвращение верующим оскверненных церквей, которые в большинстве случаев открывались самим народом. Замученные коммунистическим безбожием люди попросту сбивали замки с церковных дверей, находили священников – и богослужения возобновлялись. Оккупационная администрация возрождению церковной жизни не препятствовала. Но это было лишь тактическим ходом.

Гитлер прекрасно понимал, что сохранение на захваченных территориях единой Православной Церкви повлечет за собой и национальное объединение славянских народов. Поэтому параллельно с открытием церквей и монастырей германское руководство делало все возможное, чтобы православие было максимально разделенным.

«Каждая деревня, – говорил Гитлер, – должна быть превращена в независимую секту, поклоняющуюся Богу на своей манер. Если некоторые деревни в результате этого пожелают практиковать черную магию, на манер негров или индейцев, мы не должны ничего предпринимать, чтобы воспрепятствовать им. ... Наша политика на широких русских пространствах должна со стоять в поощрении любой и каждой формы распри и раскола». По мнению В. Алексеева, а также некоторых других исследователей, Гитлер в случае победы планировал развернуть наступление на православие.

В июле 1941 г. шеф полиции безопасности Р.Гейдрих предписывал помогать распространению религиозных сект и препятствовать образованию на оккупированных территориях единой Православной Церкви. 16 августа, основываясь на директивах Гитлера, Гейдрих подписал оперативный приказ о недопустимости поддержки православия и воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви. Наоборот, максимальное раздробление православных поощрялось. Таковую же

политику проводили рейхсминистр восточных территорий А.Розенберг, предписывавший, чтобы на занятых Германией территориях любое религиозное сообщество ограничивалось только пределами одной области.

По этой причине на оккупированные территории не допускалась Русская Зарубежная Церковь, выступавшая за единую Россию и отстаивавшая монархический принцип ее будущего устройства. Подтверждением равнодушия немецкого командования к религиозным вопросам является факт, что в русских школах не возобновлялось преподавание Закона Божия, а церковные праздники так и не стали выходными днями. Соответствующим было отношение к Церкви.

Епископ Митрофан (Зноско-Боровский) вспоминал, что поначалу надеялся на благородство Германии и как-то сказал группе немецких военнослужащих, что русский народ ждет освобождения от марксистских пут.

«—Мы знаем, зачем мы идем в Россию, — высокомерно отозвался генерал, — знаем и как со скотом обращаться».

«Часто группами, — вспоминал епископ Митрофан, — заходили военные в храм во время богослужений. И как заходили — в фуражках и с папиросами в зубах! Приходилось мне прерывать Литургию и с крестом в руках выходить к ним с просьбой снять фуражки, прекратить курение или же выйти из храма. Был случай — в ответ на мое замечание куривший офицер схватился за револьвер и... вышел из храма со словами — «русская свинья'''».

Оскорблениями дело не ограничивалось. Гитлеровская практика казнить десятки мирных жителей за каждого убитого партизана немца приводила к уничтожению целых сел и деревень. Случалось, что людей сгоняли в церковь и заживо сжигали. В целом количество жертв оккупационного режима было огромным и превысило 14 млн человек.

Оккупанты сразу же начали подчинять себе церковные структуры. Были случаи, когда гестапо прямо принуждало священнослужителей к сотрудничеству.

На оккупированных территориях действовали разные церковные юрисдикции. Юго-западные районы Украины и Молдавия находились в ведении Румынской Церкви. Восстановление церковной жизни здесь взяли на себя сначала архимандрит Юлий (Скрибан), затем митрополит Виссарион (Пуя). Однако православное строительство и просвещение шли параллельно с румынизацией населения.

В Карелии храмы находились в подчинении Финляндской Церкви, которая являлась автономной по отношению к Вселенскому Престолу.

Часть прибалтийских приходов во главе с митрополитом Рижским Августинном (Петерсоном) и митрополитом Таллинским Александром (Паулусом) после прихода немцев перешла в подчинение Константинопольской Патриархии. В основном в их ведении оказались эстонские и латышские православные приходы.

При этом на оккупированной территории допускалось существование приходов Московской Патриархии. Прибалтийский экзарх митрополит Сергей (Воскресенский) не стал покидать Ригу вместе с отступавшими советскими войсками. Оказавшись недоступным для советских карательных органов, митрополит Сергей тут же начал обличительную антикоммунистическую проповедь. Иерарх призывал и к совместной борьбе русского и германского народов против коммунизма. Антибольшевистский политический курс митрополита Сергея не мешал ему оставаться в подчинении Московской Патриархии. Экзарх продолжал поминать патриаршего местоблюстителя, а священникам, служившим на территории Ленинградской епархии, разрешал молиться за митрополита Алексия (Симанского). Такое поминовение было прекращено только после того, как с советского самолета были сброшены листовки, подписанные митрополитом Алексием и призывавшие к борьбе с Германией.

Гитлеровцы терпели митрополита Сергея (Воскресенского), во-первых, из-за его антисоветской позиции, во-вторых, ради разобщения населения по юрисдикционному принципу. Сам митрополит Сергей сумел убедить гитлеровцев, что его подчинение Москве для Германии выгоднее подчинению Вселенскому Патриарху. «Не таких обманывали, – говорил митрополит в узком кругу. – А этих колбасников обмануть нетрудно».

Об антисоветских заявлениях и проповедях экзарха было хорошо известно в Москве. 22 сентября 1942 г. Московская Патриархия запретила митрополита Сергея (Воскресенского) в священнослужении.

Выступая против коммунистического режима, митрополит Сергей (Воскресенский) развернул активную деятельность по возрождению православия на оккупированных территориях. Иерарх основал Псковскую миссию, которая занималась просвещением северо-западных российских регионов. Руководителем миссии стал протоиерей Кирилл Зайц. В составе миссии было около 160 священников, 25 диаконов и 150 псаломщиков, которые обеспечивались всем необходимым. Миссии принадлежало около 200 приходов. Помимо возобновления православной жизни в городах и селах Северо-Западной России члены миссии окормляли советских военнопленных, занимались устройством приютов для сирот. Так, во Пскове был устроен детский приют при храме святого Димитрия

Солунского. Миссия издавала газету, вела передачи по радио.

Один из членов миссии, протопресвитер Алексей Ионов, писал: «Что немцы – зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям «жизненного пространства» нашей родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и по крови – вот что наполняло наши сердца».

В 1943 г. митрополит Сергей (Воскресенский) признал избрание патриарха Сергия (Страгородского), но относительно советского руководства позиции не изменил, настаивая, что «новый курс» коммунистического государства всего лишь тактический ход. «Сталин не Савл и Павлом не станет», – говорил митрополит Сергей (Воскресенский).

29 апреля 1944 г. машина митрополита Сергия была обстреляна на дороге между Вильнюсом и Ригой. Экзарх и его спутники погибли. Преступление так и осталось нераскрытым.

Возрождались церковная жизнь и в Белоруссии, где православие перед войной было полностью уничтожено. Одним из миссионеров, восстанавливавших веру среди белорусов, был священномученик Серафим (Шахмуть). Архимандрит Серафим был насельником Жировицкого монастыря и блестящим проповедником.

Пастырю была поручена организация приходской жизни в оккупированной Белоруссии. Вместе со священником Григорием Кударенко он ездил по селениям, совершая богослужения и осматривая церкви на предмет возобновления в них служб. Благодаря трудам архимандрита Серафима в Белоруссии было открыто 74 храма. Отец Серафим не только просвещал народ, но и собирал сведения о преследованиях со стороны коммунистов в довоенные годы.

К сожалению, Белоруссия не осталась в стороне от попыток гитлеровского командования расколоть Церковь. Сепаратистские настроения насаждались здесь намеренно, для чего сюда специально завозили белорусских шовинистов-эмигрантов. Независимая Белорусская Церковь также должна была играть в этом процессе свою роль. Новую структуру согласился возглавить митрополит Пантелеймон (Рожновский). Иерарху были поставлены условия – Белорусская Церковь должна именоваться «автокефальной», ее епископат должен утверждаться немецким командованием, проповедь и делопроизводство должны вестись на белорусском языке. Митрополит Пантелеймон, осознававший неканоничность этой авантюры, добился важной оговорки – об автокефалии речь может идти лишь после того, как Церковь будет

организована. На практике это означало, что автокефалию можно будет откладывать сколь угодно долго. В июне 1942 г. митрополит Пантелеймон был отстранен и отправлен в ссылку в Благовещенский монастырь в д.Ляды, а затем в Вилейку. В отсутствие архипастыря 30 августа 1942 г. был проведен «Всебелорусский Собор» с участием клира и мирян. Из пяти белорусских архиереев в «Соборе» участвовало трое – архиепископ Филофей (Нарко), епископы Афанасий (Мартос) и Стефан (Севбо). Старшие по хиротонии иерархи, митрополит Пантелеймон и архиепископ Венедикт (Бобковский), властями на это мероприятие допущены не были. Под давлением оккупационной администрации здесь был принят статут «Белорусской Автокефальной Церкви», однако дальше этого дело не продвинулось. Созданное Германией белорусское правительство во главе с Р.К.Островским пыталось воздействовать на иерархов, но безуспешно. После возвращения из ссылки митрополита Пантелеймона 12 мая 1944 г. был проведен новый Собор. Помимо митрополита Пантелеймона в Соборе приняли участие архиепископы Венедикт и Филофей, епископы Афанасий, Стефан, Павел (Мелентьев), Григорий (Боришкевич) и Иоанн (Лавриненко). Белорусская автокефалия не была признана.

Наиболее сложной была ситуация на Украине. 18 августа 1941 г. украинские иерархи архиепископ Алексей (Громадский), епископы Антоний (Марценко), Симон (Ивановский), Пантелеймон (Рудык) и Вениамин (Новицкий) на совещании в Почаевской лавре объявили об автономии Украинской Церкви на основании решения Поместного Собора 1917–1918 гг. Иерархи указывали, что экзарх Украины митрополит Николай (Ярушевич) за две недели до нападения немецких войск покинул Украину. Архипастыри заявили, что объявляют не автокефалию, а временную автономию до Поместного Собора. Очень важно, что Украинская Церковь считала себя автономной по отношению к московской церковной власти, то есть признавала ее. Вплоть до Собора Украинская автономная Церковь должна была сохранять подчинение патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию. 25 ноября 1941 г. украинские архиереи объявили экзархом Украины архиепископа Алексея (Громадского).

На территории Украины возникла еще одна структура – «Украинская автокефальная церковь», образованная архиепископом Александром (Иноземцевым) и епископом Поликарпом (Сикорским). Духовное повреждение последнего выразилось, например, в его демонстративном отказе совершать на службах каждение перед Казанской иконой Божией Матери как «кацапской». Осенью 1941 г. эти иерархи обратились к главе

Польской Церкви митрополиту Дионисию (Валединскому) с просьбой возглавить Украинскую Церковь. Сам митрополит прибыть на Украину не смог и назначил епископа Поликарпа своим администратором на Украине. Одним из активных деятелей новой структуры стал «епископ» Мстислав (Скрыпник), в 1942 г. добившийся включения в состав «Автокефальной церкви» главы лубенского раскола лжемитрополита Феофила (Булдовского). «Это страшный человек, – отзывался Бундовский о Скрыпнике, – Это бандит в епископском клобуке. Он из тех, что могут убить, удавить человека, если он станет ему препятствием».

Однако автокефальная структура пользовалась популярностью только в некоторых районах Западной Украины, к тому же вскоре утратила всякое доверие со стороны других Поместных Церквей. Причиной стало то, что автокефалисты начали вводить у себя женатый епископат, а в довершение ко всему стали принимать в свой состав самосвятов-липковцев. Над «священниками» этой структуры даже не совершалось рукоположение. Тем самым структура Поликарпа (Сикорского) фактически низвела себя на уровень самосвятской секты.

В феврале 1942 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей в своем послании заявил о неканоничности группировки Поликарпа (Сикорского), таинства которой объявлялись безблагодатными.

В октябре 1942 г. автокефалисты попытались соединиться с Украинской автономной Церковью и митрополит Алексей (Громадский) даже подписал в Почаеве соответствующий акт. Однако незаконно не суждено было свершиться. С одной стороны, категорически против объединения с раскольниками выступил клир Украинской автономной Церкви, с другой стороны, отрицательно отреагировала на почаевский акт немецкая оккупационная администрация, стремившаяся к максимальному разобщению населения. Митрополит Алексей заявил, что подписанный им документ имел лишь предварительный характер и от дальнейших шагов в сторону единства отказался.

7 мая 1943 г. митрополит Алексей был убит украинскими партизанами. По мнению С.В.Шумило, за убийством стояли немецкие спецслужбы, планировавшие благодаря этому убийству, во-первых, расколоть Украинскую Автономную Церковь, а во-вторых, вызвать озлобление местного населения в отношении партизан. 6 мая на Соборе в Ковеле главой Украинской автономной Церкви был избран архиепископ Дамаскин (Малюта). Однако оккупационные власти не позволили провозгласить его предстоятелем этой Церкви, ограничив его права и позволив ему именоваться только «старшим епископом».

Хранили единство с митрополитом Сергием (Страгородским) многие приходы на Нижнем Дону и на Северном Кавказе. Протоиерей Стефан Ляшевский вспоминал, что патриаршего местоблюстителя на этих территориях поминало большинство священнослужителей за исключением случаев, когда такое поминовение прямо пресекалось оккупантами. Пастырь писал, что рукополагавший его епископ Иосиф (Чернов), не поминавший под нажимом немцев патриаршего местоблюстителя, выдал отцу Стефану удостоверение, где была указана его подчиненность Московской Патриархии.

§ 3. Московский Патриархат в 1941 –1945 гг.

Русская Церковь в 1941–1943 гг.

В первый день Великой Отечественной войны патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) составил послание к пастырям и пасомым. «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, – говорилось в послании. – Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении». В храмах было установлено читать молитву о победе нашего воинства.

Осенью 1941 г. в момент крупных неудач Красной армии религиозным лидерам было предписано оставить столицу. 7 октября 1941 г. Московский городской Совет распорядился эвакуировать руководство Русской Церкви в Оренбург (тогда Чкалов), однако Патриархии удалось добиться разрешения переехать в Симбирск (Ульяновск). Вместе с митрополитом Сергием Москву покинула группа священнослужителей, в том числе митрополит Николай (Ярушевич), 15 июля, получивший титул митрополита Киевского, а также архиепископы Сергий (Гришин), Иоанн (Соколов), управляющий делами Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий и др. Духовенство сопровождал обслуживающий персонал и личный врач митрополита Сергия. Выехало из Москвы и обновленческое руководство.

По прибытии в Симбирск духовенство первое время проживало в вагоне, не имея возможности найти квартиру. Еще хуже была ситуация с городскими храмами – родина Ульянова-Ленина рассматривалась коммунистами как образцовый советский город, в котором религии не место. Часть храмов к тому времени успели сровнять с землей, оставшиеся были поруганы и для богослужения совершенно не годились.

Через некоторое время обновленцы наш ли себе закрытый деревянный храм в честь иконы «Неопалимая Купина». Московской Патриархии горсовет передал здание бывшего католического костела. Помещение было переоборудовано под православный храм, который был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери. На два года этот храм стал средоточием церковной жизни Московского Патриархата и патриаршим собором.

Келейник митрополита Сергия архимандрит (впоследствии митрополит) Иоанн (Разумов) вспоминал, как проходил день патриаршего местоблюстителя в эти годы.

Митрополит Сергей вставал в 5 часов утра, вычитывал положенное иноческое правило, молился за богослужением. В 9 часов утра архипастырь завтракал, затем до обеда принимал посетителей. В 15 часов следовал обед и короткий отдых, затем митрополит изучал почту, лично отвечая на каждое письмо, и приступал к чтению газет. Затем следовало вечернее правило. Об ужине митрополит часто забывал. Ночью он вставал в 3 часа и вычитывал 12 избранных псалмов с поклонами. Если иерарх не служил сам, то каждый день вычитывал и утреннее, и вечернее богослужение по Октоиху и Минеям. Митрополит Сергей установил для себя и еще одно правило – каждый день читать Библию на еврейском, греческом и церковнославянском языках.

Местоблюститель неоднократно обращался с патриотическими посланиями к пастве, а 30 декабря 1942 г. объявил о начале сбора средств на танковую колонну имени Димитрия Донского. Патриархия сразу же внесла 100 тыс. рублей, Богоявленский Елоховский собор – 300 тыс. рублей, настоятель собора Н.Колчицкий – 100 тыс. В течение 2 месяцев было собрано 6 млн рублей.

Страх за ушедших на войну сыновей, мужей и отцов, тяготы, голод и опасности военного времени пробудили веру и привели к покаянию миллионы людей. Оставшиеся незакрытыми храмы были переполнены молящимися. Особенно страшным было положение в северной столице, находившейся в блокадном кольце и подвергавшейся постоянным обстрелам. Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) жил при Никольском соборе и служил каждое воскресенье при большом стечении народа. В зимнее время в храмах была минусовая температура, а у замерзавшего и умиравшего от голода хора едва хватало сил для исполнения песнопений.

В Красноярске трудился на благо отечества епископ Лука (Войно-Ясенецкий) – хирург с мировым именем. Архипастырь стал главным хирургом Красноярского эвакуационного госпиталя и при этом продолжал служить. Осенью 1942 г. митрополит Сергей поставил святителя на Красноярскую кафедру.

Не иссякала и святость. В тверском селе Владычня служил преподобный Сергей (Сребрянский) (память 5 апреля). До революции этот подвижник (тогда еще отец Митрофан) был военным священником, участвовал в Русско-японской войне, опубликовал дневник, не потерявший своей актуальности до сих пор. Пастырь стал духовником сестер Марфо-Мариинской обители. Преподобномученица Елисавета Феодоровна писала о нем государю: «Он оказывает мне огромную помощь и подает пример

своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей Церкви». После революции отец Митрофан и его супруга были пострижены в монашество патриархом Тихоном. Преподобному Сергию довелось пройти через аресты и лагеря, а перед войной он поселился в селе Владычня. После взятия немцами Твери ожидался большой бой во Владычне, однако на село не упала ни одна бомба, а сражение произошло в другом месте. Местные жители видели прямую связь между молитвами преподобного и спасением своего села.

Современником архимандрита Сергия был преподобный Серафим (Муравьев) (память 3 апреля), живший в поселке Вырица под Петербургом. С середины 1930-х гг. преподобный целыми днями молился на камне возле своего дома, а в годы войны усилил свои молитвы. После захвата Вырицы оккупантами в поселке стояла румынская воинская часть. Православные румыны почитали старца, несмотря на его слова о победе русского оружия. Немецкий офицер однажды спросил иеросхимонаха Серафима, когда немцы будут маршировать по Дворцовой площади Петербурга. Ответ был кратким: «Никогда!»

После освобождения Вырицы преподобный Серафим продолжал принимать посетителей, которым помогал молитвой и духовным советом.

В некоторых местах православные христиане проводили тайные моления и крестные ходы (легальные крестные ходы власти никогда бы не допустили). Известно, что жители города Боровичи, спрятав под одежду иконы, в том числе и образ почитаемого в городе праведного Иакова Боровичского, обходили город, тайно читая молитвы. То, что город не был взят немцами и не пострадал от обстрелов и бомбардировок, жители приписывали милости Божией и заступничеству праведного Иакова.

Если для простого народа война стала поводом для покаяния, то государственное руководство поражения первого периода войны почти не вразумили. НКВД продолжало арестовывать тех, кто осмеливался в присутствии других говорить о Боге, ходатайствовать об открытии храмов. Продолжался и поиск среди верующих всевозможных «шпионов» и «вредителей».

Через три дня после начала войны, 25 июня 1941 г. была арестована игуменья Тамара (Сатси) (память 1 мая). До 1930 г. она была настоятельницей Чебоксарского Владимирского монастыря, а после разгрома обители жила у своей бывшей помощницы. 65-летнюю игуменью обвинили в шпионаже и уже 31 июля приговорили к 10 годам концлагеря.

Из заключения преподобномученица Тамара так и не вернулась – 1 мая 1942 г. она умерла.

22–23 июня были арестованы мученики Димитрий Волков и Никита Сухарев (память 3 марта и 4 июля), добивавшиеся открытия храма в Орехово-Зуеве, 17 сентября был арестован иерей Иоанн Заседателев из Николаевска (память 29 октября), вся вина которого была в совершении треб по просьбам верующих. Все эти страдальцы приняли смерть в лагерях уже в 1942 г.

Большой утратой для Церкви стала гибель священномученика Сергия Мечёва (память 6 января). Сын великого московского праведника протоиерея Алексия Мечёва, отец Сергей и сам был известен в Москве как пастырь и духовник.

Преподобный Нектарий Оптинский говорил о нем духовной дочери: «Ты знала отца Алексея? Его знала вся Москва, а отца Сергия пока знает только пол-Москвы. Но он будет больше отца».

Отец Сергей не принял «Декларацию» митрополита Сергия, до 1937 г. находился в лагерях и ссылках. После освобождения иерей Сергей работал фельдшером в поликлинике, тайно совершал богослужения и окормлял свою общину. «Христианство не учение, а жизнь», – любил повторять отец Сергей и жил в соответствии с этим принципом.

После того как община была раскрыта НКВД, пастырю советовали уехать в Среднюю Азию, но он не хотел оставлять своих духовных детей и скитался без прописки. Летом 1941 г. священномученик Сергей проживал в деревне близ Романова-Борисоглебска (Тутаева). Здесь его навещали духовные чада.

Местные жители приняли их за немецких шпионов и выдали НКВД. 7 июля 1941 г. отец Сергей был арестован и помещен в ярославскую тюрьму. После четырех месяцев допросов, на которых он вел себя очень мужественно, в ночь на 6 января 1942 г. священномученик был расстрелян.

В начале 1942 г. Красная армия освободила от гитлеровцев ряд близких к Москве областей (нынешние Тверская, Смоленская, Калужская, Тульская обл.). Храмы, открытые здесь при гитлеровцах, были снова закрыты. Советские партизаны помимо уничтожения нацистов и их пособников вплоть до середины 1943 г. убивали и священников, служивших на оккупированных территориях.

Однако война все же заставила государство ослабить атеистическую пропаганду – противопоставлять верующих государству в кризисный для него момент было нецелесообразно. Основная пропагандистская мощь работала теперь на победу, все кадры и средства были брошены на это

направление. С началом Великой Отечественной войны прекратилось издание газеты «Безбожник», само «Общество воинствующих безбожников» хотя и не было упразднено, но постепенно свернуло свою работу.

Понемногу советское руководство стало осознавать, что Церковь может быть использована и для консолидации народа, и для пропаганды советского строя. Уже в 1942г. Московская Патриархия была привлечена к изданию книги «Правда о религии в России», где отрицались гонения со стороны коммунистов, зато в качестве гонителей веры выставлялись германские оккупанты. Выпущенная большим тиражом книга была снабжена фотографиями разрушенных храмов, находившихся на оккупированных территориях. Митрополит Сергей издал и ряд антигитлеровских посланий. «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику», – говорилось в пасхальном послании митрополита в 1942 г.

В том же 1942 г. начались и некоторые послабления, и декларативные жесты в отношении Церкви. В ноябре 1942 г. митрополит Николай (Ярушевич) был назначен членом комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний. Было разрешено поставить на кафедры нескольких архиереев. Некоторые из них вернулись из ссылки и заключения, – например, епископы Иоанн (Братолюбов), Стефан (Проценко), Александр (Толстопятов), Алексей (Палицын). Митрополит Сергей постригал в монашество и рукополагал во епископы вдовых священников. Среди них были епископы Григорий (Чуков), Варфоломей (Городцов), Димитрий (Градусов), Елевферий (Воронцов) и др.

Были единичные случаи открытия храмов местными властями. В начале марта 1943 г. в Красноярске первый секретарь обкома ВКП(б) разрешил открытие церкви на окраине города. Храм стал кафедральным собором, а ссыльный святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был назначен Московской Патриархией архиепископом Красноярским. Поданным М.В.Шкаровского, кое-где храмы открывались народом стихийно, без согласования с властями. Государство предпочло временно не озлоблять людей закрытием церквей – в годы тяжелой войны народные волнения на религиозной почве были не нужны. Еще одной причиной, по которой власть не препятствовала точечному возвращению храмов, были практические соображения: верующий народ был готов жертвовать средства на военные нужды, и в качестве центров для сбора средств храмы вполне подходили.

В середине 1943 г. государство столкнулось еще с одной проблемой.

На освобожденных от гитлеровцев территориях юга России оказалось множество действующих храмов. Часть церквей советской администрацией была закрыта, однако восстановить былой идеологический контроль над этими территориями было непросто. А впереди было освобождение Волыни и Галичины с сильными религиозными и национальными традициями. Очередной приход туда коммунистического режима с его атеизмом и закрытием храмов мог привести к серьезному сопротивлению местного населения. Проще было поставить пробудившуюся церковную жизнь этих районов под контроль церковного органа.

Вплотную разрабатывать возможность дальнейшего использования Церкви советское руководство начало в 1943 г. Летом этого года НКГБ вело переговоры с митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами Московской Патриархии протоиереем Н.Колчицким. В конце августа 1943 г. в Москву было разрешено вернуться митрополиту Сергию (Страгородскому). Тогда же в столицу был вызван и митрополит Алексий (Симанский). Все было готово к одному из важнейших в жизни Церкви событий военного периода – встречи Сталина с тремя митрополитами.

Церковная жизнь при патриархе Сергии

Сентябрь 1943 г. вошел в историю как начало нового курса советского руководства в отношении Церкви. Ее уничтожение было приостановлено, на смену прежней идеологии пришла политика временного сотрудничества с ней. Причины изменения курса были следующие:

Понимание советским руководством, что Германия войну уже проиграла. Неслучайно сентябрьская встреча Сталина с митрополитами состоялась не в тяжелые для страны годы (1941–1942), а после победы на Курской дуге, когда стало понятно, что Красная армия вскоре вступит в Европу. Привлечь симпатии европейцев коммунистическими безбожными лозунгами было невозможно. Необходимо было создать видимость, что советская власть не преследует Церковь, которая имеет своего патриарха, монастыри и семинарии.

Требования со стороны США и Великобритании прекратить антирелигиозную политику. Помощь западных союзников (в том числе открытие второго фронта в Европе) Советскому Союзу была необходима. То, что созванный «большевистскими темпами» Архиерейский Собор был проведен в сентябре 1943 г., также не является случайным – приближалась Тегеранская конференция, и Сталин хотел до ее начала показать, что Церковь в СССР свободна и процветает.

В ходе дальнейшего раздела сфер влияния Советский Союз планировал получить под свой контроль Балканы и Ближний Восток. Страны этих регионов либо православные, либо с большим процентом православного населения. Русская Церковь могла быть использована в укреплении здесь советского влияния.

К.Е. Ворошилов, курировавший церковные вопросы со стороны ЦК Коммунистической партии, говорил о Русской Церкви: «Она наш козырь в Прибалтике, Восточной Европе, за границей вообще».

После уничтожения правой церковной оппозиции Сталину было выгодно иметь безгласную Православную Церковь, внешне благоденствующую и лишенную мученического ореола.

4 сентября 1943 г. в Московскую Патриархию позвонил начальник 4-го отдела III управления НКВД по борьбе с церковносектантской контрреволюцией полковник Г.Г.Карпов, пригласивший высших иерархов на встречу с советским руководством. Встреча состоялась в тот же вечер. С архиереями беседовали И.В.Сталин, В.М.Молотов и Г.Г.Карпов.

Согласно протоколу, который вел Карпов, Сталин отметил

положительное значение патриотической деятельности Церкви и спросил, нет ли у иерархов нерешенных вопросов. Митрополит Сергей ответил, что главной проблемой является нерешенность вопроса о центральном церковном руководстве – у Церкви даже нет Синода. Митрополит Сергей попросил разрешения созвать Архиерейский Собор для избрания патриарха и образования Священного Синода. На вопрос о титуловании будущего патриарха митрополит Сергей ответил, что вопрос о титуле уже обсуждался и правильным было бы называть Святейшего Патриархом Московским и всея Руси, хотя титул патриарха Тихона был «всея России». На вопрос о сроках созыва Собора митрополит Сергей ответил, что для его подготовки нужен месяц.

«А можно ли проявить большевистские темпы?» – спросил Сталин.

Было решено, что архиереям будет предоставлен транспорт, а сам Собор в таком случае можно созвать уже через три – четыре дня. Также руководство разрешило открыть несколько духовных школ и издавать «Журнал Московской Патриархии».

Разговор с диктатором требовал большой деликатности и осторожности. Серьезнейшей проблемой было то, что тысячи пострадавших за веру по-прежнему находились в лагерях. Но когда митрополит Сергей сказал о нехватке священнослужителей и необходимости их подготовки, то услышал вопрос: «А почему у вас нет кадров?». «Кадров у нас нет по разным причинам, – нашелся местоблюститель. – Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза».

Удачный ответ митрополита, его намек на семинарское прошлое генерального секретаря – все это понравилось Сталину, разговор принял более непринужденные формы. Митрополитам удалось сказать об острой нехватке храмов и даже попросить об амнистии некоторых священнослужителей.

На том же совещании был рассмотрен вопрос о материальной помощи Московской Патриархии, которой был передан трехэтажный особняк немецкого посла в Чистом переулке.

Под конец встречи Сталин «обрадовал» архипастырей еще одной новостью: для связи Церкви с правительством будет создан Совет по делам Русской Православной Церкви под руководством Карпова. Сообщение встревожило архиереев – председатель создаваемого Совета был известен как жестокий гонитель Церкви. Но возражать никто не решился.

Новая политика властей в отношении Церкви дала себя знать уже в 1943 г. Как и указывал Сталин, «большевистскими темпами» был созван

Архиерейский Собор. Иерархов, участвовавших в Соборе, в спешном порядке свозили в Москву, используя даже военные самолеты. 8 сентября 1943 г. в новом здании Патриархии в Чистом переулке состоялся Собор 19 архиереев – всех, кто занимал кафедры на неоккупированных территориях.

Главным деянием Собора стало избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси – другие кандидатуры на этот пост не рассматривались. Также был избран Священный Синод из трех постоянных и трех временных членов. Еще одним деянием стало подписание декларации об осуждении коллаборационистов, согласившихся на сотрудничество с оккупантами и учинивших расколы. Собор выразил благодарность советскому правительству, призвав Божие благословение на его труды, а также издал «Обращение ко всем христианам мира».

Через четыре дня, 12 сентября, в Богоявленском кафедральном соборе состоялась интронизация Святейшего Патриарха Сергия. Об избрании и интронизации Святейший сообщил Патриарху Константинопольскому Вениамину, Патриарху Александрийскому Христофору, Патриарху Антиохийскому Александру и Патриарху Иерусалимскому Тимофею, направив им известительные грамоты. Вскоре были получены ответные поздравительные телеграммы от Восточных Церквей. Поздравили патриарха Сербский Синод во главе с митрополитом Иосифом и глава Грузинской Церкви Католикос-Патриарх Каллистрат. Последнее поздравление давало надежду на восстановление общения с Грузинской Церковью.

Патриарх Сергей постарался облегчить участь некоторых арестованных священнослужителей, попросив Карпова ходатайствовать перед правительством об амнистии. «Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание, – писал Патриарх. – Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны правительства милость побудит их (и даст возможность) приложить все свое старание, чтобы показать свою лояльность правительству СССР и без следа заглазить прошлую вину».

В список, прилагавшийся к прошению, было включено 26 имен, в том числе имена 24 архиереев.

Глава Русской Церкви не знал, что почти все перечисленные в списке уже были расстреляны или погибли в лагерях. Единственным из списка, остававшимся к тому времени в живых, был архиепископ Николай (Могилевский). Святитель находился в ссылке в Казахстане, где тяжело

заболел. От смерти иерарха спасло чудо. Умиравшего владыку спас один незнакомый татарин, который отвез святителя в больницу. Когда позднее архипастырь встретился с этим человеком и спросил, почему он решил ему помочь, то услышал ответ: «Когда я ехал по своим делам, Бог сказал мне: «Возьми этого старика, его нужно спасти»».

Архиепископ Николай был досрочно освобожден из ссылки лишь в мае 1945г., уже при патриархе Алексии I, однако так и остался в Казахстане. Святитель Николай был назначен на Алма-Атинскую кафедру, которую возглавлял до своей смерти в 1955 г. (память 25 октября).

В течение 1943–1944 гг. патриарх Сергей заботился о максимальном замещении архиерейских кафедр по всей стране, рукополагая новых иерархов. Среди важных кадровых решений того времени было перемещение митрополита Николая (Ярушевича) с Киевской кафедры на Крутицкую.

12 сентября 1943 г. после долгого перерыва вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии». Всего в том году вышло четыре номера журнала, а со следующего выходило по 12 номеров в год.

Началась нормализация отношений с Грузинской Церковью, общение с которой было разорвано в 1917 г. В октябре 1943 г. патриарх Сергей направил в Тбилиси архиепископа Ставропольского Антония (Романовского). Переговоры прошли успешно, Церкви восстановили общение, хотя канонической оценки событиям 1917 г. так и не было дано.

Наиболее актуальным был вопрос об открытии храмов и молитвенных домов. 28 ноября 1943 г. вышло постановление Совнаркома о порядке передачи церквей. Порядок был намеренно усложнен. Местные власти могли отклонять просьбы верующих об открытии прихода и передачи здания храма. Положительного решения принимать местное руководство не могло – в данном случае разрешение давал только Совет по делам РПЦ. Таким образом, открытие новых приходов, возвращение храмов и молитвенных домов строго дозировалось. Тем не менее понемногу число приходов Московского Патриархата стало увеличиваться.

В годы войны фактически прекратил свое существование обновленческий раскол. Его формальный глава «митрополит» Виталий (Введенский) в 1941 г. ушел в бессрочный отпуск. Идеолог обновленческого раскола Александр Введенский, только теперь официально возглавивший его, пытался реанимировать разрушающуюся структуру и даже возвел себя в сан «патриарха». Само это поставление было своеобразным – Введенского трижды посадили на антиминс, который лежал на обеденном столе. Однако не получив признания в новом

качестве ни от Поместных Церквей, ни от своих подчиненных, Введенский от своего «патриаршества» вскоре отказался.

Почувствовав новые веяния, обновленцы стали переходить в Русскую Церковь уже в 1943 г. Патриарх Сергей признал правильным принимать из обновленчества в сущем сане тех, кто получил хиротонию до 1923 г. (то есть до запрещения, наложенного патриархом Тихоном на раскольников), а также не вступивших в брак после рукоположения. В качестве епископа был принят, например, Михаил (Постников). После принесения покаяния он был назначен патриархом Сергием на Архангельскую кафедру. Лица, получившие «священный сан» после 1923 г., принимались в том сане, в каком они находились до раскола. Однако это не означало завершения их карьеры – нередко обновленческие «иерархи», имевшие давние связи с чекистами, посвящались в архиерейский сан заново. Так, Московской Патриархией не было признано «архиерейство» Сергия (Ларина). Он был присоединен простым монахом в декабре 1943 г., но менее чем за год заново прошел все степени посвящения и в августе 1944 г. был рукоположен во епископа Кировоградского. Женатый обновленческий «архиерей» Василий Кожин был принят в сане протоиерея в феврале 1945 г., но уже через год после развода с женой и пострижения в монашество с именем Гермоген был рукоположен во епископа в Русской Церкви.

Некоторые обновленческие «иерархи» принимались как священники и служили Церкви в этом сане, – например, «архиепископ» Андрей Расторгуев был присоединен в 1943 г. в сане протоиерея и назначен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. «Митрополит» Тихон Попов в 1944 г. также был принят как протоиерей и назначен ректором и профессором Московского богословского института, а затем ректором Московской духовной академии.

В 1944 г. в Московский Патриархат перешел и «митрополит» Виталий (Введенский). Получивший архиерейскую хиротонию еще до начала обновленческого раскола, он был принят в сане архиепископа и назначен на Тульскую кафедру.

Патриарх Сергей умер 15 мая 1944 г. Накануне он совершил последнюю в своей жизни литургию и архиерейскую хиротонию – во епископа Можайского был рукоположен архимандрит Макарий (Даев). Вечером того же дня Святейший обсуждал с протопресвитером Николаем Колчицким вопросы к предстоящему заседанию Синода. На следующий день патриарх проснулся в 6 часов утра. Когда в 6 часов 50 минут к нему зашел келейник архимандрит Иоанн (Разумов), он застал иерарха мертвым. Причиной смерти стал инсульт.

Патриарх Сергей был погребен в кафедральном Богоявленском соборе в Елохове.

Церковная жизнь в 1944–1945 гг.

Согласно завещанию Святейшего Патриарха, местоблюстителем назначался митрополит Алексей (Симанский). 15 мая 1944 г. Священный Синод принял к исполнению патриаршее завещание.

На плечи митрополита Алексея легла обязанность дальнейшего восстановления церковной жизни. Продолжались архиерейские хиротонии, за время местоблюстительства митрополита Алексея с мая 1944 по февраль 1945 г. их было 10. Также шел своим ходом и процесс открытия новых приходов. По-прежнему переходили в Московский Патриархат обновленческие общины.

14 июня 1944 г. в Московском Новодевичьем монастыре торжественно открылись Богословский институт и Богословско-пастырские курсы.

В 1944 г. советские территории были освобождены от гитлеровцев почти полностью. Возвращалась коммунистическая власть. Часть храмов (например, Петропавловский собор в Минске) была закрыта. Тяжелым было положение в Молдавии, жители которой во время войны были приравнены в правах к гражданам Румынии. Волна закрытия храмов и монастырей пришла и сюда. Однако в большинстве открытых при немцах церквей богослужения все же продолжались.

Спецслужбы разбирали дела духовенства, служившего на оккупированных территориях. Обвинить можно было очень многих.

В Белоруссии были арестованы архимандрит Серафим (Шахмуть) и его помощник иерей Григорий Кударенко. Пастырей обвинили в пособничестве оккупантам и приговорили к заключению. Священномученик Серафим умер в лагере в 1946 г. (память 6 сентября). Священник Григорий Кударенко, отбыв лагерный срок, вернулся в Жировицкий монастырь. Там он принял монашество с именем Игнатий, был возведен в сан архимандрита и отошел ко Господу в 1984 г. Было арестовано и осуждено на лагерные сроки около половины состава Псковской миссии. Миссионерам инкриминировали работу на немецкие спецслужбы. Правда впоследствии, в 1956 г., многие члены миссии были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

Беда не обошла стороной и епископа Иосифа (Чернова), служившего в Таганроге. Хотя с гитлеровцами иерарх не сотрудничал, ареста он опасался. Епископ обратился за советом к почитаемой в Таганроге старице Марии (Величко), которая уезжать ему не советовала.

«Да что вы, матушка, они же убьют меня», – сказал архипастырь.

«Ну что ж, будешь мучеником», – ответила она.

Епископ Иосиф стал возражать и получил ответ: «По дороге нагонят».

Архипастырь действительно покинул Таганрог и впоследствии был арестован. Его обвинили в том, что он по заданию немецких карательных органов предоставлял им сведения о состоянии открытых церквей и о личном составе духовенства, а также руководил епархией «в интересах немцев». Иерарх был приговорен к 10 годам лагерей.

Репрессии обрушились и на архипастырей Украинской автономной Церкви. В 1944 г. был арестован епископ Полтавский и Лубненский Вениамин (Новицкий), отправленный в колымские лагеря, где он пробыл до 1956 г. Глава Украинской автономной Церкви архиепископ Дамаскин (Малюта) также был отправлен в лагерь, откуда уже не вернулся. Епископ Белгородский и Грайворонский Панкратий (Гладков) был арестован и умер в тюремной больнице Киева. Архиепископу Черниговскому Симону (Ивановскому) помимо служения при оккупантах поставили в вину и участие в Белом движении. В 1944 г. он получил 10 лет лагерей.

Подверглись аресту и некоторые пастыри, служившие в эмиграции. После взятия Праги советскими войсками в 1945 г. был арестован главный священник «Российского общевойскаского союза» архимандрит Исаакий (Виноградов). Пастырь был приговорен к 10 годам лагерей, однако спустя год после усиленных ходатайств патриарха Алексия I и епископа Пражского Сергия (Королева) лагерный срок был заменен архимандриту ссылкой.

Вместе с тем велась и подготовка к созыву Поместного Собора. Если в 1943 г. можно было созвать только Собор архиереев, то теперь появилась возможность созыва большого Собора с участием представителей епархий – клириков и мирян. 21 – 23 ноября 1944 г. этот вопрос обсуждался на Архиерейском совещании в Чистом переулке. В совещании участвовало 50 архиереев. Была утверждена процедура голосования. Каждый архиерей, начиная с самого младшего по хиротонии, должен отвечать на вопрос, кого он с клиром и мирянам и избирает Патриархом. Ответ должен звучать так: «Патриархом Московским и всея Руси мы избираем преосвященнейшего (титул, епархия, имя)». После такого опроса председатель Собора должен назвать имя патриарха.

Против такого порядка выступил архиепископ Тамбовский Лука (Войно-Ясенецкий), призвавший в соответствии с решением Поместного Собора 1917–1918 гг., избирать патриарха жребием из трех кандидатов. Такое предложение было отклонено, тем более что его не допустила бы и

государственная власть.

Еще одним отличием грядущего Собора был его состав. Выборы священников и мирян проводить не предполагалось, делегаты избирались правящими архиереями и сопровождали их на Собор. Для придания Собору высокого статуса было решено пригласить на него всех Восточных Патриархов и Патриарха Грузинского.

Заседания Поместного Собора открылись 31 января 1945г. в храме Воскресения в Сокольниках. В деяниях Собора приняли участие 46 архиереев, 87 клириков и 38 мирян. Присутствовали главы и представители Поместных Церквей: Патриарх Александрийский Христофор, Патриарх Антиохийский Александр III, Патриарх Грузинский Каллистрат, представитель Патриарха Константинопольского митрополит Фиатирский Герман, представитель Патриарха Иерусалимского митрополит Севастийский Афинагор. Присутствовали также делегации Сербской и Румынской Церквей. Советское правительство было представлено председателем Совета по делам РПЦ Г.Г.Карповым. Некоторые архипастыри прибыть на Собор не смогли. Например, выразивший несогласие с порядком избрания патриарха святитель Лука (Войно-Ясенецкий) неожиданно заболел и в Москву не приехал.

Собор открылся после торжественного молебна приветственным словом митрополита Алексия (Симанского), назвавшего главные цели Собора – избрание патриарха и утверждение «Положения об управлении Русской Православной Церкви».

Новое «Положение», обсуждавшееся на Соборе, заметно отличалось от определений, данных Собором 1917–1918 гг. Церковь теперь именовалась не Российской, а Русской, полномочия патриарха были серьезно расширены. При этом высшей властью в Церкви по-прежнему оставался Поместный Собор, хотя сроки его созыва не оговаривались.

Второе заседание было посвящено избранию патриарха. Как и предполагалось, архиереи, начиная с младшего по хиротонии называли имя того, кого бы они хотели видеть главой Русской Церкви. Единодушие было полным – все высказались за митрополита Алексия (Симанского). Когда очередь дошла до него самого, митрополит Николай (Ярушевич) сказал: «Ввиду единодушия, проявленного всеми преосвященными при избрании Патриарха Московского и всея Руси, разрешите, преосвященные собратья, нам освободить от личного голосования патриаршего местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия». По окончании голосования Собор возгласил «Аксиос» и гимн «Тебе Бога хвалим».

4 февраля прошла интронизация Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Богоявленском кафедральном соборе.

10 апреля состоялась встреча патриарха, митрополита Николая (Ярушевича) и протопресвитера Н.Колчицкого со Сталиным. Обсуждались вопросы патриотической и международной деятельности Русской Церкви, а также ее вклад в укрепление мирового влияния коммунистического государства.

Взамен Сталин обещал разрешить открытие новых духовных школ, а также расширить и укрепить издательскую деятельность Русской Церкви. Встреча, по-видимому, очень вдохновила патриарха Алексия, который во время посещения Болгарии в мае 1946 г. даже называл Сталина своим «большим приятелем».

Весной 1945 г. по мере освобождения Восточной Европы от нацизма в состав Московского Патриархата возвращались архиереи и клирики Русской Зарубежной Церкви. Укреплялись отношения и с Поместными Церквями, особенно в странах, оказавшихся в зоне советского влияния. Победа над Германией, а затем и над Японией дала возможность церковному руководству заняться делом соединения с русской церковной диаспорой во всем мире. Представители Московского Патриархата посещали Соединенные Штаты Америки, Европу и Китай с целью примирить клириков, находившихся в других юрисдикциях.

**Глава 12. Русская Церковь в последние годы
сталинского правления и в период
государственного междувластия (1945–1958
гг.)**

§ 1. Русская Церковь в 1945–1948 гг.

Уступки, сделанные советской администрацией Русской Православной Церкви, отчасти совпадали и с новой идеологией государства. Для первых послереволюционных лет с их идеей мировой революции была характерна дискредитация дореволюционного прошлого, где с положительной стороны выставлялись в основном бунтовщики или террористы, в то время как цари, князья, полководцы, писатели, меценаты были для большевиков прежде всего «эксплуататорами». Постепенно советское руководство стало осознавать, что для грядущих войн нужны другие идеи, вследствие чего уже во второй половине 1930-х гг. начала разыгрываться патриотическая карта. Идеология стала приспосабливаться к русской истории, было разрешено дозированно использовать в пропаганде ретушированные образы некоторых исторических деятелей. Им посвящались художественные фильмы и книги, их имена стало возможным употреблять в статьях и публичных выступлениях. В обиход возвращались и отдельные внешние элементы дореволюционного декора – в 1943 г. были введены погоны, мундиры для чиновников железнодорожного и юридического ведомств. Появилась школьная форма, было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Ожидать за всем этим возвращения к исторической России было наивно. Пролетарский интернационализм был всего лишь заменен «советским патриотизмом». Церкви в новой идеологии было позволено присутствовать как временному элементу. Это место было весьма незначительным, хотя положение Церкви по сравнению с довоенным периодом стало относительно приемлемым.

В первые послевоенные годы коммунистическое государство предпринимало немало усилий и для увеличения внешнего влияния Русской Православной Церкви, и для упрочения ее внутреннего положения. Государству стало проще иметь дело с единой Церковью, в то время как расколы и разделения создавали теперь режиму ненужные проблемы.

В 1945–1946 гг. окончательно сошел со сцены обновленческий раскол. Летом 1945 г. «митрополит-благовестник» Александр Введенский вел переговоры с протопресвитером Николаем Колчицким. Введенского, как трижды женатого, не могли принять не только архиереем, но и диаконом. Поначалу допускалась возможность, что самый скандальный персонаж обновленческого раскола может быть принят мирянином с

предоставлением ему должности профессора богословского института, однако в результате ему была предложена лишь должность сотрудника издательства Московской Патриархии. Введенского такая перспектива не устроила – он предпочел остаться в расколе в качестве «Первоиерарха». В послевоенные годы число обновленческих храмов было ничтожно и исчислялось единицами. Оставшиеся в глубинке обновленческие священники, с войны не имевшие связи со своим центром, переходили в Православную Церковь. Фактически единственным обновленческим храмом оставалась Свято-Пименовская церковь в Москве. Здесь и служил «Первоиерарх» Введенский.

«Лицо Пименовского прихода того времени, – вспоминал Левитин-Краснов, – это лицо умирающего, слабо тлеющего, догорающего обновленческого раскола. Я вспоминаю об этих последних днях обновленчества как о каком-то кошмаре. Кошмарное впечатление производил даже самый внешний вид храма: долгие годы не ремонтировавшийся, с осыпавшейся штукатуркой, с потускневшей живописью, храм носил на себе печать «мерзости запустения». ... Еще более кошмарное впечатление производил причт Пименовского храма».

В июле 1946 г. Введенский умер от инсульта. Отпевание проходило в Пименовской церкви, возглавлял службу «митрополит Крутицкий» Филарет (Яценко). Раскольники уже не скрывали стремления поскорее закончить обновленческую авантюру и открыто поминали на службах патриарха Алексия I. В октябре 1946 г. Совет по делам РПЦ предписал оставшемуся в Пименовском храме обновленческому духовенству передать здание Московской Патриархии. Принесший Церкви столько зла обновленческий раскол прекратил существование.

Еще одним важным событием стало преодоление униатства в Западной Украине. Униатство установилось здесь после Брест-Литовской унии 1596г. Мощная греко-католическая община в Галиции в годы войны управлялась митрополитом Андреем Шептицким, поначалу воспевавшим оккупантов, а затем приветствовавшим Красную армию. Готовый на широкие компромиссы митрополит претендовал на роль лидера униатов и при коммунистической власти. Однако смерть Шептицкого в 1944 г. изменила ситуацию – советское руководство решило упразднить греко-католичество.

После своего избрания патриарх Алексей I обратился с посланием к «Пастырям и верующим греко-католической Церкви, проживающим в западных областях Украинской ССР». Святейший выразил радость по поводу включения этих территорий в состав СССР, но с сожалением

отметил, что жители этих земель до сих пор оторваны от Матери-Церкви. «Молим вас, братья... .. порвать ваши связи с Ватиканом, который ведет вас во тьму и духовное падение своими ересями», – говорилось в послании.

В мае 1945 г. во Львове образовалась инициативная группа по воссоединению униатов с Православной Церковью. Группу возглавил протоиерей Гавриил Костельник – богослов, историк и философ, искренне разочаровавшийся в догмах Римско-Католической Церкви.

В феврале 1946 г. в Киеве были воссоединены с Православной Церковью протоиерей Г.Костельник и еще 12 священников. Двое из них, Михаил Мельник и Антоний Пельвецкий, были пострижены в монашество и рукоположены во епископов. Сам о.Гавриил Костельник, будучи противником униатства, не был и сторонником радикальных мер, предлагаемых советской администрацией и выступал за постепенное решение проблемы. Глава инициативной группы понимал, что искренних приверженцев православия среди греко-католического духовенства немного. В.И.Петрушко приводит отрывок из письма протоиерея Костельника: «Только очень небольшой процент между нашими священниками, присоединившимися к «Инициативной группе», сделал это по убеждению. Таких священников нет, вероятно, и 50. Другие сделали это потому, что «нет иного выхода» из образовавшегося положения. Это, конечно, не означает, что все эти священники являются на 100% папистами (приверженцами папы). Но если бы не было нажима со стороны государства, то наверняка в нынешних условиях даже 50 священников не нашлось бы таких, какие хотели бы «разрушить» греко-католическую церковь, чтобы преобразовать ее в православную».

Однако в случае отказа возглавить воссоединительное движение, а также привлечь на свою сторону униатское духовенство о.Гавриилу грозил арест. Коммунистическое государство не вникало в догматические и канонические тонкости противостояния между православием и католичеством, а стремилось решить вопрос как можно скорее, не брезгуя и силовыми методами. Советское руководство взяло курс на полную ликвидацию униатства, что таило в себе огромную опасность прежде всего для православия. Хотя часть униатов действительно была готова вернуться в Церковь, немалое количество жителей Западной Украины не желало разрывать связи с Римом. Более того, для определенной части населения униатство было связано и с национальной идентичностью. В любом случае для успешного присоединения греко-католиков нужна была длительная и серьезная просветительская работа. Советская администрация о таковой не

задумывалась – униатам предлагали либо переходить в православие, либо испытать на себе действие сталинской карательной машины. Греко-католические священники, не желавшие присоединиться к православию, снимались с регистрации, а в случае упорства репрессировались. Высылка в Сибирь и на север в тех обстоятельствах была не самым страшным наказанием. Были арестованы и приговорены к различным срокам заключения все греко-католические епископы, находившиеся на территории Украины и Польши, в том числе и преемник Шептицкого митрополит Иосиф Слипый. Как правило, осужденным инкриминировалось пособничество немецким оккупантам.

8 марта 1946 г. во Львове под председательством протоиерея Г.Костельника состоялся Собор униатского духовенства и мирян, целью которого было присоединение к Православной Церкви. В Соборе участвовали епископы Михаил (Мельник) и Антоний (Пельвецкий), более 200 священников, а также почетные гости – архиереи Русской Православной Церкви. Уже на второй день заседаний 204 униатских священника принесли покаяние, были присоединены к Православной Церкви и приняли участие в Божественной литургии. Было также направлено послание к Греко-Католической Церкви с призывом присоединиться к православию.

В апреле 1946 г. делегация участников Львовского Собора была принята в Москве. Глава делегации протоиерей Г.Костельник был удостоен звания протопресвитера.

Вслед за униатством в Галичине пришла очередь греко-католичества в Закарпатье. Местный униатский епископ Теодор Ромжа был ликвидирован в ходе спецоперации, санкцию на которую дал лично Сталин. Под давлением властей униатство прекратило свое существование и здесь.

У Православной Церкви, находящейся под жестким контролем атеистического государства, заниматься просвещением и изданием антикатолической литературы возможности не было – миссионерская деятельность Церкви государством категорически запрещалась. Московская Патриархия могла противопоставить униатству лишь журнал «Епархиальный вестник» (с 1948 г. «Православный вестник») и проповедь в храмах.

В октябре 1949 г. Карпов доложил Сталину о полной ликвидации униатства на Украине. Однако греко-католичество было преодолено только внешне, а репрессивные меры советских спецслужб лишь озлобили население. Свою ненависть к православию местные националисты выместили на протопресвитере Гаврииле Костельнике. 20 сентября 1948 г.

после литургии пастырь был убит неподалеку от Преображенского собора во Львове.

В Галиции возникло множество тайных униатских приходов и на протяжении последующих лет спецслужбы постоянно выявляли такие общины. Но это проблемы не решало. На ряде приходов, казавшихся православными, священники продолжали негласно почитать Папу Римского. Униатство стало для местного населения символом сопротивления коммунистическому режиму. При этом вину за силовое упразднение своей конфессии многие жители Западной Украины возлагали не только на коммунистическое государство, но и на Русскую Церковь, которая на самом деле была даже большей жертвой, чем униатская структура.

В конце 1980-х гг. накапливавшаяся десятилетиями озлобленность вылилась наружу – во Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской епархиях множество храмов было захвачено униатами, получившими возможность открыто исповедовать свою веру.

Послевоенный период был отмечен постепенным примирением с правой церковной оппозицией. Один из немногих оставшихся в живых «непоминающих» святитель Афанасий (Сахаров) признал законность избрания патриарха Алексия I и призвал своих духовных чад к примирению с московским священноначалием. Правда, от заключения это епископа Афанасия не освободило – ему еще предстояли долгие годы тюрем и лагерей. Среди других подвижников правой оппозиции, признавших патриарха Алексия, был и преподобный Александр (Уродов) (память 27 августа) – исповедник, прошедший лагеря и почитавшийся как чудотворец и при жизни, и после смерти. В 1946 г. был принят в ведение Московского Патриархата один из немногих выживших деятелей иосифлянского движения протоиерей Василий Верюжский. Пастырь начал служить в северной столице, а с 1951 г. стал профессором духовной академии.

Немало общин «непоминающих» осталось вне единства с московским священноначалием. Таких тайных общин было больше всего в Сибири, Казахстане, Тамбовской и Воронежской областях. Территория Московской Патриархии в середине 1940-х гг. увеличилась за счет передачи Чехословакией Карпатской Руси в состав Украины. Находившаяся здесь православная Мукачевская епархия ранее подчинялась Сербской Православной Церкви. В 1945 г. последняя передала эту епархию Русской Церкви.

Для осуществления международных связей Русской Церкви,

управления зарубежными приходами Московской Патриархии в апреле 1946 г. был образован Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС). Первым главой отдела стал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич).

В первые послевоенные годы продолжалось и духовническое служение. До самой смерти, последовавшей в 1949 г., принимал посетителей преподобный Серафим Вырицкий. Будучи прикованным к постели, иеросхимонах Серафим общался с духовными чадами посредством записок, но при малейшем улучшении самочувствия вновь продолжал принимать страждущих. Продолжал свое служение преподобный Сергей (Сребрянский). За советом и молитвой к нему ехали отовсюду. Сам архимандрит Сергей не считал свою прозорливость следствием святости. «Это действует благодать священства, – говорил он, – она и только она. А то считают, что я что-то знаю, что я прозорливый! А это – просто благодать священства».

Огоньки православия мерцали по всей стране – еще были живы ученики оптинских и глинских старцев, духовные чада праведных пастырей: Иоанна Кронштадтского, Алексия Мечёва, Ионы Атаманского, Валентина Амфитеатрова. В годы войны и в послевоенные годы москвичи, а также жители других районов страны посещали блаженную Матрону (Никонову) (память 2 мая) – слепую прозорливую старицу, жившую в Москве, а затем в подмосковном поселке Сходня. Каждый день блаженная принимала до 40 человек, а ночи проводила в молитве. Умершую в 1952 г. блаженную Матрону отпевал один из ее почитателей – московский протоиерей Николай Голубцов, оставшийся в памяти современников как замечательный духовник и проповедник. Еще один святой тех лет – преподобный Лаврентий (Проскура) (память 11 января), проживавший в Чернигове и отошедший ко Господу в 1950 г.

Огромной радостью для православных христиан стало возвращение Церкви мощей преподобного Сергия Радонежского, святителя Алексия Московского, мучеников Иоанна, Евстафия, Антония. При этом большая часть сохранившихся в годы безбожия мощей передана не была. Г.Карпов уже в 1946 г. официально объявил, что массового возвращения мощей не будет, а в 1947 г. сказал, что он лично против их передачи Церкви. Более того, Карпов даже поднял вопрос об уничтожении тех останков святых, относительно которых не было ходатайств со стороны верующих. В 1948 г. процесс передачи Церкви мощей остановился.

Для придания Московскому Патриархату большего веса было принято решение передать ему Троице-Сергиеву лавру. В свое время советское

руководство вынашивало планы превратить Сергиев Посад (тогда Загорск) в образцовый атеистический город. Здесь строились военные заводы, завозилось оторванное от своих корней население. В поруганной лавре находились предприятия и жилые помещения. Теперь из Троице-Сергиевой лавры было решено сделать своеобразную «витрину свободного православия». Для новой роли монастырь подходил – он располагался не в столице, но и не слишком далеко от нее, что позволяло без особых трудностей возить туда иностранные делегации.

Решение о передаче Церкви части Троице-Сергиевой лавры было принято в 1945 г. Но почти год в полуразрушенном монастыре проводить службы было невозможно. Только в 1946 г. на Пасху в Успенском соборе лавры состоялось первое за долгие годы богослужение. Наместником возрожденной обители был назначен архимандрит Гурий (Егоров), в 1946 г. поставленный епископом Ташкентским. Его преемником стал архимандрит Иоанн (Разумов), в прошлом келейник патриарха Сергия. В ноябре 1946 г. был приведен в должное состояние и заново освящен Троицкий собор. Осквернив и разрушив монастырь, государство теперь взвалило его реставрацию на Церковь. Чтобы расселить проживавших в лаврских помещениях горожан, Патриархия выделяла средства на строительство домов в Сергиевом Посаде. Расселение затянулось на долгие годы.

Троице-Сергиева лавра стала единственным монастырем, который был передан коммунистическим руководством Русской Православной Церкви. Попытки открыть другие обители заканчивались неудачно. Сам патриарх Алексей I рассчитывал на передачу Церкви еще и женского монастыря. Святейший хотел, чтобы в этой обители проживала крепкая община с опытной игуменией, надеялся получить от государства помещения Новодевичьего монастыря в Москве и разместить там русских монахинь из Лесненского монастыря в Югославии. Сестры монастыря во главе с игуменией Ниной (Косаковской) приняли советское гражданство и готовились к переезду на родину. Однако Совет по делам РПЦ в течение нескольких лет намеренно затягивал решение вопроса. Для монахинь такая неопределенность могла кончиться печально – в послевоенной Югославии, где установился диктаторский режим И.Броз-Тито, советским гражданам грозили репрессии. Опасаясь гонений, новая игумения Феодора (Львова) в 1949 г. приняла решение переехать с монастырем во Францию. Здесь монастырь перешел в ведение Русской Зарубежной Церкви.

Несмотря на стремление придать Русской Церкви высокий международный статус, советское руководство продолжало оставаться

атеистическим и передача храмов в 1943–1948 гг. шла с большим трудом. Препятствия к открытию каждого храма создавались на двух уровнях. На местном уровне разрешение на открытие храма часто зависело от личного отношения руководства к Православной Церкви. Как правило, отношение было отрицательным. Уполномоченные Совета по делам РПЦ, находящиеся в областных центрах, следили, чтобы религиозный подъем оставался умеренным. Но получение согласия со стороны местных властей не означало, что храм будет открыт – окончательное слово было за Советом по делам РПЦ.

Государством было удовлетворено лишь около 20 процентов ходатайств об открытии церквей, остальные ходатайства либо отклонялись, либо не рассматривались. Основанием для отказа могло быть то, что «поблизости» уже есть действующий храм. Однако «поблизости» могло означать и десятки километров бездорожья. Также была заметна тенденция открывать храмы не в больших городах и не в районных центрах, а в удаленных селах. Впоследствии такие храмы было намного легче закрыть, что подразумевалось изначально. Так, разрешив открыть несколько храмов в Вологодской области, Карпов приписал на полях документа для начальства: «Потом закроем». Открывая храмы по настойчивым просьбам верующих, советская администрация закрывала церкви там, где появлялась такая возможность. Распространенным поводом для этого было, например, то, что тот или иной храм был открыт при немцах.

Число церквей и молитвенных домов Русской Церкви к 1948 г. достигло 14447. Это был максимум по числу храмов после разгрома Церкви в 1930-е гг., однако данное количество было незначительным по сравнению с дореволюционным периодом, когда у Церкви было 54 923 храма и 23 593 часовни.

Всего советская администрация в 1943–1948 гг. разрешила открыть 1 297 церквей.

В целом увеличение количества приходов произошло за счет того, что:

Около 3,5 тысяч приходов оказалось на территории СССР после присоединения к нему Западных Украины и Белоруссии, а также Молдавии и Прибалтики в 1939–1940 гг.

Около 9,5 тысяч храмов было открыто на территориях, оккупированных Германией и ее союзниками.

Около 3 тысяч храмов было присоединено к Православной Церкви из униатства после войны.

При этом в годы войны советская администрация по мере освобождения оккупированных территорий закрыла часть приходов, открытых при немцах и их союзниках. По окончании войны процесс закрытия храмов на освобожденных территориях продолжился.

Такая же ситуация была с монастырями. В 1917 г. в Русской Церкви их было 1025, накануне Второй мировой войны на территории Советского Союза не было ни одного. В 1945 г. количество православных обителей достигло 104. Однако все эти монастыри за исключением Троице-Сергиевой лавры оказались в ведении Русской Церкви теми же путями, что и храмы, – они находились в западных регионах, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг., либо были открыты при оккупации. Закрывать монастыри советское руководство начало сразу после войны. Из 104 монастырей в 1948 г. осталось только 85.

При этом подавляющее большинство храмов и монастырей находилось в западных районах. Если в областях Западной Украины количество церквей исчислялось сотнями, то в некоторых областях Российской Федерации – единицами. В иных регионах церквей и молитвенных домов не было вообще.

Церковь по-прежнему была для государства враждебной организацией, которую можно терпеть лишь временно. Через год после войны это испытал на себе святитель-хирург Лука (Войно-Ясенецкий). В 1946 г. архиепископ был приглашен на медицинскую конференцию, однако ему было поставлено условие: выступать он должен в светском костюме. Архиепископ Лука от участия в мероприятии отказался. Лояльность архипастыря советской администрации, а также его заслуги перед страной святителю не помогли.

В годы войны и в послевоенные годы продолжалось и тайное служение. Как правило, это были пастыри, категорически отказывавшиеся от любых контактов с коммунистической властью.

В подмосковном поселке Томилино тайно служил святой исповедник священник Димитрий Крючков (память 9 сентября). Пастырь работал садовником в детском саду, продолжая окормлять духовных чад. Он регулярно бывал в Москве и области, на квартирах и дачах служил литургию, крестил, отпевал. В 1946 г. 72-летний пастырь был арестован. Доказательства против него были неоспоримые, но старец категорически отрицал любые обвинения и никого не выдал. На вопросы о целях приезда к нему посетителей пастырь отвечал: «за семенами для огорода», «за цветами». Такими же были ответы и на вопросы о поездках в Москву: «По хозяйственным делам», «отремонтировать примус», «за кустом

смородины» и т. д. Исповедник был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан, откуда уже не вернулся.

Большая тайная община была в Караганде. Духовное руководство здесь осуществлял постриженник Оптиной пустыни преподобноисповедник Севастиан (Фомин). Старец был арестован еще в 1933 г. «В заключении я был, – вспоминал преподобный, – а посты не нарушал. Если дадут какую-нибудь баланду с мясом, я это не ел, менял на лишнюю пайку хлеба». После освобождения он поселился в селе Большая Михайловка под Карагандой. Вскоре вокруг преподобного образовалась нелегальная православная община. Местные жители, в основном прошедшие лагерь, не выдавали своего духовного отца. Община смогла перейти на легальное положение лишь после смерти Сталина.

Враждебное отношение коммунистического государства проявлялось и в пресечении любых попыток православной проповеди. Планы некоторых пастырей устроить в епархиях миссионерские или антисектантские центры наткнулись на категорические запреты местных уполномоченных.

Не отказалось государство и от атеистической пропаганды.

В 1947 г. «Комсомольская правда» писала, что членство в комсомольской организации несовместимо с верой в Бога. На местах началось давление на Церковь. В Донецком регионе, например, уже в 1947 г. было запрещено приглашать священника на дом, в храмах был запрещен сбор средств на патриотические цели.

В 1947 г. был официально распущен «Союз воинствующих безбожников», фактически не действовавший в годы войны. Однако официальный роспуск этой организации означал не ее ликвидацию, а прямо противоположное – ее возрождение, правда, с менее скандальным названием. 29 апреля 1947 г. Сталин подписал постановление о создании «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» (с 1963 г. – общество «Знание»). Функции у этого общества были прежние, возрожденному обществу были переданы также имущество, фонды и оборудование «Союза воинствующих безбожников». Но главное, что сохранились кадры – основную часть специалистов «Всесоюзного общества» составляли бывшие сотрудники «Союза воинствующих безбожников».

На встрече с секретарем ЦК ВКП(б) М.А.Сусловым, долгие годы контролировавшим идеологическую работу, Сталин сказал, что нельзя забывать и об атеистической пропаганде, хотя в настоящее время этот вопрос не самый главный. Церковь в тот момент было решено

использовать для международной деятельности, но серьезно ограничить ее влияние на массы внутри страны.

§ 2. Московское совещание глав представителей Православных Церквей

Середина 1940-х гг. вошла в историю как начало «холодной войны» между советским блоком и Западом. Стороны конфликта делили сферы влияния в мире, в то время как Поместные Православные Церкви невольно оказались под контролем враждующих лагерей. На Константинополь делал ставку западный мир, а Московский Патриархат и Церкви Восточной Европы попали под влияние советской администрации. Для укрепления своего положения в мире в Кремле вынашивались идеи превращения Москвы в мировой центр православия и создания в советской столице Всеправославного Синода. Массовость и торжественность Поместного Собора 1945 г., симпатии к Москве со стороны Восточных Церквей дали советскому руководству основания считать, что Московская Патриархия действительно может сыграть такую роль.

Первоначально не исключался вариант созыва в Москве Вселенского Собора, затем статус будущего мероприятия был снижен до уровня Всеправославного Собора. Планировалось обсудить такие вопросы, как сближение с монофизитскими Церквями – Армяно-григорианской и Сирояковитской, осуждение римо-католического прозелитизма и экуменического движения, а также всеправославное осуждение Русской Зарубежной Церкви. Еще одной задачей будущего Собора было ограничение влияния Константинополя.

Однако от планов созыва Собора пришлось отказаться из-за несогласия восточных патриархов. После долгого обсуждения было решено провести в Москве Совещание глав и представителей Поместных Православных Церквей. Оно состоялось в августе 1948 г.

Православный Восток в большинстве своем холодно отнесся к московской инициативе. Константинопольская, Александрийская и Иерусалимская Церкви восприняли ее как посягательство на прерогативы Вселенского Патриарха и стремление присвоить его права. Архиепископ Кипрский Леонтий писал, что целью будущего Совещания является подчинение Москве Поместных Церквей. Ряд вопросов Предстоятели Поместных Церквей посчитали малозначимыми для всеправославного обсуждения, некоторые вопросы – излишне политизированными. Осуждение Зарубежной Церкви, например, рассматривалось как внутреннее дело Московского Патриархата. Патриарх Александрийский Христофор считал, что совещание должно быть проведено в другом месте,

например, в Иерусалиме. Но конечно, советское руководство на это бы не согласилось – для него было важно контролировать будущее мероприятие, что за пределами Советского Союза было затруднительно. Отказ Восточных Церквей участвовать в Совещании привел к тому, что оно не стало по-настоящему всеправославным – подавляющее большинство его участников представляли Церкви в странах социалистического лагеря.

В Совещании, проходившем с 8 по 18 июля 1948 г., приняли участие следующие главы Поместных Церквей: Патриарх Московский и всея Руси Алексий I, Грузинский Патриарх-Католикос Каллистрат, Сербский Патриарх Гавриил, Румынский Патриарх Юстиниан, экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан. Также в Совещании приняли участие представитель Антиохийского Патриарха митрополит Александр, представитель Албанской Церкви епископ Корчинский Паисий и представитель Польской Церкви архиепископ Белостокский Тимофей. Во множестве прибыли в Москву архиереи, священники и богословы. Среди выступавших на заседаниях были митрополит Пловдивский Кирилл, митрополит Сливенский Никодим, архиепископ Богучарский Серафим (Соболев), протоиерей Г.Разумовский и др.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся в Москве, был вопрос об экуменическом движении и об участии Православной Церкви во Всемирном совете церквей (ВСЦ).

Экуменическое движение зародилось в XIX в. в протестантской среде. Для протестантского менталитета разделение на множество соседствующих конфессий и сект считалось нормальным явлением. Прямым следствием этого стала убежденность в равной спасительности конфессий, что в скором времени потребовало и официального оформления в виде всевозможных съездов и объединений. Православная Церковь поначалу восприняла экуменическое движение как возможность познакомить инославных с истинной верой. Однако постепенно энтузиазм угас – православное свидетельство практически не давало результата, в то время как основной идеей экуменических собраний по-прежнему оставалось представление о равенстве всех конфессий.

Константинопольская Церковь согласилась участвовать в экуменическом движении, что было воспринято советским руководством как стремление к созданию «англо-американского церковного блока» против коммунизма. Поэтому в Кремле посчитали, что сближение с ВСЦ недопустимо. Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г.Карпов незадолго до Московского Совещания писал, что оно должно высказаться против экуменизма. Независимо от советского руководства резкую

антиэкуменическую позицию занимал и целый ряд архиереев и пастырей, прибывших на совещание, в том числе управляющий русскими приходами в Болгарии архиепископ Богучарский Серафим (Соболев).

Еще одной темой обсуждения стала разница в календарном стиле между Поместными Церквами. К 1948 г. на новоюлианский календарь перешел целый ряд Поместных Церквей – Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Румынская, Элладская, Кипрская, Албанская, Польская. По старому (юлианскому) календарю продолжали служить Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская и Болгарская Церкви. Также старого стиля придерживались монастыри Святой Горы Афон. Необходимо было вынести взвешенное решение и по этому вопросу.

Наконец, весьма важной представлялась проблема англиканской иерархии, чье апостольское преемство оспаривалось. Формально эта иерархия вела свое начало от римо-католического епископата, однако Англиканская Церковь не считала рукоположение таинством и относилась к нему скорее, как к традиции.

По обсуждению всех поставленных вопросов были приняты следующие решения.

Совещание признало несвоевременным вступление в ВСЦ.

Использование старого или нового календаря ставилось в зависимость от решения Поместной Церкви, однако обязательной для всех Церквей оставалась православная Александрийская пасхалия.

Не была признана и англиканская иерархия. Возможность признания была поставлена в зависимость от вероисповедного единства.

Среди решений совещания было и осуждение руководства Римской Церкви за насаждение унии и подрывные действия по отношению к православию.

Московское совещание стало первым после долгого перерыва совместным собранием представителей Поместных Церквей, внесшим свой вклад в совместную разработку важных для православного мира документов. Однако той роли, какую отводили совещанию в Кремле, оно не выполнило – значительная часть Поместных Церквей участия в нем не приняла. Повлиять на православие в мировом масштабе совещание так и не смогло – Константинополь считал, что созванное в обход Вселенского Престола мероприятие не может иметь глобального характера, к тому же Восточные Церкви знали о советском влиянии на Московский Патриархат и не были уверены в беспристрастности принятых решений. То, что Русская Церковь в тот момент не смогла занять ведущую позицию в мировом православии, представляется закономерным. В условиях

продолжающихся преследований со стороны коммунистического режима и почти поголовного истребления лучших священнослужителей и богословов, рассчитывать на мировое духовное лидерство было невозможно.

§ 3. Русская Церковь в 1948 –1953 гг.

Неудача Московского совещания стала лишь поводом для нового наступления на Церковь. Постепенно заживали военные раны, русский патриотизм становился все менее востребованным, а для насаждения советских идеалов Православная Церковь не годилась.

Под давлением государства 25 августа 1948 г. Священный Синод принял решение о запрете молебнов и крестных ходов вне храмов, а также духовных концертов вне богослужений. Было запрещено печатать в епархиях акафисты и архиерейские послания. В сентябре того же года Суслов подготовил постановление «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В документе подчеркивалось, что религия не отомрет сама собой и преодоление «религиозных предрассудков» является важной задачей коммунистической партии. Хотя в постановлении и говорилось, что партийные организации не должны вмешиваться во внутренние дела общин, в целом на местах политику партии поняли правильно. С 1949 г. храмы Русской Церкви больше не передавались, в то время как их закрытие стало повсеместным.

С 1949 по 1953 г. было закрыто 1055 храмов. Если на начало 1949 г. их было 14 477, то к 1954 г. их осталось 13 422. В некоторых случаях вместо отобранного храма прихожанам предлагали за свои деньги снять или купить другое помещение для молитвы.

Еще одним способом давления на Церковь стало значительное увеличение налогов, которыми облагали церкви и молитвенные дома. Следствием неуплаты могло оказаться закрытие храма. Реакцией на происходящее стал рост нелегальных приходов, возглавляемых заштатными священниками. Как правило, такие приходы были небольшими и состояли из проверенных людей, что позволяло общинам существовать довольно долго.

Стремительно сокращалось и число монастырей, если в 1948 г. их было 85, в 1953 г. осталось 60.

Возобновились и аресты духовенства. В 1948 г. получил 10 лет лагерей митрополит Нестор (Анисимов), в годы войны служивший в Маньчжурии и в 1945 г. перешедший из Русской Зарубежной Церкви в Московский Патриархат. Иерарху поставили в вину связи с японцами во время оккупации Маньчжурии.

В октябре 1948 г. Министерство госбезопасности и Генеральная прокуратура приняли директиву об аресте вернувшихся из заключения

священнослужителей, если они продолжают активную церковную деятельность. На практике это означало, что на местах началась слежка за всеми пастырями, поскольку избежавших тюрем или лагерей было совсем немного. Осведомители внимательно слушали проповеди и частные разговоры священников, следили за тем, насколько активно они восстанавливали храмы и занимались духовничеством.

В 1949 г. во время службы был арестован почитаемый народом архимандрит Гавриил (Игошкин), получивший 10 лет лагерей за «антисоветскую агитацию». Преподобноисповедник Леонтий (Стасевич) в 1950 г. получил 10 лет лагерей, священномученик Матфей Крицук был приговорен к 25 годам лагерей. Из заключения отец Матфей не вышел.

Был арестован и инспектор Московской духовной академии архимандрит Вениамин (Милов), строгий монах и ученый. Митрополит Питирим (Нечаев) вспоминал о нем: «Архимандрит Вениамин в прошлом настоятель Покровского монастыря, в молодости отличался очень суровым характером, но в наше время это был человек, проникнутый необычайной душевной теплотой при все еще несколько суровом внешнем облике». Незадолго до ареста, в 1948 г., он защитил магистерскую диссертацию (в те годы степень магистра была выше кандидатской). В ответ на поздравления архимандрит сказал, что предвидит новые испытания. Так и случилось.

Шестой раз подвергся аресту святой исповедник протоиерей Петр Чельцов. Пастыря арестовывали и во время изъятия ценностей, и в годы коллективизации, и даже в 1941 г. «за неуплату налогов». После освобождения в 1943 г. он служил в Ярославской области, где пользовался огромной любовью среди прихожан. Надев лапти, он ходил по деревням, причащал, соборовал, отчитывал бесноватых. Неимущим он нередко помогал деньгами. 18 июня 1949 г. протоиерей Петр был арестован по обвинению в антисоветской проповеди. Положение исповедника усугубило то, что при обыске у него нашли два портрета императора Николая II. Отец Петр был приговорен к 10 годам заключения. Его супругу после ареста выгнали из дома.

Интересным выглядит следственное дело преподобноисповедника Рафаила (Шейченко). Иеромонах Рафаил начинал свой монашеский путь послушником в Оптиной пустыни, впоследствии прошел через лагеря, с 1944 г. был настоятелем Благовещенской церкви в Козельске. Проповеди преподобного записывались осведомителями и нужным образом истолковывались. Вскоре компромат был готов: в 1949 г. отца Рафаила обвинили в антисоветской агитации. Основания для обвинений были

крайне натянутыми. Например, в своем слове в день мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии отец Рафаил ставил их в пример верности Христу: «Какое было мужество, какая вера, а сейчас у нас вера оскудела, нет такого мужества; мы сейчас от веры откажемся за кусок хлеба и литр масла». Эти слова были расценены следствием как религиозная пропаганда.

Была найдена «крамола» и в другой проповеди преподобного. В праздник в честь иконы «Троеручица» иеромонах Рафаил сказал, что ради служения Богу святой Иоанн Дамаскин оставил жизнь в роскошных дворцах, красоту которых мы сейчас и представить себе не можем. Эти невинные слова были интерпретированы следствием по-своему: преподобного Рафаила обвинили в том, что он дискредитирует советское строительство. В 1949 г. ученик оптинских старцев получил 10 лет лагерей.

В 1950 г. был арестован московский священник Иоанн Крестьянкин. Человек святой жизни, он совершенно не устраивал городские власти. Пастырь был обвинен в «монархической пропаганде». Поводом для обвинения стало то, что он на отпуске назвал Александра Невского благоверным князем. Отец Иоанн был приговорен к пяти годам заключения.

Соответствующей была и политика в Восточной Европе. Местные коммунистические правительства, выполняя пожелания Кремля, проводили политику удаления из руководства Поместных Церквей иерархов-русофилов. Так, агентом болгарских спецслужб был убит митрополит Борис (Разумов), которого называли «совестью Болгарской Церкви». Был уволен на покой и отправлен под домашний арест экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан (Шоков).

Самостоятельная деятельность русских архипастырей и пастырей в странах «народной демократии» также вызывала в Совете по делам РПЦ большое недовольство. Например, открытие архиепископом Серафимом (Соболевым) маленького девичьего монастыря в Софии (по благословению патриарха Алексия I), а также протесты святителя против назревавшей в Болгарии обновленческой смуты привели к тому, что Совет по делам РПЦ в конце 1949 г. рассматривал вопрос об увольнении этого иерарха. Блаженная кончина святителя Серафима 26 февраля 1950 г. помешала советским атеистам осуществить свои планы.

Патриарх Алексей I поначалу пытался изменить ситуацию, но безуспешно – Сталин встречаться с ним больше не желал.

Новая политика давала себя знать и на местах. Если в годы войны

работа священников на благо отечества приветствовалась и даже афишировалась советской пропагандой, то в конце 1940-х гг. похвалы в адрес Церкви стали недопустимыми. Следили и за уполномоченными. Тем, кто вовремя не ощутил новых веяний и продолжал поддерживать не только дружеские, но даже и просто уважительные отношения с местными епископами, грозили серьезными последствиями. «Сближением» уполномоченного с Церковью мог быть сочтен факт посещения архиерея или священника в день его именин или участие в праздничной трапезе. Такие уполномоченные со своих постов увольнялись – доброжелательных отношений своих чиновников с классовыми врагами государство не терпело.

На смену уволенным приходили новые кадры, послаблений в отношении Церкви не допускавшие.

§ 4. Русская Церковь в 1953 –1958 гг.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. закончилась целая эпоха в жизни страны. Самые страшные годы репрессий были позади, остановились политические процессы («мингрельское дело», «дело врачей» и др.), началась амнистия заключенных. Вместе с тем в политическом отношении середина 1950-х гг. была для страны периодом неопределенности. Если Сталин сидел на двух стульях – генерального секретаря ЦК компартии и председателя Совета министров СССР, то после смерти диктатора властные полномочия разделились. Партийная власть сосредоточилась в руках Н.С.Хрущева, в то время как правительство возглавляли сначала Г.М.Маленков, а с 1955 г. Н. А. Булганин. Вектор развития страны во многом зависел от того, какая из ветвей власти – партийная или государственная – станет доминирующей. Знаковым событием этого периода стал XX съезд Коммунистической партии в 1956 г., осудивший террористическую политику Сталина.

Сложившаяся в стране ситуация затронула и Церковь, положение которой несколько лет было неопределенным.

Увлеченные внутренней борьбой, советские руководители несколько ослабили контроль над процессом открытия храмов. В течение 1954–1955 гг. наблюдалось сокращение числа храмов до 13 376, а потом небольшой рост. В 1958 г. их количество увеличилось до 13 414. Однако общие отрицательные тенденции выражались в том, что количество монастырей продолжало понемногу снижаться. Если к моменту смерти Сталина Русской Церкви принадлежало 60 монашеских обителей, то в 1958 г. их было уже 56.

Непоследовательным был и идеологический курс.

По указанию Хрущева 7 июля 1954 г. было подготовлено постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». О прежней политике в постановлении говорилось как о «примиренческой» в отношении Церкви и не соответствующей ленинским установкам. Однако 10 ноября того же года было принято новое постановление ЦК – «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Этот документ фактически останавливал очередное наступление на Церковь. Однако и это постановление не отменяло атеистического вектора советской идеологии и сводило злоупотребления в отношении верующих лишь к «ошибкам на местах».

Среди радостных событий того времени была передача Церкви мощей святителя Никиты Новгородского, а также установление общения с Финляндской Церковью 7 мая 1957 г. В 1956 г. впервые за всю историю коммунистического государства Русской Церкви удалось издать Библию. Тираж издания составлял 50 тысяч экземпляров.

Разоблачение сталинских преступлений привело к массовым освобождениям репрессированных. Вместе с десятками тысяч невинно осужденных на свободу выходило и множество тех, кто отбывал срок за веру. Получили свободу митрополит Нестор (Анисимов), епископ Вениамин (Новицкий). Вернулся из ссылки архимандрит Вениамин (Милов), вскоре рукоположенный во епископа и назначенный на Саратовскую кафедру.

Вышел на свободу и преподобноисповедник иеромонах Рафаил (Шейченко). Старец продолжил служить в Козельске. Несмотря на подорванное здоровье, он старался совершать литургию как можно чаще и никогда не отказывал прихожанам в совершении треб. В 1957 г. отец Рафаил отошел ко Господу (память 19 июня).

Само освобождение нередко оказывалось делом хлопотным. Страдальцам, медленно умиравшим в лагерях, приходилось лишь уповать на Бога и усилия тех, кто оставался на свободе. Некоторые пастыри и миряне продолжали находиться в заключении еще долгие годы.

Святитель Афанасий (Сахаров) так и умер бы в заключении, если бы не помощь его духовного сына – исповедника Георгия (Егора Егоровича Седова) (память 16 декабря). Более 10 лет, начиная с 1944 г., исповедник пытался выволить святителя из неволи: писал ходатайства, консультировался с юристами. Святитель Афанасий, хотя и был признан инвалидом, свободу долго не получал и находился в инвалидном доме, режим которого мало отличался от лагерного. Только в 1955 г. находившийся на грани жизни и смерти епископ получил свободу. Егор Егорович перевез архипастыря к себе домой и несколько месяцев выхаживал его. Благодаря своему духовному сыну епископ Афанасий смог подняться на ноги и послужить Церкви. Он был назначен председателем Богослужебно-календарной комиссии при Издательском отделе Московской Патриархии.

Сам исповедник Георгий умер через пять лет после освобождения епископа Афанасия.

–Отпустите, отпустите меня, – говорил уже прикованный к постели Егор Егорович своим родным.

–Куда тебя отпустить? – спрашивала дочь.

–Домой, на тот свет, – говорил исповедник. – Мне здесь надоело, там лучше.

Несмотря на освобождение репрессированных за веру, реабилитировались далеко не все. Государственная администрация усилила контроль и над своими чиновниками, жестоко пресекая даже минимальные симпатии к Церкви с их стороны. Поскольку в инструкциях ЦК КПСС предписывалось исключать из партии и комсомола тех, кто участвует в религиозных обрядах, имеет в квартирах иконы и проч., на местах стали внимательно следить за «несознательными».

Показателен случай, когда в Сорочинске Оренбургской области три местных священника и 65 прихожан целый день бесплатно работали на просушке зерна на элеваторе. Работа была выполнена, и в конце рабочего дня председатель горсовета при всех поблагодарил настоятеля и пожал ему руку. За это председатель горсовета был уволен с занимаемой должности, а председателю райисполкома и начальнику районной милиции был объявлен строгий выговор как «потерявшим бдительность». В принципе такая картина наблюдалась повсюду.

Архимандрит Власий (Перегонцев) вспоминал, что в 1950-е гг. его, студента-медика, выдала невеста, сообщившая институтскому руководству, что ее избранник посещает церковь. Началась обычная для того времени травля. Будущий пастырь был вынужден уйти из института.

Уже в 1957 г. увеличилось число атеистических лекций. Если в 1956 г. их было прочитано 1 875, то в 1957 – 3 875. В печати стали появляться статьи отрекшихся от сана священников. Обеспокоенный возможностью новых гонений патриарх Алексей I попытался встретиться с Хрущевым, однако последний от встречи отказался. Побеседовать с православными иерархами согласился Булганин, заверивший своих посетителей, что о наступлении на религию не может быть и речи. Однако расклад политических сил сложился к тому времени не в пользу Церкви. Разгром «антипартийной группы» Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Булганина и др. в 1957 г. стал для Хрущева последней ступенью на пути к власти.

Глава 13. Русская Церковь в годы хрущевских гонений (1958–1964 гг.)

§ 1. Церковная политика советской администрации 1958–1964 гг.

В марте 1958 г. Н. С. Хрущев возглавил Совет министров в СССР, сохранив при этом должность первого секретаря ЦК Коммунистической партии.

После страшных лет ежовщины и бериевщины хрущевская политика выглядела относительно человечной. Частичная реабилитация жертв сталинских репрессий, определенная либерализация культурной жизни, выход из международной самоизоляции позволяли надеяться на серьезное обновление и даже перерождение советского строя. Название повести И.Г. Эренбурга «Оттепель», отразившей эти надежды, дало неофициальное название и всему этому периоду. Однако экономическая политика Хрущева явилась началом пути к очередной катастрофе. Хрущевское наступление на подсобные хозяйства стало продолжением сталинского раскулачивания и именуется порой «раскрестьяниванием». Крестьянин превращался в сельского пролетария, еще более оторванного от своих корней. Политика «укрупнения колхозов» привела к уничтожению малых сел и деревень. Исторический сельскохозяйственный центр России, разоренный войной, фактически лишился финансирования, направленного на освоение «целинных земель» в Казахстане. Результатом очередных экспериментов должно было стать всеобщее изобилие и построение утопического «коммунистического общества» уже к 1980 г.

Поскольку обязательным атрибутом этого общества должен был стать всеобщий атеизм, новый курс коммунистического государства подразумевал и очередное наступление на Церковь. Обещание Хрущева показать по телевизору «последнего попа» казалось молодому поколению выполнимым – сорокалетняя богоборческая политика уже дала свои ядовитые плоды. Не подвело нового государственного лидера и его идеологическое окружение – М.А.Суслов, Е.А.Фурцева, Л.Ф.Ильичев,

Л.Н.Поспелов. Подросли и новые воинствующие атеисты – комсомольские лидеры А.Н.Шелепин, В.Е.Семичастный, А.И.Аджубей, равнявшиеся в бой с религией. 1958–1964 гг. стали для Церкви периодом новых преследований.

Основная масса стойких исповедников была уничтожена еще в 1930–1940-е гг. Хрущевские атеисты имели дело уже с другими людьми. Посещение храма теперь не вело к обвинению в создании контрреволюционной организации, а наличие в доме икон не считалось

антисоветской пропагандой. Наказания за проявление церковности были по довоенным меркам достаточно мягкими – это грозило увольнением с работы, отчислением из института и т. д. Верующий человек становился объектом для издевательств, почти что изгоем в советском обществе. Православного христианина, прошедшего через ужасы сталинских лагерей, хрущевские методы напугать не могли, но для новых поколений это могло стать достаточным основанием отказаться если не от веры, то хотя бы от внешних ее проявлений. Среди людей среднего возраста и особенно молодежи храм посещали немногие.

Подготовка к новому наступлению на Церковь велась с конца 1940-х гг. Поэтому антирелигиозные постановления ЦК Коммунистической партии почти не буксовали на местах.

4 октября 1958 г. ЦК принял секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды"». Документ обязывал местное руководство приступить к борьбе с «религиозными пережитками». Менее чем через две недели, 16 октября, появились другие распоряжения, которые должны были стать началом конца Православной Церкви.

Первое из постановлений, «О монастырях в СССР», было направлено на сокращение числа монастырей и принадлежавших им земельных угодий. Совету министров союзных республик поручалось внести предложения по этому вопросу. Тем самым атеистическая власть рассчитывала сокрушить центры духовности, которыми и были монашеские обители.

Второе постановление, «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей», должно было подорвать финансовую базу Православной Церкви. В соответствии с постановлением налог на свечное производство патриархийных мастерских увеличился более чем в 70 раз. Вступившее в силу 1 октября постановление было сообщено Церкви лишь 28 октября. Это повлекло взыскание платы за уже проданные свечи. На грани разорения оказались не только храмы, но и целые епархии.

Многие церкви были вынуждены отказываться от больших хоров, что снизило торжественность служб. Начались трудности и с ремонтом храмов. В тяжелом положении оказались и приходы Московского Патриархата за рубежом – многие из них, особенно в инославных и в нехристианских странах, содержались за счет Патриархии.

Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г.Карпов был признан

неподходящим для своей должности и 21 февраля 1960 г. был уволен. Новым председателем Совета стал В.А.Куроедов.

16 марта 1961 г. по Церкви был нанесен еще один удар. Совет министров постановил, что решения о закрытии храмов могут приниматься на местном уровне. Так же поступили и с колокольным звоном. Централизованно он запрещен не был, но, согласно постановлению, местные власти сами могли принять такое решение, «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением». И «необходимость», и «поддержку» найти было очень просто. Теперь у местных властей были развязаны руки, а высшее коммунистическое руководство было избавлено от обвинений – оно всегда могло сказать, что беззакония против Церкви всего лишь «перегибы на местах». Страну захлестнула новая волна разрушения храмов. По всей стране уничтожались сохранившиеся монастырские постройки и церкви – Воскресенский собор в Красноярске, Николаевский собор в Полоцке, Софийский собор в Гродно. В Москве был разрушен Преображенский храм на Преображенской площади, в Санкт-Петербурге – церковь Спаса-на-Сенной, Дмитриевская греческая церковь, Троицкий собор и Покровская церковь Троице-Сергиевой пустыни и т. д.

Профессор А.С.Трофимов, вместе с группой реставраторов и искусствоведов пытавшийся спасти ряд храмов, вспоминает посещение министра культуры Е.А.Фурцевой. «Екатерина Алексеевна сделала гримасу, обозначавшую полное неудовольствие, и... сказала, что, по ее мнению, памятников у нас в стране слишком много и всеми ими заниматься невозможно, да и ни к чему. У государства есть вопросы поважней сохранения памятников. Тут она повторила весьма расхожее в то время выражение: «Мы подходим к коммунизму, а людям жить негде!» К ужасу... всех присутствующих, она стала говорить о намерении снести все, что нам мешает строить коммунистические города. Кто-то из комиссии... спросил Фурцеву, какими же должны быть, по ее мнению, коммунистические города. Она ответила, что архитекторы должны это лучше знать, но уж, конечно, без церквей».

Закрытие храмов и отстранению священников от власти на приходах серьезно помогла хрущевская приходская реформа.

В октябре 1961 г. на XXII съезде Коммунистической партии борьба с религией была указана как основная идеологическая задача. В июне 1963 г. на пленуме ЦК КПСС было прямо сказано, что религия является главным и единственным легально существующим в стране врагом марксизма. В том же году по указанию Хрущева был принят план

«Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения». В соответствии с этим планом партийные идеологи на местах должны были контролировать выборы в исполнительные органы религиозных общин, учитывать крещения, венчания и погребения, а также «вести работу» с верующими и членами их семей.

§ 2. Советские методы борьбы с Церковью и церковное сопротивление

31 марта 1961 г. Куроедов предложил постоянным членам Синода реформировать систему приходского управления, поскольку в религиозных общинах власть «диктаторская», так как принадлежит одному священнику, а в стране – «подлинная демократия». То, что Церковь отделена от государства, советский чиновник не упомянул. Совет по делам РПЦ предложил отстранить священника от управления приходом, превратив его в наемника. Власть на приходе должна была передаваться приходскому совету. Замысел атеистов был понятен – приходской совет было намного легче контролировать, в то время как священник лишился теперь власти и инициативы. Советское руководство вспомнило постановление 1929 г. «О религиозных объединениях», по которому священники устранялись от участия в делах религиозных общин.

Хотя 18 апреля 1961 г. Синод согласился с приходской реформой, советскому руководству нужно было создать видимость, что решение одобрено соборным голосом Церкви. При этом Собор нужно было провести как можно быстрее, чтобы не дать архиереям возможности внимательно ознакомиться с документами и выработать общую программу противодействия беззаконию. Опасения атеистического государства были обоснованы – запланированная реформа была встречена иерархией с возмущением. Критиковали намеченную реформу архиепископы Лука (Войно-Ясенецкий), Ермоген (Голубев), Симон (Ивановский), епископы Донат (Щеголев) и Андрей (Сухенко). Советская администрация со своей стороны настаивала на увольнении несогласных, прежде всего святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Но 11 июня 1961 г. архиепископ Лука отошел ко Господу, избавив Патриархию от проведения этой неприятной меры. Архипастыри, которые могли выступить против новой приходской политики, приглашения не получили.

Архиерейский Собор состоялся 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой лавре. Сами архипастыри в большинстве своем не знали о готовящемся Соборе и приехали в лавру на праздник преподобного Сергия Радонежского. Лишь по окончании торжеств было объявлено об открытии Собора. Как и предполагалось, его участники одобрили изменения в «Положении об управлении Русской Православной Церковью» в отношении приходов. В соответствии с реформой приходская община, вернее ее ядро из 20 членов («двадцатка»), регистрировалась местной

гражданской властью, получала здание храма и церковную утварь и отвечала за имущество по советским законам. Исполнительным органом «двадцатки» становился приходской совет из старосты, помощника старосты и казначея.

Архиепископ Саратовский Пимен (Хмелевский) впоследствии охарактеризовал положение так: «Приходские советы делались практически независимыми от иерархии, и в них могли проникать люди не только неверующие, но и вообще недостойные, а настоятель и даже архиерей ничего не могли с этим поделать».

Фактически была пресечена возможность совершения каких-либо треб вне храма. Хотя формально такого запрещения не было, на деле священников принуждали к отказу от любых богослужений за пределами церковной ограды. Так, при перерегистрации московского духовенства в 1961–1962 гг. уполномоченные Совета по делам РПЦ ставили пастырям условие – предоставлять подписку, что совершать требы на дому или панихиды на кладбищах они будут только с разрешения местных властей. Понятно, что получить такое было практически невозможно. Под фактическим запретом оказалось и присутствие детей на богослужении.

На Церковь обрушилась и волна закрытия храмов. Процесс, начатый в 1958 г., после 1961 г. серьезно ускорился. Если в 1958 г. количество храмов в Русской Церкви составляло 13 414, то в 1960 г. их было уже 13 008. В течение следующих лет хрущевского правления число церквей и молитвенных домов ежегодно уменьшалось на одну – на полторы тысячи. В 1965 г. у Русской Церкви осталась 7 551 церковь. Основной удар был нанесен по сельским храмам – в городах закрытие церквей могло вызвать ненужный властям шум. Однако антицерковная кампания не обошла стороной и города. Даже в областных центрах количество приходов сократилось до одного-двух. Действующие храмы в районных центрах тоже стали редкостью. Поводы для закрытия были разные. В западных районах страны власти часто ссылались на то, что службы в местных церквях начались при нацистской оккупации, то есть незаконно. Некоторые храмы, особенно в сельской местности, не могли платить повысившиеся налоги, и «двадцатка» объявляла о роспуске прихода. Нередко церкви разделяли судьбу самих сел – при Хрущеве они часто объявлялись «бесперспективными», молодежь переезжала на новые места, а сами села постепенно умирали.

Были налажены и другие механизмы закрытия церквей. Например, приходу не давали возможность сделать ремонт, приобрести строительные материалы. Храм ветшал, пока власти не объявляли здание находящимся в

«аварийном состоянии» и не закрывали его. Приход в таком случае приписывали к другому храму. Бывали случаи, когда молитвенные здания становились жертвой городских строительных планов – на месте церквей намеренно проектировались новые дома или проезжая часть улиц. Еще один способ: уполномоченный долгое время не регистрировал прибывшего на новый приход священника. Храм оставался без богослужения, после чего закрывался по причине отсутствия в нем служб. Закрытые храмы, как и в 1930-е гг., варварски разрушались или передавались под клубы, кинотеатры, склады. Подверглись разрушениям и сохранившиеся монастырские постройки.

Число действующих монастырей сократилось с 56 в 1958 г. до 16 в 1965-м. Болезненным было закрытие каждой из монашеских обителей, но особенно тяжело переживалась утрата духовных центров русского иночества – Киево-Печерской лавры и Глинской пустыни в Сумской области.

Для ликвидации монастырей были свои методы. Теперь в иноческие обители можно было поступать лишь с 30 лет (поначалу власти планировали с 40 лет), причем прописку в монастыре местные власти намеренно затягивали, что давало право в любой момент выселить насельников как «нарушителей паспортного режима». Возрастные ограничения привели к тому, что в монастырях оставались в основном пожилые монахи, не способные работать.

Ремонтные работы также оказались под запретом, что приводило к постепенному разрушению зданий. Безбожное государство пыталось пресечь и основной источник монастырских доходов пожертвования паломников. В 1961 г. организованные паломничества были запрещены, а частные паломничества были серьезно затруднены упразднением монастырских гостиниц. Ночевать в монастырских церквях инструкциями было запрещено, серьезные неприятности грозили и местным жителям, пускавшим паломников на ночлег.

Жалобы в вышестоящие инстанции результата не давали, письма за границу были основанием для обвинения правдоискателей в «злостной клевете» и к тюремному сроку.

Высшая советская администрация не вдавалась во все тонкости борьбы с Церковью, намечая лишь стратегическую линию и требуя с мест отчетов о сокращении числа приходов, упразднения монастырей и т. д. Частности этой борьбы лежали на местных властях, которые придумывали свои методы, иногда изуверские.

В тяжелейшем положении оказалась Успенская Почаевская лавра. В

отличие от Троице-Сергиевой и Киево-Печерской, она находилась в украинской глубинке и иностранцами посещалась мало. Государству казалось, что с ликвидацией этой обители особых проблем быть не должно. У Почаевской лавры были отобраны все строения, примыкающие к обители, а также ряд помещений внутри монастыря. Возле святых врат в здании семинарии был организован «Музей атеизма», в который были отобраны многие ценные предметы, принадлежащие лавре. Гостиница для паломников была превращена в психиатрическую больницу. Монастырю не продавали топливо, и инокам приходилось зимовать в холодных помещениях. Известно множество случаев, когда братию вызывали в милицию, заставляли уехать, для убедительности подкрепляя свои требования побоями.

«Время вашего мракобесия закончилось, монастыря, считайте, уже нет. Уходите, пока не посадили», – говорили в милиции и КГБ.

Ссылки монахов на свободу совести, указанную в конституции, вызывали циничный смех милиционеров: «Конституция написана для коммунистов, а вы все – лишенцы».

Бывало так, что монахов насильно забирали из монастыря, ставили в паспорт штамп о выписке и увозили как можно дальше от обители. Возвращение могло стать основанием для обвинения в нарушении паспортного режима.

Серьезно пострадал и самый известный лаврский подвижник и чудотворец – преподобный Амфилохий (Головатюк). 70-летнего старца (до принятия великой схимы он носил имя Иосиф) насильно увезли в психиатрическую больницу в Буданове. Там его побрили, поместили в камеру к буйным больным, стали вводить препараты, от которых тело преподобного распухло и отказали ноги. По ходатайству родственников старца отпустили, но категорически запретили даже появляться возле лавры (память преподобного 12 мая).

Преследовали не только братию, но и богомольцев, которых задерживали на пути к лавре. Жестокости и насилие, применяемые к паломникам и паломницам, оставались для представителей власти без последствий.

Если в 1961 г. в Почаевской лавре было 140 монахов, то спустя несколько лет их осталось только 35. Был арестован и помещен под домашний арест во Львове и наместник монастыря архимандрит Севастиан (Пилипчук). Представлялось, что дни лавры сочтены. То, что она выстояла, казалось чудом даже ее насельникам.

«Наши старички говорили: надо держаться, – вспоминал архимандрит

Аппелий (Станкевич), трижды судимый за отказ покинуть монастырь. – И мы держались. Хотя тогда никто и не думал, что лавра останется».

Сильный натиск испытал в эти годы еще один центр паломничества – Псково-Печерский монастырь. Сюда, к чудотворной иконе Божией Матери, мощам преподобномученика Корнилия и других подвижников, паломники стекались со всей страны. Эта обитель стала приютом для многих архипастырей, находившихся на покое. Здесь жил епископ Гавриил (Абалымов), после освобождения из лагерей так и не получивший назначения на кафедру. Псково-Печерский монастырь стал последним земным пристанищем для митрополита Вениамина (Федченкова) († 1961), вернувшегося из эмиграции, занимавшего несколько кафедр и в 1958 г. уволенного на покой. Здесь жил и другой архипастырь-реэмигрант епископ Феодор (Текучёв). «Передо мной была живая – явно не советская, а настоящая – православная Россия», – вспоминает диакон Георгий Малков, посетивший монастырь в конце 1950-х гг.

Попытки закрыть эту обитель предпринимались неоднократно. Псковские областные власти настаивали на передаче зданий монастыря под машинно-тракторную станцию. Большим благом для монастыря было то, что в эти тяжелые годы его наместником был архимандрит Алипий (Воронов), фронтовик, прошедший войну от Москвы до Берлина, замечательный художник, к которому ездили за консультациями живописцы и реставраторы со всей страны. Еще на фронте он дал обет уйти в монастырь, если удастся выжить.

Будучи настоятелем, он восстанавливал здания, сумел добиться возвращения множества ценных предметов, похищенных оккупантами. Архимандрит Алипий вспоминал, как в 1963 г. местные партийные чиновники пытались запретить монахам поливать огород:

«–Кто вы и что от нас требуете? – спросил я.

Человек в шляпе не назвал своего имени и чина, а сказал мне, что мы не имеем права на эту воду и на эту землю, на которой стоим. Я ему сказал:

Я, Воронов Иван Михайлович, гражданин Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, и мои товарищи, которые живут за этой стеною, ветераны и инвалиды Отечественной войны, многие – потерявшие руки и ноги, получившие тяжелые ранения и контузии, обливали эту землю своей кровью, очищали этот воздух от фашистской нечисти, а также мои товарищ и, живущие здесь, труженики заводов, фабрик и полей, старые инвалиды и пенсионеры, старые отцы, потерявшие своих сыновей в боях за освобождение этой земли и этой

воды, и все мы, проливавшие свою кровь и отдававшие свои жизни, не имеем права пользоваться своей землей, водой, воздухом и солнцем – всем тем, что вырвали у фашистов для себя, для своего народа? Кто вы? – спросил я. – И от чьего имени вы действуете?

Они стали лепетать, называя райкомы, обкомы и т. д... Уходя от нас боком, человек в шляпе сказал:

– Эх... батюшка!

Я ответил, что батюшка я – для вон тех людей, а для вас я – русский Иван, который еще имеет силу давить клопов, блох, фашистов и вообще всякую нечисть».

За монастырь архимандрит Алипий стоял горой и прямо заявлял, что скорее умрет, чем допустит его закрытие. Псково-Печерскому монастырю довелось стать единственным монастырем на территории Российской Федерации, который ни на день не закрывался со дня своего основания.

В Эстонии с большим трудом удалось отстоять Пюхтицкий монастырь. Патриарх Алексей II, в то время занимавший Таллинскую кафедру, вспоминал, что спасти от закрытия эту обитель удалось благодаря организации визитов зарубежных делегаций, например, из Восточной Германии. После таких посещений в западной прессе появлялись восторженные статьи о монастыре. Коммунистические власти, не желавшие лишних проблем и неудобных вопросов от западных журналистов, предпочли оставить монастырь в покое.

Приходы и монастыри были не единственным объектом ненависти советской администрации. Согласно директивам, из Москвы по всей стране упразднялись и епархии. Упразднить епархию в своей области для уполномоченных было делом чести.

У Церкви отбирались и святыни, например, мощи святителей Тихона Задонского и Феодосия Черниговского. Оказались в руках государства и останки Киево-Печерских преподобных.

Параллельно с этим власти нанесли удар и по кадровому составу Церкви. На начало хрущевского правления в стране было две духовные академии (Московская и Ленинградская) и восемь семинарий. В ходе хрущевских гонений академии удалось сохранить, но число семинарий сократилось – были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Луцкая и Жировицкая семинарии. В Русской Церкви осталось только три семинарии – Московская, Ленинградская и Одесская. Качественный состав будущих пастырей тоже контролировался. Поступление в духовные школы было невозможно для людей с высшим образованием, серьезные проблемы создавались и для тех, кто успешно оканчивал школу или отслужил в

армии. «В семинарию, – вспоминает Святейший Патриарх Кирилл, – поступали либо люди, имевшие душевное расстройство, либо совсем никчемные, с точки зрения властей, для общества».

Большое внимание уделяла советская администрация и кадровому составу епископата. Архипастыри-исповедники, прошедшие лагеря и умевшие дать отпор партийной номенклатуре, постепенно покидали этот мир. В 1955 г. умер епископ Вениамин (Милов), в 1961 г. не стало архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), в 1962 г. – митрополита Антония (Романовского) и епископа Афанасия (Сахарова). Уходили и архиереи-реэмигранты, прошедшие 1920–1940-е гг. за границей и в силу сложившегося у них менталитета не привыкшие кланяться властям. В 1952 г. умер архиепископ Сергий (Королев), в 1958 г. – архиепископ Ювеналий (Килин), в 1961 г. – архиепископ Никандр (Викторов), в 1962 г. – митрополит Нестор (Анисимов).

Теперь власти старались допускать на архиерейские кафедры лишь тех, кто, по их мнению, будет послушно наблюдать за уничтожением Церкви, активно «бороться за мир» и «разоблачать антисоветскую пропаганду». Однако успех в этом направлении содействовал коммунистическому руководству далеко не всегда, и немалая часть архипастырей как могла отстаивала храмы от закрытия, а священников – от преследований.

Хрущевская кампания коснулась и клириков. Инструкция Совета по делам РПЦ от 6 ноября 1958 г. предписывала уполномоченным, чтобы для работы с иностранцами, прибывающими в города, привлекались не только экскурсоводы, но и духовенство. Предписывалось говорить, что Церковь сейчас свободна как никогда, и правильно отвечать на «провокационные вопросы». Нельзя было показывать иностранцам закрытые или разрушенные храмы. Священники, согласные брать на себя эту неприятную обязанность, должны были переводиться в города, несогласных отправляли на отдаленные приходы. Ссылка в медвежий угол была меньшим из зол, активный пастырь мог пострадать намного серьезнее, вплоть до ареста и заключения. Кто-то привлекался как «повторник», кому-то ставили в вину службу на оккупированных территориях в годы войны. Можно было обвинить священника в «хозяйственных преступлениях», что в то время было несложно. Так, уполномоченные постоянно мешали приходам приобретать стройматериалы для ремонта, ситуация усугублялась и постоянным советским дефицитом. Приходилось решать проблему обходными путями, что при желании всегда можно было представить как махинацию.

Серьезно страдали архиереи, пытавшиеся на местах противостоять закрытию храмов и преследованию священников. В сентябре 1960 г. по требованию Совета по делам РПЦ был уволен с Ташкентской кафедры архиепископ Ермоген (Голубев). В том же 1960 г. был арестован архиепископ Казанский Иов (Кресович). Он был обвинен в неуплате налогов с «представительских сумм», которые по закону налогом не облагались. Архиепископ Иов был готов выплатить даже этот незаконный налог, но иерарха это не спасло – он был приговорен к трем годам лишения свободы.

Сложнее было расправиться с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), сопротивлявшимся закрытию храмов в своей епархии и позволявшим в своих проповедях достаточно смелые реплики.

«Жалкие безбожники! – говорил митрополит. – Они подбрасывают вверх свои спутники, которые вспыхивают и, погаснув, падают на землю, как спички, и они бросают вызов Богу, зажегшему солнце и звезды, которые вечно горят на горизонте».

Митрополит был известен во всем мире еще с 1940-х гг. как участник множества конференций в защиту мира. К тому же он был председателем ОВЦС, то есть ответственным за международные контакты Церкви. Поступить с ним так же грубо и цинично, как с архиепископом Иовом, было невозможно. Устранение иерарха проводилось окольными путями. Во время одной из встреч с патриархом Куроедов заявил, что миротворческая деятельность митрополита Николая неудовлетворительна, а потому он должен быть уволен с поста председателя ОВЦС и со своей кафедры. Попытка патриарха назначить митрополита Николая на другую кафедру была безуспешной – Совет по делам РПЦ настаивал, чтобы архипастырь был отправлен на покой. После увольнения митрополита лишили возможности служить в московских храмах. 13 декабря 1961 г. иерарх скончался в больнице, где находился в полной изоляции. Обстоятельства его смерти не выяснены до сих пор.

В 1961 г. был отдан под суд архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий), уже прошедший лагеря в сталинские годы. Из заключения тогда он вышел сгорбленным инвалидом. Теперь были предприняты попытки снова отправить иерарха в заключение. Истинной причиной стало противодействие архипастыря закрытию храмов, но местное руководство обвинило его в незаконной покупке масла. Процесс должным образом освещался в прессе. Хотя архиепископ Вениамин был оправдан, незаконные властители максимально использовали этот процесс для

дискредитации Церкви.

В 1963 г. по ложному обвинению в экономических злоупотреблениях и за «безнравственное поведение» был приговорен к восьми годам лишения свободы архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко). В том же году под домашним арестом в Кишиневе умер архиепископ Венедикт (Поляков). Странности, сопровождавшие его кончину, дают основания считать, что иерарх был убит.

Судебные дела против клириков прошли по всей стране. Пресса умело раздувала эти дела, зная, что за клевету наказаний не будет.

Попытки противостоять хрущевскому безумию приводили к нужному результату далеко не всегда. Известно, что прихожане иногда спасали свои храмы от закрытия, забрасывая жалобами Верховный Совет и поднимая шум, доходивший за границу. В таких, очень редких, случаях приход могли оставить в покое. В большинстве же случаев власти находили возможность надавить и на активных прихожан, и на священников, и на правящих архиереев.

Смолчать было тяжело. Большой резонанс получило выступление патриарха Алексия I на Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 г.

«Моими устами говорит с вами Русская Православная Церковь... .. Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи... ..

Это – та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа.

Это – та самая Церковь, которая в период удельного раздробления Русской земли помогала объединению Руси в одно целое... ..

Это она служила опорой русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы смутного времени и в Отечественную войну 1812 года. И она же оставалась вместе с народом во время последней мировой войны

Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви... .. Что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви,

сказав, что и врата ада не одолеют Церкви Его».

Слова Святейшего Патриарха вызвали недовольство. Вместо аплодисментов раздались крики: «Вы хотите уверить нас, что вся русская культура была создана Церковью ... Это неправда!»

Речь патриарха, для того времени очень смелая, была опубликована в «Журнале Московской Патриархии». Для Святейшего это выступление прошло без последствий, однако отчасти повлияло на судьбу митрополита Николая, увольнение которого связывали с тем, что патриаршее выступление готовил он.

В непростом положении оказались иерархи и священники Московского Патриархата, служившие за границей и вынужденные говорить об отсутствии гонений. Это приводило к тому, что клирикам Московского Патриархата в западных странах не доверяли и их приходы не были многолюдными. Исключением были лишь храмы Московского Патриархата в социалистических странах и в Святой земле. Правдивые высказывания зарубежных иерархов и клириков Московской Патриархии вели к преследованиям и увольнениям. В 1964 г. представитель Московской Патриархии в Великобритании архиепископ Сурожский Антоний (Блум) организовал моление о гонимой Церкви в отечестве. Последствия этого смелого шага могли стать для иерарха плачевными – иерарху грозило увольнение на покой «по состоянию здоровья». Однако архипастырь остался на кафедре. Моление на британской земле, как и молитвы миллионов православных христиан, все же принесли свой плод – Хрущев был отправлен в отставку, а патриарх Алексей I позаботился, чтобы новое руководство об «инциденте» забыло.

§ 3. Церковь против атеистической пропаганды

Особое внимание советское руководство уделяло пропаганде безбожия. В январе 1964 г. ЦК КПСС принял решение о создании Института научного атеизма в Академии общественных наук. Институт должен был регулировать и координировать деятельность профессиональных атеистов по всей стране, а также готовить соответствующие кадры. С 1964–65 учебного года в университетах, медицинских, сельскохозяйственных и педагогических вузах вводилось преподавание «Основ научного атеизма» с обязательной сдачей экзамена по предмету. Этот курс вводился также в медицинских, педагогических и культурно-просветительских училищах. Было намечено издание методических пособий для учителей по антирелигиозному воспитанию в школе.

Атеистическая пропаганда хрущевского периода была рассчитана не на тех, кто был знаком с основами христианства. Люди, имевшие представление об основах православной веры, до хрущевских времен либо не дожили, либо были уже в преклонном возрасте. Диспуты, на которых священномученик Иларион (Троицкий) спорил с Луначарским, ушли в прошлое, а поднимавшиеся когда-то вопросы в 1960-е гг. были непонятны ни основной массе народа, ни должностным безбожникам. Атеистическая пропаганда хрущевского периода была нацелена на тех, кто никогда не держал в руках Евангелие, никогда не слышал пастырской проповеди и имел о Боге весьма расплывчатое представление. Человеку хрущевской поры не требовалось утонченной агитации. Обезбоженному населению со школы внушались самые примитивные антирелигиозные представления. В соответствии с вульгарными штампами атеистического агитпропа появление религии было вызвано непониманием древним человеком атмосферных явлений, стремлением господствующих классов держать народ в повиновении и т. д. Библейские чудеса лекторы объясняли химическими опытами, выставляя чудотворцев аферистами, слезы на иконах – скрытыми за киотами сосудами. На страницах советских изданий атеистический агитатор мог спокойно клеветать на святых, объявлять события священной истории мифами и т. п. Проверить это было крайне проблематично, большинство населения принимало на веру все написанное и услышанное. В принципе для обывателя хрущевских времен было достаточно аргументов: «Гагарин в космос летал и Бога не видел», «Современная наука тоже чудеса творит» и т. д.

Был задействован кинематограф. Если фильм «Тучи над Борском» (1960) был посвящен протестанта-харизматам, «Иванна» (1959) – римокатоликам, то фильм «Чудотворная» (1960) имел явный антиправославный характер. В последнем из фильмов был представлен полный арсенал советской пропаганды: карикатурно-кощунственное изображение чудотворной иконы Спасителя, лицемеры – верующие, священник, по его же признанию «верующий в Бога с оговорками», честная учительница-атеистка, спасающая ребенка от «религиозного дурмана». Множество антирелигиозных эпизодов было рассеяно и по другим фильмам тех лет. Не отставали и литераторы, выдававшие массу атеистических повестей и рассказов. Антирелигиозными статьями и фельетонами была переполнена и периодическая печать.

Большая роль отводилась ренегатам. Всего в годы хрущевских гонений отреклось от веры около 200 священнослужителей. Как правило, власти добивались отречения путем шантажа, священники подвергались клевете, обвинялись в мифических преступлениях. В отчаянии некоторые соглашались на отречение. Были и те, кто, утратив веру, старался еще и заработать на этом.

В 1958 г. вышла в свет атеистическая брошюра, написанная бывшим преподавателем Одесской семинарии Е.Дулуманом. Однако наиболее известным среди ренегатов стал бывший протоиерей Александр Осипов. Выросший в независимой Прибалтике, он смог получить богословское образование и после войны оказался востребован в качестве преподавателя духовных школ. А.Осипов стал профессором Ветхого Завета в Ленинградской духовной академии. В 1951 г. будущий отступник вступил во второй брак и был запрещен в священнослужении. Ему не позволялось причащаться по иерейскому чину, носить крест и подписываться протоиереем. В те же годы Осипов стал и осведомителем спецслужб.

В 1959 г. было решено использовать разочаровавшегося в религии сексота в качестве очередного орудия атеистической пропаганды. 6 декабря 1959 г. в «Правде» была опубликована его статья «Отказ от религии – единственно правильный путь», где бывший профессор признавался в утрате веры в Бога. 20 декабря того же года

В «Известиях» появилось интервью Осипова с нападками на Церковь. Эффект этих выступлений для неискушенных людей был велик – если профессор академии пришел к атеизму, то что остается простым людям?

Ренегаты получали возможность стать должностными атеистами, публиковаться в журналах, выступать по радио и телевидению, ездить по стране с лекциями. Осипов в 1966 г. получил и ученую степень кандидата

философских наук.

Несмотря на гонения, Московская Патриархия публично карала отступников. 30 декабря 1959 г. Священный Синод принял решение об извержении из сана и лишении всякого церковного общения протоиереев А.Осипова, Н.Спасского и священника П.Дарманского. Е.Дулуман и прочие миряне, похулившие имя Божие, отлучались от Церкви.

Позабывшись о массовой антирелигиозной пропаганде, власть постаралась подстраховаться от ответа со стороны Церкви, которая могла выставить в защиту веры лишь ежегодные календари, «Журнал Московской Патриархии» и «Богословские труды». Все это проходило тщательную цензуру, издавалось малым тиражом и до населения практически не доходило. В некоторых библиотеках даже для получения «Журнала Московской Патриархии» требовали письмо-отношение. Публично ответить атеистам Церковь фактически не могла – для государства это было бы «пропагандой религии». Например, достойный ответ на отречение Осипова был готов уже в декабре 1959 г., однако опубликовать его не удалось.

Был нанесен удар и по проповеди, которая теперь также контролировалась властями. Формально священников в пастырском слове не ограничивали, на самом же деле на богослужении часто присутствовали осведомители, доносившие, каких тем касался священник. Фактически стала действовать и цензура. Под нажимом властей епархиальные управления предписывали ради «повышения уровня проповедничества» заранее представлять текст проповеди в епархиальное управление в двух экземплярах. Некоторые священники выходили из положения, произнося речь во время целования народом креста в конце литургии, – формально это проповедью не являлось.

§ 4. Внешние контакты Русской Церкви

Первая половина 1960-х гг. была отмечена началом активных внешних контактов Русской Церкви. В 1961 г. делегация Московского Патриархата во главе с архиепископом Никодимом (Ротовым) приняла участие во Всеправославном совещании на о. Родос в Греции. Совещание планировалось как преддверие Всеправославного Собора, обсудило контакты с остальным христианским миром, богословские темы, а также проблемы социального служения Церкви. Давление на русских иерархов со стороны советского режима проявилось и здесь. Так, благодаря позиции московской делегации Совещание не осудило коммунистический атеизм – архиепископ Никодим убедил представителей Церквей, что такое решение ухудшит положение православных христиан в Советском Союзе. Архиепископ выступил также против осуждения масонства, теософии и спиритизма.

В 1961 г. Архиерейский Собор принял решение о вступлении Русской Церкви во Всемирный совет церквей (ВСЦ). Присоединение к этой организации состоялось на III Ассамблее в Нью-Дели (18 ноября – 6 декабря 1961 г.).

Представители Русской Церкви присутствовали в качестве наблюдателей на II Ватиканском Соборе. В октябре 1962 г. Священный Синод постановил отправить на это мероприятие протоиерея Виталия Борового и архимандрита Владимира (Котлярова). Наблюдатели присутствовали на всех четырех сессиях Ватиканского Собора. Коммунистическое государство видело в экуменической деятельности Русской Церкви возможность популяризировать советский строй на Западе, а также оказывать на него влияние. Однако некоторую пользу от этих контактов имела и Русская Церковь – благодаря такому общению она выходила на международный уровень, что затрудняло для советского режима борьбу с ней.

§ 5. Святость и духовническое служение

Даже в эти тяжелые для Церкви годы продолжалось духовническое служение.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 г. ее монахи были выселены из обители. Старцы монастыря схиархимандриты Андроник (Лукаш) и Серафим (Романцов) переехали в Грузию, где смогли устроиться благодаря митрополиту Тетрицкарройскому Зиновию (Мажуге). Отсюда они вели переписку, здесь принимали духовных детей.

В Псково-Печерском монастыре совершал молитвенный подвиг преподобный Симеон (Желнин) († 1960). Этот подвижник пришел в Псково-Печерский монастырь еще в 1896 г. Каждый день святой совершал литургию, а потом весь день трудился в монастырской столярной мастерской. Современник вспоминал: «Мы, живущие рядом с ним, кажется, не очень обращали внимание на его праведность и прозорливость, а он действительно был провидцем, и потому десятки и сотни людей приезжали к нему за советом и благословением». Даже своей смертью святой пре подал всем урок смирения. Незадолго до того старец Симеон получил откровение, что умрет 15 января в день памяти преподобного Серафима Саровского, которого он очень почитал. Однако наместник монастыря архимандрит Алипий, узнав об этом, стал беспокоиться, что погребение старца придется совершать накануне Богоявления, когда массы людей придут за святой водой, и попросил святого помолиться об отсрочке смерти.

«Хорошо, – ответил старец, – ты наместник, а я послушник, пусть будет по-твоему».

Так и произошло: преподобный Симеон умер в Крещенский сочельник, и хоронили его после праздника Крещения.

До последних дней принимал посетителей святитель Афанасий (Сахаров), проживавший в г. Петушки Владимирской области. С духовничеством епископ совмещал литургические труды. С.И.Фудель вспоминал, что епископ Афанасий в последние годы жизни находился в некоем смятении: «Какое-то горестное недоумение и скорбь о все увеличивающемся обмирщении Церкви выражались и в разговорах его, и в письмах». Одни из последних слов святителя были: «Вас всех спасет молитва». Архипастырь отошел ко Господу 28 июня 1962 г. в день Всех русских святых, которым он когда-то составил службу.

Большую известность имел и преподобный Кукша (Величко) (память

29 сентября), долгие годы живший на Афоне и в Святой земле, а после революции служивший в Киеве. В 1938 г. отец Кукша был арестован, находился на изнурительных лагерных работах под Соликамском. После освобождения преподобный поселился в открытой при немецкой оккупации Киево-Печерской лавре, где сразу же стал почитаться как духовник. Советское руководство, недовольное его популярностью, в 1951 г. потребовало от священноначалия удалить святого из Киева. Старец переехал в Почаевскую лавру, затем служил в Крещатицком Иоанно-Богословском монастыре под Черновцами, затем в Одесском Успенском монастыре. В хрущевские годы власти всеми способами препятствовали народу посещать преподобного, однако остановить людской поток было невозможно.

«90 лет – Кукши нет, – говорил старец. – Хоронить-то как будут, быстро-быстро, возьмут лопаточки и закопают». Преподобный действительно умер в 90 лет. Одесское коммунистическое руководство, опасаясь огромного скопления народа, предписало похоронить святого немедленно. Умер старец Кукша в 2 часа ночи, а уже днем был погребен.

Глава 14. Русская Церковь в 1964 –1985 гг.

§1. Православная Церковь и политика коммунистического руководства

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1964 г. совпал с важным для Церкви событием – в этот день пленум ЦК компартии отправил в отставку Н.С.Хрущева. Раздраженное хрущевским волюнтаризмом советское руководство постаралось не повторять прежних ошибок и не допускать сосредоточения в одних руках партийной и государственной власти. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Л.И.Брежнев, председателем Совета министров – А.Н.Косыгин.

Последующие 20 лет вошли в историю как «годы застоя». В «светлое будущее» не верили даже сами коммунисты, а советская система с постепенным упадком экономики, ростом дефицита и разложением правящей элиты воспринималась как данность. Ситуация мало изменилась при преемниках Брежнева – Генеральных секретарях Ю.В.Андропове (1982–1984) и К.У.Черненко (1984–1985).

В начале рассматриваемого периода, в декабре 1965 г. Совет министров СССР принял решение о преобразовании Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов в единый орган – Совет по делам религий под председательством В.А.Куроедова. В 1984 г. его сменил на этом посту К.М.Харчев.

По сравнению с хрущевскими годами период 1964–1985 гг. был для Церкви относительно спокойным, в частности процесс закрытия церквей замедлился. За эти годы Церкви удалось отстоять и все 16 монастырей. Но для государства Церковь по-прежнему была идеологическим противником. Количество храмов за 1964–1985 гг. постепенно сокращалось и за указанный период уменьшилось более чем на тысячу. Если на конец хрущевского правления в Русской Церкви было 7853 церкви, то в 1985 г. их осталось 6806.

Единичные случаи открытия храмов все же были. В 1978 г. на конференции, посвященной 60-летию восстановления патриаршества, патриарх Пимен сообщил, что за последние месяцы было открыто четыре церкви и семь приходов. Однако такое количество было мизерным и свидетельствовало лишь об особенно упорных многолетних требованиях местного православного населения. При этом целые регионы оставались без церквей и молитвенных домов, порой расстояние до ближайшего храма составляло тысячи километров. Такая ситуация была, например, на Камчатке, Сахалине, Курильских островах, других районах Сибири и

Дальнего Востока.

Предпринимались новые ожесточенные попытки закрыть многострадальную Почаевскую лавру. В 1980 г. у нее был конфискован последний участок земли, было насильно удалено из монастыря 30 монахов и послушников. Однако были и радостные события. С 1970-х гг. паломникам стали разрешать проводить ночь в монастырях, но лишь при условии, что там идет служба. Современники вспоминают, что в Почаевской лавре даже в 1980-е гг. старый иеромонах целыми ночами то служил полунощницу, то читал акафисты. В самом храме спали люди, готовые к тому, что в монастырь может в любой момент нагрянуть милиция.

По-прежнему пресекалась деятельность наиболее ревностных священников. Создание общины было делом непростым – популярных священников под нажимом властей архиереи были вынуждены переводить с прихода на приход. Для борьбы с активными пастырями использовались свои методы. В начале 1980 г. был арестован подмосковный священник Димитрий Дудко, спустя полгода выступивший по телевидению с осуждением своей деятельности.

Как и в прежние годы, были нередки случаи увольнения с работы или исключения из института за посещение храма, участие в паломничествах и т. п. Проблемы могли возникнуть и из-за принятия крещения – под давлением государственных органов патриарх Алексей I в декабре 1964 г. издал циркуляр об обязательной регистрации крещаемых.

Как религиозную пропаганду власти расценивали запись на магнитофон проповедей или церковных песнопений. Из-за этого до нас не дошли голоса знаменитых церковных певцов и проповеди замечательных иерархов и пастырей.

КГБ по-прежнему контролировал церковно-административный аппарат, особое внимание уделялось архиерейским хиротониям и назначениям на кафедры.

Аресты за веру в эти годы также имели место, касались как духовенства, так и мирян, однако теперь помимо лагерного заключения к верующим стали применяться и методы принудительного лечения в психиатрических клиниках. Современники, прошедшие через такие «лечебницы», вспоминали, что по части жестокости они оставляли далеко позади себя и лагеря, и самые страшные тюрьмы.

Хотя антицерковные репрессии в брежневский период снизились, а антирелигиозная пропаганда стала менее агрессивной, общее число атеистических мероприятий стало возрастать. Если в 1962 г. было

прочитано 6142 атеистические лекции, то в 1968 г. – 9916. Антирелигиозный характер имел и новый устав комсомольской организации, принятый в 1966 г. В целом государственные документы того времени существенно не меняли жизнь Церкви. Конституция 1977 г. по-прежнему разрешала исповедовать любую веру и «отправлять религиозные культы», однако пропаганду разрешала только атеистическую.

§ 2. Церковная жизнь

Печальным событием данного периода стала смерть Святейшего Патриарха Алексия I. Первосвятитель Русской Церкви был рукоположен во епископа в 1913 г., пережил арест в 1919 г., стал свидетелем сталинских репрессий, страшной войны и хрущевских гонений. В октябре 1969 г. патриарху исполнилось 92 года.

15 февраля 1970 г. Святейший перенес инфаркт, после чего проживал в своей резиденции в Переделкине. Незадолго до смерти, 10 апреля, патриарх Алексей I вместе с членами Священного Синода подписал томос об автокефалии Православной Церкви в Америке, положив конец многолетнему разделению. Тогда же были нормализованы и отношения с Японской Православной Церковью, вошедшей в состав Московского Патриархата в качестве автономии. Примирение с Японской Церковью дополнилось еще одним торжеством – причислением к лику святых равноапостольного Николая (Касаткина), в XIX в. принесшего православие в Страну восходящего солнца. В святцы Русской Церкви было также внесено имя просветителя Аляски преподобного Германа, прославленного Североамериканской митрополией в 1969 г.

Сердце патриарха остановилось 17 апреля 1970 г. накануне Лазаревой субботы. В этот день Святейший принимал посетителей, последний из которых покинул патриарха за 19 минут до его кончины. Святейший снял с себя образок, который всегда носил, и отдал его своему секретарю Д.А.Остапову: «Он мне уже не нужен. Вот идут архимандриты меня встречать». После этого патриарх стал называть имена покойных священнослужителей. В 21 час 49 минут Святейший отошел ко Господу. 21 апреля в Страстной вторник Первосвятитель был погребен в храме Русских святых под Успенским собором Троице-Сергиевой лавры.

В соответствии с «Положением об управлении Русской Православной Церковью» Местоблюстителем Патриаршего Престола стал митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков), как старейший по хиротонии иерарх и постоянный член Священного Синода. В июне 1970 г. Синод под председательством местоблюстителя принял решение о созыве Поместного Собора и создании комиссии для его подготовки. Помимо избрания патриарха Собор должен был решить и целый ряд других вопросов.

Различные проекты устройства церковной жизни разрабатывались и на местах. В частности, звучали предложения отказаться от приходской

системы, установленной в 1961 г. Большой резонанс вызвало письмо священника Николая Гайнова, а также мирян Л.Регельсона, Ф.Карелина и В.Капитончука. В письме критиковалась экуменическая деятельность и взгляды на христианство и Церковь митрополита Никодима (Ротова), а также митрополита Иоанна (Вендланда), протоиереев В.Борового и Л.Воронова.

Еще одно письмо было подписано протоиереем Георгием Петуховым, иеродиаконем Варсонофием (Хайбулиным) и мирянином П.Фоминим. Авторы письма просили церковное руководство ходатайствовать перед советским правительством о предоставлении высшим органам Русской Церкви прав юридического лица, а также об открытии ряда монастырей, учреждении церковных типографий, разрешении факультативного преподавания детям Закона Божия.

Заседания Собора открылись 30 мая 1971 г. в Троице-Сергиевой лавре и продолжались до 2 июня. Помимо архиереев в Соборе приняли участие клирики и миряне, как представители епархий. Всего в Соборе приняло участие 75 иерархов, 85 клириков и 78 мирян. Были также гости от других Поместных Церквей – Патриарх Александрийский Николай, Католикос Патриарх Грузии Ефрем II, Патриарх Румынский Юстиниан, заместитель-председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим, митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей.

Собор открылся докладом митрополита Пимена (Извекова) «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви». С докладом «Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви» выступил митрополит Никодим (Ротов), с докладом «О миротворческой деятельности Русской Православной Церкви» – митрополит Алексей (Ридигер).

Важным решением Собора стало снятие клятв со старых обрядов. В докладе митрополита Никодима, посвященном этому вопросу, говорилось, что создание единоверия в 1800 г. уже означало признание Православной Церковью спасительности старых обрядов, хотя формально анафемы, наложенные на старые обряды в XVII в., так и не были отменены. Вопрос об их снятии был положительно решен на заседании Временного Патриаршего Синода при митрополите Сергии в 1929 г., однако для окончательного решения вопроса необходима была и соборная санкция. 2 июня решение об отмене клятв на старые обряды было принято Поместным Собором. Таким образом, путь к примирению со старообрядцами был открыт.

2 июня состоялось и главное событие Поместного Собора – избрание

патриарха. От имени своих епархий архиереи, начиная с младшего по хиротонии и заканчивая заместителем председателя Собора митрополитом Никодимом, – назвали имя митрополита Пимена, как будущего патриарха. 3 июня в Богоявленском кафедральном соборе была совершена интронизация Святейшего.

Новый патриарх (в миру Сергей Михайлович Извеков) принял монашеский постриг в 1927 г. в возрасте 17 лет, был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха в страшные для Церкви 1931–1932 гг. В годы войны отец Пимен призывался в действующую армию, после войны был наместником Псково-Печерского монастыря и Троице-Сергиевой лавры. В 1957 г. архимандрит Пимен был рукоположен во епископа, в 1961 г. стал митрополитом Ленинградским, с 1963 г. – митрополитом Крутицким и Коломенским.

Под руководством этого архипастыря Церкви было суждено встретить последние десятилетия советского режима. При патриархе Пимене стали пополняться святцы Русской Церкви. В 1977 г. состоялось торжественное прославление святителя Иннокентия Московского, просветителя Сибири, Дальнего Востока и Америки. В 1979 г. был причислен к лику русских святых и святитель Мелетий (Леонтович), ранее местно почитавшийся в Харьковской епархии.

Условия давления на Церковь не позволяли ей вести активную пастырскую, просветительскую и миссионерскую деятельность. Однако в международных вопросах активность приветствовалась – государство старалось максимально использовать Церковь в своей политической игре.

Делегации Русской Церкви принимали участие в деятельности Всемирного совета церквей. В 1975 г. на V ассамблее ВСЦ в Найроби одним из президентов этой организации был избран митрополит Никодим (Ротов). Русская Церковь участвовала и в работе Конференции европейских церквей. Проводились богословские собеседования с Римско-Католической Церковью, велся диалог с нехалкидонскими Церквями (Армянской, Эфиопской и Малабарской).

Экуменические контакты позволяли церковному руководству обращать внимание мирового сообщества на преследование верующих в СССР, хотя на официальных мероприятиях командируемые за границу клирики были вынуждены говорить об отсутствии гонений. Благодаря связям митрополита Никодима с инославным миром удалось спасти от закрытия Санкт-Петербургские духовные школы. Для местных коммунистов наличие в «колыбели революции» семинарии и академии считалось чуть ли не личным оскорблением. Для ликвидации духовных

школ было все готово, верующим был закрыт доступ в академический храм, что являлось недобрым предзнаменованием. Однако митрополит Никодим нашел выход, приняв в духовные школы семерых африканцев. В 1965 г. в академии был учрежден факультет африканской христианской молодежи, преобразованный впоследствии в факультет иностранных студентов. Не желая дипломатических осложнений с африканскими странами, власть отказалась от идеи закрытия духовных школ. Семинария и академия в городе на Неве были сохранены.

Приветствуя контакты с инославием, Русская Церковь выступила против взаимного снятия анафем 1054 г. Папой Римским Павлом VI и Патриархом Константинопольским Афинагором 7 декабря 1965 г. Патриарх Алексий I расценил этот акт как выходящий за рамки компетенции Константинополя.

Отношения с инославным миром иногда приводили к спорным результатам. Неоднозначную реакцию вызвало, например, решение Синода от 16 декабря 1969 г. о допустимости причащать римо-католиков и старообрядцев в православных храмах, в случае если у этих лиц нет возможности обратиться к духовному лицу своей конфессии. Споры вызвала лишь одна сторона данного определения, касающаяся римо-католиков. Сторонники допустимости причащать их в православных храмах ссылались на синодальное определение 1870 г., позволявшее униатам западнорусских областей прибегать к таинствам в православных церквах. Противники такой практики возражали, что дореволюционное разрешение касалось не всех римо-католиков, а только униатов. Установленная в 1870 г. практика носила характер икономии и была направлена на постепенное возвращение униатов в православие, в то время как определение 1969 г. имело смысл допустимости общения в таинствах, то есть равенства конфессий. Тем более что II Ватиканский Собор разрешил католическому духовенству причащать православных. Подтверждением именно такого понимания определения 1969 г. было то, что сам митрополит Никодим, находясь в Западной Европе, причащал римо-католиков, хотя возможность обратиться к своим священникам у них была. Против принятой Московским Патриархатом практики выступил и Константинополь. Вызвавшее столь неоднозначную реакцию решение о причащении римо-католиков было отменено Московским Патриархатом 29 июля 1986 г. Причиной было названо то, что практика не получила распространения и выходила за рамки компетенции Поместной Церкви.

Не прерывались и межправославные контакты. Русская Церковь участвовала в подготовке Всеправославного Собора, делегация

Московского Патриархата приняла участие в предсоборных всеправославных совещаниях в Шамбези (Швейцария) (1976, 1982). В конце 1960-х гг. Русская Церковь вела переговоры с Североамериканской митрополией, возглавляемой митрополитом Иринеем (Бекишем). Результатом диалога стало предоставление Североамериканской митрополии самостоятельности.

Внешние связи Русской Церкви способствовали восстановлению монашеской жизни в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне. В 1919 г. Кинот Святой Горы фактически запретил принимать русских на Святую Гору. Некогда цветущий Свято-Пантелеймонов монастырь постепенно приходил в упадок. Если до революции в обители было более 2 тыс. монахов, то в середине 1960-х гг. их оставалось около трех десятков. Все насельники были в преклонном возрасте, и велика была вероятность, что после их смерти обитель будет передана греческой монашеской общине. В 1966 г. удалось добиться принятия в обитель шести монахов из России, но это не улучшило ситуацию. В 1974 г. монахов в Свято-Пантелеимоновом монастыре оставалось всего 12. Благодаря неимоверным усилиям ситуацию все же удалось исправить, и с середины 1970-х гг. русский монастырь на Афоне стал регулярно пополняться насельниками из России. Немало потрудившийся в деле восстановления русского присутствия на Афоне митрополит Никодим умер в Ватикане в 1978 г. на приеме у новоизбранного Римского Папы Иоанна Павла I. После смерти иерарха митрополитом Ленинградским стал митрополит Антоний (Мельников).

Вместе с тем Церковь готовилась к знаменательному событию – Тысячелетию Крещения Руси. В 1981 г. была образована комиссия по подготовке празднования этого юбилея. Грядущее торжество стало для Церкви поводом попросить у правительства один из московских монастырей для создания в нем церковно-административного центра. Просьба была удовлетворена. В 1982 г., еще в годы брежневского правления, Церкви был передан находившийся в полуразрушенном состоянии Свято-Данилов монастырь, в советские годы использовавшийся в качестве детской пересыльной тюрьмы. Официальная передача монастырских зданий состоялась в 1983 г.

Однако это не значило, что государство изменило свое отношение к Церкви – атеистическая пропаганда по-прежнему свирепствовала, исповедание веры по-прежнему могло создать человеку серьезные проблемы, а проповедь – и лагерный срок. С самим Свято-Даниловым монастырем тоже не все было гладко. Власти всячески препятствовали

созданию в нем монашеской общины, настаивая, что обитель передана исключительно для административных нужд. Только после смерти К.У.Черненко в 1985 г. монашеская жизнь в обители стала возрождаться.

В 1980-е гг. появились ростки будущих церковных потрясений, а именно назначение в Россию епископа Русской Зарубежной Церкви для окормления оппозиционных («катакомбных») приходов. Церковная оппозиция Московской Патриархии на территории Советского Союза к тому времени не имела архиереев. Пережившие войну архипастыри, не признававшие власть Московской Патриархии, не создали иерархии и постепенно покинули этот мир. Взамен умерших архиереев законного поставления в «катакомбной» среде стали появляться различные мошенники. Так, например, в некоторых общинах приобрел популярность провокатор и агент НКВД Серафим Поздеев, заявлявший, что был рукоположен самим патриархом Тихоном. Естественно, доказать факт хиротонии Поздеев не мог. Его преемником стал Геннадий Секач, уверявший, что Поздеев перед смертью рукоположил его.

В 1980-м гг. одним из известных катакомбных лидеров был иеромонах Антоний (Голынский-Михайловский), который действовал в качестве архиерея, хотя его апостольское преемство крайне сомнительно. Некоторые оппозиционные общины возглавлялись лицами, имевшими только священническую хиротонию.

По мнению А.Л.Беглова, катакомбное движение во второй половине XX в. потеряло свое значение по ряду причин, прежде всего из-за подрыва социальной основы села за счет укрупнения колхозов, а также из-за урбанизации. Катакомбное движение стало постепенно мельчать и деградировать. Часть оппозиционных общин вошла в общение со старообрядцами-бегунами, некоторые группы сблизилась с иоаннитами.

Чтобы воспрепятствовать деградации оппозиционного катакомбного движения, некоторые общины решили обратиться к Русской Зарубежной Церкви для поставления архиерея. Зарубежный Синод решил неканонично поставить для России одного из церковных оппозиционеров – архимандрита Лазаря (Журбенко), получившего священническую хиротонию от епископа Московской Патриархии Вениамина (Новицкого), но впоследствии присоединившегося к катакомбному движению. Поскольку направить в Россию двух иерархов для архиерейской хиротонии Лазаря (Журбенко) было невозможно, Зарубежный Синод допустил совершение над ним таинства одним епископом. Однако и одному архиерею пробраться через «железный занавес» было невозможно. Поэтому в Русской Зарубежной Церкви была разработана операция –

направить в Москву тайного архиерея. Таковым стал клирик Зарубежной Церкви епископ Варнава (Прокофьев), негласно рукоположенный в Германии. В 1982 г. он посетил Россию под видом туриста и совершил единоличную хиротонию о. Лазаря во епископа.

Вопреки ожиданиям Зарубежного Синода поставление епископа не помогло катакомбному движению. Новый иерарх был признан лишь частью оппозиционных общин, в то время как другая часть этого лагеря тут же стала обвинять его во всевозможных грехах, в том числе и в сотрудничестве с КГБ. Однако катакомбная оппозиция в те годы не играла заметной роли в церковной жизни, и совершившаяся неканоничная хиротония в тот момент не повлияла на жизнь Русской Церкви.

§ 3. Святость и пастырское служение

Несмотря на все трудности, продолжалось и пастырское служение.

Во Владимирской области в с. Великодворье с 1956 г. служил священноисповедник Петр Чельцов (память 12 сентября). В отдаленное село попасть было непросто, паломники могли приехать сюда только ночным поездом. Пастырь старался составить расписание так, чтобы людям было удобнее. В 4.50 утра подвижник был уже в храме – совершал исповедь, принимал людей. В 6 часов начиналась литургия, во время постов количество причастников доходило до 500. Ноги у священника деревенели, и после причастия он не сразу мог сдвинуться с места. А впереди были еще водосвятный молебен с акафистом и панихида, которую отец Петр совершал по полному чину. Около 12 часов изнемогающий от усталости пастырь шел домой для часового отдыха, а затем возвращался в храм служить молебны или отпевать умерших. Накануне праздников пастырь с 16.30 до 21.00 совершал всенощное бдение, а затем долго принимал посетителей или отвечал на письма. Когда к нему приходили больные, священноисповедник отвечал: «Я не врач, я помочь не могу, я молиться буду, и Господь исцелит». Действительно случаев исцелений было немало.

Власти пытались перевести протоиерея в другое село, но прихожанам каждый раз удавалось отстоять своего пастыря. Исповедник отошел ко Господу 12 сентября 1972 г., вскоре умерла и его супруга.

На всю страну были известны монахи-подвижники. В 1966 г. отошел ко Господу преподобноисповедник Севастиан (Фомин), окормлявший паству в Караганде.

Страждущие ездили и к другим подвижникам того времени. Центром святости по-прежнему оставался Псково-Печерский монастырь.

Духовником братии был архимандрит Афиноген (Агапов), в схиме Агапий. Старец вспоминал, что страшные лагерные годы он пережил только благодаря непрестанной молитве. После освобождения он подвизался в Псково-Печерском монастыре. Духовные чада отца Агапия вспоминали, что на исповеди старец прежде всего требовал осознать два великих греха – неблагодарность Богу за всё, что Он нам дает, второй – отсутствие истинного страха Божия, благоговения пред Богом.

Незадолго до смерти отец Агапий сказал: «Для христианина страшна не смерть, разлучающая душу с телом, а страшен грех, разлучающий душу с Богом». Земной путь старца завершился 24 февраля 1979 г.

На год пережил схиархимандрита Агапия другой старец монастыря – схиигумен Савва (Остапенко). Еще до войны будущий схиигумен хотел тайно принять постриг, так как стать монахом открыто было невозможно. За советом он отправился к старцу Илариону, некогда афонскому насельнику, служившему в Подмосковье. «Не спеши! – сказал старец. – Откроются монастыри, и тогда не тайный постриг примешь, а явный. Будешь жить в лавре».

Слова старца казались в конце 1930-х гг. несбыточными, но прошло несколько лет – и Остапенко был принят в число братии Троице-Сергиевой лавры. Правда, пребывание там было недолгим – властям не нравилось, что отца Савву всегда окружал народ. Последующие годы он служил в Псково-Печерском монастыре. Число духовных чад схиигумена превышало 7 тыс. Пастырь отошел ко Господу 27 июля 1980 г.

Еще при жизни почитался архимандрит Серафим (Тяпочкин), служивший в поселке Ракитное Белгородской области. До войны, будучи тогда женатым священником Димитрием, он взял на себя подвиг добровольной бедности, категорически отказываясь брать деньги за требы. Жизнь пастыря настолько не соответствовала образу «попа», нарисованному советской пропагандой, что его арест стал неминуемым. Отец Димитрий был арестован в 1940 г. и приговорен к 10 годам лагерей. По окончании срока заключения пастыря спросили, чем он собирается заниматься после освобождения.

«Служить Богу», – сказал исповедник.

За это ему добавили еще пять лет ссылки.

В 1960 г. после смерти жены отец Димитрий был пострижен в монашество и в 1961 г. направлен в Ракитное. Здесь он скоро стяжал известность как пастырь истинно монашеской жизни. Были зафиксированы случаи исцелений от онкологических заболеваний по его молитвам, а также исцеления бесноватых. Старец умер 19 апреля 1982 г. на Пасхальной седмице, задолго до смерти предсказав ее дату. Чтобы воспрепятствовать скоплению верующих на его похоронах, власти отменили рейсовые автобусы до Ракитного. Несмотря на это, в поселок добрались массы народа, желавшие проводить в последний путь своего старца.

§ 4. Церковное сопротивление воинствующему атеизму

Уход в отставку Хрущева дал Церкви надежду на устранение ряда печальных последствий его правления. Среди таковых была приходская реформа 1961 г. Положение священника стало двусмысленным и мешало должному управлению приходом и окормлению паствы. Серьезную проблему для пастырей представляла власть старост, что постоянно приводило к конфликтам.

Попытку изменить ситуацию предпринял архиепископ Калужский Ермоген (Голубев), который в 1965 г. выступил с соответствующим проектом петиции на имя патриарха. Архиепископ предлагал внести поправки в «Положение об управлении Русской Православной Церковью», в частности сделать настоятелей председателями приходских советов. Документ был подписан еще несколькими иерархами, однако под давлением властей свои подписи они были вынуждены отозвать. Сам епископ Ермоген в ноябре 1965 г. был уволен на покой.

Проживая в Жировицком монастыре, архипастырь не оставил попыток изменить церковную жизнь к лучшему. В декабре 1967 г. он обратился к патриарху Алексию I с предложением реформировать церковное управление, оставив в Синоде лишь трех постоянных членов (митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого), в то время как трое других должны были избираться на полгода. Еще одно предложение иерарха – изменить порядок избрания патриарха в соответствии с положениями Поместного Собора 1917–1918 гг. Возмущение архиепископа Ермогена вызывало и вмешательство государства в кадровую политику Церкви.

Нашумевшим на весь мир стало дело вятского преподавателя Бориса Владимировича Талантова, вступившего в открытый диалог с атеистическим режимом. В 1963 г. исповедник направил письмо в газету «Известия» против произвола властей и массового закрытия храмов. Об этом Талантов написал и патриарху Алексию I. Автор писем критиковал местного архиерея, допустившего закрытие 40 из 75 вятских храмов. Письма Бориса Владимировича стали известны за границей. Травля преподавателя в местной прессе привела к преждевременной смерти от инсульта его жены и к разрыву отношений со многими знакомыми.

В 1968 г. Талантов написал работу «Советское общество 1965–1968 гг.» с критикой коммунистической партии, превратившейся в правящий класс. При этом Борис Владимирович предрекал господству этой партии

неизбежный конец. В 1969 г. тяжелобольной 66-летний Б.В. Талантов был приговорен к двум годам лагерей. Вследствие болезни срок был сокращен, но на свободу исповедник так и не вышел – 4 января 1971 г. он умер в лагере за несколько часов до освобождения.

К сожалению, некоторые представители церковного сопротивления в те годы позиционировали себя не только в качестве врагов коммунистического государства, но и в качестве противников священноначалия, обвиняя его в потворстве атеистическому беззаконию. Среди выступлений, получивших широкую известность, стало письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Текст послания готовился не только этими клириками, но и другими оппозиционерами, в том числе Ф.В.Карелиным, в молодости сотрудничавшим с МГБ. Планировалось, что письмо подпишут и некоторые архиереи, в частности архиепископ Ермоген (Голубев). Однако эти планы не осуществились – письмо было подано от имени двух лиц. В ноябре 1965 г священники Н.Эшлиман и Г.Якунин направили послание на имя патриарха Алексия I, а в декабре того же года – на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного. В послании содержался протест против нарушений законодательства о культах со стороны государственной власти. В частности, таковым была названа обязательная регистрация крещений и других треб. Письмо содержало также обвинения в адрес тех представителей Церкви, которые «потеряв страх Божий, помогают антирелигиозникам в их стремлении разрушить Святую Церковь». Эти «недобрые пастыри», по словам Эшлимана и Якунина, становятся главной опасностью для Церкви.

Письмо встретило неоднозначную реакцию. Часть клириков и мирян восприняли его как свидетельство того, что Церковь не молчит. С другой стороны, было немало тех, кто разглядел в нем признаки провокации. Письмо было расценено священноначалием как угрожающее церковному миру, возводящее «клевету на государственные органы» с целью нарушить «благожелательные отношения между государственными органами и нашей Церковью». Ситуацию ухудшило то, что письмо самочинно рассылалось авторами по епархиям. Беседа со священниками митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена результата не дала – признать свою неправоту они отказались. В мае 1966 г. клирики были запрещены в священнослужении. Судьба их сложилась по-разному. Эшлиман вскоре вступил во второй брак, что закрыло для него возможность вернуться к пастырскому служению. Священник Глеб Якунин после запрещения продолжал правозащитную деятельность, публикуя сведения о нарушении

прав верующих. В 1976 г. он стал одним из учредителей «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР», в 1979 г. был арестован, до 1985 г. находился в заключении, а затем – в ссылке в Якутии.

В 1972 г. появилось послание патриарху Пимену писателя и нобелевского лауреата А.И.Солженицына, которое вошло в историю как «Великопостное письмо». Поводом для письма стало рождественское послание патриарха Пимена с призывом к эмигрантам прививать своим детям любовь к родине и Православной Церкви. Александр Исаевич возмущался: почему призыв любить Церковь адресован только к эмигрантам, а не к жителям России? В письме критиковался не только советский режим, но и священноначалие: «Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ?»

Критику писателя вызывала и невозможность дать ребенку христианское воспитание: «Мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганде, самой примитивной и недобросовестной.Отрочеству, вырванному из христианства – только бы не заразились им! – для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом». Писатель возмущался тем, что на одну действующую церковь в стране двадцать разоренных и оскверненных, что в СССР немало населенных пунктов, отстоящих за сотни километров от действующего храма, что под фактическим запретом колокольный звон и распространение Евангелия. А потому мы имеем разорение русского национального уклада, уничтожение христианской атмосферы и, следовательно, утрату нами последних черточек христианского народа.

Предпринимались и другие попытки донести до государства свой протест. Мирным по духу было письмо епископа Полтавского Феодосия (Дикуна) Л.И.Брежневу (1977 г.). Архипастырь приводил статистические данные относительно закрытия храмов, описывал конкретную ситуацию в Полтавской епархии, где усилиями местного уполномоченного Церковь была обречена на умирание. Запрет рукоположений, запрет принимать духовенство из других епархий, всевозможные препятствия для ремонта молитвенных домов – все это было лишь частью общей антицерковной борьбы. Отмечая, что после ухода Хрущева ситуация несколько улучшилась, епископ констатировал, что это улучшение было недолгим, так как цель государства осталась прежней. Уничтожение Церкви продолжилось, но чуть менее агрессивно, чем при Хрущеве.

В 1979 г. архипастырь был переведен подальше от раскритикованной им полтавской номенклатуры – в Вологду. Показательно и неслучайно, что в 1978 г. священноначалие возвело епископа Феодосия в сан архиепископа. Нападки на церковное руководство со стороны иных ревнителей были справедливыми далеко не всегда. Новые репрессии против Церкви были вполне вероятными, и компромиссной политикой Патриархия пыталась сохранять Церковь для совершения таинств и ведения проповеди. Имели место рукоположения без ведома уполномоченных. На практике многие пастыри совершали таинства без предписанной регистрации. Также на местах удавалось создавать и крепкие приходские общины, которым было суждено стать ядром в деле будущего возрождения Церкви. Тайное служение отдельных пастырей можно назвать формой сопротивления безбожному режиму. Таким подвижником был, например, священник Глеб Каледа. Тестем этого замечательного пастыря был священномученик Владимир Амбарцумов (†1937, память 5 ноября). Сам Глеб Александрович был известным ученым, доктором геолого-минералогических наук. В 1972 г. он был тайно рукоположен во диакона и иерея митрополитом Иоанном (Вендландом), на протяжении долгих лет окормлял многочисленных духовных чад.

Церковное руководство прилагало немало усилий для спасения монастырей и храмов. Например, в виду угрозы закрытия Почаевской лавры «Журнал Московской Патриархии» стал постоянно печатать материалы по истории монастыря с целью привлечь к нему международное внимание. То, что монастырь удалось сохранить, – совместная заслуга всех чад Церкви, начиная с монахов и прихожан и заканчивая священноначалием, отстаивавшим обитель перед высшим государственным руководством.

Отдельные члены Церкви пытались каждый на своем месте просвещать народ и укреплять православие. В частности, подпольно распространялась духовная литература, часто пересылаемая из-за рубежа. Интересную форму проповеди взяла на себя группа сибирских верующих во главе с И.Лапкиным – они записывали Священное Писание и поучения святых отцов на аудиокассеты, которые потом копировали и распространяли. Участники этого миссионерского проекта были арестованы. В 1982 г. за распространение религиозной литературы к разным срокам лишения свободы была приговорена группа православных христиан во главе с В.Бурдюгом. В 1983 г. была приговорена к году заключения и пяти годам ссылки З.Крахмальникова, издававшая христианский журнал «Надежда».

Возможность познакомиться с православием предоставляли западные радиостанции. Огромную роль сыграл здесь протоиерей Владимир Родзянко, внук председателя Государственной думы В.М.Родзянко. Отец Владимир проживал в Лондоне и относился к юрисдикции Сербской Православной Церкви. Еще в 1955 г. протоиерей Владимир предложил радиостанции Би-би-си открыть религиозное вещание на СССР. Пастырь начал вести передачи о православии.

Деятельность проповедника высоко ценил патриарх Алексей I. Протоиерей Владимир вспоминал свое сослужение со Святейшим в 1964 г. в Лондоне. «Патриарх во время литургии, – вспоминал протоиерей, – после причастия в Алтаре, позвал меня, снял с себя крест и надел на меня. После этого между нами произошел разговор, который никто не слышал. Он мне прямо сказал, что «все, что произошло» (революция и т. д.) совсем не было тем, что у него на сердце, и благодарил меня».

В 1979 г. отец Владимир ушел с радиостанции Би-би-си, принял монашество с именем Василий и перешел в юрисдикцию Православной Церкви в Америке. В 1980 г. он был рукоположен во епископа и впоследствии стал снова вести передачи на волнах радио «Голос Америки» и «Радио Ватикана».

Глава 15. Русская Церковь в последние годы коммунистического режима

§ 1. Церковно-государственные отношения в 1985 –1991 гг.

В марте 1985 г. умер генеральный секретарь ЦК КПСС К.У.Черненко. Приход к власти нового лидера М.С.Горбачева был отмечен попытками исправить экономическую и политическую ситуации в стране, находившейся в тяжелом кризисе, а также смягчить отношения с Западом. Очередной новый курс, вошедший в историю как перестройка, подразумевал исправление многолетних ошибок, которые и привели страну в тупик. Новые реформы предполагали развитие частного предпринимательства, ускорение социально-экономического развития. Для этого необходимо было преодолеть инертность, навязанную народу десятилетиями коммунистической власти, и развить инициативу на местах. Это было нереально без относительной свободы прессы, без серьезной критики системы. Но возможность говорить правду, обличить ошибки и преступления советского режима привела к эффекту прорванной плотины – к пониманию глубокой порочности коммунистической власти, как таковой. Начался процесс восстановления справедливости к невинно пострадавшим, с географических карт стали исчезать имена революционеров и виновников репрессий. Партия коммунистов окончательно потеряла свой авторитет, что усугубилось появлением многопартийной системы.

Преодоление диктата коммунистической партии нанесло удар и по Советскому Союзу, искусственно созданному большевиками на месте исторической России. В соответствии с Конституцией СССР любая союзная республика имела право выхода из Союза. Единственной основой единства республик была власть Коммунистической партии. Естественно, что с падением этой идеологии исчез и связующий элемент страны, что привело к распаду Советского Союза. Одна за другой союзные республики заявляли о своей независимости. «Парад суверенитетов» начался уже в конце 1980-х гг. 12 июня 1990 г. о своем суверенитете объявила и Российская Федерация. Ровно через год республика избрала и своего президента, которым стал Б. Н. Ельцин. После неудачной попытки государственного переворота в августе 1991 г. Советский Союз фактически прекратил существование. 8 декабря в Беловежской пуще было подписано «Соглашение о создании Содружества независимых государств» (СНГ). 21 декабря в Алма-Ате представители 11 бывших союзных республик подписали Декларацию о создании СНГ. 25 декабря

президент СССР М. Горбачев был отправлен в отставку. В тот же день над Кремлем был спущен красный флаг, вместо которого в небо взвился российский триколор.

Все эти события не могли не отразиться на церковной жизни, хотя государственный курс в отношении Церкви поменялся не сразу.

Новые веяния, наступившие после прихода к власти Горбачева, дали Церкви надежду на изменение отношений с государством. В декабре 1985г. управляющий делами Московской Патриархии митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) обратился к Горбачеву с просьбой о пересмотре законодательства относительно Церкви.

Однако советская идеологическая машина остановилась не сразу. Вплоть до 1988 г. в школах и на предприятиях продолжались атеистические лекции, а проявление церковности по-прежнему обещало серьезные неприятности. В 1989 г. в с. Приволжское Ивановской области местное руководство пыталось разрушить церковь, поврежденную молнией. Местные жители взяли храм под охрану и сумели отстоять его.

Продолжались и преследования за веру. В 1985 г. был арестован и провел год в заключении архимандрит Иосиф (Софронов) из с. Внута Новгородской области. Одним из поводов для обвинения старца стало посещение его иностранцами. Пастырь попал в тюрьму Кресты, где подвергался пыткам. Одно из истязаний состояло в стягивании на голове стального обруча, пока человек не терял сознание. Сам архимандрит, хорошо помнивший сталинские лагеря, рассказывал, что методы допросов у чекистов с тех пор не поменялись. Однако поднятый на Западе шум, а также изменившаяся государственная политика помогли освобождению о. Иосифа. Получили свободу и другие страдальцы за веру.

В 1987 г. стало понемногу увеличиваться число храмов. В тот год Православной Церкви были переданы Оптиная пустынь и Толгский монастырь, где начала возрождаться монашеская жизнь.

В преддверии празднования Тысячелетия Крещения Руси проходили международные конференции, посвященные проблемам церковной истории, богословия и литургики. Все это привлекало интерес и к Церкви, способствовало ее популяризации. Тем не менее партийная номенклатура до последнего сопротивлялась идее празднования Тысячелетия Крещения Руси, а также освещению торжеств в СМИ.

В апреле 1988 г. состоялась встреча патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода – митрополитов Киевского Филарета (Денисенко), Ленинградского Алексия (Ридигера), Крутицкого Ювеналия (Пояркова), Минского Филарета (Вахромеева) и Ростовского Владимира

(Сабодана) с М.С.Горбачевым. Генеральный секретарь ЦК КПСС охарактеризовал гонения на религию как ошибку и сообщил о разработке нового закона о свободе совести. В мае 1988 г. Оружейная палата Кремля передала Церкви святыни, хранившиеся в музеях. Тогда же Церковь получила часть помещений Киево-Печерской лавры. Еще одним заметным событием стала передача Церкви мощей святителя Феодосия Черниговского и преподобного Феодосия Тотемского. Утратил свои права и председатель Совета по делам религий. В июне 1989 г. на место М. Харчева был назначен Ю.Н.Христораднов, который уже не имел возможности существенно влиять на церковную жизнь.

Процесс возвращения Церкви отобранных некогда храмов продолжался и при следующем патриархе Алексии II. В 1991 г. Православной Церкви были переданы древние русские монастыри, в том числе Соловецкий, Валаамский, Донской и Новоспасский.

30 мая 1991 г. министр юстиции Н. Ф. Федоров вручил патриарху Алексию II свидетельство о регистрации Гражданского устава Русской Церкви.

События государственной жизни также не остались без внимания Церкви. Патриарх откликнулся посланиями на волнения в Вильнюсе, на избрание президента Б. Н. Ельцина.

«Вы приняли ответственность за страну, которая тяжело больна, – сказал патриарх новоизбранному президенту Ельцину. – Семь десятилетий разрушения ее духовного строя и внутреннего единства... Три поколения людей выросли в условиях, отбивавших в них желание и способность трудиться. Сначала людей отучали трудиться духом, отучали от молитвенного подвига. Затем – от труда мысли, от стремления к самостоятельному поиску истины».

Во время попытки августовского переворота 1991 г. патриарх Алексий II занял сторону президента Российской Федерации Ельцина, передав ему слова поддержки. 19 августа, когда «Государственный комитет по чрезвычайному положению» заявил о захвате власти и изоляции в Крыму президента СССР Горбачева, Святейший распорядился, чтобы за Божественной литургией в праздник Преображения в Успенском соборе Кремля вместо поминовения властей возглашалась молитва за «народ страны нашей». Во избежание войны патриарх призвал военных не применять оружие под угрозой отлучения от Церкви. Мятеж удалось предотвратить.

Падение коммунистического режима Святейший Патриарх недвусмысленно приветствовал. «Коммунистическая идеология, –

говорилось в патриаршем послании 23 августа 1991 г. – как мы убеждены, никогда более уже не будет государственной в России. Россия начинает труд и подвиг исцеления!». Такую же позицию занял и митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев), благословивший священникам своей епархии выступить на митинге в поддержку Горбачева и Ельцина.

Патриарх Алексей II дал оценку и вынужденному компромиссу в отношении безбожных властей со стороны Московской Патриархии: «Трагедия митрополита Сергия заключается в том, что он пытался «под честное слово» договориться с преступниками, дорвавшимися до власти. ... Декларация митрополита Сергия в целом ушла в прошлое, и мы не руководствуемся ею».

§2. Церковная жизнь

С конца 1980-х гг. представители Церкви начали выступать по радио и телевидению, а также со страниц печати. Миллионы телезрителей получили возможность смотреть передачи с участием пастырей и архипастырей – митрополитов Кирилла (Гундяева), Филарета (Вахромеева), Питирима (Нечаева), Антония (Блума), епископа Василия (Родзянко) и многих других. Активную деятельность развернул подмосковный протоиерей Александр Мень, умевший доходчиво и ярко рассказать о православии. Отец Александр стал также автором ряда интересных книг о христианстве. Выводы и утверждения этого автора не всегда соответствовали православному вероучению, однако деятельность священника многим помогла прийти в Церковь. 9 сентября 1990 г. пастырь был убит при невыясненных обстоятельствах по дороге в храм.

Юбилей Крещения Руси рассматривался как важное историческое событие не только в России, но и за рубежом. Значимость этого юбилея была отмечена на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО.

Торжества проходили с 5 по 12 июня 1988 г. с участием глав и представителей Поместных Церквей, а также инославных гостей. Праздничные мероприятия открылись Божественной литургией в кафедральном Богоявленском соборе. На следующий день после литургии в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры открылся Поместный Собор. В отличие от предыдущих Поместных Соборов (1945 и 1971 гг.), многие решения на этот раз не были предсказуемыми. По ряду вопросов развернулась полемика.

Среди деяний Собора необходимо отметить канонизацию ряда подвижников – святителей Макария Московского, Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова, преподобных Андрея Рублева, Максима Грека, Паисия Величковского, Амвросия Оптинского, блаженной Ксении Петербургской, благоверного князя Димитрия Донского. В соборном определении говорилось также о возможной канонизации других святых, почитаемых народом церковным.

8 июня Поместный Собор принял новый устав Русской Православной Церкви. Было отмечено, что «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое в 1945 г., устарело, а изменения, внесенные в документ в 1961 г., серьезно ухудшили ситуацию на приходах, отстранив духовенство от церковного управления.

Было решено созывать Поместные Соборы не реже одного раза в пять

лет. В промежутках между Поместными Соборами власть должна принадлежать Архиерейским Соборам, созываемым не реже одного раза в два года в соответствии с Уставом. Первоиерарх Русской Церкви подотчетен Соборам и имеет первенство чести среди архиереев. Произошли и давно ожидаемые изменения в приходском управлении. В соответствии с решением Собора 1988 г. клирики включались в состав приходского собрания, председателем которого становился настоятель.

Собор издал ряд посланий: «К чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью», «Ко всем, держащимся старых обрядов и не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом», «Боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви».

В неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, в Свято-Даниловом монастыре предстоятели Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Грузинской, Румынской, Болгарской и Кипрской Церквей совершили Божественную литургию.

Юбилейные торжества, поддержанные государством, знаменовали собой новую эпоху русской истории. Если до лета 1988 г. руководители различных уровней на местах находились в неведении о векторе государственной политики, то после юбилея сомнения уже отпали – был дан зеленый свет возвращению храмов и монастырей, открытию духовных училищ и семинарий, доступу духовенства к средствам массовой информации. В 1988 г. было увеличено число поступающих в действующие семинарии, в Смоленске было открыто духовное училище. В следующем году были открыты Киевская, Тобольская и Минская (в Жириовицком монастыре) семинарии.

9–11 октября 1989 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся Архиерейский Собор, приуроченный к 400-летию учреждения патриаршества в Русской Церкви. Собор причислил к лику святых первого русского патриарха – святителя Иова, а также первого патриарха после восстановления патриаршества в 1917 г. – святителя Тихона. Комиссия по канонизации получила задание начать подготовку материалов для прославления еще одного святого – протоиерея Иоанна Кронштадтского. Среди других вопросов, обсуждавшихся на Соборе, были вопросы приходской жизни, духовного образования. Собор рекомендовал архиереям издавать епархиальные ведомости. Еще одним пунктом повестки была подготовка закона о свободе совести.

30–31 января 1990 г. состоялся еще один Архиерейский Собор, рассматривавший трагическую ситуацию на Украине, где восстанавливало

свои позиции униатство и стали зарождаться новые расколы.

3 мая 1990 г. в 3 часа дня отошел ко Господу Святейший Патриарх Пимен, тяжело болевший с 1985 г. 6 мая он был погребен в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры.

Уже в день блаженной кончины Первосвятителя, 3 мая, состоялось заседание Священного Синода, на котором патриаршим местоблюстителем был избран митрополит Филарет (Денисенко).

Поместный Собор для избрания нового патриарха был предварен Архиерейским Собором в Свято-Даниловом монастыре. 6 июня иерархам предстояло избрать трех кандидатов в патриархи. По итогам тайного голосования большинство голосов получили митрополит Ленинградский Алексей (Ридигер) (37 голосов), митрополит Ростовский Владимир (Сабодан) (34 голоса), митрополит Киевский Филарет (Денисенко) (34 голоса).

Поместный Собор открылся 7 июня в Троице-Сергиевой лавре под председательством митрополита Филарета (Денисенко). По окончании Божественной литургии члены Собора собрались в Трапезном храме преподобного Сергия. Помимо трех избранных Архиерейским Собором кандидатов Поместный Собор предложил еще пять кандидатур: митрополитов Крутицкого Ювеналия (Пояркова), Минского Филарета (Вахромеева), Волоколамского Питирима (Нечаева), Ставропольского Гедео́на (Докукина), Сурожского Антония (Блума). Последняя кандидатура была отклонена местоблюстителем по причине того, что по уставу кандидат в патриархи должен быть советским гражданином. Однако по итогам голосования ни один из этих кандидатов не набрал должного количества голосов. Поэтому Собору предстояло избрать одного из трех митрополитов – Алексея, Филарета и Владимира.

По итогам тайного голосования митрополит Алексей получил 139 голосов, митрополит Владимир – 107 голосов, митрополит Филарет – 66 голосов. Поскольку ни один из кандидатов не набрал половины голосов состоялся второй тур выборов. За митрополита Алексея теперь проголосовало 166 членов Собора, за митрополита Владимира – 143.

Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Алексей. Детство будущего предстоятеля, происходившего из древнего немецкого дворянского рода, прошло в независимой Эстонии. По окончании академии в 1950 г. Алексей Ридигер был рукоположен во иерея, в 1961 г. принял монашеский постриг и был рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского. С 1964 г. архиепископ (затем митрополит) Алексей был управляющим делами Московской Патриархии,

с 1986 г. – митрополитом Ленинградским и Новгородским. Интронизация Святейшего Патриарха Алексия II прошла 10 июня в Богоявленском Елоховском соборе.

Важным деянием Собора стала канонизация праведного кронштадтского пастыря Иоанна Сергиева. Собор обсудил и проект закона о свободе совести, обратив внимание на необходимость предоставления юридического лица не только приходам, монастырям и учебным заведениям, но и Русской Церкви в целом. Действительно, закон «О свободе совести и религиозных организаций», принятый 1 октября 1990 г., предоставил права юридического лица Русской Православной Церкви. Новый закон открывал возможность для религиозного воспитания детей, запрещал военному командованию препятствовать совершению религиозных обрядов военнослужащим, а также позволял совершение служб в тюрьмах, лагерях, больницах и т. д. Вместо Совета по делам религий в Верховном Совете была создана Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям.

25–27 октября 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре под председательством патриарха Алексия II прошел Архиерейский Собор, рассматривавший вопросы правового статуса Русской Церкви, а также вопросы церковных расколов.

Радостным событием тех лет стало обнаружение в служебном помещении санкт-петербургского Казанского собора, превращенного в советские годы в Музей истории религии и атеизма, мощей одного из самых любимых и почитаемых народом русских святых – преподобного Серафима Саровского. 11 января 1991 г. рака с мощами святого была перенесена в Троицкий собор Александро-Невской лавры, откуда мощи были доставлены в Москву. Более пяти месяцев останки святого находились в Москве, а затем крестным ходом через Владимир, Нижний Новгород и Арзамас перенесены в Дивеевский монастырь.

Мощи преподобного Серафима были не единственными обретенными в Казанском соборе. 28 февраля 1991 г. здесь были найдены нетленные мощи святителя Иоасафа Белгородского, торжественно перенесенные в Белгород.

§ 3. Расколы и разделения

Возрождение Церкви шло параллельно с появлением новых проблем. Люди, на протяжении семи десятилетий жившие под воздействием оголтелой антирелигиозной пропаганды, часто не могли отличить пшеницу от плевел. Представление, что все необычное – от Бога, привело к росту популярности всевозможных «целителей» и экстрасенсов, а также сект, порой деструктивных. Пропаганда лжеучений лилась с экранов телевизоров, в то время как проповедники разнообразных культов собирали целые стадионы зрителей. Церкви было необходимо срочно дать отпор лжеучениям, что было очень непросто после периода гонений. Тем более что и внутри самой Церкви стали наблюдаться нестроения.

Униатская проблема

Большой проблемой, потрясшей Церковь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., стало возрождение униатства на Западной Украине – политика середины 1940-х гг. дала о себе знать. Антикommунистические настроения в Галиции (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) соседствовали с антиправославными идеями. Уже в 1988 г. вышли из подполья униатские общины, стали переходить в греко-католичество приходы, считавшиеся православными. Начался и захват радикалами православных храмов. 1 декабря 1989 г. в Ватикане М.С.Горбачев встретился с Папой Римским Иоанном Павлом II. Вопрос о легализации унии на Украине был решен положительно. Предоставило легальный статус греко-католикам и украинское руководство, что привело к новым беззакониям на местах.

12–17 января 1990 г. вопрос о ситуации на Украине обсуждался представителями Московского Патриархата и Римско-Католической Церкви. Стороны пришли к соглашению, что легализация униатских приходов должна проходить мирным путем, а не с помощью бесчинств и силовых методов. 8–13 марта того же года во Львове состоялись четырехсторонние переговоры между представителями Московского Патриархата, Украинского экзархата Московского Патриархата, Римско-Католической Церкви и униатской Церкви. Комиссии договорились, что униатский вопрос должен решаться путем опроса населения тайным голосованием в каждой местности. В соответствии с количеством сторонников унии или православия предлагалось мирно разделить все местные храмы. Если в населенном пункте храм один, то он должен был передаваться большинству, но с условием, что получившая храм община поможет меньшинству построить свой храм. Однако униатов, стремившихся получить все храмы, принадлежавшие им до 1939 г., такое предложение не устроило. Представитель униатской стороны архиепископ Владимир Стернюк покинул заседание комиссии.

Социологические исследования показывали, что униаты в Галиции не представляли большинства, во Львовской области их было 28 %, в Тернопольской – 12 %, в Ивано-Франковской – 22 %. Несмотря на это в 1990 г. в указанных областях у Русской Церкви осталось совсем немного храмов. Значительная часть была захвачена униатами и, немалое количество ушло в расколы.

Расколы

Возникновение расколов стало еще одной церковной проблемой конца 1980 – начала 1990-х гг. Особенно болезненными были расколы на Украине. 1 ноября 1989 г. находившийся на покое епископ Иоанн (Боднарчук) заявил о своем выходе из подчинения Русской Церкви. На заседание Священного Синода епископ Иоанн не явился, сообщив, что переходит в подчинение созданной в годы Второй мировой войны «Украинской автокефальной православной церкви» (УАПЦ), глава которой «митрополит» Мстислав (Скрыпник) проживал в Америке. Вслед за епископом Иоанном в раскол перешло и несколько украинских приходов. 14 ноября 1989 г. Священный Синод лишил этого архиерея сана за учинение раскола и объявил его священнодействия безблагодатными. Решение было подтверждено Архиерейским Собором, состоявшимся 30–31 января 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре.

Решение Собора не остановило раскольников. Весной 1990 г. Боднарчук вместе с «епископом» катакомбной серафимо-геннадиевской ветви Викентием Чекалиным поставил несколько «архиереев», положив начало новой лжеиерархии. В июне 1990 г. автокефалисты провели в Киеве свой «Собор». Боднарчук был поставлен «патриаршим местоблюстителем», в то время как «патриархом всея Украины» был провозглашен Мстислав (Скрыпник). В ноябре того же года в Софийском соборе Киева состоялась «интронизация» Скрыпника. Однако отношения между Боднарчуком и Скрыпником не сложились. Своим «местоблюстителем» последний поставил «епископа» Антония (Масендича). Как и униаты, представители автокефалистского раскола часто действовали путем насилия, изгоняя верных канонам пастырей и захватывая храмы. К концу 1991 г. раскольникам принадлежало около 500 церквей.

Раскол был осужден Поместным Собором Украинской Церкви 22–23 ноября 1990 г. На этом же Соборе был принят устав Украинской Церкви, главой которой был избран митрополит Филарет (Денисенко).

Другой печальный раскол охватил уже всю территорию Советского Союза и был связан с деятельностью Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ). Началом раскола стал разгоревшийся в конце 1989 г. конфликт между правящим архиереем Владимирской епархии архиепископом Валентином (Мишуком) и настоятелем храма святого Царя Константина в Суздале архимандритом Валентином (Русанцовым).

Среди причин конфликта было запрещение последнему баллотироваться в депутаты городского совета. Архимандрит указание своего архиерея проигнорировал и в наказание был переведен в г. Покров. От нового назначения послушник отказался и вместе со своим приходом обратился в Зарубежный Синод с просьбой о принятии в его подчинение. В апреле 1990 г. Зарубежный Синод принял мятежного клирика. Последовавшая вскоре кончина патриарха Пимена подтолкнула руководство Зарубежной Церкви к более серьезному каноническому нарушению – созданию так называемой «Свободной Церкви».

15 мая Архиерейский Собор РПЦЗ принял «Положение о приходах свободной Российской Православной Церкви», что означало создание раскола на территории Московского Патриархата. 16 мая 1990 г. Зарубежная Церковь признала возможным открытие своих епархий в Советском Союзе. Параллельно с этим РПЦЗ стала совершать архиерейские хиротонии над священнослужителями «Катакомбной Церкви». По данным епископа Лазаря (Журбенко), в течение 1990 г. к РПЦЗ присоединилось около 30 клириков. Также присоединялись к РПЦЗ и «клирики» из секачевского раскола, которых епископ Лазарь рукополагал заново. 10 февраля 1991 г. в храме-памятнике святого Иова Многострадального в Брюсселе архиереи РПЦЗ рукоположили во епископа Суздальского архимандрита Валентина (Русанцова), который стал членом Архиерейского Синода РПЦЗ. Епископ Лазарь (Журбенко) в марте 1991 г. был возведен в сан архиепископа. В Москве появилось Синодальное подворье РПЦЗ в Марфо-Мариинской обители, были организованы заочные богословские курсы для студентов из России.

Отличительной чертой нового раскола стала оскорбительная критика в адрес Московского Патриархата. Руководство РПЦЗ, имевшее весьма смутное представление о реалиях российской жизни, рассчитывало, что в перспективе в «Свободную Церковь» перейдет вся российская паства. Такие иллюзии подпитывались уверениями безответственных лиц наподобие священника Глеба Якунина, во всеуслышание заявлявших, что Московская Патриархия не пользуется поддержкой народа и доживает последние дни.

Московский Патриархат подверг новый раскол резкой критике на Архиерейском Соборе 25–27 октября 1990 г. Собором было составлено воззвание к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви, где осуждались действия Зарубежного Синода, а также указывалось на каноническую спорность его существования. При этом в послании Собора прямо говорилось, что Московский Патриархат не

считает себя связанным «Декларацией» митрополита Сергия. Таким образом Собор констатировал, что главного повода к разделению с Зарубежной Церковью больше не существует. Несмотря на то что действия Зарубежного Синода давали повод для более решительных шагов против РПЦЗ, Московский Патриархат не пошел на такие меры. Воззвание завершалось призывом «искать мира и любви между собой».

В таком состоянии Русская Православная Церковь вошла в новую эпоху – постсоветскую.

Глава 16. Русская Церковь в 1992–2008 гг.

§ 1. Церковно-государственные отношения

Конец декабря 1991 г. стал началом нового периода истории нашей страны, в апреле 1992 г. переименованной из РСФСР в Российскую Федерацию. Находившаяся в кризисном состоянии экономика восстановилась не сразу. Переход от плановой экономики к рыночной привел к росту цен, закрытию множества предприятий, общему обеднению населения. Большой проблемой стало разделение русской нации – 25 млн русских оказалось за пределами России. Серьезные нестроения возникали в автономных республиках, часть из которых противилась подписанию федеративного договора. Особенно тяжелой была ситуация в Чечне, где сепаратистские настроения сопровождались изгнанием из региона русского населения.

Положение усугублялось политическим кризисом, который выразился в противостоянии между президентом Б.Н.Ельциным и Верховным Советом. Кризис перешел в вооруженную стадию 3–4 октября 1993 г., когда здание российского парламента было взято войсками. Однако и впоследствии кризис не прекратился. Государственная дума, избранная в декабре 1993 г., была в основном оппозиционно настроена в отношении президента. Напряженная ситуация продолжалась до конца 1990-х гг. В августе 1999 г. назначением на пост премьер-министра В. В. Путина был решен вопрос с преемником главы государства. Ельцин ушел в отставку 31 декабря 1999 г. Следующим Президентом Российской Федерации 26 марта 2000 г. стал В.В.Путин.

В рассматриваемый период Русская Церковь принимала участие в важных мероприятиях по укреплению единства страны. В мае 1993 г. Русской Церковью был организован I Всемирный русский Собор, впоследствии такие Соборы стали постоянными.

Церковь не осталась в стороне от трагических событий октября 1993 г., грозивших стране гражданской войной. Патриарх Алексей II, узнав о вооруженных столкновениях в Москве, прервал визит в Америку, где находился на праздновании 200-летия православия на этом континенте, и вернулся на родину. В эти напряженные дни в Свято-Даниловом монастыре Церковь провела переговоры между враждующими сторонами, однако к положительному результату это не привело. Во избежание втягивания в политические конфликты Православной Церкви Священный Синод принял решение о запрете священнослужителям избираться в Государственную думу и в Совет Федерации. Священник Глеб Якунин, не

подчинившийся этому распоряжению, 8 октября был лишен сана.

Важным событием этого периода стал новый закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Принятый в 1997 г., он во многом повторял нормы предыдущего закона от 1990 г., однако содержал важное дополнение об особой роли в истории России Русской Православной Церкви.

Вопрос взаимоотношений Церкви и государства, а также отношения Церкви к ряду важных общественных проблем обсуждался на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. Ответ Церкви на многие вопросы был дан в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», одобренных этим Собором. Документ отразил позицию Церкви по проблемам христианской этики, светского права, политики, собственности, экологии, культуры, образования, биоэтики и т. д.

Очень важными представляются изложенные в «Основах социальной концепции» принципы церковно-государственных отношений. «Во взаимоотношениях между Церковью и государством, – говорилось в документе, – должно учитываться различие их природ. Церковь основана непосредственно Самим Богом – Господом наш им Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти являет себя в историческом процессе опосредованно. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии».

В документе было отмечено, что государство не имеет права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь (управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику) за исключением действий Церкви в качестве юридического лица. Были отмечены сферы сотрудничества между Церковью и государством. Документ отметил необходимость повиновения государственной власти и ее законам, ограничив это повиновение условием вечного спасения: «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах. Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении».

§ 2. Проблемы церковной жизни

1990-е – 2000-е гг. стали для Русской Церкви периодом укрепления и роста. Если в 1991 г. в Русской Церкви было 12 тыс. приходов, 117 монастырей, 2 академии, 7 семинарий, то в 2000 г. число приходов Русской Церкви составляло 19 417, монастырей – 545, а также 5 академий, 2 института, 3 университета, 27 семинарий, 27 духовных училищ, 3 женских епархиальных училища. На Архиерейском Соборе 2008 г. патриарх Алексий II озвучил следующие цифры: 156 епархий, 196 архиереев, 29 141 приход, 30 544 священнослужителя, 769 монастырей (372 мужских, 397 женских). Также в Русской Православной Церкви к тому моменту было 5 духовных академий, 2 университета, 3 богословских института, 38 семинарий, 39 духовных училищ.

Знаменательным событием тех лет стало обретение мощей святителя Тихона. В 1992 г. во время ремонта в Малом соборе Донского монастыря были проведены раскопки на предполагаемом месте его захоронения. Раскопки увенчались успехом – 5 апреля мощи святителя были перенесены в Большой собор Донского монастыря.

В 1994 г. началось воссоздание храма Христа Спасителя. Изначально храм находился на возвышении, после сноса на его месте был выкопан котлован для Дворца Советов. Чтобы поднять здание на прежний уровень, было решено построить цокольный этаж. Здесь разместились Преображенская церковь, Зал церковных соборов, музей и технические помещения. В 1996 г. нижний храм был освящен. Первая литургия в верхнем (Рождественском) храме состоялась в день Пасхи 14 апреля 1997 г. Малое освящение верхнего храма состоялось 31 декабря 1999 г. В 2004 г. сюда были перенесены мощи святителя Филарета (Дроздова).

В храме Христа Спасителя в августе 2000 г. состоялся Юбилейный Архиерейский Собор, причисливший к лику святых сонм Новомучеников Российских и издавший ряд важных документов.

Так, Юбилейный Архиерейский Собор 2000 г. одобрил «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям», рассмотрел вопросы социального служения и благотворительности, религиозного образования и катехизации, миссионерства. Важным деянием Собора стало утверждение Устава Русской Православной Церкви. В соответствии с новым уставом периодичность Поместных Соборов уже не устанавливалась, в то время как Архиерейские Соборы полагалось созывать через четыре года.

Получив свободу после 70-летнего гнета, Русская Церковь оказалась в уникальном положении. На протяжении своей истории вплоть до 1917 г. она находилась не только под покровительством, но и под определенным давлением властей. Помощь, оказываемая государством в миссионерстве, борьбе с ересями и расколами, имела и обратную сторону, когда Церковь была вынуждена поддерживать политику великих князей и царей, отказываясь от собственной инициативы, а порой и от справедливого протеста. Начиная с 1990-х гг. Церковь находилась в условиях внутренней свободы при отделении от государства, религиозная политика которого еще не определилась. Такое положение приводило к ряду новых проблем.

Хотя здания храмов и передавались Православной Церкви, процесс не был легким. Нередко та или иная передача сопровождалась серьезными трудностями. Реституция, подразумевавшая возвращение незаконно отобранного большевиками имущества, могла бы вернуть как Церкви, так и потомкам частных лиц всю принадлежавшую им недвижимость. Однако реституция в Российской Федерации, объявившей себя преемницей не Российской империи, а Советского Союза, так и не состоялась. На практике многие церкви оставались занятыми предприятиями и организациями, которые порой либо не хотели, либо не имели возможности покинуть здание. Это приводило к долгим, иногда многолетним хлопотам со стороны духовенства и епархиального начальства. Случалось, что храм, официально переданный Церкви, долгое время не действовал по причине того, что размещенные там светские службы не могли переехать в новое помещение. Бывали случаи, когда изуродованные здания церквей покупались различными предпринимателями. В таких случаях сохранение храма зависело от частного лица.

Среди проблем, угрожавших Церкви извне, следует назвать активизацию протестантских движений, а также сект тоталитарного характера. Люди, воспитанные на советском атеизме, часто оказывались беззащитны как перед манипуляциями экстрасенсов, так и перед напором сектантских проповедников. Крушение Советского Союза, воспринятое некоторыми как трагедия, а также массовое обеднение питало апокалипсические настроения. Все это в совокупности приводило к популярности различных опасных культов.

В начале 1990-х гг. развернула пропаганду японская псевдо-буддистская секта «Аум Сенрикё», лидер которой Сёко Асахара впоследствии был приговорен к пожизненному заключению за страшный теракт в токийском метро в 1995 г. В 1991 г. в Киеве было

зарегистрировано «Белое братство». Одна из лидеров этой структуры, Мария Цвигун, объявившая себя одновременно Девой Марией и воплощением Христа, предсказывала конец света 10 ноября 1993 г. Другая структура, «Церковь последнего завета», возглавлялась бывшим милиционером Сергеем Торопом (Виссарионом), который объявил себя Христом и создал в Сибири целую общину своих последователей. Среди наиболее активных сект того времени следует назвать «Церковь объединения» (основатель южнокорейский миллионер Мун Сон Мён), «Церковь сайентологии» (основатель американский писатель Р. Хаббард), мормонов, кришнаитов и проч.

Сектантам, как правило обладавшим немалыми капиталами, предоставлялась возможность выступать по телевидению и по радио, в то время как проповедники опасных культов навязчиво действовали на улицах городов, проникали в школы и на предприятия. Особенностью этих и последующих лет стала реклама в средствах массовой информации услуг экстрасенсов, всевозможных «колдунов» и «целителей», многие из которых прикрывались православной атрибутикой. Теософские и оккультные организации также использовали церковную символику, выставя себя почитателями Христа, Приснодевы Марии, преподобного Сергия Радонежского и т. д.

Русская Церковь осталась один на один с сектами и расколами. Архиерейский Собор 1994 г. выступил с резким обличением подобных культов и практик. Среди них были названы астрология, спиритизм, «Собор новой Святой Руси» (Богородичный центр), «Белое братство», «Церковь последнего завета» (группа Виссариона), общества, связанные с именем Е. Блаватской и семьи Рерихов («Агни-йога»). Собор указал и на такие движения, как «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства» («церковь Муна»), «Новоапостольская церковь», «Церковь Христа», «Церковь сайентологии» Хаббарда, «Церковь святых последних дней» (мормонов), «Международное общество сознания Кришны», «Аум Сенрикё», «трансцендентальная медитация», «Новая эра», «Эра Водолея».

Собор констатировал факт, что приверженцы этих идей отлучены от Церкви. «Все вышеперечисленные секты и «новые религиозные движения», – говорилось в соборном определении, – с христианством несовместимы. Люди, разделяющие учения этих сект и движений, а тем более способствующие их распространению, отлучили себя от Православной Церкви». Также было признано недопустимым использование православной символики и песнопений в пропаганде всевозможных культов. Православным было запрещено участвовать в

мероприятиях, организованных указанными течениями.

Ведущая роль в борьбе с лжеучениями отводилась просвещению, в частности, изданию книг и статей. Большое значение в деле обличения антихристианских и псевдохристианских культов в начале 1990-х гг. имели книги иеромонаха Серафима (Роуза) († 1982г.). Со временем стали появляться труды современных исследователей – иерея Олега Стеняева, иеромонаха Анатолия (Берестова), А.Л. Дворкина и др.

Переживала Русская Церковь и внутренние проблемы.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. серьезная полемика развернулась по поводу присвоения организациям и частным лицам идентификационных номеров налогоплательщика (ИНН). В православной среде возникли опасения, что присвоение индивидуального номера является подспудным навязыванием человеку «числа зверя» (666), указанного в Откровении Иоанна Богослова (Откр.13:16–18). Другой проблемой стало введение штрихкодов, в которых также видели зашифрованные шестерки. Боязнь совершить невольное отступничество приводила к манифестациям, крестным ходам и молитвенным стояниям. Ситуация ухудшалась уверенностью определенных кругов, что принятие ИНН является прямым отступничеством. По этой причине некоторые пастыри отказывали в причастии тем, кто принял номера.

7 марта 2000 г. Священный Синод издал послание с целью успокоить паству. Признав, что основания для беспокойства действительно есть (о чем заявила и Элладская Церковь), Синод все же отметил, что по святоотеческому учению принятие печати антихриста должно быть сопряжено с добровольным отказом от Христа и не может быть навязано христианину обманом. «Никакой внешний знак, – настаивал Священный Синод, – не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры». При этом Синод выразил обеспокоенность, что отказавшиеся от предлагаемой системы учета могут оказаться без социальной и медицинской помощи. Синод обратился и к государственной власти с призывом убрать символ цифры «6» из штрихкодов, а также создать альтернативную систему учета граждан для предоставления им различных услуг.

«Подлинное покаяние за преступления, – говорилось в синодальном послании, – совершенные в XX веке против верующих, совершится тогда, когда государство будет неизменно уважать чувства верующих и не станет вторгаться в человеческую совесть по каким бы то ни было мотивам».

Вопрос рассматривался VII пленумом Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви в Московской духовной

академии 19–20 февраля 2001 г. Комиссия пришла к выводу: «Принятие или непринятие индивидуальных номеров ни в коей мере не является вопросом исповедания веры или греховным деянием. Это дело личного выбора, оно не имеет религиозного значения». Было оспорено и наличие шестерок в штрихкоде. Одновременно с этим комиссия высказала опасение относительно духовного состояния тех, кто превозносится своим отказом от ИНН, и признала недопустимым наложение пастырями прещений на тех, кто номер принял. Та же мысль была выражена и в послании Патриарха Алексия II от 4 марта того же года. Выводы комиссии были одобрены Священным Синодом.

Некоторых результатов удалось добиться. Министерство РФ по налогам и сборам и Сбербанк РФ сообщили, что принудительного присвоения ИНН не будет.

27 декабря 2001 г. Священный Синод подтвердил, что принятие номера не влияет на спасение и духовное состояние человека. Во избежание дальнейших соблазнов Церковь призвала государство дать возможность гражданам отказываться от ИНН, а также относить нумерацию не к личности, а к лицевому счету или иному документу налогоплательщика.

Еще одной проблемой этого периода стало создание и тиражирование всевозможных мифов, связанных с православной тематикой. Среди таковых история о ливанском митрополите Илии (Караме), будто бы передавшем Сталину повеление Божией Матери открывать храмы в начале войны. Согласно этому мифу, коммунистическое руководство прекратило гонения на Церковь и открыло «тысячи» (а то и «десятки тысяч») храмов, что является ложью. К категории вымыслов относятся рассказы о торжественных крестных ходах вокруг российских городов, о молебнах для солдат Красной армии, о полете вокруг Москвы самолета с Тихвинской иконой Божией Матери и проч. Среди навязываемых подлогов нужно выделить положительные высказывания о Сталине, приписываемые святителю Луке (Войно-Ясенецкому). Еще более прискорбным явлением стали фальсификации документов, среди наиболее распространенных подделок – «распоряжение» Сталина о прекращении гонений на Церковь в 1939 г.

Серьезной провокацией, направленной на раскол Церкви, стало навязывание недобросовестными публицистами канонизаций сомнительных исторических персонажей, прежде всего царя Иоанна IV и Г.Распутина. Особенностью этой кампании стало пренебрежительное отношение к историческим источникам, игнорирование невыгодных для

себя документов, свидетельств и научных исследований, как старых, так и новейших, всевозможные оскорбления в адрес несогласных и проч. Манипуляторы не брезговали и клеветой на прославленных Церковью святых, высказывавшихся против царя Иоанна и Распутина. Трагизм ситуации усугубляло то, что сочинения на эту тему издавались на высоком полиграфическом уровне и большими тиражами, а сторонники канонизации без благословения Церкви тиражировали и распространяли «иконы», «молитвы» и «акафисты» этим лицам.

Доходило до попыток влиять на священноначалие. Выступая на XIII Международных Рождественских чтениях митрополит Кирилл (Гундяев) сказал, что акции в поддержку прославления царя Иоанна и Г.Распутина «производили впечатление хорошо организованного и тщательно спланированного движения», а на церковное руководство «оказывалось давление с использованием самых различных каналов влияния».

Подобным образом оценил ситуацию патриарх Алексей II. На епархиальном собрании 15 декабря 2001 г. председатель Русской Церкви сказал: «Группа псевдоревнителей Православия и самодержавия пытается самочинно, «с черного хода», канонизировать тиранов и авантюристов, приучить маловерующих людей к их почитанию. Неизвестно, действуют ли эти люди осмысленно или несознательно. Если осмысленно, то это провокаторы и враги Церкви, которые пытаются скомпрометировать Церковь, подорвать ее моральный авторитет. Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать священномученика митрополита Московского Филиппа, преподобномученика Корнилия, игумена Псково-Печерского и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых?»

В марте 2003 г. патриарх Алексей II вновь обратился к этой теме, указав, что скандальные инициативы говорят «о серьезном повреждении церковного сознания» и направлены на создание разделения в Церкви.

Отрицательно оценил провокационные тенденции Архиерейский Собор 2004 г. В своем докладе председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Ювеналий (Поярков) отметил недопустимость канонизации царя Иоанна и Г.Распутина, а также безосновательность пересмотра сложившегося в исторической науке отрицательного отношения к этим фигурам. Доклад митрополита Ювеналия был одобрен Собором.

Проблемы, связанные с ИНН и канонизацией одиозных личностей, были напрямую связаны с кризисом духовнического служения. Подлинное духовничество, к которому пастыри прежде шли годами, а то и десятилетиями, старательно вытравливалось властями на протяжении всего советского периода. Массовый приток народа в Церковь в 1990-е гг. создал в связи с этим новую проблему – малое количество опытных пастырей. Это выразилось в таком прискорбном явлении, как «младостарчество», когда функции духовников стали брать на себя люди неискушенные.

Патриарх Алексей II, выступая на епархиальном собрании в Москве в декабре 1995 г., оценил эту ситуацию так: «Священник впадает в прелесть, – во внутреннее горделивое самомнение, а исповедник получает только кажущееся облегчение души. ... Старчество – это особое харизматическое дарование, связанное с рассудительностью духовной, с различением духов, и дается оно избранным, прошедшим долговременную школу послушания, смирения, победившим страсти и стяжавшим Святого Духа».

Эта проблема коснулась и монастырей. Если в древности монастыри обычно возникали стихийно вокруг человека святой жизни, то впоследствии монашеские обители стали открываться искусственно. В конце XIX в. русское монашество, как отмечал святитель Игнатий (Брянчанинов), переживало нелучший период своей истории и было подобно весеннему снегу. Обители, открываемые в постсоветский период, также испытали на себе эти проблемы. Создание подлинной монашеской общины в таких условиях – дело небыстрое. Хотя во многих обителях постепенно удалось наладить монашескую жизнь, а на приходах создать крепкие православные общины, все же в отдельных храмах и монастырях стали проявляться откровенно сектантские тенденции, связанные с идеями о невозможности спасения в миру, порицанием брака, отказом от паспортов и т. д.

28 декабря 1998 г. Священный Синод напомнил пастырям, что задача духовника – помогать пасомым советом, а не навязывать свою волю. Было отмечено, что беспрекословное послушание послушника старцу в монастырях не может применяться в приходской практике. Синод указал на недопустимость склонять людей вопреки их расположению к различным действиям: вступлению в брак или разводу, отказу от супружеской жизни в браке, принятию монашества, несению какого-либо церковного послушания, внесению пожертвований, изменению местожительства, отказу от трудоустройства, получения образования, воинской службы, выполнения гражданских обязанностей, отказу от

медицинской помощи. Синод напоминал, что, признавая необходимость венчания, Церковь с уважением относится и к браку, заключенному светскими органами власти, а также к браку, где только одна из сторон является православной.

Особо было указано на недопустимость для священников создавать вокруг себя общины с критическим отношением к церковному руководству и другим пастырям и приходам.

§ 3. Экуменические контакты

Одним из документов экуменического характера, принятых в этот период, стала совместная православно-католическая декларация, подписанная в Баламандском богословском институте в Ливане в июне 1993 г. Декларация, вошедшая в историю как Баламандская, была принята представителями восьми Поместных Церквей (в том числе Русской) и представителями Римско-Католической Церкви. Документ констатировал отсутствие единства между православными и римо-католиками, называл Православную и Римско-Католическую Церкви «Церквами-сестрами», в равной степени ведущими ко спасению, высказался против взаимного прозелитизма, в том числе и в форме униатства. Однако декларация встретила серьезную критику как среди православных, так и среди римо-католиков, привела к соблазну в православной среде и основой для объединительного процесса так и не стала.

Другим событием, вызвавшим несогласие и смущение в православном мире, стала четвертая встреча Объединенной комиссии по диалогу в Шамбези в ноябре 1993 г. между православными и нехалкидонитами – структурами, отделившимися от Православной Церкви на почве неприятия IV Вселенского (Халкидонского) Собора. Встреча была названа заключительной, так как подвела итог многолетним переговорам (неофициальные встречи 1964, 1967, 1970, 1971 и официальные встречи 1985, 1989, 1990 гг.). Стороны сделали вывод о верности христологической доктрине и преданию «обеих семей», сведя отсутствие взаимопонимания к различию в терминологии. Стороны наметили мероприятия для объединения, которые подразумевали среди прочего снятие анафем и разработку форм совместного богослужения.

Шамбезийский документ вызвал протест в Православных Церквях, и Русская Церковь не стала исключением. В трудах исследователей, например, иерея Олега Давыденкова, отмечалось, что вопрос разделения с нехалкидонитами не столь прост, чтобы православные могли пойти на столь серьезные уступки.

Экуменический диалог к тому времени был серьезно дискредитирован со стороны инославных, прежде всего протестантов введением женского священства, признанием однополых браков и др. Вызывали возмущение и действия протестантских миссионеров, чья навязчивая активность в отношении православных совершенно не соответствовала декларируемым на экуменических форумах заявлениям.

Границы допустимого в общении с инославием стали предметом бурных споров, звучали требования немедленно выйти из Всемирного совета церквей. Полемика в связи с этим развернулась и на Архиерейском Соборе 1994 г., который издал документ «Об отношении Русской Православной Церкви к межхристианскому сотрудничеству в поисках единства». Собор постановил «подвергнуть все вопросы, беспокоящие духовенство и мирян нашей Церкви в связи с ее участием в экуменическом движении, тщательному богословскому, пастырскому и историческому анализу и переосмыслению с целью разъяснения верующим всех недоумений», указать международным христианским организациям, что деятельность иностранных миссионеров компрометирует экуменическое движение. Вопрос о целесообразности молитв с инославными христианами во время официальных мероприятий представлялся на усмотрение священноначалия (общецерковного и в конкретных случаях епархиального).

Также Собор отметил, что заявление, принятое в Шамбези, не может рассматриваться как окончательное, а изучение материалов проведенных ранее встреч должно продолжиться. Экуменическая тема стала предметом обсуждения и на Архиерейском Соборе 1997 г., принявшем решение вынести вопрос о контактах с инославными на всеправославное обсуждение. Также Собор указал на невозможность восстановления общения с нехалкидонитами и постановил, что вопрос следует обсуждать далее.

Подвергалась критике и работа Всемирного совета церквей.

В своей статье «Кредит нашего доверия к ВСЦ исчерпан» в 1998 г. председатель ОВЦС митрополит Кирилл (Гундяев) не только порицал антихристианские тенденции в протестантизме, но и их защиту со стороны ВСЦ. Критика этой структуры звучала и в выступлениях других архипастырей, например, митрополита Антония (Блума) и митрополита Николая (Кутепова). С другой стороны, скоропалительный разрыв с этой организацией представлялся неразумным – в таком случае Русская Церковь потеряла бы влияние на ВСЦ, уступив свои позиции Константинополю.

Юбилейный Архиерейский Собор 2000 г. одобрил документ «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию». Констатируя, что спасение возможно только в Церкви Христовой, Собор отметил, что отпавшие от Церкви общины все же не лишены благодати окончательно, что подтверждается различными способами чиноприема в Церковь из различных сообществ: через

Крещение, Миропомазание или Покаяние. Признавая необходимость единства с отделившимися, документ подчеркивал, что таковое возможно только в лоне Церкви, в то время как иные модели единства неприемлемы. Также совершенно недопустима и протестантская «теория ветвей» (все религии спасительны и как бы являются ветвями одного дерева). Принятие в Церковь деноминаций с сохранением ими догматических заблуждений также невозможно. Путь в Церковь для таких сообществ – путь покаяния, обращения и обновления. При этом документ считал допустимым диалог с инославием, сочетающий догматическую принципиальность и братскую любовь.

Вопрос границ допустимого в отношениях с инославными христианами рассматривался и в ходе диалога между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. В ходе переговоров стороны уже в 2004 г. пришли к соглашению, что социальные контакты и богословский диалог с инославными не являются отступничеством. При этом порицалась «теория ветвей» и отмечалась недопустимость общения в таинствах. Такая позиция была одобрена священноначалием Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви.

§ 4. Расколы и разделения

Распад Советского Союза и образование на его месте независимых государств стали причиной роста церковного сепаратизма на местах. Чтобы предупредить возможные осложнения, Священный Синод в 1992 г. дал широкие внутренние полномочия епархиям в отделившихся государствах. В частности, была подтверждена административная самостоятельность Церкви в Латвии, дарованная еще в 1921 г., и Церкви в Эстонии в соответствии с решением патриарха Тихона 1920 г. В том же году получила административную самостоятельность и Церковь в Молдавии. Тем не менее 1990-е гг. были отмечены серьезными церковными потрясениями в бывших республиках Советского Союза. Наиболее трагичными были расколы на Украине.

Положение канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата было вполне приемлемым для независимой Украины. Украинская Церковь имела широкую автономию и статус самоуправляемой. Однако людей с раскольничьей психологией такое положение не устраивало.

Украинские расколы

В начале 1992 г. Украину потряс новый раскол. Его лидером стал бывший глава Украинской Церкви митрополит Филарет (Денисенко). Еще в ноябре 1991 г. Собор Украинской Церкви во главе с митрополитом Филаретом обратился к патриарху Алексию II с просьбой предоставить Украинской Церкви полную самостоятельность и способствовать учреждению Киевского Патриархата. Такое решение было поддержано не всеми – в Москву полетели просьбы приходов оставить их в юрисдикции Русской Церкви.

В конце декабря 1991 г. Священный Синод Русской Церкви при участии митрополита Филарета принял решение разослать определение Украинского Собора всем архиереям для обсуждения, чтобы впоследствии решить вопрос на Архиерейском Соборе.

Однако президент Украины Л.М.Кравчук, заявлявший, что независимое государство должно иметь и независимую Церковь, настаивал на скорейшем предоставлении Украинской Церкви самостоятельности. За немедленное решение вопроса выступал и митрополит Филарет. 22 января 1992 г. архиерейское совещание в Киеве обратилось к патриарху и архиереям Русской Церкви с посланием, где содержался упрек в умышленном затягивании автокефалии. Вскоре три епископа – Черновицкий Онуфрий (Березовский), Тернопольский Сергей (Генсицкий) и Донецкий Алипий (Погребняк) отозвали свои подписи и на следующий день были смещены со своих кафедр. Решение вызвало возмущение паствы, которая отказалась выпускать иерархов из епархий.

Сложившаяся ситуация обсуждалась на Архиерейском Соборе в Москве 31 марта – 5 апреля. Как и прежде, митрополит Филарет выступал за автокефалию Украинской Церкви, мотивируя это независимостью Украины. Однако большинство членов Собора митрополита не поддержало. Собор обвинил иерарха в возникшем кризисе, а также в грехах против монашеских обетов, и потребовал от него оставить пост главы Украинской Церкви. Митрополит Филарет дал понять, что согласен с решением Собора, однако по прибытии в Киев заявил, что оставить пост главы УПЦ отказывается. Священный Синод со своей стороны поручил старейшему иерарху Украинской Церкви митрополиту Харьковскому Никодиму (Руснаку) созвать Собор украинских архиереев для принятия отставки митрополита Филарета и избрания нового главы УПЦ. Митрополит Филарет явиться на Собор отказался, а на конференции в

Киеве отверг постановление Священного Синода.

Собор украинских архипастырей состоялся в Харькове 27 мая 1992 г. 17 иерархов, присутствовавших на нем, приняли решение о запрещении митрополита Филарета в священнослужении за раскольнические действия вплоть до решения Архиерейского Собора Русской Церкви. Харьковский Собор избрал и нового главу Украинской Церкви, которым стал митрополит Ростовский Владимир (Сабодан). 11 июня 1992г. Архиерейский Собор Русской Церкви принял решение о лишении сана митрополита Филарета и поддержавшего его епископа Почаевского Иакова (Панчука). Со своей стороны, раскольники начали переговоры с «Украинской автокефальной церковью» и 25 июня объявили о создании единой с ними структуры, главой которой был признан Мстислав (Скрыпник), а заместителем – сам Филарет. Решение не было признано Скрыпником. Его последователями стали лжеепископ Петр (Петрусь) и протоиерей В. Ярема. После смерти Скрыпника в 1993 г. «патриархом» УАПЦ стал В. Ярема, постриженный в монашество с именем Димитрий. В 2000 г. его сменил на посту главы УАПЦ «митрополит» Мефодий (Кудряков).

Филаретовцы, именовавшие себя «Украинской Православной Церковью – Киевским Патриархатом», в 1993 г. избрали своим «патриархом» лжеепископа Владимира (Романюка). Сам Филарет (Денисенко) на место «патриарха» в тот момент претендовать не стал, однако реальную власть в расколе, включая финансовые дела, сохранил за собой. К расколу примкнул лишенный сана Глеб Якунин и ушедшие от автокефалистов Иоанн (Боднарчук), (в 1994 г. погиб в автокатастрофе) и Антоний (Масендич), в 1994 г. принесший покаяние в раскольничьей деятельности и вскоре рукоположенный во епископа Барнаульского в Московском Патриархате. В 1995 г. умер Владимир (Романюк), причем его похороны были скандальными: раскольники хотели самочинно похоронить своего лидера в Софийском соборе, что вызвало столкновение с милицией. После смерти Романюка Филарет решился принять на себя высший пост в расколе. Он и стал третьим «патриархом Киевским и всея Руси-Украины».

И «Киевский Патриархат», имевший в 1996 г. 1352 прихода, УАПЦ, имевшая 1209 приходов, по числу своих сторонников уступали законной Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, возглавляемой митрополитом Владимиром (Сабоданом) и имевшей 6564 прихода.

Архиерейский Собор Русской Церкви в феврале 1997 г. постановил

отлучить бывшего монаха Филарета (М.А.Денисенко) от Церкви. Тем же постановлением был отлучен от Церкви и Глеб Якунин.

Расколы в Эстонии и Молдавии

Еще одно разделение, весьма болезненное, хотя и незначительное в количественном отношении, потрясло Церковь в Эстонии. Местное руководство, стремившееся вывести местную православную общину из ведения Москвы, отказало в регистрации Эстонской Апостольской Православной Церкви, возглавляемой архиепископом Корнилием (Якобсом). Вместо этого министерство внутренних дел зарегистрировало в качестве ЭАПЦ зарубежный эстонский «Синод», находившийся в Стокгольме и не имевший в своем составе ни одного архиерея. От законной Эстонской Церкви власти потребовали изменить название, вследствие чего она потеряла бы свое имущество. Несмотря на то что от Церкви-Матери отделилось всего 10 священников, Патриарх Константинопольский Варфоломей в октябре 1994 г. поддержал стокгольмский «Синод» и призвал местное духовенство подчиниться Константинополю. Одновременно с этим он объявил о восстановлении томоса патриарха Мелетия IV от 1923 г. об учреждении в Эстонии митрополии Константинопольского Патриархата.

В феврале 1996 г. Московский Патриархат был вынужден приостановить общение с Вселенским престолом. В ходе дальнейших переговоров было решено сохранить в Эстонии две параллельные юрисдикции (Константинопольскую и Московскую) с правых приходов выбирать, кому подчиниться. Общение было восстановлено 16 мая 1996 г. Еще один раскол возник в Молдавии. Осенью 1992 г. группа священнослужителей во главе с викарным епископом Петром (Пэдурару) заявила о создании «Бессарабской митрополии» и переходе в Румынскую Церковь. Самочинники были запрещены в священнослужении, что не помешало Румынской Церкви принять их в свою юрисдикцию.

«Свободная церковь»

Другой проблемой оставалась «Свободная Церковь». К 1992 г. она приобрела новых сторонников. Среди таковых был архимандрит Адриан (Старина) из Богородска (Ногинска). Наказанный за недостойное поведение переводом в Симбирскую епархию, он отказался принять это распоряжение, объявил о переходе в РПЦЗ и был принят Валентином (Русанцовым). В Ишиме в РПЦЗ перешел игумен Евтихий (Курочкин).

Прибыл в Москву и официальный представитель Зарубежной Церкви епископ Варнава (Прокофьев). Однако вопреки надеждам создателей раскола перехода населения в «Свободную Церковь» не произошло. Клирики, переходившие в эту структуру, за редчайшими исключениями руководствовались не идейными, а личными мотивами. Русанцовский клир был представлен в лучшем случае теми, кто вступил в конфликт со священноначалием, а в худшем (и таковых было большинство) – людьми безнравственными.

Русская Зарубежная Церковь, на протяжении 70 лет сохранявшая достоинство и пользовавшаяся уважением у немалой части российских верующих, теперь свое положение утратила, тем более что ее представители в России серьезно дискредитировали не только РПЦЗ, но и православие в целом. Например, епископ Варнава нанес визит Владимиру (Романюку) и Филарету (Денисенко), предложив им вступить в общение. Другим скандальным поступком епископа Варнавы стало его сближение с национальнопатриотическим фронтом «Память», вследствие чего от РПЦЗ тут же отвернулась демократическая пресса. Чтобы исправить положение Архиерейский Синод РПЦЗ освободил епископа от должности своего представителя в России и запретил ему посещать Россию в течение пяти лет. Однако эта мера была запоздавшей.

Постепенно стали развеиваться и иллюзии относительно раскольничьего клира. Вскоре из «Свободной церкви» был изгнан Адриан (Старина), который, не теряя времени, перешел в филаретовский раскол и получил там «архиерейство». Приключения «иерарха» на этом не кончились – одним из его последующих деяний стала кощунственная «коронация» Николая Дальского – самозванца, объявившего себя «императором Николаем III».

Руководство «Свободной церкви» к тому времени уже выступало против своего американского священноначалия. Архиепископ Лазарь (Журбенко) и епископ Валентин (Русанцов) сочли, что, живя в России, они

имеют больше прав на власть, чем нью-йоркский Синод. 27 апреля 1993 г. архиепископ Лазарь сообщил Архиерейскому Синоду РПЦЗ, что не считает постановления руководства Зарубежной Церкви обязательными для исполнения.

В июне 1993 г. Архиерейский Синод РПЦЗ уволил архиепископа Лазаря и епископа Валентина на покой. В ответ мятежные иерархи 22 марта 1994 г. создали Временное Высшее церковное управление и приступили к самочинным «хиротониям». В ноябре 1994 г. РПЦЗ попыталась примириться с ослушниками и даже пригласила их на Собор в Лесненский монастырь (Франция). Примирение действительно состоялось. Лесненский Собор постановил также разделить Россию на шесть епархий. Однако по возвращении в Россию архиепископ Лазарь и епископ Валентин вернулись к самоуправлению и 22 февраля 1995 г. были запрещены Зарубежным Синодом в священнослужении. Если архиепископ Лазарь через некоторое время принес покаяние, то Валентин (Русанцов) пошел по пути создания собственной структуры и 10 сентября 1996 г. был запрещен в священнослужении Архиерейским Собором РПЦЗ.

Московский Патриархат обсуждал вопрос о Валентине (Русанцове) на Архиерейском Соборе в феврале 1997 г. Было принято решение о лишении его священного сана. Такая же мера была применена и к Адриану (Старине).

Раскольников прещения не вразумили. Возглавляемая Русанцовым структура, включавшая несколько десятков рассеянных по России общин, продолжила существование. Центром раскола стал храм св. Царя Константина в Суздале.

Диомидовский раскол

Несмотря на то что в 1990-е гг. священноначалие определило свое отношение к диалогу с инославием, выступления против экуменизма со стороны «ревнителей» имели место и порой приводили к новым расколам. Наиболее заметным из них стал раскол бывшего епископа Анадырского и Чукотского Диомида (Дзюбана). 22 февраля 2007 г. появилось обращение этого архиерея и нескольких клириков его епархии с порицанием совместных молитв с инославными, присутствия их на богослужениях, совместных заседаний и т. д. Авторы послания осуждали также прошедший в Москве летом 2006 г. саммит религиозных лидеров, «молчаливое согласие вместо обличения антинародной политики существующей власти», согласие с введением ИНН, одобрение демократии. Наконец, церковное руководство обвинялось и в попрании принципа соборности, что выразилось в долгом отсутствии Поместных

Соборов и передачи его функций Архиерейским Соборам. Позиция епископа Диомида была поддержана некоторыми СМИ, на местах началась агитация в поддержку послания. 6 июня последовало более категоричное послание с требованием осудить экуменизм как ересь, а причастным к ней принести покаяние. В радикальном духе действовали и периодические издания, контролируемые епископом Диомидом, – «Дух христианина» и «Пасха Третьего Рима».

Иерарха пытался вразумить духовный собор Троице-Сергиевой лавры, увещательное письмо которого появилось в печати 28 июня. Это не принесло результата. В октябре того же года епископ Диомид издал новое послание, где осуждались действия патриарха Алексия II, во время посещения Парижа молившегося в соборе Богоматери.

Не без оснований полагая, что его действия приведут к прешениям, епископ Диомид 10 июня 2008 г. опубликовал открытое письмо от имени клириков и монашествующих Анадырской епархии. О Русской Церкви в послании говорилось как о «зараженной ересями, католическим прозелитизмом и другими опасными болезнями». Сам епископ Диомид заявлял о финансировании Русской Церкви Ватиканом и больших состояниях русских иерархов, хранящихся в западных банках. Хотя епископ Диомид при этом заявлял о необходимости единства, его фактические действия принесли свои горькие плоды – его клирики стали разрывать общение с патриархом, обвиняя его в ереси.

27 июня 2008 г. Архиерейский Собор лишил епископа Диомида сана. Однако, чтобы не закрывать для иерарха возможности покаяния, Собор постановил отсрочить вступление этого решения в силу до ближайшего заседания Синода.

Но на заседания Синода, несмотря на неоднократные вызовы, епископ Диомид не являлся. Действия иерарха угрожали Церкви расколом, тем более что он перешел к «анафематствованиям» в адрес священноначалия. 6 октября 2008 г. Священный Синод постановил считать решение Архиерейского Собора о лишении сана епископа Диомида вступившим в силу.

Заявлявший о верности канонам Диомид не только не признал прещений, но и единолично совершил «архиерейскую хиротонию» над одним из своих адептов. Затем последовали другие «рукоположения», а также иные скандальные поступки: заявление о возрождении Святейшего Синода, анафематствование «цареборчества», «имяборчества» и экуменизма. В довершение ко всему раскольник объявил об отсутствии таинств в Русской Православной Церкви. Однако несмотря на

изначальный размах, диомидовский раскол не стал заметным явлением, количество его последователей осталось незначительным.

§ 5. Канонизация святых

1990 – 2000 гг. были отмечены канонизацией целого ряда подвижников благочестия и мучеников. Архиерейский Собор в 1992 г. принял решение о канонизации преподобных Кирилла и Марии – родителей преподобного Сергия Радонежского. Процесс прославления святых продолжился на Архиерейском Соборе 1994 г. К лику святых был причислен митрополит Московский Филарет (Дроздов) – «великий угодник Божий, тот же Иоанн Златоуст», как охарактеризовал его святитель Серафим (Соболев).

Падение коммунистического режима открыло возможность для канонизации новомучеников. Процесс прославления страдальцев за веру начался в 1989 г., когда на Архиерейском Соборе был прославлен патриарх Тихон. В 1992 г. процесс продолжился. Архиерейский Собор причислил к лику святых ряд новомучеников – священномучеников митрополита Владимира (Богоявленского) и митрополита Вениамина (Казанского), пострадавших вместе с ним по делу об изъятии ценностей священномученика архимандрита Сергия (Шейна) и двух мирян – мучеников Иоанна Ковшарова и Юрия Новицкого. Также к лику святых были причислены и две преподобномученицы – великая княгиня Елисавета Феодоровна и инокиня Варвара (Яковлева). Было принято решение совершать празднование Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января по старому стилю, если эта дата приходится на воскресный день или на ближайшее воскресенье после этой даты.

Среди паствы стали нарастать тенденции прославить в лике святых и других новомучеников, прежде всего, Царскую семью. В конце 1990-х гг. в печати велась полемика между сторонниками и противниками этой канонизации. Общей проблемой прославления новомучеников было то, что почитание многих из них отсутствовало, некоторые имена были забыты: в отличие от языческих императоров коммунисты ликвидировали верующих тайно. Однако, несмотря на это, имена отдельных новомучеников и исповедников были хорошо известны в народе. В основном это были выжившие в годы гонений исповедники, прославившиеся подвижнической жизнью после освобождения. Также имело место почитание Царской семьи и некоторых иерархов. На некоторых приходах хранили память о пастырях, некогда здесь служивших, а впоследствии арестованных и замученных.

На епархиальном уровне, а также частными лицами собиралась

информация об архиереях, пастырях, монахах и мирянах, принявших смерть в годы гонений. Все эти исследования легли в основу материалов для канонизации новомучеников. В ряде епархий проходили местные прославления страдальцев за веру.

Прославление пострадавших за Христа в XX в. было неразрывно связано с покаянием за безбожие, разорение храмов и репрессии. В этом ряду стояло и убийство Царской семьи.

«Грех царевубийства, – говорилось в послании патриарха Алексия II и Священного Синода в 1992 г., – происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании. И сегодня мы от лица всех ее чад – усопших и ныне живущих – приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ, всех чад его. ... Покаяние в грехе, совершенном нашими предками, должно стать для нас еще одним знамением единства».

Архиерейский Собор 1994 г. причислил к лику святых протоиерея Иоанна Кочурова († 1917) и протопресвитера Александра Хотовицкого († 1937). На Архиерейском Соборе 1997 г. были прославлены митрополиты Петр (Полянский) и Серафим (Чичагов), а также архиепископ Фаддей (Успенский). Вопрос о канонизации Царской семьи был передан на рассмотрение Поместного Собора.

Прославление новомучеников и исповедников Российских, в том числе и Царской семьи, состоялось на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. Согласно соборному определению, к лику святых были причислены все пострадавшие новомученики – явленные и неявленные. Поименный список прославленных составлял более тысячи человек. В последующие годы этот список пополнялся решением Синода. Важной особенностью этого прославления стал факт канонизации как сторонников, так и противников митрополита (затем патриарха) Сергия (Страгородского). Критерием каноничности стала верность пострадавшего патриарху Тихону, а затем местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). По этой причине к лику святых не причислялись пострадавшие представители обновленческого и григорианского расколов.

Помимо новомучеников Юбилейный Собор прославил еще 57 подвижников, в том числе оптинских старцев, преподобных Макария (Глухарева) и Алексия (Соловьева), праведного Алексия Мечёва. В последующие годы прославление святых угодников Божиих продолжилось. В 2004 г. Архиерейский Собор причислил к лику

общецерковных святых 14 подвижников благочестия, в том числе блаженных Матрону Московскую и Андрея Симбирского, преподобных Феодора Санаксарского, Пимена Угрешского и др.

§ 6. Святость и подвижничество

«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

В рассматриваемый период Церковь также не оскудевала святыми. По всей стране в монастырях и на приходах жили подвижники, утешавшие людей в их нелегких жизненных обстоятельствах.

В Ярославской области служил архимандрит Павел (Груздев). Старец почитался как исповедник, арестованный НКВД еще в 1941 г. Во время допросов ему выбили зубы, а во время пыток испортили лампой зрение. Старец вспоминал, что в одноместной камере, набитой людьми, не хватало воздуха и арестованные по очереди припадали к дверной щели в полу. Освобожденный после войны, он перенес еще один арест в 1949 г. В 1958 г. Павел Груздев был рукоположен во диакона и иерея, а в 1961 г. пострижен в монашество. К старцу ездили за советом и молитвой, обычно он поучал людей притчами и примерами из жизни. В 1992 г. подвижник переехал в г. Романов-Борисоглебск. За всю жизнь отец Павел не накопил денег на приобретение жилья и поселился в сторожке при Воскресенском соборе. К тому времени пастырь почти ослеп, однако продолжал служить, проповедовать и принимать народ. Земной путь старца завершился 13 января 1996 г.

В том же году отошел ко Господу схиархимандрит Феофил (Рассоха), восстановивший традицию киевского старчества, прерванную в годы атеизма. Жизненный путь этого старца со всеми гонениями и скорбями отцу Феофилу некогда предсказал преподобный Кукша Одесский. Сам схиархимандрит Феофил, как вспоминают современники, иногда выслушивал человека как бы на бегу и давал краткий совет, который поражал своей мудростью.

В Псково-Печерском монастыре с 1967 г. подвизался архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Практически никогда его не видели одного – множество православных христиан всегда окружало старца. Духовнический опыт отца Иоанна нашел отражение в его писаниях, в том числе в известной книге «Опыт построения исповеди». Отец Иоанн был известен и как замечательный проповедник. Умер старец 5 февраля 2006 г.

В Псковской области служил протоиерей Николай Гурьянов, почитаемый не только в России, но и за границей. В годы сталинских гонений он был арестован, в концлагере получил серьезную травму ног. Священный сан отец Николай принял в годы немецкой оккупации, с 1950-х г. жил на острове Талабск. Старец учил жить и молиться так, будто

завтра предстоит умереть и предстать Престолу Божию. Безверие отец Николай считал самым распространенным грехом современных людей, даже тех, кто внешне является христианином. 24 августа 2002 г. протоиерей Николай отошел ко Господу.

Свой подвижник был в Троице-Сергиевой лавре – архимандрит Кирилл (Павлов). В годы войны в развалинах разрушенного дома будущий старец, а тогда лейтенант Иван Павлов нашел Евангелие. «Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение! – вспоминал отец Кирилл. – Собрал я все листочки вместе – книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему война? Почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. ... Я шёл с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом». После войны будущий старец окончил семинарию и академию, был пострижен в монашество, окормлял братию Троице-Сергиевой лавры, а также многочисленных духовных чад. Архимандрит Кирилл отошел ко Господу 20 февраля 2017 г.

Рассматриваемый период дал Церкви не только подвижников благочестия, но и страдальцев за веру.

На Пасху 1993 г. сатанистом были убиты три насельника Оптиной пустыни – иеромонах Василий (Росляков), монахи Трофим (Татарников) и Ферапонт (Пушкарев). Убийца признался, что совершил преступление, повинуюсь голосу сатаны.

Похожая трагедия произошла в пос. Тура Красноярского края. В 2000 г. здесь был убит иеромонах Григорий (Яковлев). Убийца, считавший себя кришнаитом, нашел у пастыря приют. Отец Григорий часто беседовал с этим человеком, стараясь отвратить его от пагубного заблуждения. 21 марта убийца, повинуюсь некоему голосу, нанес иеромонаху несколько смертельных ударов шилом, после чего отрезал мученику голову и, обнеся ее вокруг алтаря, положил на престол.

1990-е гг. были отмечены похищением пастырей чеченскими сепаратистами. В январе 1996 г. были захвачены боевиками настоятель Михаило-Архангельского храма в г. Грозном иерей Анатолий Чистоусов и сотрудник ОБЦС протоиерей Сергей Жигулин. Находясь в заточении, священники совершили Евхаристию, пытались утешать других заключенных. Отец Сергей, впоследствии принявший монашество с именем Филипп, вспоминал:

«Отец Анатолий сказал тогда:

– Вот увидишь – ты освободишься, а я – нет.

Я взглянул на союзника и замер: его лицо преобразилось, стало таким светлым, его глаза невыразимо сияли. Затем он произнес:

–Какое счастье умереть за Христа».

Иерей Анатолий Чистоусов был расстрелян 14 февраля того же года. Протоиерей Сергей, пройдя через все ужасы плена, смог получить свободу через пять месяцев.

Другой страдалец за веру, протоиерей Петр Сухонос, с 1960 г. служил в станице Слепцовская в Ингушетии. Отец Петр, известный своей строгой, фактически монашеской жизнью, почитался как духовник. Несмотря на то что храм всегда был переполнен местными жителями и приезжими, пастырь не хотел расширять его, по-видимому предчувствуя скорое бегство православного населения из этих районов. С началом военных действий протоиерей Петр посещал российских военных, просивших его о крещении или совершении молебнов. Свой дом пастырь отдал семье русских беженцев, а сам жил в небольшой комнате при храме. Благословляя русское население уезжать, он покидать станицу отказывался.

Пастырь знал, что окормляя воинов, идет на риск. Отпевая однажды усопших, он сказал: «Счастливые люди, что их отпевают. А мои косточки птицы разнесут».

В 1997 г. была предпринята первая попытка похитить старца. Его отстояли прихожане, а также ингушские женщины, уважавшие праведника. В 1999 г. спасти отца Петра уже не удалось – 27 марта он был насильно вывезен из станицы. Вместе с ним в те дни были похищены и другие священники из северокавказских храмов. Однако если эти пастыри через некоторое время получили свободу, то судьба протоиерея Петра долго оставалась неизвестной. Только через полгода в руках правоохранительных органов оказалась видеозапись, на которой был снят замученный до смерти пастырь.

В период 1991–2008 гг. от рук убийц погибло более 20 православных священнослужителей. Значительная часть убийств так и не была раскрыта.

5 декабря 2008 г. Святейший Патриарх Алексий II отошел ко Господу. 27 января 2009 г. Поместный Собор Русской Церкви избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева).

Глава 17. Русская Церковь в эмиграции

§ 1. Русская Зарубежная Церковь в 1920 –1926 гг.

Следствием революционных событий, Гражданской войны и красного террора стала массовая эмиграция из России. По данным Лиги Наций, страну покинуло 1 млн 160 тыс. человек, хотя некоторые современники считали, что количество беженцев достигало 4 млн.

В ноябре 1920 г. после поражения Русской армии П.Н.Врангеля Крым покинуло Высшее церковное управление (ВЦУ) Юга России. 19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в стамбульском порту состоялось первое заседание ВЦУ за пределами России под председательством митрополита Антония (Храповицкого). Основание для своей деятельности архипастыри-изгнанники видели в 39-м правиле Трулльского Собора. Согласно этому канону, главе Кипрской Церкви епископу Иоанну, переселившемуся с паствой из завоеванного сарацинами Кипра в область Константинопольского Патриархата, разрешалось и в изгнании сохранить свои права и полномочия. Иерархи ссылались также на исторические прецеденты, когда древние святители (Афанасий Великий, Григорий Чудотворец, Киприан Карфагенский и др.) покидали свои кафедры во время гонений.

20 ноября того же года патриарх Тихон издал указ № 362, согласно которому епархиальные архиереи, отрезанные от священноначалия границами и линиями фронтов, имели право создавать митрополичьи округа под председательством старейшего архиерея. Этот указ впоследствии был взят за основу для существования Русской Православной Церкви за границей (Русская Зарубежная Церковь, РПЦЗ).

2 декабря 1920 г. патриарший местоблюститель Вселенского престола митрополит Дорофей (Маммелис) подписал грамоту, согласно которой русским иерархам позволялось создать временную комиссию для пастырского руководства диаспорой. О предоставлении этой комиссии прав самостоятельного церковного управления в документе не говорилось, однако ВЦУ рассматривало себя как самостоятельный орган. К такому осознанию архиереев-беженцев подталкивали письма из разных уголков мира с просьбой сохранить единую церковную структуру в изгнании. В эмиграции оказались сотни священников и около 30 русских архиереев, среди которых было немало авторитетных иерархов. Беженцы понимали, что подчинение Поместным Церквам в той ситуации невозможно, хотели сохранить русское наследие, богослужебные традиции, а также единое руководство вплоть до падения власти большевиков.

В мае 1921 г. Зарубежное ВЦУ переехало в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС, с 1929 г. Югославия). Сербский Патриарх Димитрий (Павлович) предоставил главе ВЦУ митрополиту Антонию часть своей резиденции в г. Сремские Карловцы.

31 августа 1921 г. Архиерейский Собор Сербской Церкви принял решение о покровительстве русскому Зарубежному ВЦУ. Также Русской Зарубежной Церкви позволялось руководить своими приходами за пределами Королевства СХС.

Полномочия Зарубежного ВЦУ признавал и патриарх Тихон, давший благословение ВЦУ, когда оно находилось в Константинополе. 13 октября 1921 г. патриарх, Священный Синод и Высший церковный совет вновь заявили о признании Зарубежного ВЦУ, хотя этот документ в эмиграцию не дошел. Также святитель Тихон признал полномочия архиепископа Евлогия (Георгиевского), назначенного Зарубежным ВЦУ в Западную Европу.

Вопросы организации церковной жизни должно было решить Всезарубежное совещание, прошедшее в Сремских Карловцах в ноябре – декабре 1921 г. и в ходе заседаний переименовавшее себя во Всезарубежный Собор. Среди решений Собора было избрание за границей Архиерейского Синода и Высшего церковного совета, в который вошло два священника и два мирянина. Собор принял и ряд политических решений.

Так, например, был официально осужден социализм, а также большевизм как явление «антихристианское в своей основе и разрушительное по своим последствиям».

Серьезные споры на Соборе вызвал проект «Послания к чадам Русской Церкви, в рассеянии и изгнании сущим», где высказывалось пожелание о возвращении на российский престол царя из династии Романовых. Часть делегатов, в том числе и половина архиереев, сочла текст послания политическим, а не церковным. Однако монархическое большинство (51 человек), в основном представленное мирянами, добилось принятия этого текста.

После закрытия Карловацкого Собора от его имени было издано «Послание к Генуэзской конференции» с призывом к военной интервенции западных держав против большевиков.

Деятельность Русской Зарубежной Церкви вызвала большое недовольство советской администрации – ГПУ стало добиваться от патриарха Тихона лишения сана зарубежных иерархов. Присутствовал и материальный интерес – коммунистическое государство, разворачивавшее кампанию по изъятию церковных ценностей, стремилось обогатиться и за

счет эмиграции. От Святейшего потребовали распоряжения о передаче советским представителям всего имущества за границей. Патриарх выполнять эти требования не стал и пошел лишь на то, что 5 мая 1922 г. издал указ № 348, в соответствии с которым Зарубежное ВЦУ упразднилось, власть сохранялась за митрополитом Евлогием, а политические решения Карловацкого Собора предлагалось обсудить «по возобновлении нормальной деятельности» Священного Синода. Известие о последовавшем вскоре аресте патриарха пришло в эмиграцию раньше, чем указ № 348. Русская Зарубежная Церковь оказалась в трудном положении. Проигноировать указ было нельзя, однако ситуация в Церкви в отечестве была критической. Для коммунистического режима Русской Церкви больше не существовало, законной «Церковью» для него был обновленческий раскол. По всей стране несогласные примкнуть к расколу подвергались арестам, пресса призывала к казни патриарха, был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), патриарший местоблюститель митрополит Агафангел (Преображенский) был изолирован в Ярославле. В Зарубежной Церкви всерьез опасались, что сохранение церковного преемства находится под угрозой. ВРПЦЗ учитывали и тот факт, что летом 1922 г. святитель Агафангел издал распоряжение о переходе епархий Русской Церкви на временное самоуправление.

Отказ митрополита Евлогия возглавить РПЦЗ укрепил Зарубежный Синод в мысли продолжать свою миссию. Однако, чтобы не подставлять под удар Церковь в отечестве Архиерейский Собор РПЦЗ в начале сентября 1922 г. все же упразднил ВЦУ, куда входили активные монархисты – протоиерей В.Востоков и генерал Н.С.Батюшин. Власть в РПЦЗ теперь сосредоточилась в руках Архиерейского Синода во главе с митрополитом Антонием. 31 мая 1923 г. Архиерейский Собор РПЦЗ принял решение, что впредь власть в Зарубежной Церкви будет принадлежать не Всезарубежным (Поместным) Соборам, а Соборам иерархов.

Впоследствии Русская Зарубежная Церковь резко выступала против коммунистической диктатуры, однако отказывалась от некоторых радикальных политических шагов. Несмотря на настойчивые требования различных эмигрантских организаций, Зарубежный Синод отказался принять на себя права высшей церковной власти для Всероссийской Церкви. Архиерейский Собор 1923 г. предписал духовенству воздерживаться и от монархической проповеди. Спустя год руководство РПЦЗ отказалось признать императором Великого князя Кирилла

Владимировича, заявив, что такое решение требует благословения всей Русской Церкви, а не зарубежной ее части.

Патриарх Тихон, получив свободу летом 1923 г., в своих посланиях был вынужден высказаться против «политических» действий Русской Зарубежной Церкви, однако за границей понимали, что выступления Святейшего не добровольны. Митрополит Антоний (Храповицкий) в своей статье «Не надо смущаться» поддержал святителя, объяснив его вынужденные шаги необходимостью хранить Церковь. Сам патриарх Тихон в 1924 г. призвал эмигрантов обратиться к митрополиту Антонию, как наиболее авторитетному иерарху русского рассеяния для решения юрисдикционных споров в Чехословакии. В течение своей жизни патриарх так и не назначил нового архиерея на Киевскую кафедру. Титул митрополита Киевского и Галицкого по-прежнему оставался за митрополитом Антонием, в то время как экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) носил титул Гродненского.

Со своей стороны, РПЦЗ поддерживала патриарха Тихона.

10 июня 1922 г. ВЦУ предписало совершать молитвы за арестованного исповедника. Было принято решение оповестить о незаконном аресте глав Церквей и правительства государств. Об обновленческом расколе в указе говорилось: «Лишить всякого церковного общения епископа Антонина и прочих епископов, клириков и мирян, восставших в угоду большевикам против самого Святейшего Отца и Патриарха». После обновленческого лжесобора 1923 г., «лишившего сана» патриарха Тихона, Архиерейский Собор РПЦЗ предал обновленцев анафеме.

Местоблюстительские полномочия митрополита Петра (Полянского) в эмиграции были признаны не сразу. В Русской Зарубежной Церкви будущий священномученик был мало известен, за границу официальный документ о его вступлении в должность не пришел, к тому же эмигранты опасались, что новый местоблюститель пойдет на контакт с обновленцами. После издания в июле 1925 г. послания митрополита Петра против обновленцев, а также после его отказа участвовать в их лжесоборе в эмиграции отпали последние сомнения относительно признания местоблюстителя.

В сентябре 1925 г. митрополит Евлогий ввел поминовение митрополита Петра в Западной Европе, а 12 ноября 1925 г. митрополит Петр был признан в качестве местоблюстителя Архиерейским Синодом РПЦЗ.

Митрополит Петр со своей стороны не проявлял враждебности в отношении Русской Зарубежной Церкви. Одним из обвинений против

иерарха со стороны ОГПУ был его отказ сместить митрополита Антония с Киевской кафедры. «За Антонием, – заявил местоблюститель на допросе, – никаких церковных преступлений нет, а за политические преступления мы не можем его устранить».

Вскоре после ареста священномученика Петра Архиерейский Синод РПЦЗ обратился к главам государств и в Лигу Наций с протестом против гонений на митрополита.

Отношения Зарубежного Синода и заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) поначалу были равными. В эмиграции положительно оценили первоначальный проект «Декларации» митрополита Сергия 1926 г. Сам заместитель также с пониманием относился к проблемам зарубежных иерархов.

В 1926 г., давая оценку начавшемуся конфликту между Синодом и митрополитом Евлогием, он писал: «Дорогие мои святители, Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Судьей между Вами я быть не могу. ... Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный..; или же если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать по видимому нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может, и потому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии – сербскому патриарху. Желаю всех Вас обнять, лично с Вами побеседовать. Но, видно, это возможно для нас лишь вне условий земной нашей многоскорбной и суетной жизни. Простите и помолитесь. Господь да поможет Вам нести крест изгнания». Совет митрополита Сергия не помог: 1926-й стал годом трагического разделения русской эмиграции. От Русской Зарубежной Церкви отделились митрополит Евлогий (Георгиевский), управлявший русскими приходами в Западной Европе, и митрополит Североамериканский Платон (Рождественский).

Митрополит Евлогий, ранее отказывавшийся от главенства в РПЦЗ, с 1924 г. стал претендовать на власть, мотивируя свои права указом патриарха Тихона № 348 от 1922 г. Конфликт привел к тому, что митрополит Евлогий покинул заседания Архиерейского Собора 1926 г.

Другой отделившийся иерарх, митрополит Платон (Рождественский), вступил в конфликт с Зарубежным Синодом из-за разного понимания пути Североамериканской митрополии. Если Синод хотел сохранять митрополию в составе РПЦЗ вплоть до падения большевизма, то

митрополит Платон считал необходимым провозгласить автокефалию в Америке. Детройтский Собор 1924 г. принял соответствующее решение. Это и привело к разрыву, который также совершился на Архиерейском Соборе 1926 г.

§ 2. Структуры русской церковной эмиграции в 1927–1936 гг.

Русская Зарубежная Церковь

Православие стало главным связующим звеном для русской эмиграции. На всех континентах открывались приходы и епархии, основывались монастыри, появлялись свои подвижники.

Центром Русской Зарубежной Церкви стал городок Сремские Карловцы. Здесь в нескольких комнатах патриаршей резиденции проживал митрополит Антоний, здесь же проходили заседания Архиерейского Синода. Помимо главы РПЦЗ в заседаниях принимали участие иерархи, проживавшие в Югославии, – епископы, а затем архиепископы Гермоген (Максимов), Гавриил (Чепур), Сергей (Петров), Феофан (Гаврилов). Другие архипастыри РПЦЗ, прибывавшие в Югославию по делам, также участвовали в заседаниях в качестве полноправных членов. Особую миссию взял на себя епископ Курский Феофан (Гаврилов). Он вывез за границу чудотворную Курскую-Коренную икону Божией Матери, которую стали называть «Одигитрией русского рассеяния». Архипастырь сопровождал этот образ в поездках по приходам Зарубежной Церкви.

Немало русских священников, служивших в Югославии, перешли в подчинение Сербской Церкви. В ведении РПЦЗ в этой стране оставалось около 10 приходов. В 1924 г. в Белграде была построена небольшая Троицкая церковь, ставшая главным собором РПЦЗ и духовным центром русской эмиграции.

Несколько русских иерархов оказалось в Болгарии. Это были архиепископы Феофан (Быстров), впоследствии переехавший во Францию, Дамиан (Говоров), известный основанным им пастырским училищем, а также архиепископ Серафим (Соболев). Последний был духовным чадом оптинского старца преподобного Анатолия (Потапова), в эмиграции сблизился с афонскими монахами. Святитель Серафим был известен и как ревностный защитник православия, и как чудотворец, чья молитва нередко возвращала к жизни и безнадежно больных.

В Ладомирове (Словакия) был образован издательский центр РПЦЗ. Работу возглавил архимандрит Виталий (Максименко), освобожденный из польской тюрьмы. Типография переросла в целую монастырскую обитель преподобного Иова Почаевского. Духовником монастыря стал афонский старец Кассиан (Корепанов). Монастырь святого Иова снабжал русскую церковную эмиграцию богослужебной литературой, календарями, молитвословами. Здесь же издавалась и газета «Православная Русь».

После ухода из РПЦЗ митрополита Западноевропейского Евлогия

часть приходов в Западной Европе предпочла остаться в ведении Зарубежного Синода. Во Франции епархией РПЦЗ управлял архиепископ Серафим (Лукьянов), в Германии – архиепископ Тихон (Лященко).

Развивалась церковная жизнь в Китае. Архиепископом Пекинским был Иннокентий (Фигуровский), оставшийся в истории как деятельный миссионер и блестящий специалист по китайскому языку: за советом к этому иерарху обращались даже китайские лингвисты.

После смерти митрополита Иннокентия в 1931 г. Пекинскую кафедру занимал епископ Шанхайский Симон (Виноградов), возведенный в 1932 г. в сан архиепископа. Архипастырь стяжал известность не только как хороший администратор, но и как прозорливец и молитвенник. Вскоре после смерти этого иерарха архиепископ Виктор (Святин) писал в Сремские Карловцы: «Был такой необыкновенный случай. Корабль, застигнутый около Шанхая штормом, по словам капитана парохода Соколова, был обязан своим спасением почившему владыке Симону, трижды являвшемуся в темноте и указывавшему путь пароходу. Про этот случай знает весь город Шанхай».

В 1934 г. на Шанхайскую кафедру был рукоположен епископ Иоанн (Максимович). «Если хотите видеть живого святого, идите к отцу Иоанну», – говорил о нем сербский святитель Николай (Велемирович).

Епископ Иоанн ежедневно келейно совершал весь суточный круг богослужения и служил литургию. «Молился владыка постоянно, – вспоминает протоиерей Георгий Ларин, трудившийся в детстве иподиаконом святителя. – Часто его заставляли спящим на коленях перед иконами. Так он уставал. Спал он всегда или в кресле, или на полу. Молился за свою паству, вымаливал ее, потому что считал, что грехи подведомственного ему клира и мирян – это его, владыки Иоанна, грехи. Сила его молитв была такой, что все проблемы исчезали, стоило только обратиться к нему».

Святитель Иоанн основал дом престарелых и детский приют, часто ходил по трущобам Шанхая и собирал на помойках китайских младенцев, которых родители попросту выбрасывали. Спасенные дети воспитывались в епархиальном приюте и вырастали православными людьми. Через приют прошло 1500 детей. Епископ Иоанн принял участие и в организации Православного Китайского братства, целью которого была миссия среди местного населения. Обращающихся в православие китайцев обучали основам веры, после чего они сдавали экзамен. Только тогда над ними совершалось таинство Крещения.

Множество русских эмигрантов находилось на северо-востоке Китая

– в Маньчжурии. В 1932 г. Япония создала здесь марионеточное государство – Маньчжоу-Го. Главой русской епархии в Маньчжурии был архиепископ (с 1929 г. митрополит) Мефодий (Герасимов). Архипастырем были написаны книги и брошюры «О значении обновления святых икон», «О живой Церкви», «О церковных нестроениях», «По поводу признания московской церковной властью советской власти». После его смерти Харбинскую кафедру занял архиепископ Мелетий (Заборовский). Еще одним ревностным архипастырем в Маньчжурии был архиепископ Нестор (Анисимов), до революции прославившийся своей миссионерской деятельностью на Камчатке. Благодаря трудам архиепископа Нестора в Харбине действовал дом милосердия.

В г. Маньчжурия служил еще один замечательный иерарх – святитель Иона (Покровский), духовный сын Оптинских старцев и преподобного Гавриила Седмиозерского. Святитель был рукоположен во епископа в эмиграции в 1922 г. В Маньчжурии епископ Иона основал детский приют на 30 человек, народные училища, где обучалось около 500 человек без различия вероисповедания, среднюю школу с ремесленным уклоном, мастерские, бесплатную столовую, амбулаторию и аптеку, где неимущим бесплатно раздавались лекарства. Иерарх умер в 37 лет, в последний путь его провожали и русские, и китайцы. Первое чудо по молитвам святителя произошло уже в ночь его похорон. Впоследствии могила святителя Ионы стала местом паломничества.

Большую роль в жизни православного Китая играл Казанский монастырь, настоятелем которого был архимандрит Ювеналий (Килин). Монастырь приобрел большой участок земли, при монастыре действовала типография, а также аптека и амбулатория. После уничтожения большевиками Иверской часовни в Москве русские эмигранты решили создать точную копию часовни в Харбине. Часовня была воздвигнута в ограде Николаевского кафедрального собора и освящена в 1933 г.

После ухода из Зарубежной Церкви митрополита Североамериканского Платона местную епархию РПЦЗ возглавил епископ (затем архиепископ) Аполлинарий (Кошевой) († 1933). Зарубежный Синод направил в Северную Америку еще несколько иерархов, в том числе и двух замечательных подвижников – архиепископов Тихона (Троицкого) и Виталия (Максименко). Как правило, американские приходы не могли содержать штатных пономарей и певчих, а потому таковые работали на предприятиях и участвовали в богослужениях только по воскресеньям. В двенадцатые праздники, если они приходились на будни, храмы были практически пустыми даже в Рождество. «Кто из Российских архиереев, –

писал епископ Аполлинарий, – в свое время мог даже в мыслях допустить, чтобы ему нужно было зажигать пред богослужением в церкви лампы, раздувать кадило, приготовить все прочее, необходимое при богослужении, а потом самому облачаться и приступать к совершению Божественной литургии?» Часто архиереям и священникам приходилось служить не только без пономаря, но даже без певчего.

И все же жизнь православных приходов постепенно налаживалась. Важным событием стало основание Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Его основателем стал иеромонах (впоследствии архимандрит) Пантелеймон (Нижник). Долгое время он подвизался в основанном святителем Тихоном (Беллавиным) Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании, затем решил уйти в более уединенное место. Идею иеромонаха Пантелеймона поддержало еще несколько насельников. Чтобы раздобыть нужную сумму на покупку земли, монахи поступили простыми рабочими на авиационный завод русского изобретателя И.И.Сикорского. В 1930 г. монахи поселились на выкупленном участке близ деревни Джорданвилль. На участке были лишь колодец и домик из двух комнат. Пока остальная братия работала на заводе, отец Пантелеймон занимался устройством обители – купил коров, лошадей, начал возводить ферму. Уже в 1934 г. были построены помещения и небольшая церковь. 17 июня 1935 г. архиепископ Виталий (Максименко) совершил чин освящения монастыря. Однако по освящении случилось неожиданное. В самом конце литургии монахи заметили пламя. Ветер быстро раздул огонь, и через два часа сгорело абсолютно все, что монахи построили за пять лет. Братия осталась без денег, без жилья и с огромными долгами. Присутствовавшие здесь паломники отмечали смирение, с каким монахи восприняли уничтожение своих трудов.

«Это напоминает нам еще горший огонь, – сказал один из монахов, – в котором горит теперь наша несчастная родина Россия. Что это пламя по сравнению с ее страданиями?»

Братия не унывала. «Сегодня Господь крестил наш монастырь огненным крещением, а вы возьмите этот крестик на память об этом событии», – говорил отец Пантелеймон.

Вскоре жизнь монастыря стала налаживаться.

Одну из своих главных задач РПЦЗ видела в обличении коммунистической власти. Это не могло не отразиться на отношениях Зарубежной Церкви с митрополитом Сергием (Страгородским). Издание «Декларации» 29 июля 1927 г., а главное требование митрополита Сергия к зарубежному духовенству дать подписку о лояльности большевикам

возмутили русское рассеяние – уйдя из Советской России, они не чувствовали себя чем-то обязанными этому государству.

Лишь небольшое количество иерархов согласилось на условия Москвы. Это были митрополит Евлогий (Георгиевский) со своими викариями, а также архиепископы Елевферий (Богоявленский) в Литве и Сергий (Тихомиров) в Японии. Согласился с требованиями Патриархии один из русских архиереев в Китае архиепископ Нестор (Анисимов), однако вскоре он от своих обязательств отказался.

Большинство русской эмиграции выполнять требования заместителя местоблюстителя не стало. Святитель Иоанн (Максимович), проводя параллель между требованиями заместителя и историческими прецедентами, писал: «Требует ли Архиепископ Константинополя, Вселенский Патриарх, от своей паствы, находящейся в Америке и в других частях света, лояльности турецкому правительству? Патриарх Антиохийский, патриархат которого обнимает Сирию и Ливан, требует ли лояльности к одному или другому правительству от людей им неподвластных?».

Архиерейский Собор 1927 г. дал требованиям митрополита Сергия резкую оценку: «Послание митрополита Сергия не архиерейское и не церковное, а политическое и потому не может иметь церковно-канонического значения и необязательно для нас, свободных от гнета и плена богоборной и христоненавистной власти». По обсуждению Собор принял решение прервать административные отношения с митрополитом Сергием, сохранив их с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским).

Архиерейский Собор 1927 г. был ознаменован и другим решением – запрещением в священнослужении митрополитов Евлогия и Платона. В эмиграции стали независимо друг от друга действовать Русская Зарубежная Церковь, Западноевропейский округ митрополита Евлогия и Североамериканский округ митрополита Платона.

Отношения с митрополитом Евлогием еще более ухудшились после 1932 г., когда Архиерейский Собор РПЦЗ осудил масонство. Была осуждена и организация YMCA (Христианская ассоциация молодых людей), которая оказывала митрополиту Евлогию серьезную материальную помощь и которую руководство РПЦЗ считало масонской.

В 1930 г. отошел ко Господу Патриарх Сербский Димитрий. Новый патриарх Варнава (Росич), выпускник Московской духовной академии, хорошо знал митрополита Антония (Храповицкого). По требованию владыки Варнавы чин его патриаршей интронизации возглавил именно

митрополит Антоний.

«Он мне больше чем родной отец», – говорил Святейший о главе Русской Зарубежной Церкви.

В 1931 г. после печально известных заявлений митрополита Сергия об отсутствии гонений Архиерейский Собор РПЦЗ объявил о разрыве евхаристического общения с заместителем местоблюстителя.

В начале 1930-х гг. митрополит Сергий попытался воздействовать на патриарха Варнаву с целью заставить его отказаться от покровительства Зарубежному Синоду. Сербский Патриарх попытался решить дело миром, соглашаясь принять Русскую Зарубежную Церковь в свою юрисдикцию. Однако митрополит Сергий, ранее сам предлагавший зарубежным архиереям подчиниться Поместным Церквам, теперь ставил невыполнимые для зарубежных иерархов требования – принести покаяние в «расколе», а также дать обещание лояльности коммунистической власти. Русская Зарубежная Церковь выполнить эти условия не могла, тем более что на это не согласилась бы и эмигрантская паства.

В письмах, шедших в Синод от пастырей и мирян, прослеживалась одна и та же мысль: мы ушли в изгнание не ради сытой жизни, а ради того, чтобы продолжать борьбу с большевизмом. Переговоры между патриархом Варнавой и митрополитом Сергием зашли в тупик.

22 июня 1934 г. митрополит Сергий запретил в священнослужении митрополита Антония (Храповицкого) и еще семь архиереев РПЦЗ. Запрещение не было признано ни Зарубежной Церковью, ни Сербским Патриархатом. В письме митрополиту Сергию от 10 декабря 1935 г. патриарх Варнава заявил: «Мы вовсе не считаем русских архиереев за границу какими-то раскольниками, а смотрим на них как на своих дорогих братьев, несущих крест изгнания. ... Если они не подчинились Вашему чисто политическому требованию относительно лояльности к советской власти и не признают законности наказаний, возложенных Вами на них за это неподчинение, то здесь они лишь выполняют завет Господа нашего о различении Божьего от Кесарева и завет апостольский, что Бога нужно слушать более, чем людей». После этого отношения между митрополитом Сергием и Сербской Церковью были фактически прерваны.

Западноевропейский экзархат приходов русской традиции

В отличие от Русской Зарубежной Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский) согласился дать подписку о прекращении антисоветской деятельности, оговорив свое понимание этого обязательства – не превращать амвон в политическую трибуну. Московскую Патриархию это устроило. С 1927 по 1930 г. митрополит Евлогий пребывал в подчинении митрополиту Сергию, хотя довольно скоро убедился в сложности своего положения. Любое осуждение атеистической политики большевиков становилось известно в Москве и приводило к нареканиям со стороны заместителя. Из ектений пропали поминовения о смерти «за царя», а жертв советского режима нельзя было именовать «невинно убиенными». Вскоре митрополит Сергей написал митрополиту Евлогию, чтобы он в печати осудил убийство русскими эмигрантами Войкова, известного своим участием в цареубийстве, и Воровского, прославившегося своей борьбой с Церковью. В 1930 г. терпению митрополита Евлогия пришел конец. Иерарх посетил Англию, где принял участие в молитве о страждущей Русской Церкви. Из Московской Патриархии поступило требование к митрополиту Евлогию осудить свои действия и подтвердить обещание не вмешиваться в политику. Архипастырь выполнять эти требования отказался и в декабре 1930 г. был уволен Московской Патриархией со своего поста. Власть над западноевропейскими приходами была передана митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому). Сам митрополит Евлогий обратился в Константинополь и 17 февраля 1931 г. был принят в подчинение патриархом Фотием II в качестве экзарха. 30 апреля 1931 г. Московская Патриархия вынесла решение о запрещении митрополита Евлогия в священнослужении. Однако прещения были проигнорированы Константинопольской Патриархией, а также другими Поместными Церквами, которые продолжали сослужение с клиром Западноевропейского экзархата.

Из викариев митрополита Евлогия на все требования Москвы согласился лишь епископ Вениамин (Федченков). Он остался в подчинении Патриархии и создал в Париже Трехсвятительское подворье, где и стал настоятелем. Однако последователей Московской Патриархии в Европе было немного.

В середине 1930-х гг. наметились пути к примирению между Русской Зарубежной Церковью и Западноевропейским экзархатом. Великим

постом 1934 г. митрополит Антоний направил митрополиту Евлогию письмо с соответствующей просьбой. Встреча старцев произошла 15 мая 1934 г. Архимандрит Киприан (Керн) писал: «Присутствовавшие при этой картине вспоминали ее со слезами. Два старых архиерея лежат друг у друга в ногах, просят прочтения каждый над собой разрешительной молитвы. Сцена поистине из патерика древних времен». Архипастыри прочитали друг над другом разрешительную молитву, однако понадобилось еще три месяца, чтобы конфликт был окончательно урегулирован.

В сентябре 1934 г. Архиерейский Собор РПЦЗ снял прещения с митрополита Евлогия. Также были сняты прещения и с иерархов Североамериканской митрополии. Евхаристическое общение между тремя основными ветвями русской церковной диаспоры было восстановлено.

Сербский Патриарх Варнава, стремившийся окончательно примирить русскую диаспору, в 1935 г. организовал совещание русских архиереев в Сремских Карловцах. Сам Святейший стал председателем этого Совещания, в котором приняли участие митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Анастасий (Грибановский), глава Североамериканского округа митрополит Феofil (Пашковский) и епископ Димитрий (Вознесенский). Иерархи выработали «Временное положение» об управлении РПЦЗ. Однако митрополит Евлогий не пожелал административно подчиниться Зарубежному Синоду. Восстановив евхаристическое общение с РПЦЗ, Русский экзархат в Западной Европе так и остался в ведении Вселенского престола.

Западноевропейский экзархат, как и Русская Зарубежная Церковь, также прославился своими подвижниками. Общество «Православное дело», основанное в начале 1930-х гг. монахиней Марией (Скобцовой), спасло от голодной смерти огромное количество эмигрантов. Безработица во Франции в тот момент была массовой.

В снятом монахиней Марией особняке была освящена церковь, матушка сумела организовать здесь дешевую столовую, общежитие для бездомных, лекторий, курсы псаломщиков, миссионерские курсы. Монахиня сумела найти работу множеству опустившихся от нищеты эмигрантов.

В городе Южин служил протоиерей Алексей Медведков. До 1919 г. он служил под Ямбургом в Санкт-Петербургской губернии, в 1919 г. был арестован большевиками и подвергся страшным побоям: ему сломали руки и ноги, перебили лицевой нерв, от чего он всю жизнь испытывал

страдания. Семье пастыря удалось перебраться в Эстонию, откуда он в 1930 г. после смерти супруги переехал во Францию. Пастырь никогда не брал денег за требы, прихожане замечали его прозорливость. В 1934 г. отец Алексей отошел ко Господу. Перед смертью он призывал к себе всех, кого обидел, чтобы попросить прощения. Похороны пастыря собрали всех русских эмигрантов Южина, – как сторонников митрополита Евлогия, так и прихожан РПЦЗ. Спустя 23 года мощи отца Алексия были обретены нетленными. В 2004 г. пастырь был причислен к лику святых Константинопольским Патриархатом.

В Париже в ведении митрополита Евлогия был организован Свято-Сергиевский богословский институт, преподавателями которого стали замечательные богословы, философы и историки, высланные из Советской России.

Североамериканская митрополия

Руководство Североамериканской митрополии в 1927 г. также не предоставило митрополиту Сергию подписку о прекращении антисоветских выступлений. Подобные требования для большей части североамериканской паствы были непонятны – многие приходы были англоязычными, причем даже на русскоязычных приходах паства в основном имела американское гражданство.

Митрополит Платон (Рождественский), стараясь не ухудшать отношения с митрополитом Сергием, не отказывался от предоставления подписки, но тянул время, объясняя отсрочку необходимостью собрать в Нью-Йорк всех викариев.

Ситуация изменилась весной 1933 г. Узнав, что архиепископ Вениамин (Федченков) едет в Америку читать лекции, митрополит Сергей дал ему поручение получить от митрополита Платона требуемую подписку. От главы Североамериканской митрополии требовалось также поддержать коммунистическое государство в американской прессе. Требование было невыполнимо. Посоветовавшись с подчиненными священнослужителями, митрополит Платон отказался дать подписку. 16 августа того же года Московская Патриархия на основании доклада архиепископа Вениамина запретила митрополита Платона в священнослужении. Североамериканские иерархи сочли указ неканоничным. 11 сентября 1933 г. Архиерейское совещание приняло решение об автономии (фактически независимости) Североамериканской митрополии до законного Всероссийского Православного Собора, который и должен был рассудить спор с митрополитом Сергием.

Немногочисленные приходы Московской Патриархии в Америке были подчинены архиепископу Вениамину. Из викариев митрополита Платона с требованиями Москвы согласился епископ Антонин (Покровский), занимавшийся миссионерством на Аляске, а также епископ Адам (Филипповский), окормлявший капато-русские приходы. Правда, последний вскоре был запрещен в священнослужении архиепископом Вениамином, а карпато-русские приходы разошлись по другим юрисдикциям. В общей сложности в подчинении Московской Патриархии в Америке осталось около 25 приходов, причем практически все они были малолюдными. Большинство русских приходов в Америке находилось в ведении митрополита Платона (около 200 приходов) и в РПЦЗ (около 100 приходов).

В 1933 г. начались попытки восстановления общения между Русской Зарубежной Церковью и Североамериканской митрополией. Назначенные в Америку архиереи РПЦЗ, архиепископы Виталий (Максименко) и Тихон (Троицкий), были лишены властных амбиций и искренне добивались примирения с митрополитом Платоном. Попытки были безуспешными, однако смерть митрополита Платона 20 апреля 1934 г. помогла единству. Новый глава Североамериканского округа митрополит Феофил (Пашковский) был готов к переговорам. Архиерейский Собор РПЦЗ 1934 г. снял прещения с иерархов Североамериканской митрополии. В 1935 г. Североамериканский округ и Русская Зарубежная Церковь объединились административно, причем Северной Америке были даны права широкой автономии.

Это решение усилило Русскую Зарубежную Церковь, которая к концу 1930-х гг. была в более выгодном положении, чем Московская Патриархия. В ведении РПЦЗ (включая Североамериканскую митрополию) было более 500 приходов, 15 монастырей и 25 архиереев, большая часть которых управляла полноценными епархиями.

Вскоре после объединения завершился земной путь главы РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого). В воскресенье 2 августа 1936 г. митрополит отслужил свою последнюю литургию. 8 августа клирики Сербской и Русской Зарубежной Церквей совершили над старцем-митрополитом таинство Елеосвящения и причастили его Святых Таин. 10 августа митрополит Антоний причастился еще раз. Вечером стало понятно, что архипастырь умирает. Во время чтения отходной в 21 час 20 минут сердце митрополита Антония перестало биться. Первую панихиду по усопшему совершил патриарх Варнава. Он же возглавил отпевание митрополита. Первый глава РПЦЗ был погребен в Иверской часовне, в специальном склепе, который архипастырь указал как место своего упокоения еще при жизни.

§3. Русская церковная эмиграция 1936–1949 гг.

Русская Зарубежная Церковь

Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви в 1936 г. единогласно избрал председателем Архиерейского Синода архиепископа Анастасия (Грибановского). Архипастырь, незаконно смещенный с Кишиневской кафедры, а затем изгнанный из Константинополя за поддержку патриарха Тихона, управлял русской миссией в Святой земле. Пользовавшийся огромным авторитетом в эмиграции, архиепископ Анастасий рассматривался как наиболее достойный преемник митрополита Антония. В сан митрополита владыку Анастасия возвел Патриарх Сербский Варнава в 1935 г. Следующий Патриарх Сербский, Гавриил (Дожич), также поддерживал Русскую Зарубежную Церковь. Митрополит Анастасий принимал участие в его интронизации.

В 1936 г. в эмиграцию пришли ложные сведения о кончине митрополита Петра (Полянского), что поставило перед РПЦЗ вопрос о том, кого считать главой Российской Церкви. В апреле 1937 г. Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви решил, что после смерти двух назначенных патриархом Тихоном местоблюстителей (митрополитов Агафангела и Петра) власть должна перейти к оставшемуся в живых местоблюстителю – митрополиту Кириллу (Смирнову). Архиерейский Собор в декабре 1937 г. подтвердил это решение. Митрополита Кирилла было решено поминать на богослужении в качестве главы Всероссийской Церкви, но поминать тайно, чтобы не навлечь на святителя репрессий. За границей не знали, что 20 ноября 1937 г. священномученик Кирилл был расстрелян.

В 1938 г. Зарубежный Синод переехал из Сремских Карловцев в Белград.

В том же году, 14 августа в Сремских Карловцах открылся Всезарубежный Собор с участием архиереев, клириков и мирян. Важным решением Собора стала резолюция о создании Русского церковного народного центра, Собором были изданы два послания. Первое из них – «Русскому народу в Отечестве страждущему» отвечало на вопрос, по какой причине Бог наказал Россию большевизмом. Грех русского народа, по мнению Собора, состоял в том, что он прельстился коммунистическими обещаниями земного рая. Однако кровь новомучеников не могла пролиться напрасно, и освобождение от советского ига рано или поздно наступит. Второе послание – «Русской пастве в рассеянии сущей» было написано в жестком тоне. Главное

преступление русского народа, согласно посланию, состояло в предательстве императора, что и привело его к мученической смерти. Грех цареубийства поэтому лежит не только на исполнителях злодеяния, но и на всем русском народе. Долг эмиграции – «сохранить духовные ценности святой Руси и передать их будущим поколениям». Послание призывало к молитве о возвращении на престол помазанника православного царя.

Отказываясь от общения с заместителем местоблюстителя, Зарубежная Церковь в тот момент не переносила своего осуждения на подчиненных ему клириков. Архиерейский Собор 1938 г. принял решение принимать священнослужителей Московского Патриархата, бежавших за границу, без покаяния.

Положение Русской Зарубежной Церкви отягощалось мировой политической напряженностью. Епархии РПЦЗ были разбросаны по всему миру и находились в странах, вступивших сначала в политическое, а затем и в военное противоборство – в Германии и Франции, Югославии и Болгарии, Китае и Японии. Каждая из епархий Русской Зарубежной Церкви выстраивала отношения с правительствами своих государств по своему. Достаточно благополучно в середине 1930-х гг. складывались отношения с государством в Германской епархии. В марте 1936 г. РПЦЗ получила в Германии статус корпорации публичного права, в то время как другие православные юрисдикции оказались в положении частных организаций, не имевших покровительства государства. Благодаря существенной помощи государства в Берлине был построен Воскресенский кафедральный собор, освящение которого 12 июня 1938 г. совершил митрополит Анастасий (Грибановский) вместе с клириками Сербской и Болгарской Православных Церквей. Тогда же был зачитан благодарственный адрес митрополита Анастасия германскому вождю и государственному канцлеру А.Гитлеру. Эту благодарность впоследствии ставили в вину митрополиту Анастасию, однако в 1938 г. она не вызывала особых нареканий. Хотя гитлеровский режим уже явил свою сущность, многие поняли ее лишь после известного еврейского погрома осенью 1938 г. («хрустальной ночи»). Послание митрополита Анастасия было зачитано за год до начала Второй мировой войны, когда с Гитлером поддерживали отношения и даже дружили все мировые державы, включая и Советский Союз.

Сам митрополит Анастасий не скрывал своего недоверия к гитлеровской политике и указывал, что фашизм не может лежать в основе освобождения России от большевизма. Отрицательное отношение к гитлеровскому национал-социализму прослеживается и в документах II

Всезарубежного Собора.

В таком состоянии встретила Русская Зарубежная Церковь Вторую мировую войну. В сентябре 1939 г. РПЦЗ провела последний перед длительным перерывом Архиерейский Собор. Из-за начала военных действий в Соборе участвовало всего шесть иерархов, однако решение Собора было важным – ожидая освобождения России от коммунистов, Собор призвал Божие благословение на великого князя Владимира Кирилловича как на главу императорского дома и лидера русского народа.

Нападение Германии на Советский Союз в 1941 г. было воспринято в эмиграции неоднозначно. Одни священнослужители хотели видеть в Гитлере «христоролюбивого вождя» и освободителя России от большевиков. Так считал, например, архиепископ Серафим (Лукьянов), управлявший приходами РПЦЗ в Западной Европе.

Другие архипастыри считали, что цель Гитлера не ликвидация коммунистического режима, а уничтожение России, и потому поддержка Германии в этой войне недопустима. Запрещал своей пастве вступать в антисоветские формирования святитель Серафим (Соболев). Духовные чада этого архиепископа в годы войны сотрудничали с болгарским антифашистским сопротивлением. Святитель Иоанн (Максимович), поначалу поддержавший Германию, впоследствии изменил свою точку зрения. Иерарх совершал денежные сборы на нужды Красной армии, отслужил молебен после победы над Гитлером.

Единой политики РПЦЗ в отношении Гитлера не было. Поминали его только в Германской епархии, главой которой был православный немец митрополит Серафим (Ляде). В целом же руководство Зарубежной Церкви поминание фюрера на службах запрещало. Сам митрополит Анастасий, хотя и благословил деятельность русских антисоветских формирований, идеологии национал-социализма не разделял и категорически отказался обратиться с посланием к русскому народу с призывом поддержать германские войска. «Митрополит Анастасий, – заявил после войны Сербский Патриарх Гавриил, – с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лояльным к сербам, несколько раз подвергался обыскам и не пользовался доверием немцев».

На захваченные русские территории представителей Русской Зарубежной Церкви германское руководство не допускало – ее стремление возродить сильную и свободную Россию нацисты не разделяли. На оккупированные земли пастыри РПЦЗ проникали в исключительных случаях в качестве военных священников русских антисоветских формирований.

В начале войны один из иерархов РПЦЗ архиепископ Гермоген (Максимов) согласился возглавить неканоничную Хорватскую Церковь, созданную хорватским диктатором А.Павеличем в 1942 г. Сербская Церковь признала новую структуру незаконной, а Русская Зарубежная Церковь запретила архиепископа Гермогена в священнослужении. Несмотря на неканоничность этой структуры, она все-таки спасла от гонений со стороны усташей православное хорватское население и отчасти остановила геноцид сербов, проживавших в стране. В Хорватии стали восстанавливаться разрушенные ранее храмы, стала издаваться газета, а в сербские школы вернулся Закон Божий.

В 1943 г. Русская Зарубежная Церковь отказалась признать митрополита Сергия патриархом. 14 сентября 1943 г. в своем послании митрополит Анастасий отметил, что избрание патриарха Сергия незаконно, так как избран он не Церковью, а государственной властью. Глава РПЦЗ сравнивал поставление патриарха Сергия с назначением патриарха Игнатия при Лжедмитрии – оба были поставлены по воле диктаторов, хотя и с последующей санкцией Архиерейских Соборов. В октябре 1943 г. для решения ряда вопросов, в том числе и вопроса о признании патриарха Сергия, в Вене состоялось совещание под председательством митрополита Анастасия. Участники совещания приняли резолюцию о борьбе с большевизмом, подвергли критике позицию Германии в отношении Церкви и православного населения, а также заявили о непризнании владыки Сергия (Страгородского) патриархом.

Иначе отнеслась к церковным переменам в России Североамериканская митрополия РПЦЗ. Собор американских иерархов во главе с митрополитом Феофилом (Пашковским) в конце октября 1943 г. предписал поминать патриарха Сергия на богослужениях вместе с митрополитом Анастасием. В 1944 г. североамериканские архиереи направили приветствие патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) и предписали возносить его имя на службах.

7 сентября 1944 г. перед приходом в Югославию Красной армии руководство РПЦЗ покинуло Белград, передав власть над русскими приходами в стране епископскому совету во главе с протоиереем Иоанном Сокалем. Однако этот совет действовал недолго. 27 ноября 1944 г. Священный Синод Сербской Церкви прекратил его полномочия и отменил свое покровительство Русской Зарубежной Церкви.

Сам митрополит Анастасий переехал в Карлсбад (Карловы Вары), оттуда в Фюссен, затем в Мюнхен. С собой иерарх увез и чудотворную

Курскую -Коренную икону Божией Матери.

К концу войны Русская Зарубежная Церковь находилась в тяжелом положении. Советская пропаганда трубила о прекращении гонений, избрании патриарха, открытии храмов и монастырей. На фоне победы возрастали патриотические чувства старых эмигрантов, в том числе и священнослужителей, желавших видеть в Советском Союзе возрожденную Российскую империю. Было неизвестно, где находится митрополит Анастасий, некоторые считали, что РПЦЗ прекратила свое существование. В связи с этим часть архиереев и священников Зарубежной Церкви перешла в подчинение Московского Патриархата. В Болгарии это был святитель Серафим (Соболев), в Китае – митрополит Мелетий (Заборовский), архиепископы Нестор (Анисимов), Виктор (Святин), Димитрий (Вознесенский), епископ Ювеналий (Килин).

Был готов перейти в юрисдикцию Московской Патриархии и епископ Иоанн (Максимович), однако, узнав, что Зарубежный Синод продолжает свою деятельность, от подчинения патриарху Алексию I он отказался. На протяжении четырех последующих лет шло противостояние между архиепископом Виктором и епископом Иоанном, которого поддерживало национальное китайское правительство. Только в 1949 г. после захвата власти в стране коммунистами чаша весов склонилась на сторону архиепископа Виктора. Русские эмигранты стали покидать Китай. Уехал из страны и святитель Иоанн, к тому времени возведенный Зарубежным Синодом в сан архиепископа. Вся собственность Русской Церкви в Китае оказалась в руках Московской Патриархии, однако это не помогло распространению православия. Православных китайцев было мало, а старые миссионерские кадры покинули страну. Православие в стране фактически угасло.

В годы войны РПЦЗ потеряла и других иерархов. Это были хранитель Курской-Коренной иконы Божией Матери архиепископ Феофан (Гаврилов) († 1943) и архиепископ Тихон (Лященко) († 1945). В 1945 г. югославские коммунисты расстреляли архиепископа Гермогена (Максимова).

Однако необходимость в Зарубежной Церкви была – количество беженцев из Советского Союза и Восточной Европы было значительным. Не всегда хотели возвращаться на родину вывезенные в Германию на работы советские граждане, а также оказавшиеся в плену советские солдаты, тем более те, кто выступал против Красной армии с оружием в руках. Свое будущее эти люди, как правило, связывали не с Московским Патриархатом, а с Зарубежной Церковью. В сентябре 1945 г. митрополит

Анастасий переехал в Швейцарию и оттуда фактически заново организовал деятельность Зарубежной Церкви. Ее кадровый состав восполнился за счет эмигрировавших архиереев Украинской и Белорусской автономных Церквей.

10 августа 1945 г. было издано обращение патриарха Алексия I «К архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации» с требованием «принести покаяние пред Церковью». Однако тон послания, подразумевавший, что РПЦЗ является расколом, а главное, продолжающиеся преследования за веру воспрепятствовали Зарубежной Церкви примириться с Церковью в отечестве.

В 1945 г. Московская Патриархия пыталась добиться от Сербской Церкви разрыва общения с Русской Зарубежной Церковью и ее осуждения. После длительных переговоров Сербская Церковь приостановила общение с РПЦЗ, передав окончательное решение будущему Собору. Такой ответ позволил Сербской Церкви сохранить общение с Зарубежной Церковью. Вплоть до XXI в. случаи сослужения между клириками Сербской и Русской Зарубежной Церквей не были редкостью. Неудачей закончились попытки московской церковной власти осудить РПЦЗ на всеправославном уровне. Добившись предварительного согласия на это со стороны глав Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей, получить подпись Константинопольского Патриарха Московской Патриархии не удалось. Тем более что всеправославное осуждение РПЦЗ подразумевало созыв независимого Собора, на котором могли быть озвучены факты, крайне неприятные для советского режима.

В мае 1946 г. в Мюнхене Русская Зарубежная Церковь созвала Архиерейский Собор, сыгравший большое значение для объединения русской церковной эмиграции.

В послевоенные годы Московская Патриархия пыталась решить вопрос с присоединением эмигрантского духовенства в Северной Америке, однако поставленные условия были трудновыполнимыми. От Североамериканской митрополии потребовали прекращения антисоветских выступлений и избрания на пост главы митрополии ставленника Москвы. Также Московская Патриархия требовала контроля над архиерейскими хиротониями и разрыва с Зарубежной Церковью.

Со своей стороны, глава Североамериканской митрополии митрополит Феофил (Пашковский) настаивал на полной независимости своей структуры во внутренних делах и соглашался признать патриарха Алексия I лишь духовным главой. Переговоры зашли в тупик, к Московской Патриархии присоединились лишь епископ Бруклинский

Макарий (Ильинский) и архиепископ Аляскинский Алексей (Пантелеев).

Вопрос о дальнейшем пути Североамериканской митрополии был решен на Всеамериканском Соборе в Кливленде в ноябре 1946 г. Результатом долгих и бурных обсуждений стало решение о выходе Североамериканской митрополии из подчинения Русского Зарубежного Синода и о признании патриарха Алексия «духовным отцом». Собор обратился к Московской Патриархии с просьбой принять Американскую Церковь при условии ее полной независимости. На службах теперь стали поминать восточных патриархов, патриарха Алексия I и митрополита Феофила.

Часть североамериканских иерархов и приходов во главе с архиепископами Виталием (Максименко) и Тихоном (Троицким) отказалась разрывать общение с Русской Зарубежной Церковью. Архиепископ Виталий не видел перспективы в американской автокефалии и был уверен, что через два – три поколения Американская Церковь выродится в «протестантство восточного обряда». 4 марта 1947 г. Русская Зарубежная Церковь восстановила свои епархии в Северной Америке. Представителем РПЦЗ в США и Канаде Синод назначил архиепископа Виталия. Таким образом, вновь, как и в 1926–1935 гг., в Америке стали параллельно существовать Североамериканская митрополия и епархии Русской Зарубежной Церкви.

Но с Московским Патриархатом Североамериканская митрополия также не объединилась. С московской делегацией, прибывшей в Америку в 1947 г., митрополит Феофил встречаться не стал. Архиерейский Собор митрополии в ноябре 1947 г. постановил отложить оформление канонической связи с Московской Патриархией до «более благоприятного времени». В 1950 г. было отменено и поминовение патриарха Алексия.

В Америке по-прежнему действовал и экзархат Московского Патриархата. После перемещения на Рижскую кафедру митрополита Вениамина (Федченкова), экзархом стал архиепископ Макарий (Ильинский), в 1952 г. возведенный в сан митрополита.

Западноевропейский экзархат

Хотя отношения между Русской Зарубежной Церковью и Западноевропейским экзархатом были натянутыми, во время Второй мировой войны все же имели место сослужения представителей двух ветвей русской церковной эмиграции.

В годы войны большая часть Западноевропейского экзархата оказалась занятой германскими войсками. Русская эмиграция во Франции, Бельгии и Нидерландах делила вместе с приютившими их странами тяготы оккупации. Заметный след в истории антинацистского движения сыграли клирики Западноевропейского экзархата монахиня Мария (Скобцова) и священник Димитрий Клепинин, поддерживавшие отношения с французским Сопротивлением. В 1942 г., когда нацисты вывозили евреев в Освенцим, монахине Марии удалось спасти нескольких детей, спрятав их в мусорных контейнерах. Спасая евреев от гибели, монахиня Мария и священник Димитрий, выдавали им фиктивные справки о крещении, многих избавив от ареста и гибели. В 1943 г. монахиня и пастырь были арестованы. Отцу Димитрию предложили свободу в обмен на обещание прекратить свою деятельность, но пастырь ответил категорическим отказом. В концлагере он не стал носить значок, подтверждающий его французское гражданство. Наоборот, видя, что с русскими заключенными из Советского Союза обращаются хуже, чем с французами, он решил разделить скорби лагерной жизни со своими соотечественниками.

В 1944 г. священник Димитрий Клепинин умер от истощения. Монахиня Мария погибла в газовой камере лагеря Равенсбрюк 31 марта 1945 г. В 2004 г. священник Димитрий, монахиня Мария, а также их погибшие соратники, Георгий Скобцов и Илья Фондаминский, были причислены к лику святых Константинопольским Патриархатом.

После освобождения Франции от гитлеровцев глава Западно европейского экзархата митрополит Евлогий вступил в переписку с митрополитом Алексием (Симанским). Стороны договорились, что официальное восстановление общения состоится после прибытия во Францию делегата Московской Патриархии. Таковым стал митрополит Николай (Ярушевич), прибывший во Францию в конце лета 1945 г. 29 августа в Париже состоялось епархиальное собрание, однако большинство его участников не поддержало митрополита Евлогия и выступило за дальнейшее пребывание русского экзархата в ведении Константинополя. Желавший скорейшего объединения митрополит Евлогий подписал акт о

соединении с Московским Патриархатом тайно. Поставили свои подписи под документом и викарии митрополита.

2 августа в Александро-Невском соборе Парижа митрополит Николай сослужил с митрополитом Евлогием, а также архиепископом Серафимом (Лукьяновым), принятым из РПЦЗ. Никакого документа перед богослужением зачитано не было, на литургии поминались и Вселенский, и Московский Патриархи, в проповеди митрополита Николая и слова не говорилось о подчинении Москве. Паства находилась в недоумении.

7 сентября Священный Синод Московского Патриархата принял 75 приходов митрополита Евлогия, а 11 сентября издал указ о переходе Западноевропейского экзархата в ведение Патриарха Московского. Однако все эти решения оставались на бумаге – большинство приходов связывало свое будущее с подчинением Вселенскому престолу. Окружение митрополита Евлогия стало всеми способами препятствовать единству. В частности, архимандриты Савва (Шимкевич) и Киприан (Керн), протопресвитер Ломако, протоиерей В.Зеньковский и А.В.Карташев тайно обращались к Вселенскому Патриарху Максиму с просьбой не спешить с предоставлением экзархату отпускной грамоты.

Ситуацию ухудшила политическая обстановка в стране. Франция была наводнена сотрудниками советских спецслужб, выявлявших коллаборационистов, но нередко арестовывавших и совершенно непричастных к политике людей. Печальную известность приобрел концлагерь Боригар, организованный советскими спецслужбами для арестованных русских эмигрантов. Французские армия и полиция в лагерь не допускались. Кое-где эмигранты опасались говорить по-русски, чтобы не быть схваченными чекистами. Велики были и опасения коммунистического переворота во Франции. Ненависть к советскому режиму возрастала. Однако приверженцы Московского Патриархата, будто не замечая царившей вокруг атмосферы страха, как правило, защищали и коммунистический строй. Все это вело к тому, что промосковское духовенство постепенно теряло паству. Большинство приходов отказывалось поминать на службах патриарха Алексия I.

Смерть митрополита Евлогия, последовавшая 8 августа 1946 г., оборвала формальную связь Западноевропейского экзархата с Русской Церковью. Не дожидаясь распоряжений из Москвы, епархиальный совет принял решение избрать своим главой архиепископа Владимира (Тихоницкого). Однако Московская Патриархия назначила главой экзархата архиепископа Серафима (Лукьянова). Выбор был неудачным – паства помнила, что этот

иерарх долгое время пребывал в РПЦЗ и выступал против митрополита Евлогия. Не могли простить архиепископу и поддержки Гитлера в годы войны. В октябре 1946 г. Западноевропейский экзархат обратился к Вселенскому Патриарху Максиму с просьбой восстановить положение экзархата, существовавшее до 1945 г. 6 марта 1947 г. патриарх Максим назначил архиепископа Владимира своим экзархом, а 8 июля того же года возвел его в сан митрополита. Русский Западноевропейский экзархат продолжил свое существование в юрисдикции Константинопольской Церкви.

Экзархат Московского Патриархата в Западной Европе возглавил митрополит Серафим (Лукьянов).

§ 4. Русская церковная эмиграция в 1950–1986 гг.

Русская Зарубежная Церковь

В 1950 г. местом пребывания Архиерейского Синода РПЦЗ является Нью-Йорк. Сюда была перевезена и чудотворная икона Божией Матери «Знамение». В честь этого образа в 1959 г. был освящен и кафедральный собор РПЦЗ в Нью-Йорке.

Духовным центром Русской Зарубежной Церкви стал Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле. После войны сюда переехала братия монастыря святого Иова Почаевского из Словакии.

С собой монахи-беженцы принесли и издательские традиции. С тех пор Свято-Троицкая обитель стала главным издательским центром РПЦЗ. Также здесь была открыта духовная семинария.

Отношение руководства Русской Зарубежной Церкви к Московскому Патриархату ухудшалось. Большое возмущение со стороны РПЦЗ вызвала публикация в «Журнале Московской Патриархии» о совершении панихиды по Сталину в марте 1953 г.

27 октября Архиерейский Собор принял решение, которое на годы вперед определило отношения между Церковью в отечестве и Церковью в эмиграции. «Совершение Патриархом Алексием и его духовенством панихид о причтении к лику праведных величайшего гонителя Церкви Христовой и насадителя безбожного коммунизма во всем мире Сталина является неслыханным в истории Церкви кощунством», – говорилось в постановлении Собора. Архипастыри заявили, что не признают законным и самого патриарха Алексия I, как избранного с нарушением правил Московского Собора 1917–1918 гг. и под давлением безбожной власти. Тогда же Архиерейский Собор РПЦЗ постановил принимать клириков Московской Патриархии через публичное покаяние после внимательного рассмотрения каждого отдельного случая.

В годы «холодной войны» Русская Зарубежная Церковь взяла на себя (вместе с Североамериканской митрополией и Западноевропейским экзархатом) руководство русской эмиграцией, которая в большинстве своем не тяготела к зарубежным приходам Московской Патриархии. Проблемы заграничным приходам Московского Патриархата создавали и правительства разных стран. Патриархийным епископам и священникам часто не доверяли, отказывали в визах и нередко выдворяли в Советский Союз. Таким образом, за редкими исключениями, взять на себя окормление эмигрантов священнослужители из Московского Патриархата не могли.

Огромное внимание Русская Зарубежная Церковь уделяла памяти невинно убиенных. Подобные свидетельства в Советском Союзе были немыслимы. В 1950 г. в Брюсселе был освящен храм-памятник в память царственных мучеников и всех пострадавших от богоборцев. Церковь было решено освятить в честь праведного Иова Многострадального, в день памяти которого родился император Николай II. Огромный резонанс вызвала во всем мире книга протоиерея Михаила Польского «Новые мученики Российские», ставшая одним из важнейших свидетельств о подвиге страдальцев.

17 июля Зарубежный Синод предписал служить панихиды по Царской семье. Сам этот день стал именоваться «Днем русской скорби». Все чаще раздавались призывы к канонизации императора.

«Чем скорее весь Русский народ преклонится перед Ним в слезах покаяния, – говорил святитель Иоанн (Максимович) в 1959 г., – тем ближе станет возрождение и благоденствие России».

Архиепископ Иоанн оставался одним из авторитетнейших архипастырей РПЦЗ. С 1951 г. иерарх служил во Франции, в 1963 г. был переведен в Сан-Франциско. Святитель был активным миссионером, привлекал в православие римо-католиков, поддерживал православие западного обряда, добился почитания в Западноевропейской епархии РПЦЗ западных подвижников и мучеников, живших до 1054 года. Выступая против разделений между русскими эмигрантами, святитель Иоанн сослужил с представителем Североамериканской митрополии – архиепископом Сан-Францисским Иоанном (Шаховским). Архиепископ Иоанн не скрывал, что поминает на проскомидии патриарха Алексия I.

О Московской Патриархии святитель отзывался так: «Русская Зарубежная Церковь духовно не отделяется от страждущей Матери. Она возносит за нее молитвы, хранит ее духовные и вещественные богатства и в свое время соединится с Нею, когда исчезнут причины, разъединившие их».

Понимание того, что разделение между Церковью в отечестве и Церковью в эмиграции не имеет под собой глубокой основы, имело место и в Московском Патриархате. Показательным стал факт служения панихиды по митрополиту Антонию (Храповицкому) патриархом Алексием I при посещении им Белграда в 1957 г.

Тем временем глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) угасал и в 1964 г. заявил об уходе на покой. Часть эмигрантской паствы желала видеть следующим Председателем Архиерейского Синода РПЦЗ архиепископа Иоанна (Максимовича), часть – архиепископа Никона

(Рклицкого). Споры между сторонниками этих архиереев на Соборе 1964 г. грозили расколоть Русскую Зарубежную Церковь. По этой причине святитель Иоанн решил снять свою кандидатуру и предложил сделать то же самое архиепископу Никону. Последний дал на это согласие. Выход из тупика был найден почти уникальный: первоиерархом было решено избрать самого младшего по хиротонии архиерея Русской Зарубежной Церкви. Таковым оказался епископ Брисбенский Филарет (Вознесенский), управлявший Зарубежной Церковью в 1964–1985 гг.

Митрополит Анастасий скончался 22 мая 1965 г. Панихиду возле тела усопшего иерарха совершил представитель Вселенского Патриархата архиепископ Иаков (Кукузис). На отпевании митрополита присутствовали представители Константинопольской и Сербской Церквей. Архипастырь был погребен в усыпальнице Троицкого собора в Джорданвилле. Спустя год, 2 июля 1966 г., во время поездки по своей епархии отошел ко Господу другой выдающийся святитель – архиепископ Иоанн (Максимович). О погребении этого святого иеромонах Серафим (Роуз) писал: «Это было не обычное прощание с усопшим, даже с иерархом. Было ощущение присутствия тайны, – тайны святости. Пришедшие были твердо убеждены, что пришли хоронить святого. Каждый внезапно ощутил себя сиротой».

Вступление на престол митрополита Филарета значительно повлияло на идеологию Зарубежной Церкви. Если раньше она отказывалась от канонизаций, считая, что их совершение возможно лишь после объединения с Церковью в отечестве, то теперь Зарубежный Синод посчитал прославление святых возможным. Архиерейский Собор РПЦЗ 1964 г., откликаясь на многочисленные просьбы русской эмиграции, причислил к лику святых почитаемого в изгнании праведного Иоанна Кронштадтского. В последующие годы Русская Зарубежная Церковь совершила еще ряд канонизаций – в 1970 г. – преподобного Германа Аляскинского, в 1978 г. – блаженной Ксении Петербургской.

Постепенно готовилась и канонизация новомучеников Российских. Архиерейский Собор 1967 г. постановил во всех богослужебных поминовениях именовать императора «убиенным Царем-мучеником». 17 июля 1968 г. в Русской Зарубежной Церкви было совершено отпевание Царской семьи – ранее совершить его не позволяли представители дома Романовых, надеявшиеся, что кто-то из страстотерпцев остался жив. Наконец, в 1971 г. Русская Зарубежная Церковь начала сбор материалов для канонизации Царской семьи и Новомучеников.

Среди других важных решений, принятых Русской Зарубежной Церковью, стало анафематствование Ленина в 1970 г. Вместе с ним под

анафему попали и все гонители Церкви – убийцы помазанника Божия и священнослужителей, разрушители храмов, истязатели православных христиан.

8 сентября 1974 г. в Джорданвилле открылся III Всезарубежный Собор, в котором приняло участие 112 человек, в том числе 15 архиереев. Собору направил свое послание А.И.Солженицын, отметивший главные проблемы русского зарубежного православия, прежде всего его разобщенность и внутреннюю вражду между юрисдикциями. Другая ошибка РПЦЗ – считать Московский Патриархат «падшей Церковью» и противопоставлять ей полумифическую «катакомбную» и «истинную» Церковь. Нобелевский лауреат считал, что тайные общины существовали в 1930-е гг., сейчас же, когда имеются открытые храмы, выжившие исповедники спокойно ходят в них. «Я и сам знаком с иными такими женщинами, – писал Александр Исаевич, – кто в 30-е годы перепрыгивал батушек и собирал тайные богослужения на квартирах, – сегодня эти женщины просто ходят в ближайший храм.

А если где проявляется почитание молитвенных разоренных мест (у источника, на кладбище, тоже знаю такие под Рязанью), как бы взамен богослужения, – то лишь по закрытости всех окружающих храмов и полному отсутствию пастырей. Заблуждение – выводить из таких случаев существование тайной церковной организации как «всероссийского явления»".

Писатель был убежден, что Московская Патриархия сама изживет свои проблемы, и наивно мечтать, что после падения коммунистического режима народ призовет к себе зарубежных иерархов.

Собор постановил, что Зарубежная Церковь должна оставаться независимой, так как Церковь в отечестве остается в порабощении у богоборческого правительства. Было признано необходимым и далее вести издательскую деятельность, переправляя литературу в Россию. Обсуждался также вопрос о снятии клятв с дониконовских обрядов. Вопрос был передан Архиерейскому Собору, который 25 сентября 1974 г. принял решение считать старые обряды православными и спасительными, а запрещения и клятвы Соборов 1656 и 1667 гг. – недействительными.

В 1981 г. состоялось и прославление новомучеников и исповедников Российских, в том числе и Царской семьи. Поименный список новомучеников долгое время не публиковался, что приводило к недоумениям и появлениям не вполне достоверных печатных списков, распространенных на приходах. Список новомучеников был опубликован в «Троицком православном русском календаре» за 1999 год.

В 1982 г. в русском зарубежье была явлена чудотворная Иверская икона Божией Матери, написанная на Афоне в 1981 г. Икона была преподнесена в подарок православному канадцу чилийского происхождения Иосифу Муньосу Кортесу. Чудотворный образ, хранившийся в доме Кортеса в Монреале, начал мироточить 24 ноября 1982 г. Истечение мира продолжалось почти непрерывно, за исключением Страстных седмиц. За несколько лет Кортес объехал с иконой множество приходов РПЦЗ. В 1984 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение об установлении дня памяти Иверской Монреальской иконы 24 ноября. В ночь на 31 октября 1997 г. хранитель иконы Иосиф Муньос был убит в Афинах, а чудотворный образ бесследно исчез.

В 1983 г. Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви анафематствовал экуменизм, хотя четкого определения этому явлению не давалось, и анафема касалась «теории ветвей» и учения о равноспасительности конфессий.

Постепенно в Зарубежной Церкви стали намечаться и отрицательные тенденции, отдалявшие ее от единства с Церковью в отечестве и с православным миром. Среди таковых следует назвать сближение с греческим старостильным лагерем в конце 1960 – начале 1970-х гг. Однако радикализм этого движения привел к тому, что в 1975 г. РПЦЗ прервала с ним общение.

В 1970-е гг. Русская Зарубежная Церковь исследовала вопрос о вступлении в общение с представителями оппозиционного духовенства в России, что представлялось непростой задачей – среди «катакомбников» встречались лица, не имевшие апостольского преемства. В 1982 г. для окормления приходов на родине был поставлен епископ Лазарь (Журбенко).

Спустя три года после этого события, в 1985 г. митрополит Филарет (Вознесенский) отошел ко Господу.

Североамериканская митрополия

В июне 1950 г. умер глава Североамериканской митрополии митрополит Феофил (Пашковский). Преемниками этого иерарха стали митрополит Леонтий (Туркевич), а после его смерти в 1965 г. – митрополит Ириней (Бекиш). Оба архиерея стояли на позиции создания национальной Американской Церкви и отвергали претензии на власть в Америке как со стороны Москвы, так и со стороны Русской Зарубежной Церкви.

3 января 1968 г. митрополит Ириней писал патриарху Алексию I, что возвращение Американской Церкви в подчинение Московской Патриархии нереально, причем главной причиной является социальный строй в России. По словам иерарха, коммунистам в Америке не доверяют, а потому никогда не будут доверять и Американской Церкви, если она подчинится Москве. К Вселенской Патриархии в Америке отношение было иным – в конце 1960-х гг. начался процесс сближения Североамериканской митрополии с Константинополем, планировавшим подчинение себе всех американских православных юрисдикций и создание единой структуры под греческим омофором.

Московский Патриархат, не желая сближения Североамериканской митрополии с греками, согласился на переговоры. Митрополит Никодим (Ротов), ставший инициатором американской автокефалии, настаивал, что юридически и исторически Московский Патриархат имеет право даровать Американской Церкви независимость, так как именно Русская Церковь принесла в Америку православие и образовала свою епархию, которая включала представителей всех национальностей.

В 1968 по 1970 г. проходили встречи представителей Московского Патриархата и Североамериканской митрополии. 10 апреля 1970 г. Священный Синод Русской Православной Церкви предоставил автокефалию Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке. У Североамериканской митрополии начался новый путь в качестве Поместной Церкви.

Западноевропейский экзархат приходов русской традиции

Западноевропейский экзархат приходов русской традиции после смерти митрополита Евлогия возглавлял митрополит Владимир (Тихоницкий), оставшийся в памяти потомков как человек святой жизни. Искренне переживая разделение с Русской Зарубежной Церковью, архипастырь предлагал ей создать единую структуру и готов был передать власть митрополиту Анастасию. Условием митрополит Владимир ставил переход РПЦЗ под покровительство Константинополя. Для Зарубежной Церкви это условие было неприемлемым.

В этот период между богословами и канонистами РПЦЗ и Русского Западноевропейского экзархата развернулись споры относительно того, какой принцип, национальный или территориальный, допустим при организации Церквей или епархий. РПЦЗ стояла на национальном принципе, а Западноевропейский экзархат настаивал на территориальном, считая при этом, что Западная Европа относится к ведению Константинополя. Однако в доводах экзархата было противоречие – он сам был организован по национальному (русскому) принципу, в противном случае его приходы вошли бы в греческий экзархат Западной Европы.

Митрополит Владимир отошел ко Господу 18 декабря 1959 г. В июне 1960 г. экзархат возглавил архиепископ Георгий (Тарасов).

В первой половине 1960-х гг. Константинопольская Патриархия оказалась в непростом положении. Турецкое руководство настаивало на удалении Патриархии из страны. Оказывала давление на Вселенского Патриарха Афинагора и Московская Патриархия, требовавшая прекращения покровительства над Русским экзархатом в Западной Европе. 22 ноября 1965 г. патриарх Афинагор пошел на уступку, исключив экзархат из своего ведения. В своей грамоте патриарх посоветовал русским приходам перейти в лоно Русской Церкви. Однако архиепископ Георгий Московскую Патриархию обращаться не стал, заявив, что экзархат был основан не Вселенским престолом, а лишь принят им в 1931 г. Поэтому возвращение русских приходов в состояние до 1931 г. представляется законным. В 1966 г. епархиальное собрание Западноевропейского экзархата переименовало свою структуру в архиепископию Франции и Западной Европы и русских западноевропейских церквей рассеяния. Самостоятельность

архиепископии длилась пять лет. В январе 1971 г. Константинопольская Патриархия вернула себе русскую архиепископию, управление которой формально должно было теперь осуществляться через греческого митрополита Франции. Но фактически архиепископия находилась в Прямом подчинении Вселенского престола.

В 1981 г. после смерти архиепископа Георгия (Тарасова) ее возглавил архиепископ Георгий (Вагнер).

§ 5. Русская церковная эмиграция 1986–2008 г.

Русская Зарубежная Церковь

Новый этап в жизни РПЦЗ и ее отношениях с Церковью в отечестве начался с приходом нового председателя Архиерейского Синода митрополита Виталия (Устинова) в 1986 г., а также с началом политических перемен в России. Разоблачение преступлений коммунистического режима, возрождение православия дало Церкви в отечестве надежду на скорое примирение с РПЦЗ.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 г. обратился к ней с просьбой начать диалог об объединении. Однако митрополит Виталий идти на встречу Московскому Патриархату не пожелал. К тому времени Зарубежная Церковь уже сформулировала свои условия объединения. Это было прославление новомучеников, отказ Московского Патриархата от экуменических контактов, осуждение «Декларации» митрополита Сергия, отказ говорить о РПЦЗ как о расколе. Все эти вопросы можно было обсудить уже тогда, тем более что процесс прославления новомучеников Московский Патриархат начал в 1989 г., а границы допустимого в отношении инославия у Церкви в отечестве и у Церкви в эмиграции во многом совпадали. Весьма выгодным для переговоров был и общий настрой населения России – симпатии к РПЦЗ, которая сохранила независимость от коммунистической диктатуры, была консервативна в богословских вопросах и причислила к лику святых страдальцев за веру, в конце 1980-х гг. заметно возросли. Но митрополит Виталий шанс примириться с Церковью в отечестве не использовал и пошел на ухудшение отношений с Москвой.

В 1990 г. РПЦЗ организовала в России независимую иерархию («Свободную Церковь») и стала принимать в свое подчинение приходы, уходившие из Московской Патриархии. Но надежды митрополита Виталия на массовый переход в его ведение всех русских приходов не оправдались. Руководство Зарубежной Церкви довольно поздно осознало, что «Свободная Церковь» стала всего лишь собранием людей с раскольничьей психологией. Меры взысканий к личностям, некоторые из которых уже получили архиерейский сан, как, например, суздальский архимандрит Валентин (Русанцов), ни к чему не привели. В ответ на прещения на территории бывшего СССР появилось несколько раскольничьих групп, связывавших себя с Зарубежной Церковью, но на самом деле отколовшихся от нее.

Стараясь не замечать неблагоприятных поступков руководства РПЦЗ,

Московский Патриархат и после этого искал возможность найти с ней точки соприкосновения. В феврале 1994 г. глава ОВЦС митрополит Кирилл (Гундяев) предложил митрополиту Виталию принять участие в сооружении Храма-памятника на месте убийства Царской семьи. Но глава Зарубежной Церкви от сотрудничества отказался. Вместо этого в 1990-е гг. наблюдался процесс сближения РПЦЗ со старостильными структурами. В 1992 г. Зарубежная Церковь вступила в общение с румынскими приверженцами старого календаря, в 1994 г. – с греческим старостильным «Синодом противостоящих» и болгарскими старостильниками.

Здоровые силы в Русской Зарубежной Церкви понимали необходимость единства с Московским Патриархатом. Начиная с 1993 г. в Германии велись переговоры между архиепископом Берлинским и Германским Марком (Арндтом) (Русская Зарубежная Церковь) и архиепископом Берлинским и Германским Феофаном (Галинским) (Московский Патриархат). В переговорах принимали участие и священнослужители обеих епархий. В совместном заявлении участников последнего, девятого, собеседования (декабрь 1997 г.) прямо говорилось, что стороны не отрицают благодатности таинств друг друга. К сожалению, столь нужные собеседования были прекращены по причине конфликта между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью из-за собственности в Святой земле. Отрицательно отнесся к идее собеседований и митрополит Виталий. Однако процесс единства уже нельзя было остановить.

В годы управления Зарубежной Церковью митрополита Виталия продолжился процесс канонизации святых. Помимо прославления подвижников русской земли (например, Оптинских старцев, святителей Филарета (Дроздова), Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника), РПЦЗ прославила и ряд подвижников русской эмиграции. В 1994 г. был причислен к лику святых святитель Иоанн (Максимович), в 1996 г. – святитель Иона (Покровский). В Германии состоялось местное прославление мученика Александра Шмореля – участника антифашистского сопротивления, погибшего от рук гитлеровцев.

В 1996 г. было принято решение об установлении дня памяти китайских мучеников, погибших во время «Боксерского восстания» в 1900 году. В 1998 г. было совершено торжественное перенесение останков митрополита Филарета (Вознесенского) в усыпальницу Троицкого собора в Джорданвилле. Мощи архипастыря оказались полностью нетленными.

Огромный шаг к сближению с Русской Зарубежной Церковью сделал Юбилейный Собор Московского Патриархата 2000 г. На этом Соборе были

прославлены новомученики, в том числе и те, кто находился в оппозиции митрополиту Сергию. Документ «Основы социальной концепции» перечеркивал принцип подчинения Церкви государственной власти. Документ «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» показывал, что и в отношении неправославных христиан Московский Патриархат и РПЦЗ мыслят одинаково.

К концу 1990-х гг. отсутствие общения между Церковью в отечестве и Церковью в изгнании рассматривалось как пережиток прошлого. Постепенно вину за продолжающееся разделение немалая часть РПЦЗ стала возлагать на своего главу митрополита Виталия, который в силу преклонного возраста плохо контролировал церковные дела. Нараставший кризис решился в июле 2001 г., когда митрополит Виталий под давлением архиереев подал прошение об увольнении на покой. 12 июля 2001 г. прошение было удовлетворено Архиерейским Синодом РПЦЗ.

24 октября 2001 г. на Архиерейском Соборе РПЦЗ большинством голосов был избран новый первоиерарх – митрополит Лавр (Шкурла). Вступление его на престол было сопряжено с новыми нестроениями внутри Русской Зарубежной Церкви. Ушедший на покой митрополит Виталий под влиянием окружения заявил, что изменил свое решение и намерен вернуться к делам управления. Из архиереев РПЦЗ митрополита Виталия поддержал только запрещенный в служении епископ Варнава (Прокофьев). Так было положено начало новому расколу. Считая, что Русская Зарубежная Церковь «ступила на путь апостасии», витальевский раскол поддержала часть клириков, в основном тех, кто находился на канонической территории Московского Патриархата. Митрополит Виталий умер 25 сентября 2006 г. Отпевание было совершено подчиненными ему епископами и клириками. 9 декабря 2006 г. заочное отпевание было совершено и в Русской Зарубежной Церкви, где митрополита Виталия считали пострадавшим от недобросовестного окружения.

Вступление на престол митрополита Лавра вдохновило сторонников единства с Церковью в отечестве. Разговоры о необходимости переговоров стали звучать все чаще. 24 сентября 2003 г. в Нью -Йорке состоялась встреча митрополита Лавра и членов Архиерейского Синода с президентом России В. В. Путиным. Президент передал митрополиту письмо патриарха Алексия II с приглашением посетить Москву.

В мае 2004 г. делегация Зарубежной Церкви во главе с митрополитом Лавром посетила Россию, а в июне 2004 года приступили к работе комиссии Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви.

Комиссию Московского Патриархата возглавил архиепископ Корсунский Иннокентий (Васильев), комиссию Русской Зарубежной Церкви – архиепископ Берлинский и Германский Марк (Ардт). Стороны провели семь совместных встреч, на которых были сняты все вопросы, препятствовавшие объединению. Комиссии выразили одинаковое отношение к экуменизму, отметив недопустимость литургического общения с неправославными христианами, отвергнув «теорию ветвей» и согласившись, что сотрудничество конфессий в общественных и гуманитарных вопросах является допустимым. Относительно государственной власти стороны также пришли к общему мнению признав, что «Декларация» митрополита Сергия не являлась свободным голосом Церкви. Непременным условием примирения со стороны Московского Патриархата был разрыв РПЦЗ со старостильными группами. Это условие Зарубежной Церковью было выполнено. В мае 2006 г. в Сан-Франциско состоялся IV Всезарубежный Собор, одобрявший переговоры с Московским Патриархатом.

17 мая 2007 г. в храме Христа Спасителя состоялось совместное подписание «Акта о каноническом общении», после чего иерархи Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви отслужили Божественную литургию.

16 марта 2008 г. в праздник Торжества Православия митрополит Лавр отошел ко Господу и был погребен в духовном центре русского зарубежья – Свято-Троицком монастыре в Джордан-вилле (штат Нью -Йорк).

Председателем Архиерейского Синода Зарубежной Церкви стал митрополит Иларион (Капрал).

Западноевропейский экзархат

В 1990-е гг. развивались отношения Московской Патриархии с Западноевропейской архиепископией Константинопольского Патриархата. В 1993 г. после смерти ее главы архиепископа Георгия (Вагнера) экзархом стал архиепископ Сергей (Коновалов). Этот иерарх видел свою задачу в восстановлении общения

Московским Патриархатом и в восстановлении статуса экзархата. Все это удалось осуществить. В ходе паломничества в Россию в 1995 г. было восстановлено общение между Московским Патриархатом и архиепископией, хотя последняя осталась в ведении Константинопольского Патриархата. В 1999 г. Константинопольский Патриарх Варфоломей вернул русскому экзархату в Западной Европе его прежние права. В 2000 г. глава экзархата архиепископ Сергей был гостем Юбилейного Архиерейского Собора Русской Церкви, принял участие в освящении храма Христа Спасителя, канонизации новомучеников и исповедников Российских.

После смерти архиепископа Сергея в 2003 г. экзархом стал архиепископ Гавриил (де Вельдер) († 2013), политика которого заключалась в отходе от русских традиций и сближении с Константинополем. Инициатива Святейшего Патриарха Алексия II создать в Западной Европе единый округ, куда бы вошли приходы Московского патриархата, РПЦЗ и Западноевропейского экзархата, так и не была поддержана.

Глава 18. Духовное просвещение и богословие в 1917–2008 гг.

§ 1. Проблемы духовного образования на родине

Закрытие духовных школ началось сразу же после прихода к власти большевиков. Академии, семинарии и училища, находившиеся прежде на обеспечении у государства и не имевшие самостоятельных источников дохода, были лишены средств к существованию. По всей стране изымались и помещения духовных школ. Были также запрещены религиозные дисциплины в государственных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы. 1 ноября 1918 г. руководство Российской Церкви объявило, что не в состоянии содержать духовные учебные заведения.

Сохранение духовного образования легло на преподавателей-подвижников, старавшихся на местах продолжать свою просветительскую миссию. Со своей стороны исправить ситуацию старалось и церковное руководство.

В 1919 г. прекратился прием в Московскую духовную академию, в течение нескольких лет отдельные студенты сдавали экзамены и готовили выпускные сочинения уже в частном порядке. Такая же ситуация была в Петрограде – попытка присоединить академию к университету в качестве богословского факультета была отвергнута властями.

В Казани благодаря действиям ректора духовной академии епископа Анатолия (Грисюка) его учебное заведение нелегально действовало еще три года после закрытия. Лекции читались на дому у профессоров, а ученый совет собирался на квартире епископа.

В марте 1921 г. чекисты вышли на тайную академию, ее деятельность была прекращена, 20 преподавателей было арестовано. Все они получили условные сроки, а сам епископ Анатолий приговорен к году принудительных работ. Преподаватели не опустили руки и организовали Богословский институт, ректором которого стал протоиерей Николай Петров. Получив регистрацию, институт некоторое время действовал, но менее чем через год был закрыт.

Благодаря тому, что в ходе Гражданской войны большевики надолго теряли контроль над Киевом, местные духовные школы сумели просуществовать дольше других. Однако после установления на Украине коммунистической власти в 1920 г. духовные учебные заведения были закрыты и здесь.

На местах вместо семинарий открывались пастырские училища и курсы, существовавшие за счет епархиальных средств, однако действовали

они недолго.

Печальной была судьба и новообразованных учебных заведений. В мае 1918 г. по благословию патриарха Тихона была открыта Православная народная академия богословских наук, которую возглавил профессор Московского университета протоиерей Николай Боголюбский. Проект оказался неудачным. Успешнее выглядела поначалу ситуация в Петрограде. В 1918 г. преподавателем духовной семинарии И.П.Щербовым было основано пастырское училище. В 1920 г. при поддержке священномученика Вениамина (Казанского) Щербову удалось открыть Богословский институт, ректором которого стал протоиерей Николай Чуков, впоследствии митрополит Григорий. В институте преподавали профессора Петроградской академии протоиереи Василий Верюжский, А.И.Бриллиантов, Н.Н.Глубоковский, С.М.Зарин, а также профессора Петроградского университета – Б.А.Тураев, Д.И.Абрамович, Л.П.Карсавин, С.С.Безобразов и др. В институт принимали студентов обоего пола, всего было принято 100 слушателей. Но и это учебное заведение разделило общую участь: в 1923 г. институт был закрыт.

Протоиерей Николай Чуков, арестованный в 1923 г., по выходе на свободу открыл в северной столице Высшие богословские курсы, которые просуществовали до 1928 г.

Проходили занятия и в подпольной «Московской духовной академии». После 1919 г. эта «академия» проводила занятия в разных местах – в епархиальном доме, в церкви Святой Троицы в Листах, в церкви святого Иоанна Воина, в Высоко-Петровском монастыре. Ректорами этого учебного заведения были протоиерей Анатолий Орлов, затем протоиерей Владимир Страхов и впоследствии епископ Варфоломей (Ремов). Окончивший подпольную «академию» епископ Вениамин (Милов) писал: «Профессура в академии оставалась еще старая. ... Среди профессоров я уже встретил не поверхностных дилетантов, каковыми являлись преподаватели семинарии, но серьезных, глубоких, часто безупречных знатоков своего предмета». Среди преподавателей этого учебного заведения были священномученик Иларион (Троицкий), протоиерей Василий Виноградов, священник Павел Флоренский, профессор И.В.Попов, профессор С.С.Глаголев, профессор С.И.Соболевский и др. Лекции читались в подсобных помещениях храмов, для студентов устраивали экскурсии в Третьяковскую галерею (группами по два – три человека). Проходили и защиты диссертаций. Сам отец Вениамин (Милов) в 1922 г. получил здесь диплом кандидата богословия. Среди выпускников были и канонизированные Церковью новомученики – архимандрит

Герман (Полянский) († 1937, память 4 ноября), иеромонах Феодор (Богоявленский) († 1943, память 19 июля), иерей Василий Надеждин († 1930, память 19 февраля).

Несмотря на то что преподавателей и слушателей «академии» выслеживали и арестовывали, она продолжала свое существование примерно до середины 1930-х гг., когда был арестован епископ Варфоломей. По мнению А.Л.Беглова, выпускники подпольной академии, за единичными исключениями так и не смогли реализовать свои знания на практике – практически все они погибли.

Нелегальные учебные заведения существовали и в епархиях. Известно, например, что в 1935–1936 гг. такую «академию» основал во Владимире архиепископ Сергей (Гришин). Целью учебного заведения было повышение богословского уровня священнослужителей. Лекции посещало четыре – восемь человек. В 1936 г. после ареста архиепископа Сергея библиотека «академии» и все имущество были конфискованы. Сам архипастырь был приговорен к пяти годам заключения. На местах действовали также кружки для обучения молодежи основам христианской веры. В середине 1920-х гг., например, такой кружок действовал в Иваново-Вознесенске по благословию священномученика епископа Августина (Беляева) († 1937, память 23 ноября). Подобные кружки существовали также в Кинешме и Юрьевце.

Отсутствие печатных изданий и научных центров серьезно тормозило развитие богословской науки, а репрессии лишали ее лучших кадров. Так в 1929 г. в заключении окончил свой земной путь священномученик архиепископ Иларион (Троицкий), в 1931 г. в архангельской ссылке умер автор знаменитого «Толкового Типикона» М.Н.Скабалланович, в 1937 г. были расстреляны богословы и философы священник Павел Флоренский и профессор С.С.Глаголев, в 1938 г. был расстрелян патролог и историк мученик Иоанн Попов (память 8 февраля).

Многие представители дореволюционной богословской науки были высланы из страны, оставшиеся были вынуждены искать другую работу. Церковный историк А.И.Бриллиантов († 1933) и филолог А.И.Садов († 1930) работали в Публичной библиотеке в Петрограде, историк академик Н.К.Никольский († 1936) был директором библиотеки Академии наук, историк А.А.Бронзов († 1937) работал в архивах Леноблисполкома и Главного управления НКВД, библеист В.Н.Мышцин († 1936) преподавал в Ярославском педагогическом институте, а затем в педтехникуме в Сергиевом Посаде.

Оставшиеся на свободе богословы, в том числе и митрополит Сергий

(Страгородский), если и разрабатывали богословские темы, то результаты своих исследований публиковать не могли.

Ситуация с духовными школами стала улучшаться только после 1943 г. В ходе известной сентябрьской встречи со Сталиным митрополиты попросили об открытии богословского института и богословских курсов в нескольких епархиях. Разрешение было получено.

Проект нового учебного заведения разработал архиепископ Григорий (Чуков). В том же году был объявлен прием в Православный богословский институт. Митрополиту Сергию не было суждено увидеть новое учебное заведение – институт и пастырские курсы открылись через месяц после его кончины – 14 июня 1944 г. Учебные аудитории и общежитие разместились в помещениях Новодевичьего монастыря в Москве. Важной и непростой задачей было набрать кадры для духовных школ. Первым ректором института стал протоиерей Тихон Попов, присоединенный из обновленческого раскола, где он считался «митрополитом». Проректором стал С.В.Савинский, до революции преподававший догматическое богословие в Черниговской семинарии. Среди преподавателей были протоиерей Димитрий Боголюбов, А.В.Ведерников, А.И.Георгиевский и др. Митрополит Питирим (Нечаев), поступивший в институт в конце войны, вспоминал: «Набор был очень пестрым. Пришли люди из самых разных социальных и возрастных групп и слоев. Наряду с семидесятилетним старцем, были мальчики по 18 лет, только что окончившие школу... .. Были у нас на курсе ребяташки, которые доносили, – мы их знали».

В 1945 г. вскоре после своего избрания патриарх Алексей I обратился в Совет по делам РПЦ с просьбой разрешить открытие пастырско-богословских курсов в Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке, Львове, Одессе и Таллине. Было получено разрешение на открытие духовных школ во всех перечисленных городах, кроме Таллина. В соответствии с проектом архиепископа Григория (Чукова) было решено преобразовать Богословский институт в академию, а курсы – в семинарии. Программа последних отличалась от дореволюционной. Если тогда семинарии были общеобразовательными заведениями, предназначенными в основном для детей духовного сословия, то теперь семинарии имели другую функцию – готовить людей со светским образованием к пастырскому служению.

31 августа 1946 г. Богословский институт и курсы были преобразованы в академию и семинарию. Ректором стал протоиерей Тихон Попов, вскоре его сменил протоиерей Николай Чепурин, а затем

епископ Гермоген (Кожин).

14 октября того же года была открыта и Ленинградская духовная академия, а действовавшие в городе богословско-пастырские курсы стали семинарией. Среди первых профессоров духовных школ северной столицы были протоиерей Василий Верюжский, А.И.Сагарда, Н.Д.Успенский, Л.Н.Парийский и др.

В том же году была открыта семинария в Ставрополе, в 1947 г. – в Киеве. Также были преобразованы в семинарии курсы в Саратове, Одессе, Луцке. Минские курсы были переведены в Жировицкий монастырь. В других районах страны ситуация ухудшалась. Так, были закрыты просуществовавшие около года богословско-пастырские курсы во Львове, хотя духовный православный центр в этом регионе был крайне необходим для борьбы с затаявшимся униатством. Не встречали сочувствия властей попытки Московской Патриархии открыть семинарии в других городах страны.

Хрущевские гонения сократили число духовных учебных заведений. Всевозможные препятствия, которые устраивались молодым людям, пожелавшим поступить в семинарию, постепенно приводили к сокращению числа абитуриентов. Практически невозможно было поступить в духовные школы людям с высшим образованием. Против семинарий использовался и испытанный советский способ – препятствовать в ремонте. Малое количество студентов и неудовлетворительные бытовые условия становились удобным поводом для закрытия семинарий. К концу хрущевских гонений оставались только Московские и Ленинградские духовные школы и Одесская духовная семинария. При таком положении дел поднять образовательный уровень духовенства помогали заочные отделения духовных школ.

С середины 1970-х гг. ситуация стала меняться в лучшую сторону. В 1978 г. в северной столице стало действовать регентское отделение. Появилась возможность поступать в семинарию лицам с высшим образованием.

Состояние богословской науки в советские годы оставляло желать лучшего, причем не по вине Церкви. С одной стороны, прервалась связь с дореволюционной богословской школой, с другой стороны, было сложно популяризировать свои исследования из-за малого количества печатных церковных изданий. Исследователи довольствовались «Журналом Московской Патриархии» и сборником «Богословские труды». Несмотря на препятствия со стороны государства, и в эти годы появлялись научные работы таких авторов, как архиепископ Михаил (Чуб), игумен Марк

(Лозинский), протоиереи Петр Гнедич, Ливерий Воронов и др.

Новый этап в развитии духовного просвещения и науки начался лишь в конце 1980-х гг. Необходимость в новых духовных школах назрела давно. В 1989 г. были открыты Киевская, Минская (в Жировицком монастыре) и Тобольская семинарии, училища в Смоленске, Ставрополе, Новосибирске, Кишиневе и Чернигове.

На новый уровень вышли старые духовные академии – Московская, ректорам и которой в постсоветский период были архиепископы Александр (Тимофеев) (до 1992 г.), Филарет (Карагодин) (1992–1995) и Евгений (Решетников), и Санкт-Петербургская, которые возглавлялись протоиереями и Владимиром Сорокиным (1987–1992) и Василием Стойковым (1992–1996), а затем архиепископам и Константином (Горяновым) (1996–2008) и Амвросием (Ермаковым) (с 2008 г.). В дальнейшие годы семинарии стали открываться по всей стране. Появились и высшие богословские учебные заведения. В 1992 г. начала свою работу Киевская духовная академия, ректорами которой были Александр Кубелиус (1992), протоиерей Николай Забуга (1994–2007), а затем епископ Антоний (Паканич). В феврале 1996 г. Священный Синод Белорусской Церкви благословил открытие Белорусской духовной академии, ректором которой до 2008 г. являлся епископ Леонид (Филь). В 1997 г. была открыта Кишиневская духовная академия, которую возглавил митрополит Владимир (Канторян).

Стали появляться и учебные заведения нового типа. В конце 1980-х гг. духовные чада протоиерея Всеволода Шпиллера организовали в Москве духовно-просветительские и миссионерские лектории. В 1990 г. группа священников: Владимир Воробьев, Глеб Каледа, Сергей Романов, Аркадий Шатов (ныне епископ Пантелеймон) – начали работу по организации богословско-пастырских курсов. Ректором курсов стал протоиерей Глеб Каледа, которого в 1991 г. сменил протоиерей Владимир Воробьев. Большое количество учащихся (до 300 человек) поставило вопрос о преобразовании курсов в Православный богословский институт. В марте 1992 г. институт был официально зарегистрирован, а осенью того же года ему было присвоено имя святителя Тихона, Патриарха Московского. Ректором института стал протоиерей Владимир Воробьев. В мае 1993 г. институт получил лицензию на право ведения образовательной деятельности в области высшего профессионального образования. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. институт получил государственную аккредитацию по ряду специальностей – религиоведение, педагогика, теология, история, филология, искусствоведение, живопись и др. В мае

2004 г. приказом Министерства образования России институт получил новый государственный статус, став университетом. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет стал первым в истории постсоветской России высшим учебным заведением, предоставляющим возможность получить духовное образование не только будущим клирикам, но и тем, кто остается мирянами.

Еще одним учебным заведением подобного типа стал Российский православный университет имени апостола Иоанна Богослова (ныне Московский православный институт святого Иоанна Богослова), основанный в 1992 г. игуменом Иоанном (Экономцевым). В октябре 1993 г. в Волгограде был открыт Царицынский православный университет преподобного Сергия Радонежского (ныне духовный центр подготовки церковных специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной работы). В 1995 г. стал действовать Православный богословский институт в Новосибирске. В 2003 г. институт был утвержден учебным комитетом в числе духовных учебных заведений Русской Церкви, в 2004 г. институту было присвоено имя святителя Макария (Невского). В 1999 г. был открыт Черновицкий православный богословский институт.

Имели место и неудачные проекты. Например, Ужгородская украинская богословская академия, начавшая свою деятельность в 2002 г., в 2014 г. была ликвидирована по причине несоответствия учебных программ требованиям Концепции высшего духовного образования Украинской Церкви и за нарушение устава УПЦ.

В 2008 г. помимо высших учебных заведений в Русской Церкви было 38 семинарий и 39 духовных училищ.

§ 2. Духовное просвещение и богословие в эмиграции

Преемство от дореволюционной церковной научной школы в годы гонений сохранялось во многом благодаря русской эмиграции. Получить духовное образование русский беженец мог на богословских факультетах европейских университетов. Помимо местных научных кадров здесь трудились историки и богословы, покинувшие отечество или изгнанные из него. Символом изгнания русской богословской науки стал так называемый «философский пароход». На самом деле кораблей было два «Oberbürgermeister Haken» и «Preussen». В сентябре и ноябре 1922 г. из Петрограда в Европу на них было отправлено более 160 русских философов и богословов. Людей выгоняли из страны почти без багажа и ценностей. В те годы из страны были высланы И.А.Ильин, Л.П.Карсавин, М.А.Осоргин, С.Л.Франк, Н.А.Бердяев, Б.П.Вышеславцев, П.А.Сорокин, А.А.Кизеветтер, Н.О.Лосский, С.Е.Трубецкой и многие другие.

Ученые обосновывались в различных научных центрах. На богословском факультете Софийского университета трудились, например, такие замечательные ученые, как Н.Н.Глубоковский, М.Э.Поснов, а также протопресвитер Георгий Шавельский. Богословский факультет Белградского университета предоставил места профессору-протоиерею Феодору Титову, С.В.Троицкому, А.П.Доброклонскому. Среди студентов Богословского факультета были будущие богословы и архипастыри – святитель Иоанн (Максимович), епископ Василий (Родзянко), Н.М.Зёрнов. Богословский факультет Варшавского университета приютил других замечательных ученых – М.В.Зызыкина и Н.С.Арсеньева.

Однако эмиграция ощущала необходимость в создании своих школ и таковые не замедлили явиться. Наиболее известной духовной школой русской эмиграции стал Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. Идея об открытии учебного заведения зародилась в 1923 г., когда руководитель YMCA Д.Мотт и будущий директор издательства YMCA-Press П.Андерсон обсудили этот вопрос с русскими богословами в Чехословакии. После нескольких совещаний в 1924 г. было решено основать институт, а Д.Мотт сразу же пожертвовал на его основание 5 тыс. долларов. Необходимость создания института осознавал и митрополит Евлогий (Георгиевский), начавший поиски помещения в Париже. 1 марта 1925 г. в приобретенном им особняке был освящен храм в честь преподобного Сергия Радонежского, а само подворье стало именоваться Сергиевским.

Датой открытия Свято-Сергиевского института считается 30 апреля 1925 г. Хотя учебный год начался осенью 1925 г., уже весной было набрано десять студентов для прохождения подготовительного курса. Положительно отнесся к открытию института глава РПЦЗ митрополит Антоний, в 1925 г. прочитавший в институте лекцию. С призывом жертвовать на институт обратился к эмиграции и главный печатный орган Архиерейского Синода – «Церковные ведомости». Однако главным благотворителем института стала УМСА.

В институте трудились лучшие представители богословской и исторической науки русской эмиграции. Историю преподавал А.В.Карташев, патрологию – Георгий Флоровский (впоследствии протоиерей), философию – В.В.Зеньковский (впоследствии протоиерей), Новый Завет – С.С.Безобразов (впоследствии епископ Кассиан), пастырское богословие – архимандрит Киприан (Керн), догматическое богословие – протоиерей Сергий Булгаков, агиологию – Г.П.Федотов, нравственное богословие – Б.П.Выщеславцев, каноническое право – Николай Афанасьев (впоследствии протопресвитер) и т.д. Инспектором института первое время был епископ Вениамин (Федченков), организовавший внутренний распорядок учебного заведения по монашескому образцу. Студенты носили подрясники, были обязаны ежедневно посещать богослужение. Впоследствии инспектором института стал протоиерей Сергий Булгаков. Свой след в богословской науке оставили и многие выпускники Свято-Сергиевского института – С.С.Верховский, П.Т.Лютов, будущий протопресвитер Алексий Князев. В послевоенные годы из известных богословов в Свято-Сергиевском институте преподавали будущие протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф.

К сожалению, отношения между руководством РПЦЗ и Свято-Сергиевским институтом не сложились. Одной из причин конфликта было то, что митрополит Евлогий отказался предоставить на утверждение в Сремские Карловцы программы института. Не нравилось руководству Зарубежной Церкви и влияние на институт благотворительных организаций, прежде всего УМСА.

Другим учебным заведением для подготовки пастырей стало пастырско-богословское училище, основанное епископом Дамианом (Говоровым) в монастыре святых Кирика и Иулитты в Болгарии. Училище действовало в 1922–1936 г. и прекратило свое существование после смерти архиепископа Дамиана.

В Париже действовали также учебные заведения Московской

Патриархии. Это были пастырские курсы при экзархате Московского Патриархата, на которых преподавал один из выдающихся богословов XX в. В.Н.Лосский, а также основанный в середине 1940-х гг. иереем Евграфом Ковалевским Свято-Дионисиевский институт, одной из целей которого была миссия среди католиков. Правда, этот институт, несмотря на замечательные преподавательские кадры (В.Н.Лосский, Л.А.Успенский и др.), не стал популярным и, существуя более формально, чем фактически, вместе с иереем Е.Ковалевским ушел из Московского Патриархата в Константинопольский Патриархат, затем в РПЦЗ, а затем в неканоничную «Французскую Церковь».

Высшее учебное заведение появилось и в Харбине, половину населения которого составляли русские. В 1920-е гг. здесь начали работу пастырско-богословские курсы, основанные протоиереем Николаем Вознесенским (впоследствии епископом Димитрием), а также семинария. В 1933 г. в Харбине был объявлен набор в Свято-Владимирский институт, среди факультетов которого был и богословский. Ректором института стал профессор М.П.Головачев, деканом богословского факультета – архимандрит (впоследствии епископ) Василий (Павловский). Позднее ректором института стал архиепископ Мелетий (Заборовский). Среди преподавателей богословского факультета были профессора И.А.Тимбо, Е.Н.Сумароков, П.К.Смирнов. Институт занимался научной и миссионерской деятельностью. Осуществлялись переводы богослужебных текстов на китайский язык, издавались книги, газеты и журналы. В 1937 г. институт был закрыт японскими властями и вместо него был создан Северо-Маньчжурский университет. С 1940 г. богословский факультет стал существовать как независимый институт святого Владимира. С 1 января 1938 г. в Харбине начала действовать духовная семинария. Правда, студентов в ней было немного, и она дала институту святого Владимира всего 18 выпускников. К 1944 г. студентов в институте было около ста. Учебное заведение просуществовало до 1945 г., когда было закрыто вместе с семинарией. Харбинский Свято-Владимирский богословский институт сыграл большую роль не только в жизни эмиграции, но и в жизни России – после войны некоторые пастыри, окончившие этот институт и имевшие ученые степени, переехали на родину.

Духовные учебные заведения были нужны и в Америке. С дореволюционных времен в штате Нью-Джерси действовала семинария, преобразованная святителем Тихоном (Беллавиным) из миссионерской школы. Однако тяжелое финансовое положение Североамериканской епархии привело к тому, что семинария в 1923 г. была закрыта. Только

спустя 15 лет, когда необходимость в образованных духовных кадрах стала ощущаться особенно остро, в октябре 1938 г. была открыта Свято-Владимирская семинария. Первым ректором семинарии стал епископ Бруклинский Макарий (Ильинский). Занятия первоначально проходили в приходском доме церкви Христа Спасителя в Нью-Йорке. В трудные годы Второй мировой войны семинарии помогло выжить соглашение с Колумбийским колледжем и Епископальной Церковью, предоставившей семинарии помещения для аудиторий и общежития.

В послевоенные годы серьезно улучшился кадровый состав преподавателей Свято-Владимирской семинарии – из Европы переехали замечательные ученые, некоторые из них ранее преподавали в Свято-Сергиевском институте. Это были Г.П.Федотов, Е.В.Спекторский, Н.В.Лосский. Наличие серьезных исследователей помогло преобразовать семинарию в высшее богословское учебное заведение. Уровень семинарии серьезно подняли ее ректоры – протоиерей Георгий Флоровский (1949–1955), протопресвитер Александр Шмеман (1962–1983), протопресвитер Иоанн Мейендорф (1984–1992), протоиерей Фома Хопко (1992–2002).

В 1938 г. архимандритом Арсением (Чаговцом) была основана пастырская школа при Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании. В 1942 г. она была преобразована в семинарию.

После разделения между Североамериканской митрополией и Русской Зарубежной Церковью в 1946 г. последняя почувствовала необходимость в создании своей пастырской школы.

В 1948 г. Архиерейский Синод создал школу для монахов при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, которая через год получила статус семинарии. Ее ректором стал архиепископ Виталий (Максименко). Впоследствии ректорами этого учебного заведения были епископ Аверкий (Таушев) (1952–1976) и епископ, затем митрополит Лавр (Шкурла) (1976–2008). В семинарии преподавали протопресвитер Михаил Помазанский, иеромонах Константин (Зайцев), Н.Д.Тальберг, И.А.Андреевский.

§ 3. Богословские споры в русской эмиграции

Учение митрополита Антония (Храповицкого) об искуплении

После 1917 г. богословская полемика разворачивалась в основном в эмиграции. Наиболее известными стали споры вокруг теории искупления, выдвинутой митрополитом Антонием (Храповицким), и учения протоиерея Сергия Булгакова о Софии.

Свое учение об искуплении митрополит Антоний (Храповицкий) разрабатывал еще до революции. Будучи противником западной схоластики, архипастырь критиковал и господствующую в Римско-Католической Церкви юридическую теорию искупления. Согласно этой теории, приемлемой и в православном богословии, человек не мог своими силами удовлетворить Божественное правосудие, поскольку нанесенное Адамом оскорбление бесконечному Богу имеет бесконечный характер. А потому искупить вину Адама мог только Богочеловек.

Митрополит Антоний считал, что юридический подход к подвигу Христа недопустим. В книгах «Опыт Христианского Православного Катихизиса» (1924) и «Догмат Искупления» (1926) митрополит изложил понимание искупления. Иерарх, известный своими трудами по пастырскому богословию и обогативший его понятием «сострадательная любовь» в отношении пастыря к пасомому, перенес свои идеи и в догматику. По мнению митрополита, искупление состояло в восстановлении связи между Богом и человеком через сострадательную любовь Христа к человечеству. Самое сильное духовное страдание, по мнению архипастыря, Господь испытал в Гефсимании, и даже Голгофа не столь страшила Его. Поэтому «душевные муки Христа о человеческой греховности явились нашим искуплением», а крестная смерть Христа была нужна «прежде всего для того, чтобы верующие оценили силу Его душевных страданий как несравненно сильнейших, нежели телесные муки Его». Таким образом, не отрицая крестных искупительных мук, митрополит Антоний делал акцент именно на гефсиманском борении. Само искупление, по мнению митрополита, состояло не в избавлении человека от Адамовых клятв, а от клятв Второзакония, причем искупление это понималось иерархом как «соучастие страждущего Христа». Отсюда было недалеко и до того, чтобы признать спасительный подвиг Христа всего лишь примером, хотя сам митрополит такого вывода постарался избежать.

Учение митрополита Антония нашло своих сторонников, среди

которых были митрополит Евлогий (Георгиевский), епископ Гавриил (Чепур) и др. Катехизис митрополита Антония в 1926 г. было предложено ввести в учебные программы РПЦЗ вместо катехизиса святителя Филарета Московского. Вне всякого сомнения, внесение сочинения митрополита Антония в разряд символических книг впоследствии создало бы православному богословию серьезные проблемы. Первыми возвысили свой голос против нового учения архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Серафим (Соболев). Не желавший конфликта глава РПЦЗ в апреле 1926 г. сам попросил отменить решение о замене филаретовского катехизиса.

В ходе обсуждения нового учения Архиерейский Собор 1926 г. отметил, что митрополит Антоний не настаивает на своей правоте. Из этого следовало, что учение об искуплении может быть предметом богословских споров, а не соборного осуждения. Епископа Серафима (Соболева) такое постановление удовлетворило, в то время как архиепископ Феофан настаивал на более строгом решении. Не встретив поддержки, архиепископ переехал во Францию, где жил в уединении до своей смерти в 1940 г.

Наиболее известный труд против учения митрополита Антония – «Искажение православной истины в русской богословской мысли» – принадлежит архиепископу Серафиму (Соболеву). Книга была издана в Софии в 1943 г. Среди противников теории искупления были также святитель Иоанн (Максимович), написавший работу «О чем молился Христос в Гефсиманском саду», митрополит Анастасий (Грибановский), протопресвитер Михаил Помазанский, протоиерей Георгий Флоровский и др.

Учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии

Другое учение, всколыхнувшее богословскую науку в эмиграции, принадлежало профессору Свято-Сергиевского богословского института протоиерею Сергию Булгакову и вошло в историю под названием «софианства».

Вслед за некоторыми философами протоиерей С.Булгаков увлекся идеей об упоминающейся в Писании Софии (Притч. 1:20–33) как о мировой душе. По мнению протоиерея, София является неким посредником между Богом и творением и допускается в замкнутый мир Святой Троицы. Не будучи Богом, София является «четвертой ипостасью» и по своим свойствам фактически не отличается от Бога. Она является Образом Бога, именем Бога, идеей Бога, «Небесной Афродитой», «дочерью Бога», «невестой Сына», «женой Агнца», а также «Вечной Женственностью», необходимой для творения мира, которое для протоиерея Сергия представлялось неким «зачатием».

Наиболее ревностными противниками нового учения вновь стали архиепископ Феофан и епископ Серафим. Перу последнего принадлежат такие книги, как «Новое учение о Софии Премудрости Божией», «Защита Софианской ереси протоиереем Сергием Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви», «Протоиерей Сергий Булгаков как толкователь Священного Писания».

В своих работах архиепископ Серафим действовал прямолинейно, доказывая прежде всего, что ни один из святых отцов и толкователей Писания не учил о Софии так, как это делал протоиерей С.Булгаков. Архипастырь вслед за отцами Церкви настаивал, что София – Второе Лицо Святой Троицы, в то время как попытки протоиерея С.Булгакова представить ее некой иной личностью навеяны гностицизмом. Святитель Серафим уделил внимание и другим заблуждениям протоиерея Сергия, – например, имяславским идеям, которые архипастырь прямо именовал имябожнической ересью. «Протоиерею Сергию потребуется двадцать лет для изучения святых отцов, чтобы опровергнуть архиепископа Серафима», – сказал в одной из лекций Н.Н.Глубоковский.

Святитель Серафим был не одинок в критике нового учения. Против «софианства» выступали также святитель Иоанн (Максимович), протоиерей Георгий Флоровский, протоиерей Сергий Четвериков, В.Н.Лосский, С.В.Троицкий, Н.С.Арсеньев, М. В. Зызыкин.

31 марта 1927 г. Архиерейский Синод РПЦЗ издал послание против

«модернистского духа» Свято-Сергиевского института, осудив и учение протоиерея С.Булгакова. Однако богословское обсуждение этого учения было невозможно по причине разрыва между Русской Зарубежной Церковью и митрополитом Евлогием. В Западноевропейском экзархате господствовал взгляд, что учение протоиерея С.Булгакова является допустимым богословским мнением.

О проблеме «софианства» стало известно и в Москве. По поручению митрополита Сергия (Страгородского) разбор мнений парижского протоиерея был сделан В.Н.Лосским в сочинении «Спор о Софии». 24 августа 1935 г. Московская Патриархия признала учение протоиерея С.Булгакова чуждым Церкви, искажающим догматы православной веры и опасным для духовной жизни.

Архиерейский Собор РПЦЗ в 1935 г. создал комиссию для обсуждения мнений протоиерея Сергия Булгакова. 30 октября 1935 г. Собор принял решение признать «софианство» еретическим учением. В 1936 г. Архиерейский Собор вновь признал это учение ересью, хотя самого протоиерея Сергия осуждение не коснулось.

Земной путь протоиерея Сергия Булгакова завершился 13 июля 1944 г. Его учение до сих пор является предметом научных исследований, хотя определения Русской Церкви о богословской составляющей софианства по-прежнему напоминают, что к идеям этого философа следует относиться с осторожностью.

Библиография

Источники

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Губонин. М., 1994.

Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 г. М., 2010. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922–1925 гг. М.; Новосибирск., 1997. Кн. 1–2.

Баслык Е., свящ. Записки священника Евстафия. Минск, 2005.

В Псково-Печерском монастыре: Воспоминания насельников. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2008.

Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. Митрополит Николай (Ярушевич). Митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. М., 2007.

«Дело» митрополита Вениамина. М., 1991.

Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей с участием представителей клира и мирян,

состоявшегося 1/14 –11/24 августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939.

Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. Сремски Карловци, 1922.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей. 1921 – 2007 / Сост. Д. П. Анашкин. М., 2012.

Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002.

Кифа. Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012.

Л. Н. Парийский о церковной ситуации в Америке в середине 1940-х гг. / Вступ. статья, публ. и примеч. А. А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2012. № 6 (49).

Лихачев Д. Мысли о жизни. СПб. 2014.

Митрополит Никодим и всеправославное единство. СПб., 2008. *Митрофан (Зноско-Боровский), еп.* Хроника одной жизни. М., 2006. «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002.

Петр Барановский. Труды, воспоминания современников/ Сост. А. Бычков, О. П. Барановская, В. А. Десятников, А. М. Пономарев. М., 1996.

«Поразила нас всех, как громом, отставка митрополита Николая»: Крах одной церковной карьеры. 1960 / Публ. Т. А. Чумаченко // Исторический архив. 2008. № 1.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. 1–2.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство: 1917– 1941. М., 1996.

Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима. СПб. 2007.

Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

Сношения с митрополитом Сергием // Православная Русь. 1940. № 20. Современники о Патриархе Тихоне/ Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. Т. 1–2. М., 2007.

Судебный процесс против Саратовского духовенства в 1918–1919 гг.

Документальная публ. А. И. Мраморнова. М., 2013.

Столп огненный. Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский Филарет (Вознесенский) и Русская Зарубежная Церковь (1964–1985) / Сост. и коммент. мон. Кассии (Т. А. Сениной). СПб., 2007.

Урусова Н. Материнский плач Святой Руси. М., 2015.

Фудель С. Собрание сочинений: в трех томах. М., 2001–2005.

Церковные расколы в Донской области в 1920–1930-е гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Л. В. Табунщикова, А. В. Шадрина. Ростов н/Д., 2015.

Шавельский Г., протопр. В школе и на службе. М.; Брюссель, 2016.

Литература

Алексеев В. Религиозный подъем в СССР и последние мероприятия Советского правительства // Церковная жизнь. 1955. № 1–6.

Алексеев В. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории России в 1941–1944 гг. // Церковная жизнь. 1956. № 7–10, 1957. № 1–3.

Алексеев В. Смерть Экзарха Сергия Воскресенского и выборы Московского Патриарха в свете немецких секретных документов // Церковная жизнь. 1958. № 7–12.

Анопочкин Д. Старец схиархимандрит Власий // Троицкое наследие. 2010. № 3 (29).

Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001.

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М., 2008.

Бирюкова Ю., Овчинников П., свящ. Подвиг священномученика Захарии (Лобова), епископа Аксайского, архиепископа Воронежского и За донского (1865–1937). Ростов н/Д., 2014.

Болотов С. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.

Бочков П., свящ. Выбор веры: Церковь или идеология: Классификация церковных расколов постсоветского периода. Киев, 2011.

Бочков П., свящ. Обзор неканонических православных юрисдикций XX–XXI вв. Т. 3: Идеино-национальные расколы. Киев, 2015.

Васильева О. Дело архиепископа Варфоломея, или «Человек-загадка» против Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 2000. № 4.

Васильева О. Русская Православная Церковь и советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8.

Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А. В. Журавский. М.,

2004.

Головкова Л. Где ты? М., 2013.

Голод // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1930.

Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 1 – 7. Тверь, 1992–2002

Иванов С. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2011. № 3 (40).

Иванов С. Финансы и политика в реализации изъятых церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2015. № 5 (66).

Иванов С. Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2015. № 6 (67).

Корнилов А. Духовенство, перемещенных лиц. Биографический словарь.

Нижний Новгород, 2002.

Косик В. Хорватская Православная Церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945). Взгляд из XXI века. М., 2012.

Косик О. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи информации о положении Церкви в СССР. М., 2011.

Косик О. Интервью митрополита Сергия (Страгородского) 15 февраля 1930 г. в восприятии современников // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского Института: Материалы 2003 г. М., 2003.

Кострюков А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31).

Кострюков А. Епископ Нолинский Александр (Малинин): забытый исповедник // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2014. № 2 (57).

Кострюков А. Пламень огненный: Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева). М., 2015.

Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007.

Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011.

Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М., 2015.

Кривошеева Н. К вопросу о времени восстановления в правах митрополита Арсения (Мацеевича) и бывшего священника Григория Петрова // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы 2005 г. Т. 1. М., 2005.

Кузнечевский В. Сталинская коллективизация: Ошибка ценою в миллионы жизней. М., 2015.

Курляндский И. Сталин, власть, религия. М., 2011.

Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.

Мазырин А., иерей. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2007. № 2 (23); 3 (24); 4 (25).

Мазырин А., свящ. Вопрос о Патриаршем Синоде в «межсинодский» период 1925–1927 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2010. № 2 (35).

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006.

Мазырин А., диак. К истории высшего управления Русской Православной Церкви в 1935–1937 гг. //X V I Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы 2006 г. Т. 1. М., 2006.

Мазырин А., свящ. Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа. Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012.

Мазырин А., свящ. 1927 год в истории Русской Православной Церкви / Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 г. М., 2010.

Марченко А. «Хрущевская церковная реформа». Пермь, 2007.
Митрофанов Г., свящ. Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.

Мозохин О. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011.

Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония,

митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–10. Нью-Йорк, 1956–1963.

Обозный К. История Псковской православной миссии 1941–1944. М., 2006.

Объятия отча...: Очерки по истории Почаевской лавры / Сост. свящ. В. Зелинский. Свято-Успенская Почаевская лавра, 2000.

Петров С. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: источниковедческое изучение «покаянных» документов // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933). Мюнхен, 2002.

Петрушко В. О попытках создания Киевского Патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX веке. М., 2008.

Поляков А. Викторианское течение в Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений. Киров, 2015.

Поповский М. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. СПб., 2003.

Реброва М. Церковная жизнь на территории Донецкой области в 1944–1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2017. № 3.

Рокуччи А. Сталин и Патриарх: Православная Церковь и советская власть 1917–1958. М., 2016.

Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4.

Свешников В., прот. Психология «неосергианства», ее истоки и последствия // Православная беседа. 1996. № 2.

Святитель Иоанн (Максимович) и Русская Зарубежная Церковь. Нью-Йорк; Джорданвилль, 1996.

Слесарев А. В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009.

Сомин Н. К вопросу о числе репрессированных за православную веру в России в XX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История Русской Православной Церкви. 2015. № 3 (64). С. 101–106.

Страсти по мощам: Из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 2008.

Таких рождает вера наша: Избранные жития новых мучеников и исповедников Российских. М., 2013.

Тальберг Н. К сорокалетию пагубного евлогинского раскола. Нью-Йорк; Джорданвилль, 1966.

Троицкий С. Размежевание или раскол. Paris, 1932.

Фирсов С. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений

на Православную Церковь. СПб., 2004.

Фирсов С. Время в судьбе. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). СПб., 2005.

Царь Иван Васильевич: Грозный или святой? Аргументы Церкви против канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. М., 2003.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997 / / История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997.

Шахнович М. В. И. Ленин и проблемы атеизма. М., 1961.

Шевченко Т. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012.

Шкаровский М. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002.

Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.

М., 2005.

Шумило С. От Афона до застенков НКВД: крестный путь архиепископа Дамаскина (Малюты, 1883–1946) / / Вестник ПСТГУ. Сер. 11: История Русской Православной Церкви. 2017. № 75.

Ювеналий, митр. Человек Церкви. М., 1998.

Якунин В. Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура ее управления в 1941–1945 годах / / Российская история. 2003, № 4.

Примечания

¹ - Даты, начиная с февраля 1918 г., а также дни памяти святых приводятся по новому стилю

Содержание

Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) А.А. Кострюков	1
Глава 1. Церковь при Временном правительстве	2
Глава 2. Московский Собор 1917–1918 гг.	9
§ 1. Первая сессия Собора. Восстановление патриаршества	10
§ 2. Вторая и третья сессии Собора	17
Глава 3. Российская Церковь в 1917–1921 гг.	20
§1. Церковь и коммунистическое государство. 1917 –1921 гг.	21
§ 2. Церковная ситуация на Украине	35
§ 3. Церковная жизнь на территориях, занятых белыми армиями	38
Глава 4. Российская Церковь в 1921–1925 гг.	43
§ 1. Кампания по изъятию церковных ценностей	44
§ 2. Начало обновленческого раскола	51
§ 3. Церковное управление в 1923 –1925 гг.	58
Глава 5. Российская Церковь при патриаршем местоблюстителе митрополите Петре	65
Глава 6. Первое заместительство митрополита Сергия (Страгородского)	72
§ 1. Начало григорианского раскола	73
§ 2. Оппозиция митрополита Агафангела 1926 г.	77
§ 3. Попытки митрополита Сергия нормализовать церковную жизнь	79
§ 4. Российская Церковь в период временного заместительства митрополита Иосифа (Петровых) архиепископа Серафима (Самойловича)	82
Глава 7. Новый курс митрополита Сергия (Страгородского) и реакция на него Российской Церкви	84
§1. Деятельность митрополита Сергия первые месяцы после освобождения	85
§2. Оппозиция курсу митрополита Сергия	88
Отношение к «Декларации» митрополита Петра (Полянского)	92

Оппозиция митрополита Иосифа (Петровых)	94
Ярославская оппозиция	97
Оппозиция митрополита Кирилла (Смирнова)	99
Глава 8. Российская Церковь в годы второго заместительства митрополита Сергия	103
§1. Причины и законодательная база новых гонений на Церковь	104
§ 2. Положение духовенства и мирян в 1927 –1935 гг.	107
§3. Деятельность митрополита Сергия 1928 –1935 гг.	115
§ 4. Православное просвещение церковное сопротивление	121
Глава 9. Российская Церковь в 1936 –1939 гг. Большой террор и предвоенные годы	128
Глава 10. Положение Православной Церкви на территориях, отошедших от Российской империи	140
§ 1. Церковная жизнь в Финляндии	141
§ 2. Церковная жизнь в Польше в 1920–1939 гг. и в Польском генерал-губернаторстве в 1939–1941 гг.	144
Автокефалия Польской Церкви церковно-государственные отношения в Польше и Польском генерал-губернаторстве	145
Преследования православного населения в Польше	149
§ 3. Церковная жизнь в Эстонии	152
§ 4. Церковная жизнь в Латвии	154
§ 5. Церковная жизнь в Литве	156
§ 6. Церковная жизнь в Молдавии	158
Глава 11. Русская Церковь в годы Второй мировой войны	160
§ 1. Русская Церковь в 1939 –1941 гг.	161
§ 2. Церковная жизнь на территориях, оккупированных Германией	167
§ 3. Московский Патриархат в 1941 –1945 гг.	175
Русская Церковь в 1941–1943 гг.	176
Церковная жизнь при патриархе Сергии	182
Церковная жизнь в 1944–1945 гг.	188
Глава 12. Русская Церковь в последние годы сталинского правления и в период государственного междувластия (1945–1958 гг.)	192

между властями (1970–1980 гг.)	
§ 1. Русская Церковь в 1945–1948 гг.	193
§ 2. Московское совещание глав представителей Православных Церквей	204
§ 3. Русская Церковь в 1948–1953 гг.	208
§ 4. Русская Церковь в 1953–1958 гг.	212
Глава 13. Русская Церковь в годы хрущевских гонений (1958–1964 гг.)	215
§ 1. Церковная политика советской администрации 1958–1964 гг.	216
§ 2. Советские методы борьбы с Церковью и церковное сопротивление	220
§ 3. Церковь против атеистической пропаганды	230
§ 4. Внешние контакты Русской Церкви	233
§ 5. Святость и духовническое служение	234
Глава 14. Русская Церковь в 1964–1985 гг.	236
§1. Православная Церковь и политика коммунистического руководства	237
§ 2. Церковная жизнь	240
§ 3. Святость и пастырское служение	247
§ 4. Церковное сопротивление воинствующему атеизму	249
Глава 15. Русская Церковь в последние годы коммунистического режима	254
§ 1. Церковно-государственные отношения в 1985–1991 гг.	255
§2. Церковная жизнь	259
§ 3. Расколы и разделения	263
Униатская проблема	264
Расколы	265
Глава 16. Русская Церковь в 1992–2008 гг.	268
§ 1. Церковно-государственные отношения	269
§ 2. Проблемы церковной жизни	271
§ 3. Экуменические контакты	279
§ 4. Расколы и разделения	282
Украинские расколы	283
Расколы в Эстонии и Молдавии	286
«Свободная церковь»	287
§ 5. Канонизация святых	291

§ 6. Святость и подвижничество	294
Глава 17. Русская Церковь в эмиграции	297
§ 1. Русская Зарубежная Церковь в 1920 –1926 гг.	298
§ 2. Структуры русской церковной эмиграции в 1927–1936 гг.	304
Русская Зарубежная Церковь	305
Западноевропейский экзархат приходов русской традиции	311
Североамериканская митрополия	314
§3. Русская церковная эмиграция 1936–1949 гг.	316
Русская Зарубежная Церковь	317
Западноевропейский экзархат	324
§ 4. Русская церковная эмиграция в 1950–1986 гг.	327
Русская Зарубежная Церковь	328
Североамериканская митрополия	333
Западноевропейский экзархат приходов русской традиции	334
§ 5. Русская церковная эмиграция 1986–2008 г.	336
Русская Зарубежная Церковь	337
Западноевропейский экзархат	341
Глава 18. Духовное просвещение и богословие в 1917–2008 гг.	342
§ 1. Проблемы духовного образования на родине	343
§ 2. Духовное просвещение и богословие в эмиграции	350
§ 3. Богословские споры в русской эмиграции	354
Учение митрополита Антония (Храповицкого) об искуплении	355
Учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии	357
Примечания	365